АДЪ

ДАНТА АЛИГІЕРИ.

DANTE.

АДЪ

ДАНТА АЛИГІЕРИ.

Съ приложеніемъ комментарія, матеріаловъ пояснительныхъ, портрета и двухъ рисунковъ.

ПЕРЕВЕЛЪ

съ итальянскаго размѣромъ подлинника

ДМИТРІЙ МИНЪ.

МОСКВА.
1855.

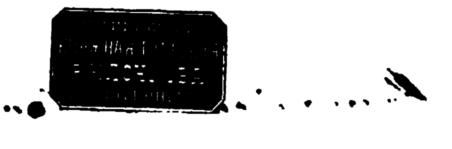
Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Февраля 25-го дня, 1855 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

Изданіе М. П. Погодина.

Въ Университетской Типографіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я впервые рѣшился испытать свои силы въ переводѣ *Divina Commedia* Данта Алигіери. Вначалѣ я не имѣлъ намѣренія переводить ее вполнѣ; но только въ видѣ опыта перелагалъ на русскій языкъ тѣ мѣста, которыя, при чтеніи безсмертной поэмы, наиболѣе поражали меня своимъ величіемъ. Мало-по-малу, однако жъ, по мѣрѣ изученія *Divina Commedia*, и чувствуя, что былъ въ силахъ преодолѣть, по крайней мѣрѣ отчасти, одну изъ важнѣйшихъ преградъ въ трудномъ дѣлѣ — размѣръ подлинника, я успѣлъ въ теченіи двухъ лѣтъ окончить переводъ первой части Дантовой Поэмы — Ада. Болѣе нежели кто-нибудь сознавая всю слабость моего труда, я долго скрывалъ его подъ спудомъ, пока наконецъ ободрительныя сужденія друзей моихъ, которымъ читалъ я отрывки изъ своего перевода, а еще болѣе необыкновенно-лестный отзывъ г. профессора С. П. Шевырева заставили меня въ 1844 г. въ первый разъ предстать на судъ публики съ V пѣснію Ада, помѣщенною въ томъ же году въ Москвитянинѣ. Послѣ того я напечаталъ еще отрывокъ въ Современникѣ, издававшемся г. Плетневымъ, и наконецъ, въ 1849 году, XXI и XXII пѣсни въ Москвитянинѣ.

Убѣдившись, что трудъ мой не совсѣмъ ничтоженъ, и если не имѣетъ въ себѣ никакихъ особенныхъ достоинствъ, то по крайней мѣрѣ довольно близокъ къ подлиннику, я теперь рѣшаюсь вполнѣ представить его на судъ любителей и знатоковъ такаго колоссальнаго творенія, какова *Divina Commedia* Данта Алигіери.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи моего перевода.

Такой поэтъ, какъ Данте, отразившій въ своемъ созданіи, какъ въ зеркалѣ, всѣ идеи и вѣрованія своего времени, исполненный столькихъ отношеній ко всѣмъ отраслямъ тогдашняго знанія, не можетъ быть понятенъ безъ объясненія множества намековъ, въ его поэмѣ встрѣчающихся: намековъ историческихъ, богословскихъ, философскихъ, астрономическихъ и т. д. Потому всѣ лучшія изданія Дантовой Поэмы, даже въ Италіи, и особенно въ Германіи, гдѣ изученіе Данта сдѣлалось почти всеобщимъ, всегда сопровождаются комментаріемъ болѣе или менѣе многостороннимъ. Но составленіе комментарія дѣло чрезвычайно трудное: кромѣ глубокаго изученія самого поэта, его языка, его воззрѣній на міръ и человѣчество, оно требуетъ основательнаго знанія исторіи вѣка, этого въ высшей степени замѣчательнаго времени, когда возникла страшная борьба идей, борьба между духовною и свѣтскою властію. Кромѣ того, Данте есть поэтъ мистическій; основную идею его поэмы различные комментаторы и переводчики понимаютъ и объясняютъ различно.

Не имѣя столько обширныхъ свѣдѣній, не изучивъ поэта до такой глубины, я никакъ не беру на себя обязанности, передавая слабую копію съ безсмертнаго оригинала, быть въ то же время и его истолкователемъ. Я ограничусь присоединеніемъ только тѣхъ объясненій, безъ которыхъ читатель-незнатокъ не въ силахъ уразумѣть созданіе въ высшей -

степени самобытное, и, слѣдственно, не въ состояніи наслаждаться его красотами. Объясненія эти будутъ состоять большею частію въ указаніяхъ историческихъ, географическихъ и нѣкоторыхъ другихъ, касающихся до науки того времени, особенно астрономіи, физики и натуральной исторіи. Главными руководителями въ этомъ дѣлѣ мнѣ будутъ нѣмецкіе переводчики и толкователи: Карлъ Витте, Вагнеръ, Каннегиссеръ и въ особенности Копишь и Филалетесъ (принцъ Іоаннъ Саксонскій). Гдѣ нужно, я буду дѣлать цитаты изъ Библіи, сличая ихъ съ Вульгатою — источникомъ, изъ котораго Данте черпалъ такъ обильно. Что касается до мистицисма Поэмы Дантовой, я приведу по возможности кратко только тѣ объясненія, которыя наиболѣе приняты, не вдаваясь ни въ какія собственныя предположенія.

Наконецъ, большей части изданій и переводовъ Данта обыкновенно предшествуютъ жизнь поэта и исторія его времени. Какъ ни важны эти пособія для яснаго уразумѣнія дивно-таинственнаго творенія, я не могу въ настоящее время присоединить ихъ къ изданію моего перевода; впрочемъ не отказываюсь и отъ этого труда, если бы интересъ, возбужденный моимъ переводомъ, потребовалъ его отъ меня.

Вполнѣ счастливымъ почту себя, если мой переводъ, какъ ни безцвѣтенъ онъ передъ недосягаемыми красотами подлинника, хотя на столько удержитъ за собою отблескъ его величія, что въ читателѣ, не наслаждавшемся красотами *Divina Commedia* въ подлинникѣ, возбудитъ желаніе изучить ее въ оригиналѣ. Изученіе же Данта для людей, любящихъ и постигающихъ изящное и великое, доставляетъ такое же наслажденіе, какъ и чтеніе другихъ поэтовъ-геніевъ: Гомера, Эсхила, Шекспира и Гёте.

Предоставляю судить людямъ, болѣе меня свѣдущимъ, умѣлъ ли я удержать въ моемъ переводѣ хотя слабую искру

того божественнаго огня, которымъ освѣщено гигантское зданіе, — та поэма, которую такъ удачно сравнилъ Филалетесъ съ готическимъ соборомъ, фантастически-причудливымъ въ подробностяхъ, дивно-прекраснымъ, величаво-торжественнымъ въ цѣломъ. Не страшусь строгаго приговора ученой критики, утѣшая себя мыслію, что я первый рѣшился переложить размѣромъ подлинника часть безсмертнаго творенія на русскій языкъ, такъ способный къ воспроизведенію всего великаго. Но ужасаясь мысли, что дерзкимъ подвигомъ оскорбилъ тѣнь поэта, обращаюсь къ ней его же словами:

Vagliami 'l lungo studio e 'l grande amore,
Che m'han fatto cercar lo tuo volume.

Inf. Cant. I, 83 — 84.

АДЪ.

ПѢСНЬ I.

Содержаніе. Уклонившись въ глубокомъ снѣ съ прямой дороги, Данте пробуждается въ темномъ лѣсу, при слабомъ мерцаніи мѣсяца идетъ далѣе и, передъ дневнымъ разсвѣтомъ, достигаетъ подошвы холма, котораго вершина освѣщена восходящимъ солнцемъ. Отдохнувъ отъ усталости, поэтъ восходитъ на холмъ; но три чудовища — Барсъ съ пестрою шкурою, голодный Левъ и тощая Волчица, преграждаютъ ему дорогу. Послѣдняя до того устрашаетъ Данта, что онъ уже готовъ возвратиться въ лѣсъ, какъ внезапно является тѣнь Виргилія. Данте умоляетъ ее о помощи. Виргилій, въ утѣшеніе ему, предсказываетъ, что Волчица, такъ его испугавшая, скоро погибнетъ отъ Пса, и, для выведенія его изъ темнаго лѣса, предлагаетъ ему себя въ вожатые въ странствіи его черезъ Адъ и Чистилище, прибавляя, что если онъ пожелаетъ взойти потомъ на Небо, то найдетъ себѣ вожатую, стократъ его достойнѣйшую. Данте принимаетъ его предложеніе и слѣдуетъ за нимъ.

---

1. Въ срединѣ нашей жизненной дороги,
Объятый сномъ, я въ темный лѣсъ вступилъ,
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги.

---

1. По словамъ монаха Гиларія, Данте началъ писать свою поэму полатынѣ. Первые три стиха были слѣдующіе:

Ultima regna canam, fluido contermina mundo,
Spiritibus quae lata patent, quae praemia solvunt
Pro meritis cuicunque suis (data lege tonantis). —

„In dimidio dierum meorum vadam ad portas inferi." Vulgat. Biblia.

Въ срединѣ н. ж. дороги, т. е. на 35 году жизни, — возрастъ, который Данте въ своемъ Convito называетъ вершиною человѣческой жизни. По общему мнѣнію, Данте родился въ 1265: стало быть, 35 лѣтъ ему было въ 1300 г.; но, сверхъ того, изъ XXI пѣсни Ада видно, что Данте предполагаетъ начало своего странствія въ 1300, во время юбилея, объявленнаго папою Бонифаціемъ VIII, на страстной недѣлѣ въ великую пятницу, — въ годъ, когда ему сравнялось 35 лѣтъ, хотя его поэма написана гораздо позже; потому всѣ происшествія, случившіяся позже этого года, приводятся какъ предсказанія.

2. *Темный лѣсъ*, по обыкновенному толкованію почти всѣхъ комментаторовъ, означаетъ человѣческую жизнь вообще, а въ отношеніи къ поэту — его собственную жизнь въ особенности, т. е. жизнь, исполненную заблуждe-

4. Ахъ! тяжело сказать, какъ страшенъ былъ
Сей лѣсъ, столь дикій, столь густой и лютый,
Что въ мысляхъ онъ мой страхъ возобновилъ.

7. И смерть лишь малымъ горше этой смуты!
Но чтобъ сказать о благости небесъ,
Все разскажу, что видѣлъ въ тѣ минуты.

ній, обуреваемую страстями. Другіе подъ именемъ лѣса разумѣютъ политическое состояніе Флоренціи того времени, (которую Данте называетъ *trista selva*, Чист. XIV, 64), и, соединяя всѣ символы этой мистической пѣсни во едино, даютъ ей политическое значеніе. Вотъ напр. какъ графъ Пертикари (Apolog. di Dante. Vol. II, p. 2: fac. 38: 386 della Proposta) объясняетъ эту пѣснь: въ 1300 г., на 35 году жизни, Данте, избранный въ пріоры Флоренціи, скоро убѣдился среди смутъ, интригъ и неистовствъ партій, что истинный путь къ общественному благу потерянъ, и что самъ онъ находится въ *темномъ лѣсу* бѣдствій и изгнанія. Когда же онъ пытался взойдти на *холмъ*, вершину государственнаго счастія, ему представились непреодолимыя препятствія со стороны роднаго его города (*Барса съ пестрою шкурою*), гордости и честолюбія французскаго короля Филиппа Прекраснаго и брата его Карла Валуа (*Льва*), и корысти и честолюбивыхъ замысловъ папы Бонифація VIII (*Волчицы*). Тогда, предавшись своему поэтическому влеченію и возложивъ всю надежду на воинскія дарованія Кана Великаго, сеньора веронскаго (*Пса*), написалъ онъ свою поэму, гдѣ, при содѣйствіи духовнаго созерцанія (*donna gentile*), небеснаго просвѣтлѣнія (*Лучіи*) и богословія (*Беатриче*), руководимый разумомъ, мудростію человѣческою, олицетворенною въ поэзіи (*Виргиліемъ*), проходитъ онъ мѣста наказанія, очищенія и награды, наказуя такимъ образомъ пороки, утѣшая и исправляя слабости и награждая добродѣтель погруженіемъ въ созерцаніе высшаго блага. Изъ этого видно, что конечная цѣль поэмы — призвать націю порочную, раздираемую раздорами, къ единству политическому, нравственному и религіозному.

5. *Лютый*—эпитетъ не свойственный лѣсу; но какъ лѣсъ имѣетъ здѣсь значеніе мистическое и означаетъ, по однимъ, жизнь человѣческую, по другимъ — Флоренцію, волнуемую раздорами партій, то это выраженіе, думаю, не совсѣмъ покажется неумѣстнымъ.

6. Данте избѣжалъ этой жизни, исполненной страстей и заблужденій, особенно раздоровъ партій, въ которые онъ долженъ былъ вдаться какъ правитель Флоренціи; но жизнь эта была такъ ужасна, что воспоминаніе объ ней снова рождаетъ въ немъ ужасъ.

7. Въ подлинникѣ: „Такъ горекъ онъ (лѣсъ), что смерть немногимъ болѣ.“ — Вѣчно-горькій міръ (lo mondo senza fine amaro) есть адъ (Рая XVII. 112). — „Какъ вещественная смерть уничтожаетъ наше земное существованіе, такъ смерть нравственная лишаетъ насъ яснаго сознанія, свободнаго про-

10. И самъ не знаю, какъ вошелъ я въ лѣсъ:
Въ такой глубокій сонъ я погрузился
Въ тотъ мигъ, когда путь истинный исчезъ.

13. Когда жъ вблизи холма я пробудился,
Гдѣ той юдоли положенъ предѣлъ,
Въ которой ужасъ въ сердце мнѣ вселился, —

16. Я, вверхъ взглянувъ, главу холма узрѣлъ
Въ лучахъ планеты, что прямой дорогой
Ведетъ людей къ свершенью добрыхъ дѣлъ.

19. Тогда на время смолкъ мой страхъ, такъ много
Надъ моремъ сердца бушевавшій въ ночь,
Что протекла съ толикою тревогой.

явленія нашей воли, а потому нравственная смерть немного лучше самой смерти вещественной." Штрекфуссъ.

9. О тѣхъ видѣніяхъ, о которыхъ говоритъ поэтъ отъ 31 — 64 стиха.

11. *Сонъ* означаетъ, съ одной стороны, человѣческую слабость, потемнѣніе внутренняго свѣта, недостатокъ самопознанія, однимъ словомъ — усыпленіе духа; съ другой стороны — сонъ есть переходъ къ духовному міру (См. Ада III, 136).

13. *Холмъ*, по объясненію большей части комментаторовъ, означаетъ добродѣтель, по другимъ восхожденіе къ высшему благу. Въ подлинникѣ, Данте пробуждается у подошвы холма; *подошва холма* — начало спасенія, та минута, когда въ душѣ нашей возникаетъ спасительное сомнѣніе, роковая мысль, что путь, по которому мы шли до этой минуты, ложенъ.

14. *Предѣлъ юдоли*. Юдоль есть временное поприще жизни, которое мы обыкновенно называемъ юдоліею слезъ и бѣдствій. Изъ XX пѣсни Ада, ст 127 — 130, видно, что въ этой юдоли путеводнымъ свѣтомъ поэту служило мерцаніе мѣсяца. Мѣсяцъ означаетъ слабый свѣтъ человѣческой мудрости. Копишъ.

17. Планета, ведущая людей прямой дорогой, есть солнце, которое, по системѣ Птоломеевой, принадлежитъ къ планетамъ. Солнце имѣетъ здѣсь не только значеніе матеріальнаго свѣтила, но, въ противоположность мѣсяцу (философіи), есть полное, непосредственное познаніе, божественное вдохновеніе. Копишъ.

19 — 21. Даже отблескъ божественнаго познанія уже въ состояніи уменьшить въ насъ отчасти ложный страхъ земной юдоли; но вполнѣ онъ исчезаетъ только тогда, какъ мы совершенно исполнимся страхомъ Господнимъ, какъ Беатриче (Ада II, 82 — 93). Копишъ.

22. И какъ успѣвшій бурю превозмочь,
Ступивъ чуть-дышущій на брегъ изъ моря,
Съ опасныхъ волнъ очей не сводитъ прочь:

25. Такъ я, въ душѣ еще со страхомъ споря,
Взглянулъ назадъ и взоръ вперилъ туда,
Гдѣ изъ живыхъ никто не шелъ безъ горя.

28. И отдохнувъ въ пустынѣ отъ труда,
Я вновь пошелъ, и мой оплотъ опорный
Въ ногѣ, стоящей ниже, былъ всегда.

31. И вотъ, почти въ началѣ крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барсъ и легкій и проворный.

34. Чудовище не убѣгало съ глазъ;
Но до того мнѣ путь мой преграждало,
Что внизъ сбѣжать я помышлялъ не разъ.

---

26. Т. е. взглянулъ въ темный лѣсъ и эту юдоль бѣдствій, въ которой оставаться значитъ умереть нравственно.

29 — 30. При восхожденіи, нога, на которую мы опираемся, всегда стоитъ ниже. „Восходя отъ низшаго къ высшему, мы подаемся впередъ медленно, только шагъ за шагомъ, только тогда, какъ твердо и вѣрно встанемъ на низшее: восхожденіе духовное подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и тѣлесное." Штрекфуссъ.

33. Барсъ (uncia, leuncia, lynx, catus pardus Окена), по толкованію старинныхъ комментаторовъ, означаетъ сладострастіе, Левъ — гордость или властолюбіе, Волчица — корысть и скупость; другіе, особенно новѣйшіе, видятъ въ Барсѣ Флоренцію и Гвельфовъ, во Львѣ — Францію и въ особенности Карла Валуа, въ Волчицѣ — папу или римскую курію, и, согласно съ этимъ, даютъ всей первой пѣсни смыслъ чисто-политическій. По объясненію Каннегиссера, Барсъ, Левъ и Волчица означаютъ три степени чувственности, нравственной порчи людей: Барсъ есть пробуждающаяся чувственность, на что указываютъ его быстрота и проворство, пестрая шкура и неотвязчивость; Левъ есть чувственность уже пробудившаяся, преобладающая и не скрываемая, требующая удовлетворенія: потому онъ изображенъ съ величавою (въ подлинникѣ: поднятой) головою, голодный, злой до того, что воздухъ вокругъ него содрогается; наконецъ, Волчица — образъ тѣхъ, которые вполнѣ предались грѣху, почему и сказано, что она многимъ уже была отравой жизни, потому и Данта она совершенно лишаетъ спокойствія и всечастно болѣе и болѣе вгоняетъ въ юдоль нравственной смерти.

37. Ужъ день свѣталъ и солнце въ путь вступало
Съ толпою звѣздъ, какъ въ мигъ, когда оно
Вдругъ отъ любви божественной пріяло
40. Свой первый ходъ, красой озарено;
И все надеждою тогда мнѣ льстило:
Животнаго роскошное руно,
43. Часъ утренній и юное свѣтило.
Но снова страхъ мнѣ въ сердцѣ пробудилъ
Свирѣпый Левъ, представшій съ гордой силой.
46. Онъ на меня, казалось, выходилъ,
Голодный, злой, съ главою величавой,
И, мнилось, воздухъ въ трепетъ приводилъ.
49. Онъ шелъ съ Волчицей, тощей и лукавой,
Что, въ худобѣ полна желаній всѣхъ,
Для многихъ въ жизни сей была отравой.

---

37 — 40. Въ этой терцинѣ опредѣляется время странствія поэта. Оно, какъ сказано выше, началось въ великую пятницу на страстной недѣлѣ, или 25 марта: стало быть, около весенняго равноденствія. Впрочемъ, Филалетесъ, основываясь на XXI пѣсни Ада, полагаетъ, что странствіе свое Данте началъ 4 апрѣля. — *Божественная любовь*, по представленію Данта, есть причина движенія тѣлъ небесныхъ. — *Толпою звѣздъ* обозначается созвѣздіе Овна, въ которое въ это время вступаетъ солнце.

41 — 43. Поэтъ, оживленный сіяніемъ солнца и временемъ года (весною), надѣется умертвить Барса и похитить его пеструю шкуру. Если Барсъ означаетъ Флоренцію, то спокойное состояніе этого города весною 1300 г., когда партіи Бѣлыхъ и Черныхъ находились между собою въ совершенномъ, по видимому, согласіи, дѣйствительно могло родить въ поверхностномъ наблюдателѣ событій нѣкоторую надежду на продолжительность мира. Но это спокойствіе было только кажущееся.

45. Какъ символъ Франція, которая „потемняетъ весь христіанскій міръ" (Чист. XX, 44), Левъ представляетъ здѣсь насиліе, ужасающую вещественную силу.

49. Волка Писанія Данте превратилъ въ волчицу (lupa) и тѣмъ еще жестче очертилъ алчность римской куріи (если ее должно разумѣть подъ именемъ Волчицы), ибо lupa въ латинскомъ языкѣ имѣетъ еще другое значеніе. Вся поэма Данта направлена противъ римской куріи (Ада VII, 23 и слѣд., XIX, 1 — 6 и 90 — 117, XXVII, 70 и слѣд.; Чист. XVI, 100 и дал., XIX, 97 и д., XXXII, 103 — 160; Рая IX, 125 и д., XII, 88 и д., XV, 142, XVII, 50 и д., XVIII, 118 — 136, XXI, 125 — 142, XXII, 76 и д., XXVII, 19 — 126).

52. Она являла столько мнѣ помѣхъ,
Что, устрашенъ наружностью суровой,
Терялъ надежду я взойдти на верхъ.

55. И какъ скупецъ, копить всегда готовый,
Когда придетъ утраты страшный часъ,
Грустить и плачетъ съ каждой мыслью новой:

58. Такъ звѣрь во мнѣ спокойствіе потрясъ,
И, идя мнѣ на встрѣчу, гналъ всечасно
Меня въ тотъ край, гдѣ солнца лучъ угасъ.

61. Пока стремглавъ я падалъ въ мракъ ужасный,
Глазамъ моимъ предсталъ нежданный другъ,
Отъ долгаго молчанія безгласный.

64. „Помилуй ты меня!“ вскричалъ я вдругъ,
Когда узрѣлъ его въ пустынномъ полѣ,
„О кто бъ ты ни былъ: человѣкъ, иль духъ?“

67. И онъ: „Я духъ, не человѣкъ я болѣ;
Родителей Ломбардцевъ я имѣлъ,
Но въ Мантуѣ рожденныхъ въ бѣдной долѣ.

70. *Sub Julio* я поздно свѣтъ узрѣлъ,
И въ Римѣ жилъ въ вѣкъ Августовъ счастливый;
Во дни боговъ въ лжевѣрьѣ я коснѣлъ.

---

63. *Безгласный*; въ подлинникѣ: *fioco*, охриплый. Это искусный намекъ на равнодушіе современниковъ Данта къ изученію твореній Виргилія.

64. Въ подлинникѣ: *Miserere de me*, и есть воззваніе не къ одному Виргилію, но и къ божественной благости. У подошвы горы Чистилища души насильственно убіенныхъ поютъ то же. (Чист. V, 24.)

68. Виргилій родился въ мѣстечкѣ Андесъ, нынѣшней деревушкѣ Банде, иначе Пьетоле, близъ Мантуи, на Минчіо. Отецъ его, по однимъ извѣстіямъ, былъ земледѣлецъ, по другимъ — горшечникъ.

70 — 72. Онъ родился въ 684 г. отъ постр. Рима, за 70 лѣтъ до Р. Х, при консулахъ М. Лициніѣ Крассѣ и Кн. Помпеѣ Великомъ, въ октябрскіе иды, что, по нынѣшнему календарю, соотвѣтствуетъ 15 октября. — Виргилій, поэтъ Римской имперіи (princeps poëtarum), говоря, что онъ родился при Юліи Цезарѣ, хочетъ этимъ прославить имя его: на Цезаря Данте смотритъ какъ на представителя Римской имперіи; измѣнившіе Цезарю, Брутъ и Кассій, наказуются у него жестокою казнію (Ада XXXIV, 55 — 67). — *Sub Julio* есть одно изъ тѣхъ латинскихъ выраженій, которыхъ такъ много встрѣчается въ поэмѣ Данта, по общему обыкновенію не только поэтовъ, и прозаиковъ того времени.

73. Я былъ поэтъ, и мной воспѣтъ правдивый
Анхизовъ сынъ, воздвигшій новый градъ,
Когда сожженъ былъ Иліонъ кичливый.

76. Но ты за чѣмъ бѣжишь въ сей мракъ назадъ?
Чтò не спѣшишь на радостныя горы,
Къ началу и причинѣ всѣхъ отрадъ?"

79. — „О, ты ль Виргилій, тотъ потокъ, который
Рѣкой широкой катитъ волны словъ?"
Я отвѣчалъ, склонивъ стыдливо взоры.

82. „О дивный свѣтъ, о честь другихъ пѣвцевъ!
Будь благъ ко мнѣ за долгое ученье
И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ.

85. Ты авторъ мой, наставникъ въ пѣснопѣньѣ;
Ты былъ одинъ, у коего я взялъ
Прекрасный стиль, снискавшій мнѣ хваленье.

---

72. Этими словами Виргилій, кажется, хочетъ оправдаться въ своемъ язычествѣ.

76 — 78. Виргилій спрашиваетъ, почему Данте, будучи христіаниномъ, не спѣшитъ на путь истинный, ведущій на счастливую гору или холмъ? — Данте, не отвѣчавъ ему на это, изливается одушевленною похвалою поэту. Этимъ, кажется, выражено желаніе поэта, испытавшаго скорби жизни, найдти утѣшеніе въ поэзіи.

79 — 81. Виргилій въ средніе вѣка былъ въ большомъ уваженіи: простой народъ смотрѣлъ на него какъ на чародѣя и прорицателя, энтузіасты какъ на полу-христіанина, чему поводомъ служила, кромѣ славы его, перешедшей отъ древности, его знаменитая четвертая эклога. Онъ былъ любимый поэтъ Данта, долго изучавшаго и цѣнившаго его необыкновенно высоко, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его поэмы. Впрочемъ, Дантовъ Виргилій есть не только любимый его поэтъ, но и символъ человѣческой мудрости, знанія, вообще философіи, въ противоположность Беатриче, которая, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, олицетворяетъ собою мудрость божественную — Богословіе.

87. Т. е. стиль италіянскій. Данте уже прославился своею Vita Nuova и стихотвореніями (Rime).

102. Подъ именемъ Пса (въ подлинникѣ: борзаго — veltro) большая часть комментаторовъ разумѣютъ Кана Гранде (Великаго) делла Скала, властителя Вероны, благороднаго юношу, оплотъ Гибеллиновъ и впослѣдствіи представителя Императора въ Италіи, на котораго Данте и его партія возлагали большія надежды, но который въ то время, какъ надежды Данта начали осуществляться, скончался въ 1329 на 40 г. жизни. Но такъ какъ

88. Взгляни: вотъ звѣрь, предъ нимъ же я бѣжалъ....
Спаси меня, о мудрый, въ сей долинѣ....
Онъ въ жилахъ, въ сердцѣ кровь мнѣ взволновалъ."

91. — „Держать ты долженъ путь другой отнынѣ,"
Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою,
„Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынѣ.

94. Сей лютый звѣрь, смутившій грудь твою,
Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ,
Но, путь пресѣкши, губитъ всѣхъ въ бою.

97. И свойствомъ онъ столь вреднымъ обладаетъ,
Что, въ алчности ничѣмъ не утоленъ,
Вслѣдъ за ѣдой еще сильнѣй алкаетъ.

100. Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ,
И съ многими еще совокупится;
Но близокъ Песъ, предъ кѣмъ издохнетъ онъ.

103. Не мѣдь съ землей Псу въ пищу обратится,
Но добродѣтель, мудрость и любовь;
Межъ Фельтро и межъ Фельтро Песъ родится.

106. Италію рабу спасетъ онъ вновь,
Въ честь коей дѣва умерла Камилла,
Турнъ, Эвріалъ и Низъ пролили кровь.

109. Изъ града въ градъ помчитъ Волчицу сила,
Доколь ее не заключитъ въ аду,
Откуда зависть въ міръ ее пустила.

Канъ родился въ 1290, а въ 1300, въ годъ странствія Данта въ замогильномъ мірѣ, былъ 10 лѣтъ, то должно думать, то Данте это предсказаніе объ немъ вставилъ впослѣдствіи, или совершенно передѣлалъ начало поэмы. *Troya* (Veltro allegorico di Dante. Fir. 1826) въ этомъ Псѣ видитъ Угуччіоне делла Фаджіола, предводителя войскъ Кановыхъ, того самаго, которому онъ посвятилъ свой Адъ (Кану посвященъ Рай), и который еще ранѣе 1300 и до 1308, когда Канъ былъ еще малолѣтенъ, возсталъ за Гибеллиновъ въ Роминьи и Тосканѣ противъ Гвельфовъ и свѣтской власти папъ. Какъ бы то ни было, Данте скрылъ имя того, кого должно разумѣть подъ символомъ Пса: можетъ быть, состояніе политическихъ дѣлъ того времени требовало этого.

103. Мѣдь здѣсь употреблена вмѣсто металла вообще, какъ въ подлинникѣ: peltro (по Лат. peltrum), смѣсь олова съ серебромъ, вмѣсто серебра или золота. Смыслъ тотъ: онъ не прельстится пріобрѣтеніемъ владѣній (земли), или богатствъ, но добродѣтелію, мудростію и любовію.

112. Такъ вѣрь же мнѣ не къ своему вреду:
Иди за мною; въ область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.

115. Услышишь скорбь отчаянную, злую;
Сонмъ древнихъ душъ увидишь въ той странѣ,
Вотще зовущихъ смерть себѣ вторую.

118. Узришь и тѣхъ, которыя въ огнѣ
Живутъ надеждою, что къ эмпирею
Когда-нибудь взнесутся и онѣ.

121. Но въ эмпирей я ввесть тебя не смѣю:
Тамъ есть душа достойнѣе стократъ;
Я, разлучась, тебя оставлю съ нею.

124. Зане Монархъ, чью власть какъ супостатъ
Я не позналъ, мнѣ нынѣ воспрещаетъ
Ввести тебя въ Его священный градъ.

127. Онъ Царь вездѣ, но тамъ Онъ управляетъ:
Тамъ градъ Его и неприступный свѣтъ;
О счастливъ тотъ, кто въ градъ Его вступаетъ!“

---

105. *Межъ Фельтро и межъ Фельтро.* Если разумѣть подъ именемъ Пса Кана Великаго, то этимъ стихомъ опредѣляются его владѣнія: вся Марка Тривиджіана, гдѣ находится городъ Фельтре, и вся Романья, гдѣ гора Фельтре: стало быть, вся Ломбардія.

106. Въ подлинникѣ: umile Italia. Кажется, Данте подражалъ здѣсь Виргилію, который въ 3 пѣсни Энеиды сказалъ: humilemque videmus Italiam.

111. „Invidia autem diaboli mors introivit in orbem terrarum.“ Vulg.

115. Души великихъ мужей древности, содержащіяся, по понятіямъ Католической Церкви, въ преддверіи Ада или Лимбѣ и не спасенныя крещеніемъ. Они умерли тѣломъ, но желаютъ второй смерти, т. е. уничтоженія души.

118. Души въ Чистилищѣ.

122. Намекъ на Беатриче, являющуюся Данту въ земномъ раю (Чист. XXX) и ведущую его на небо.

124. Въ подлинникѣ: Imperadore. Императоръ, какъ высшій судія на землѣ, поэту кажется достойнѣйшимъ подобіемъ Высшаго Судія на небѣ.

125 — 126. Богъ не хочетъ, чтобы разумомъ человѣческимъ (Виргиліемъ) достигали высшаго небеснаго блаженства, которое есть даръ свыше. Копишь.

127. По представленію Данта, могущество Божіе господствуетъ всюду, но престолъ Его въ высшемъ небѣ (эмпиреѣ), въ которомъ другіе девять

130. И я: „Молю я самъ тебя, поэтъ,
Тѣмъ Господомъ, Его жъ ты не прославилъ, —
Да избѣгу и сихъ и горшихъ бѣдъ, —

133. Веди въ тотъ край, куда ты путь направилъ:
И вознесусь къ вратамъ Петра святымъ,
И тѣхъ узрю, чью скорбь ты мнѣ представилъ."

136. Здѣсь онъ пошелъ, и я во слѣдъ за нимъ.

ПѢСНЬ II.

Содержаніе. Наступаетъ вечеръ. Данте, призвавъ музъ на помощь, повѣствуетъ, какъ въ самомъ началѣ странствія родилось сомнѣніе въ душѣ его: достаточно ли въ немъ силъ для смѣлаго подвига. Виргилій укоряетъ Данта за малодушіе и, ободряя на подвигъ, объясняетъ ему причину своего пришествія: какъ, въ преддверіи ада, явилась ему Беатриче и какъ умоляла его спасти погибавшаго. Ободренный этою вѣстію, Данте воспринимаетъ свое первое намѣреніе, и оба странника шествуютъ въ предназначенный путь.

1. День отходилъ и сумракъ палъ въ долины,
Всѣмъ на землѣ дозволивъ отдохнуть
Отъ ихъ трудовъ; лишь я одинъ единый

4. Готовился на брань — въ опасный путь,
На трудъ, на скорбь, о чемъ разсказъ правдивый
Изъ памяти дерзаю почерпнуть.

7. О высшій духъ, о музы, къ вамъ призывы!
О геній, все, что зрѣлъ я, опиши,
Да явится полетъ твой горделивый!

круговъ неба вращаются около земли, составляющей, согласно съ системой Птоломея, средоточіе вселенной.

132. Горшихъ бѣдъ, т. е. ада, чрезъ который я пойду.

134. Святые врата Петровы — врата, описанные въ Чист. IX, 76. Скорбящіе — обитатели ада.

1. Вечеръ 25 Марта, или, по Филалетесу, 8 Апрѣля.

10. Я началъ такъ: «Всю мощь моей души
Сперва измѣрь, поэтъ-путеводитель;
Потомъ со мной въ отважный путь спѣши.

13. Ты говорилъ, что Сильвіевъ родитель,
Еще живой и тлѣнный, низходилъ
Свидѣтелемъ въ подземную обитель.

16. Но если жребій такъ ему судилъ,
То вспомнивъ, сколько пріобрѣлъ онъ славы
И кто сей мужъ и какъ правдивъ онъ былъ, —

19. Почтетъ его достойнымъ разумъ здравый:
Онъ избранъ былъ, чтобъ нѣкогда создать
Великій Римъ и быть отцемъ державы, —

22. Державы той, гдѣ — подлинно сказать —
Престолъ священный самъ Господь поставилъ
Намѣстникамъ Петровымъ возсѣдать.

25. Въ семъ странствіи — ты имъ его прославилъ —
Узналъ онъ путь къ побѣдѣ надъ врагомъ
И тѣмъ тіару папамъ предоставилъ.

28. ....
....
....

31. Но мнѣ ль идти? кто далъ мнѣ позволенье?
....
....

34. И такъ, коль дерзкій подвигъ сотворю,
Страшусь, въ безуміе онъ мнѣ вмѣнится.
Мудрецъ, яснѣй поймешь, чѣмъ говорю.»

---

10 — 12. Въ колебаніяхъ разума проходитъ цѣлый день; наступаетъ ночь и съ нею новыя сомнѣнія: рѣшимость, возбужденная разумомъ, исчезла, а вѣра колеблется. Данте спрашиваетъ себя: способенъ ли онъ свершить отважный подвигъ?

13. Эней, сынъ Венеры и Анхиза, отецъ Сильвія отъ Лавиніи, руководимый Сивиллою кумскою, низходилъ въ тартаръ (Энеиды VI) для того, чтобы узнать отъ тѣни отца своего, Анхиза, какимъ образомъ онъ возможетъ одержать побѣду надъ Турномъ, царемъ Рутуловъ.

22. *Подлинно сказать* — намекъ на то, что духъ гибеллинскій побуждалъ его скрыть истину, или сказать противное. Ломбарди.

37. Какъ тотъ, кто хочетъ, но начать страшится,
Полнъ новыхъ думъ, мѣняетъ замыслъ свой,
Отвергнувъ то, на что̀ хотѣлъ рѣшиться:

40. Такъ я томился въ мрачной дебри той,
И мысль свою, обдумавъ, кинулъ снова,
Хоть преданъ былъ вначалѣ ей одной.

43. «Коль я проникъ вполнѣ въ значенье слова,»
Великодушнаго сказала тѣнь,
«Твоя душа познать боязнь готова.

46. Боязнь людей отводитъ каждый день
Отъ честныхъ подвиговъ, какъ призракъ ложный
Страшитъ коня, когда ложится тѣнь.

49. Но выслушай — и страхъ разсѣй тревожный, —
Что̀ моего пришествія вина
И что̀ открылъ мнѣ жребій непреложный.

52. Я съ тѣми былъ, чья участь не полна;
Тамъ, слыша голосъ Вѣстницы прекрасной,
Я вопросилъ: что̀ повелитъ она?

55. Свѣтлѣй звѣзды въ очахъ горѣлъ лучъ ясный,
И тихимъ, стройнымъ языкомъ въ отвѣтъ
Она рекла какъ ангелъ сладкогласный:

---

52. Т. е. въ Лимбѣ, гдѣ помѣщены великіе мужи древности (см. прим. къ Ад. I, 115). — *Чья участь не полна*, въ подлинникѣ: che son sospesi. Язычники, заключенные въ Лимбѣ, остаются въ сомнѣніи на счетъ окончательной своей участи; они находятся въ среднемъ состояніи между мукой и блаженствомъ и ждутъ страшнаго суда (Ада IV, 31 — 45, и Чист. III, 40 и д.).

53 *Вѣстница прекрасная* (въ подл. donna beata e bella) — Беатриче, символъ божественнаго ученія, богословія (см. ниже ст. 70, примѣч.). — «Божественное ученіе низходитъ къ томящемуся, нѣкогда Бога не послушавшему человѣческому разуму для того, чтобы онъ исполнилъ истинное свое назначеніе — руководить человѣковъ.» Копишь.

55. Подъ именемъ *звѣзды* здѣсь разумѣется солнце, названное по преимуществу звѣздою (Даніелло, Ландино, Веллутелло и др.). Небесная мудрость въ Библіи нерѣдко сравнивается съ солнцемъ; такъ объ ней въ Кн. Премудр. VII, 39, сказано: „Есть бо сія благолѣпнѣе солнца и паче всякаго расположенія звѣздъ, свѣту соравняема обрѣтается первая.“

58. «О Мантуи привѣтливый поэтъ,
Чья слава свѣтъ наполнила далеко
И будетъ въ немъ, пока продлится свѣтъ!

61. Любимецъ мой, но не любимецъ рока,
Препону встрѣтилъ на брегу пустомъ
И вспять бѣжитъ испуганный жестоко.

64. И я страшусь: такъ сбился онъ на немъ,
Что ужъ не поздно ль я пришла съ спасеньемъ,
Какъ въ небесахъ была мнѣ вѣсть о томъ.

67. Подвигнись въ путь и мудрымъ убѣжденьемъ
Все для его спасенья уготовь:
Избавь его и будь мнѣ утѣшеньемъ.

70. Я, Беатриче, умоляю вновь....
....
....

73. Тамъ, предъ моимъ Владыкой, съ состраданьемъ,
Поэтъ, я часто похвалюсь тобой.»
Умолкла тутъ, и началъ я воззваньемъ:

---

60. *Пока продлится свѣтъ*. Я слѣдовалъ здѣсь тексту манускриптовъ нидобеатинскому, библіотекъ Корсини, Киджи и др., которому слѣдуетъ Ломбарди и Вагнеръ (Il Parnasso Italiano), гдѣ: quanto 'l mondo (въ другихъ: moto) lontana.

70. *Беатриче*, дочь богатаго флорентинскаго гражданина Фолько Портинари, съ которою Данте, еще на 9 году своей жизни, встрѣтился впервые въ первый день Мая 1274. По обычаю того времени, первое число Мая праздновалось пѣснями, плясками и гуляньемъ. Фолько Портинари пригласилъ къ себѣ на праздникъ своего сосѣда и друга, Аллигіеро Аллигіери, отца Дантова, со всемъ семействомъ. Тогда, во время дѣтскихъ игръ, Данте влюбился страстно въ восьми-лѣтнюю дочь Фолько Портинари, впрочемъ такъ, что Беатриче никогда не узнала о его любви. Таково повѣствованіе Боккаччіо о любви Данта, — повѣствованіе, можетъ быть, нѣсколько украшенное поэтическими вымыслами. Впрочемъ Данте и самъ разсказалъ о любви своей въ сонетахъ и канзонахъ (Rime) и въ особенности въ своей Vita Nuova. Беатриче, вышедшая впослѣдствіи за мужъ, скончалась въ 1290 на 26 году. Не смотря на то, что чувство первой любви Данте сохранилъ во всю жизнь, онъ вскорѣ по смерти Беатриче женился на Джеммѣ Донати и имѣлъ отъ ней шесть сыновей и одну дочь. Онъ не былъ счастливъ въ супружествѣ и даже развелся съ женою. — Подъ символомъ Беатриче, какъ мы неоднократно говорили, Данте разумѣетъ богословіе, любимѣйшую науку его времени, — науку, которую онъ глубоко изучалъ въ Болоньи, Падовѣ и Парижѣ.

76. «О благодать, которою одной
Нашъ смертный родъ превысилъ всѣ творенья
Подъ небомъ, что̀ свершаетъ кругъ меньшой!

79. Такъ сладостны твои мнѣ повелѣнья,
Что я готовъ немедля ихъ свершить;
Не повторяй же своего моленья.

82. Но объясни: какъ можешь низходить
Безъ трепета въ всемiрную средину
Отъ горнихъ странъ, куда горишь парить?»—

85.—«Когда желаешь знать тому причину,»
Она рекла, «короткiй дамъ отвѣтъ,
Почто безъ страха къ вамъ схожу въ пучину.

88. Страшиться должно лишь того, что̀ вредъ
Наноситъ намъ: какой же страхъ безплоднѣй,
Какъ не боязнь того, въ чемъ страха нѣтъ?

91. Такъ создана я благостью Господней,
Что ваша скорбь меня не тяготитъ
И не вредитъ мнѣ пламень преисподней.

94 *Тамъ* нѣкая Заступница скорбитъ
О томъ, къ кому тебя я посылаю,
И для нея жестокiй судъ разбитъ.

---

76 — 78. *Подъ небомъ, что̀ свершаетъ м. кругъ.* Здѣсь разумѣется луна, которая, принадлежа къ планетамъ въ системѣ птоломеевой, вращается ближе всѣхъ прочихъ свѣтилъ къ землѣ и, стало быть, свершаетъ меньшiй кругъ (см. примѣч. къ Ад. I, 127). Смыслъ тотъ: человѣкъ божественнымъ ученiемъ превышаетъ всѣ созданiя, находящiяся въ подлунномъ мiрѣ.

83. *Всемiрная средина* (въ подлинникѣ: in questo centro). Земля (см. примѣч. къ Аду I, 127), по Птоломею, находится въ срединѣ вселенной. Дантовъ адъ помѣщается внутри земли, какъ мы увидимъ ниже: стало быть, составляетъ, по его понятiямъ, настоящiй центръ всего мiра.

85 — 90. Только тогда не ощущаемъ мы страха не только предъ ужасами земными, но и адскими, когда, какъ Беатриче, проникнуты мудростiю божественной, страхомъ Господнимъ. (См. примѣч. Ад. I, 19 — 21).

91 — 93. Хотя Виргилiй съ прочими добродѣтельными язычниками не наказуется никакими муками и хотя въ Лимбѣ нѣтъ адскаго огня, тѣмъ не менѣе слова Беатриче вѣрны, потому что Лимбъ все-таки есть часть ада.

96. *Жестокiй судъ* (въ подлинникѣ: duro giudicio). Поэтъ имѣлъ въ виду: «Judicium durissimum iis, qui praesunt, fiet.» Sapient. IV, 6.

97. Она, воздвигши Лючію....
Рекла: Твой вѣрный ждетъ тебя въ слезахъ,
И я отсель его тебѣ ввѣряю.

100. И Лючія, жестокосердыхъ врагъ,
Подвигшись, мнѣ вѣщала тамъ, гдѣ вѣчно
Съ Рахилью древней возсѣжу въ лучахъ:

103. «О Беатриче, гимнъ Творцу сердечный!
Спаси того, кто такъ тебя любилъ,
Что для тебя сталъ чуждъ толпѣ безпечной.

106. Не слышишь ли, какъ плачъ его уылъ?
Не зришь ли смерть, съ которой онъ сразился
Въ рѣкѣ, предъ ней же океанъ безъ силъ?"

109. Никто такъ быстро въ мірѣ не стремился
Отъ гибели, иль къ выгодамъ своимъ,
Какъ мой полетъ отъ словъ тѣхъ ускорился

112. Съ скамьи блаженной къ пропастямъ земнымъ —
Ты далъ мнѣ вѣру мудрыми словами,
И честь тебѣ и тѣмъ, кто внемлетъ имъ!»

115. Потомъ, сказавъ мнѣ это, со слезами
Взоръ лучезарный возвела горѣ,
И я потекъ быстрѣйшими стопами.

118. И, какъ желала, прибылъ къ той порѣ,
Когда сей звѣрь пресѣкъ въ пустынномъ полѣ
Твой краткій путь къ прекрасной той горѣ.

---

97. *Лючія* (отъ lux, свѣтъ), какъ мученица католической церкви, призывается на помощь тѣми, которые страждутъ тѣлесными очами. Это, кажется, заставило Данте избрать ее предпочтительно для той роли, которую она играетъ въ его поэмѣ. Объ ней упоминается въ Чист. IX, 55, и Раѣ, XXVII, 137.

102. *Рахиль* есть символъ жизни созерцательной (Чист. XXVII, 100 — 108), какъ сестра ея, *Лія*, — жизни дѣятельной. — Весьма глубокомысленно помѣщаетъ Данте ученіе божественное (Беатриче) возлѣ Рахили, вѣчно-погруженной въ созерцаніе неизрѣченнаго Блага. Ландино.

104 — 105. Любовію къ Беатриче Портинари Данте возвысился надъ толпою, съ одной стороны, предавшись поэзіи, съ другой — изучая богословіе, которое олицетворяетъ собою Беатриче.

109. Подъ именемъ *рѣки* (въ подлинникѣ: fiumana, водоворотъ, gurges, aquarum congeries, Vocab. della Crusca) разумѣются треволненія жизни; бури напастей житейскихъ превосходятъ всѣ волнованія океана.

Такъ что жъ? за чѣмъ, за чѣмъ же медлить болѣ?
Чтò на сердцѣ питаешь низкій страхъ?
Чтò сдѣлалось съ отвагой, съ доброй волей,...
....
....
....?»

И какъ цвѣточки, стужею ночною
Согбенные, въ сребрѣ дневныхъ лучей
Встаютъ, раскрывшись, на вѣтвяхъ главою:

Такъ я воздвигся доблестью моей;
Столь дивная влилась мнѣ въ грудь отвага,
Что началъ я, какъ сбросивъ грузъ цѣпей:

«О слава ей, подательницѣ блага!
О честь тебѣ, чтò правымъ словесамъ
Увѣровалъ и не замедлилъ шага!

Такъ сердце мнѣ съ желаньемъ по стопамъ
Твоимъ идти возжегъ ты мудрымъ словомъ,
Что къ первой мысли возвращаюсь самъ.

Идемъ: крѣпка надежда въ сердцѣ новомъ —
Ты вождь, учитель, ты мой властелинъ!»
Такъ я сказалъ, и подъ его покровомъ

Низшелъ путемъ лѣсистымъ въ мракъ пучинъ.

ПѢСНЬ III.

Содержаніе. Поэты приходятъ къ двери ада. Данте читаетъ надъ нею надпись и ужасается; но, ободренный Виргиліемъ, низходитъ вслѣдъ за нимъ въ мрачную бездну. Вздохи, громкій плачъ и крики оглушаютъ Данта: онъ плачетъ и узнаетъ отъ вождя своего, что здѣсь, еще внѣ предѣловъ ада, наказуются среди вѣчнаго мрака души людей ничтожныхъ, не дѣйствовавшихъ, и трусовъ, съ которыми смѣшаны хоры аггеловъ, не соблюдшихъ вѣрности Богу и не принявшихъ стороны Его противника. За тѣмъ поэты приходятъ къ первой адской рѣкѣ — Ахерону. Сѣдовласый Харонъ, кормщикъ адскій, не хочетъ принять Данта въ свою ладью, говоря, что въ адъ проникнетъ онъ инымъ путемъ, и перевозитъ на другой берегъ Ахерона толпу умершихъ. Тогда потрясаются берега адской рѣки, поднимается вихрь, сверкаетъ молнія и Данте падаетъ безъ чувствъ.

Здѣсь мною входятъ въ скорбный градъ къ мученьямъ,
Здѣсь мною входятъ къ мукѣ вѣковой,
Здѣсь мною входятъ къ падшимъ поколѣньямъ.

4. Подвигнут правдой вѣчный Зодчій мой:
Господня сила, разумъ всемогущій
И первыя любови духъ святой

7. Меня создали прежде твари сущей,
Но послѣ вѣчныхъ, и мнѣ вѣка нѣтъ.
Оставь надежду всякъ, сюда идущій! —

10. Въ такихъ словахъ, имѣвшихъ темный цвѣтъ,
Я надпись зрѣлъ надъ входомъ въ область казни
И рекъ: «Жестокъ мнѣ смыслъ ея, поэтъ!»

13. И какъ мудрецъ, вѣщалъ онъ, полнъ пріязни:
«Здѣсь мѣста нѣтъ сомнѣньямъ никакимъ,
Здѣсь да умретъ вся суетность боязни.

16. Вотъ край, гдѣ мы, какъ я сказалъ, узримъ
Злосчастный родъ, утратившій душею
Свѣтъ разума со благомъ пресвятымъ.» —

19. И длань мою пріявъ своей рукою,
Лицемъ спокойнымъ духъ мой ободрилъ
И къ тайнамъ пропасти вступилъ со мною.

22. Тамъ въ воздухѣ безъ солнца и свѣтилъ
Грохочатъ въ безднѣ вздохи, плачъ и крики,
И я заплакалъ, лишь туда вступилъ.

25. Смѣсь языковъ, рѣчей ужасныхъ клики,
Порывы гнѣва, страшной боли стонъ
И съ плескомъ рукъ то хриплый гласъ, то дикій,

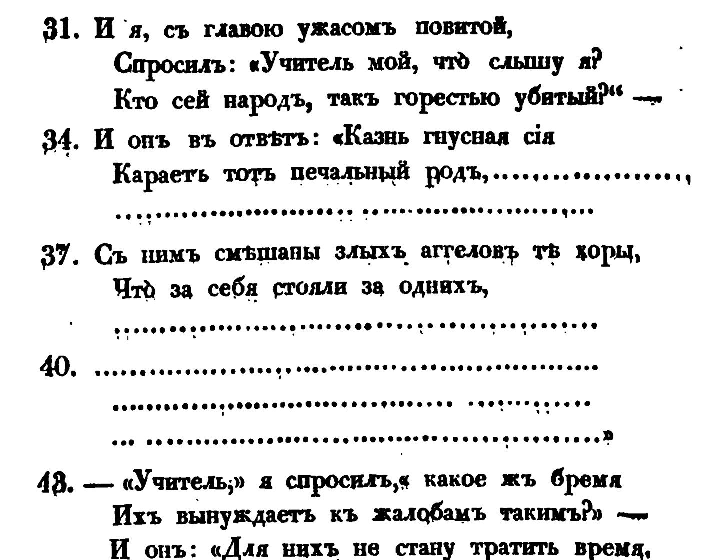
28. Раждаютъ гулъ, и въ вѣкъ кружится онъ
Въ пучинѣ, мглой безъ времени покрытой,
Какъ прахъ, когда крутится аквилонъ.

---

1 — 9. Знаменитая надпись надъ дверью ада. Въ первыхъ трехъ стихахъ выражено ученіе церкви о безконечности адскихъ мукъ, четвертый указываетъ на причину созданія ада — Правосудіе Божіе. Послѣдній стихъ выражаетъ всю безнадежность осужденныхъ. — Передать вполнѣ эту дивную надпись во всемъ ея мрачномъ величіи нѣтъ ни какой возможности; послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ я остановился на этомъ переводѣ какъ на болѣе близкомъ къ подлиннику.

18. *Свѣтъ разума* (въ подлинн. il ben dello 'ntelletto) есть Богъ. Злые утратили познаніе Бога, единственное благо душъ.

21. Виргилій вводитъ Данта подъ сводъ земли, покрывающій, по пред-

31. И *я*, съ главою ужасомъ повитой,
Спросилъ: «Учитель мой, что слышу я?
Кто сей народъ, такъ горестью убитый?“ —

34. И онъ въ отвѣтъ: «Казнь гнусная сія
Караетъ тотъ печальный родъ,..................,
....

37. Съ нимъ смѣшаны злыхъ аггеловъ тѣ хоры,
Что за себя стояли за однихъ,
....

40. ....
....
....»

43. — «Учитель,» *я* спросилъ, «какое жъ бремя
Ихъ вынуждаетъ къ жалобамъ такимъ?» —
И онъ: «*Для* нихъ не стану тратить время,

46. Надежда смерти не блеститъ слѣпымъ,
А жизнь слѣпая такъ невыносима,
Что участь каждая завидна имъ,

49. Ихъ въ мірѣ слѣдъ исчезъ быстрѣе дыма;
Нѣтъ состраданья къ нимъ, ихъ судъ презрѣлъ;
Что говорить объ нихъ? взгляни и — мимо!»

ставленію поэта, огромную воронкообразную пропасть ада. Объ архитектурѣ Дантова ада мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ только то, что бездна эта, широкая сверху, постепенно съуживается къ низу. Бока ея состоятъ изъ уступовъ, или круговъ, совершенно темныхъ и только по мѣстамъ освѣщенныхъ подземнымъ огнемъ. Самая верхняя окраина ада, непосредственно подъ сводомъ земли, его покрывающимъ, составляетъ жилище ничтожныхъ, о которыхъ говоритъ здѣсь Данте.

31. *Съ главою, ужасомъ повитой.* Я слѣдовалъ тексту, принятому Вагнеромъ: d'orror la testa cinta; въ др. изданіяхъ: d'error la testa cinta (невѣдѣньемъ повитой).

34 — 36. *Печальный родъ* (въ подлинникѣ: l'anime triste; *tristo* имѣетъ значеніе печальнаго и злаго, темнаго), не заслужившій въ жизни ни хулы ни славы, есть несмѣтная толпа людей ничтожныхъ, не дѣйствовавшихъ, не отличившихъ памяти своей ни добрыми ни злыми дѣлами. Потому они вѣчно останутся незамѣченными даже самимъ правосудіемъ: имъ нѣтъ уничтоженія, нѣтъ имъ и суда, отъ того-то они и завидуютъ каждой участи. Какъ людей не дѣйствовавшихъ, никогда не жившихъ, по выраженію поэта, міръ забылъ про нихъ; они не стоятъ участія; они не стоятъ даже, чтобы говорили

52. И я, взглянувши, знамя тамъ узрѣлъ:
Оно, бѣжа, взвивалося такъ сильно,
Что, мнилось, отдыхъ — не ему въ удѣлъ.

55. За нимъ бѣжалъ строй мертвыхъ столь обильный,
Что вѣрить я не могъ, чтобъ жребій свергъ
Такое множество во мракъ могильный.

58. И я, узнавъ тамъ нѣкоторыхъ, вверхъ
Взглянулъ и видѣлъ тѣнь того, который
Изъ низости великій даръ отвергъ.

61. Вмигъ понялъ я—въ томъ убѣждались взоры —
Что эту чернь............................
....,

64. Презрѣнный родъ, не жившій никогда,
Нагой и блѣдный, былъ язвимъ роями
И мухъ и осъ, слетавшихся туда.

67. По лицамъ ихъ катилась кровь струями,
И, смѣшана съ потокомъ слезъ въ пыли,
У ногъ, съѣдалась гнусными червями.

объ нихъ. Вѣчный мракъ тяготѣетъ надъ ними, какъ надъ темнымъ лѣсомъ въ первой пѣсни (слич. также Ада IV, 65 — 66), который есть вѣрный ихъ представитель. Какъ въ жизни занимали ихъ мелкія заботы, ничтожныя страсти и желанія, такъ здѣсь терзаютъ ихъ безполезнѣйшія насѣкомыя — мухи и осы. Кровь, теперь ими въ первый разъ проливаемая, можетъ служить только въ пищу гнуснымъ червямъ. Копишъ и Штрекфуссъ.

52 — 54. Въ число ничтожныхъ Данте помѣщаетъ и трусовъ, знамя которыхъ, малодушно покинутое ими въ жизни, теперь обречено на вѣчное бѣгство, столь быстрое, что, кажется, ему никогда не остановиться.—*Не ему въ удѣлъ* — въ подлинникѣ еще сильнѣе: Che d'ogni posa mi pareva indegna (недостойно никакого покоя).

58 — 60. Какъ ни безцвѣтна, ни темна жизнь людей, здѣсь осужденныхъ, Данте узнаетъ между ними нѣкоторыхъ, но кого именно, онъ не считаетъ достойнымъ говорить. Особенно онъ указываетъ на тѣнь кого-то, отвергшаго великій даръ. Комментаторы угадываютъ въ ней то Исава, уступившаго брату своему Іакову право первородства; то императора Діоклетіана, который въ старости сложилъ съ себя императорское достоинство; то папу Целестина V который, по проискамъ Бонифація VIII, отказался въ пользу послѣдняго отъ папской тіары. Наконецъ нѣкоторые видятъ здѣсь робкаго согражданина Дантова, Торреджіано деи Черки, приверженца Бѣлыхъ, не поддержавшаго своей партіи.

70. И я, напрягши зрѣніе, вдали
Узрѣлъ толпу на берегу великой
Рѣки и молвилъ: «Вождь, благоволи

73. Мнѣ объяснить: что̀ значитъ сонмъ толикой
И что̀ влечетъ его со всѣхъ сторонъ,
Какъ вижу я сквозь мракъ въ долинѣ дикой?» —

76. — «О томъ узнаешь,» отвѣчалъ мнѣ онъ,
Когда достигнемъ берега крутова,
Гдѣ разлился болотомъ Ахеронъ.» —

79. И взоръ смущенный я потупилъ снова
И, чтобъ вождя не оскорбить, къ брегамъ
Рѣки я шелъ, не говоря ни слова.

82. И вотъ въ ладьѣ гребетъ на встрѣчу намъ
Старикъ суровый съ древними власами,
Крича: «О горе, злые, горе вамъ!

85. Здѣсь навсегда проститесь съ небесами:
Иду повергнуть васъ на томъ краю
Въ тьму вѣчную и въ жаръ и хладъ со льдами.

88. А ты, душа живая, въ семъ строю,
Разстанься съ этой мертвою толпою!»
Но увидавъ, что недвижимъ стою:

---

78. Ахеронъ древнихъ Данте помѣщаетъ на самой верхней окраинѣ воронкообразной пропасти ада въ видѣ стоячаго болота.

79. Во всей поэмѣ Данте изображаетъ въ необыкновенною нѣжностію отношеніе свое къ Виргилію какъ ученика къ учителю, достигая почти драматическаго эффекта.

83. *Старикъ суровый* — Харонъ, которому Данте въ ст. 109 придаетъ видъ демона съ огненными колесами вокругъ очей. Мы увидимъ ниже, что Данте многія миѳическія лица древности превратилъ въ бѣсовъ: точно такъ монахи среднихъ вѣковъ поступали съ древними богами. Миѳологическія фигуры имѣютъ въ Поэмѣ Данта большею частію глубокій аллегорическій смыслъ, или служатъ для технической цѣли, придавая пластическую округленность цѣлому. Впрочемъ, обыкновеніе смѣшивать языческое съ христіанскимъ было въ общемъ ходу въ средневѣковомъ искусствѣ: наружность готическихъ церквей нерѣдко украшалась миѳологическими фигурами. — Харонъ въ Страшномъ Судѣ Микель Анджело написанъ по идеѣ Данта. Амперъ.

87. Тьма, жаръ и хладъ характеризуютъ въ общихъ чертахъ и правильной послѣдовательности три главные отдѣла ада, въ которомъ ледъ находится на самомъ днѣ (Ада XXXIV).

91. «Другимъ путемъ,» сказалъ, «другой волною,
Не здѣсь, проникнешь ты въ печальный край:
Легчайшій челнъ помчитъ тебя стрѣлою.»

94. И вождь ему: «Харонъ, не воспрещай!
Такъ *тамъ* хотятъ, гдѣ каждое желанье
Ужъ есть законъ: старикъ, не вопрошай!» —

97. Косматыхъ щекъ тутъ стихло колыханье
У кормщика, но огненныхъ колесъ
Усилилось вокругъ очей сверканье.

100. Тутъ сонмъ тѣней, взволнованный хаосъ,
Въ лицѣ смутился, застучалъ зубами,
Едва Харонъ судъ грозный произнесъ, —

103. И проклиналъ родителей хулами,
Весь родъ людей, рожденья мѣсто, часъ
И сѣмя сѣмени съ ихъ племенами.

106. Потомъ всѣ тѣни, въ сонмъ единъ столпясь,
На взрыдъ взрыдали на брегу жестокомъ,
Гдѣ будетъ всякъ, въ комъ Божій страхъ угасъ.

109. Харонъ же, бѣсъ, какъ уголь сверкая окомъ,
Маня, въ ладью вгоняетъ сонмъ тѣней,
Разитъ весломъ отсталыхъ надъ потокомъ.

112. Какъ осенью въ лѣсу кружитъ борей
За листомъ листъ, доколь его порывы
Не сбросятъ въ прахъ всей роскоши вѣтвей:

---

93. Данте не легкая тѣнь, какъ другія души, а потому тяжесть его тѣла слишкомъ обременила бы легкую ладью тѣней.

95—96. Т. е. на небѣ. Этими же самыми словами Виргилій укрощаетъ гнѣвъ Миноса, адскаго судіи (Ада V, 22 — 24).

97. Пластически-вѣрное изображеніе беззубаго старика, который, когда говоритъ, приводитъ въ сильное движеніе щеки и бороду.

100. Это души прочихъ грѣшниковъ, не принадлежащихъ къ сонму ничтожныхъ и долженствующихъ услышать отъ Миноса приговоръ, сообразно которому они займутъ мѣста въ аду.

102. Слова Харона повергаютъ грѣшниковъ въ ужасъ и отчаяніе. Неподражаемо-страшно представлено ихъ состояніе въ эту рѣшительную минуту.

112. Подражаніе Виргилію, хотя Дантово сравненіе несравненно прекраснѣе:
Quam multa in silvis autumni frigore primo
Lapsa cadunt folia. Aeneid. VI, 309—310.

115. Подобно родъ Адамовъ нечестивый,
За тѣнью тѣнь, метался съ береговъ,
На знакъ гребца, какъ соколъ на призывы.

118. Такъ всѣ плывутъ по мутной мглѣ валовъ,
И прежде чѣмъ взойдутъ на берегъ сонный,
На той странѣ ужъ новый сонмъ готовъ.

121. «Мой сынъ,» сказалъ учитель благосклонный,
«Предъ Господомъ умершіе въ грѣхахъ
Изъ всѣхъ земель парятъ къ рѣкѣ бездонной

124. И чрезъ нее торопятся въ слезахъ;
Ихъ правосудье Божье побуждаетъ
Такъ, что въ желанье превратился страхъ.

127. Душа благая въ адъ не проникаетъ,
И если здѣсь такъ встрѣченъ ты гребцемъ,
То самъ поймешь, что крикъ сей означаетъ.»—

130. Умолкъ. Тогда весь мрачный долъ кругомъ
Потрясся такъ, что хладный потъ донынѣ
Меня кропитъ, лишь вспомню я о томъ.

133. Промчался вихрь по слезной сей долинѣ,
Багровый лучъ сверкнулъ со всѣхъ сторонъ
И, чувствъ лишась, въ отчаянной пучинѣ

136. Я палъ какъ тотъ, кого объемлетъ сонъ.

---

121 — 123. Это отвѣтъ Виргилія на вопросъ, предложенный ему Дантомъ выше (ст. 72 — 75).

125 — 126. Правосудіе, подвигшее Бога создать мѣсто казни, побуждаетъ грѣшниковъ, какъ бы по собственному ихъ желанію, занять уготованную имъ обитель.

136. Свою переправу черезъ Ахеронъ Данте покрылъ непроницаемою тайной. Поэтъ погружается въ сонъ, во время котораго чудеснымъ образомъ переносится на другой берегъ, точно такъ, какъ въ первой пѣсни (Ада I, 10 — 12) онъ въ глубокомъ снѣ входитъ въ темный лѣсъ. Въ такомъ же мистическомъ снѣ возносится онъ къ вратамъ чистилища (Чист. IX, 19 и дал.). Онъ засыпаетъ также передъ вступленіемъ въ земной рай (Чистил. XXVII, 91 и д).

ПѢСНЬ IV.

Содержаніе. Оглушительный громъ пробуждаетъ Данта на противоположномъ берегу Ахерона, на краю бездны, изъ которой несутся страшные стоны, заставляющіе блѣднѣть самаго Виргилія. Они сходятъ въ первый кругъ — преддверіе ада, Лимбъ, жилище умершихъ до крещенія младенцевъ и добродѣтельныхъ язычниковъ. Данте, сострадая имъ, спрашиваетъ Виргилія: былъ ли кто нибудь избавленъ изъ этого круга? и узнаетъ о сошествіи Христа во адъ и объ избавленіи праотцевъ: Адама, Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Іакова и Рахили съ дѣтьми, Моисея, Давида и другихъ. Бесѣдуя такимъ образомъ, поэты встрѣчаютъ на внѣшней окружности Лимба, въ совершенной темнотѣ, безчисленную толпу тѣней, которую Данте сравниваетъ съ лѣсомъ: это души добродѣтельныхъ, но неизвѣстныхъ, не отмѣченныхъ славою язычниковъ; они и въ Лимбѣ остаются во мракѣ. Подаваясь далѣе къ центру круга, Данте видитъ свѣтъ, отдѣляющій славныхъ мужей древности отъ неизвѣстныхъ. Изъ этого отдѣла Лимба, озареннаго свѣтомъ и окруженнаго семью стѣнами и прекраснымъ ручьемъ, раздается голосъ, привѣтствующій возвращающагося Виргилія, и вслѣдъ за тѣмъ три тѣни, Горація, Овидія и Лукана, подъ предводительствомъ главы поэтовъ — Гомера, выступаютъ къ нимъ на встрѣчу, привѣтствуютъ путниковъ и, принявъ Данта въ свое число, переходятъ съ нимъ чрезъ ручей какъ по сушѣ и чрезъ семь воротъ города возводятъ его на вѣчно-зеленѣющій холмъ героевъ. Отсюда обозрѣваетъ Данте всѣхъ обитателей города; но изъ нихъ поименовываетъ преимущественно тѣхъ, кои имѣютъ отношеніе къ отчизнѣ Энея — Троѣ и къ основанной имъ Римской Имперіи. Надъ всѣми возвышается тѣнь Аристотеля, окруженная учеными по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній: философами, историками, врачами, естествоиспытателями, математиками, астрономами, — людьми различныхъ націй: Греками, Римлянами, Арабами. Взглянувъ на героевъ и ученыхъ языческой древности, Виргилій и Данте отдѣляются отъ сопровождавшихъ ихъ поэтовъ и сходятъ съ зеленѣющей горы Лимба во второй кругъ.

---

1. Громовый гулъ нарушилъ сонъ смущенный
Въ моей главѣ и, вздрогнувъ, я вскочилъ,
Какъ человѣкъ, насильно пробужденный.

4. И, успокоясь, взоръ я вкругъ водилъ
И вглядывался пристально съ стремнины,
Чтобъ опознать то мѣсто, гдѣ я былъ.

7. И точно, былъ я на краю долины
Ужасныхъ безднъ, гдѣ вѣчно грохоталъ
Немолчный громъ отъ криковъ злой кручины.

10. Такъ былъ глубокъ и теменъ сей провалъ,
Что я, вперивъ глаза въ туманъ, подъ мглою
Въ немъ ничего на днѣ не различалъ.

---

7 — 8. *Долина ужасныхъ безднъ.* Архитектура ада такъ ясно опредѣлена въ Дантовой поэмѣ, что внимательный читатель безъ всякаго дальнѣйшаго описанія легко можетъ составить полную объ ней идею. Впрочемъ, для того, чтобъ читатели менѣе внимательные не затруднились въ составленіи этой идеи (что возможно только по прочтеніи всей поэмы), мы предлагаемъ здѣсь краткое описаніе Дантова ада. Впослѣдствіи мы будемъ говорить подробнѣе какъ объ архитектурѣ и размѣрахъ ада, такъ и вообще о космологіи Divina Commedia, при чемъ къ концу изданія приложимъ необходимые рисунки.—Адъ, по представленію поэта, согласному впрочемъ съ вѣрованіями среднихъ вѣковъ, помѣщенъ внутри земли, такъ, что дно его находится въ центрѣ земнаго шара, который самъ, по системѣ птоломеевой, составляетъ средоточіе вселенной (см. прим. къ Ад. I, 127 и II, 83). Это воронкообразная пропасть, прикрытая съ верху шарообразнымъ сводомъ, или корой обитаемаго нами полушарія. Воронка эта, опускаясь къ центру земли, постепенно съуживается и около земнаго центра оканчивается цилиндрическимъ колодеземъ. Внутренняя стѣна воронки раздѣлена на уступы или ступени, которыя въ видѣ круговъ опоясываютъ бездну. Такихъ уступовъ или круговъ девять, изъ которыхъ девятый составляетъ упомянутый выше колодезь: на нихъ-то и размѣщены грѣшники по роду своихъ грѣховъ, а въ концѣ колодезя, на самомъ днѣ ада, погруженъ Люциферъ. Каждый кругъ сверху ограниченъ утесистой стѣной, къ низу граничитъ съ пустотой бездны. Чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ болѣе съуживаются концентрическіе круги ада, тѣмъ жесточе наказаніе. Седьмой кругъ, гдѣ наказуется насиліе, раздѣленъ сверхъ того на три меньшіе круга (gironi); восьмой же, въ которомъ казнятся различные виды обмана, распадается на 10 также концентрическихъ рвовъ или долинъ (bolge), но притомъ такъ, что всѣ они соединены между собой утесистыми отрогами или мостами, идущими отъ стѣны вышележащаго рва къ стѣнѣ нижележащаго. Наконецъ, девятый кругъ или цилиндрическій колодезь, въ коемъ наказуется величайшій грѣхъ по Данту — измѣна, состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Въ XXIX и XXX пѣсняхъ Ада есть указанія, по которымъ можно вычислить размѣръ всего ада и каждаго круга въ отдѣльности. — Нравственное значеніе архитектуры Дантова ада подробно изложено въ XI пѣсни. Чѣмъ тяжелѣ преступленіе, тѣмъ

13. «Теперь сойду въ слѣпой сей міръ съ тобою,»
Весь поблѣднѣвъ, такъ началъ мой поэтъ:
«Пойду я первый, ты иди за мною.»

16. Но я, узрѣвъ, какъ онъ блѣднѣлъ, въ отвѣтъ:
«О какъ пойду, коль духомъ упадаешь
И ты, моя опора противъ бѣдъ!»

19. И онъ мнѣ: «Казнь племенъ, въ чей міръ вступаешь,
Мнѣ жалостью смутила ясный взглядъ,
А ты за ужасъ скорбь мою считаешь.

22. Идемъ: намъ путь чрезъ тысячи преградъ.»
Такъ онъ пошелъ, такъ ввелъ меня въ мгновенье
Въ кругъ первый, коимъ опоясанъ адъ.

25. Тамъ — сколько я разслушать могъ въ томленьѣ —
Не плачъ, но вздоховъ раздавался звукъ
И воздухъ вѣчный приводилъ въ волненье.

28. И былъ то̀ гласъ печали, но не мукъ,
Изъ устъ дѣтей, мужей и женъ, въ долинѣ
Въ большихъ толпахъ тѣснившихся вокругъ.

ниже въ аду оно наказуется, такъ что величайшій грѣхъ — измѣна казнится въ девятомъ кругу, а виновникъ грѣха — Люциферъ составляетъ центръ земли и воспринимаетъ наивеличайшее наказаніе. Всѣ круги съуживаются къ центру: это потому, что чѣмъ тяжелѣ преступленіе, тѣмъ рѣже оно встрѣчается и, стало быть, тѣмъ меньше нужно мѣста для помѣщенія причастныхъ ему грѣшниковъ. По этой же причинѣ, несмѣтная толпа людей ничтожныхъ занимаетъ, какъ мы видѣли, самое обширное пространство; весь верхній объемъ адской воронки (см. примѣч. къ Ад. III, 21). Такимъ образомъ геометрическое строеніе Дантова ада согласуется съ его нравственнымъ значеніемъ.

9. Здѣсь, у самаго обширнаго отверстія пропасти, крики всего ада сливаются какъ у отверстія огромнаго рупора и превращаются въ громъ, прерывающій сонъ поэта. Въ болѣе глубокихъ, отдѣльныхъ кругахъ, этотъ общій громъ криковъ уже не такъ явственъ, потому что отражается выдающимися краями круговъ. Копишъ.

13. Данте называетъ подземный міръ *слѣпымъ*, потому что онъ лишенъ свѣта истиннаго познанія (см. пр. къ Ад. III, 18).

24. Поэты входятъ въ преддверіе ада или Лимбъ, гдѣ, по понятіямъ католической церкви, помѣщены добродѣтельные язычники и невинныя дѣти, умершія до принятія Св. Крещенія (Чист. VII, 31 — 36 и Рая XXXII,

31. Тутъ добрый вождь: «Почто жъ не спросишь нынѣ,
Кто духи тѣ, которыхъ видишь тамъ?
Узнай, пока придемъ мы къ ихъ дружинѣ:

34. Безгрѣшные, за то лишь небесамъ
Они чужды, что не спаслись крещеньемъ, —
Сей дверью вѣры, какъ ты знаешь самъ.

37. До христіанства живъ, они съ смиреньемъ,
Какъ надлежитъ, не пали предъ Творцемъ;
И къ нимъ и я причтенъ святымъ велѣньемъ.

40. Симъ недостаткомъ, не другимъ грѣхомъ,
Погибли мы и только тѣмъ страдаемъ,
Что безъ надеждъ желаніемъ живемъ.»

43. Великой скорбью на сердцѣ снѣдаемъ,
Я видѣлъ здѣсь, у роковой межи,
Толпу тѣней, отвергнутую раемъ.

---

79 — 81). Этотъ кругъ есть уже начало ада, тогда какъ пространство, гдѣ помѣщены ничтожные и трусы, а также рѣка Ахеронъ, находятся совершенно внѣ ада (см. прим. Ада III, 21). По представленію поэта, Лимбъ раздѣленъ на два концентрическіе круга: внѣшній, болѣе обширный покрытъ вѣчнымъ мракомъ и вмѣщаетъ въ себѣ язычниковъ добродѣтельныхъ, но не извѣстныхъ, ни чѣмъ не прославившихся въ жизни, а также дѣтей неокрещенныхъ; второй кругъ, прилежащій ближе къ адской безднѣ, озаренъ свѣтомъ, отдѣленъ отъ перваго семью стѣнами и ручьемъ, имѣетъ видъ зеленѣющаго холма, постепенно возвышающагося, и служитъ обителью для героевъ и другихъ славныхъ мужей древности.

37. Живя до Р. Х., они не воздали надлежащаго поклоненія истинному Богу, ибо не вѣровали, подобно добродѣтельнымъ Евреямъ, въ пришествіе Мессіи (Рая XX, 103 и XXXII).

42. Естественное состояніе людей невѣровавшихъ. „Достигнувъ всего земнаго, они не имѣютъ предчувствія и надежды увидѣть высшій свѣтъ; а какъ ничто земное не въ силахъ успокоить духа и удовлетворить его стремленій, то вся жизнь ихъ проходитъ въ вѣчномъ томленіи, въ безплодномъ стремленіи къ невѣдомой цѣли. Такъ и души, заключенныя въ преддверіи ада, которое собственно не есть еще мѣсто казни, не смотря на зеленѣющій вѣчно холмъ и прекрасный ручей, напоминающіе имъ красоту земли, не смотря на искусства, которыми жизнь наша становится краше, не смотря даже на свѣтъ, ихъ окружающій, тѣмъ не менѣе томятся желаніемъ небеснаго свѣта.“ Штрекфуссъ.

46. «Скажи, мой вождь, учитель мой, скажи!»
Такъ началъ я, да утвержуся въ вѣрѣ,
Разсѣявшей сомнѣнье каждой лжи:

49. «Отверзъ-ли кто себѣ къ блаженству двери
Заслугою своей, или чужой?»
И, тайну словъ постигнувъ въ полной мѣрѣ,

52. Онъ рекъ: «Я вновѣ съ этой былъ толпой,
Когда притекъ Царь силы, пламенѣя
Вѣнцемъ побѣды, и вознесъ съ Собой

55. Тѣнь праотца къ блаженствамъ эмпирея
И Авеля и Ноя и законъ
Создавшаго владыку Моисея.

58. Былъ Авраамъ, былъ царь Давидъ спасенъ,
Съ отцемъ Израиль и съ дѣтьми своими
Рахиль, для ней же столько сдѣлалъ онъ,

61. И многіе содѣлались святыми;
Но знай, до нихъ никто изъ всѣхъ людей
Не пощаженъ судьбами всеблагими.»

64. Такъ говоря, мы шли стезей своей
И проходили темный лѣсъ высокій,
Лѣсъ, говорю, безчисленныхъ тѣней

67. Еще нашъ путь отвелъ насъ недалеко
Отъ высоты, когда я огнь узрѣлъ,
Полу-объятый сводомъ мглы глубокой.

---

48. *Сомнѣніе*, т. е. кажущееся противорѣчіе Церкви между ея ученіемъ о безконечности адскихъ мукъ и избавленіемъ праотцевъ.

52. Виргилій умеръ за 52 года до смерти Христа (см. прим. въ Ада I, 70—72)

53. *Царь силы*, въ подл.: un Possente. Имя Христа ни разу не упоминается во всемъ Аду, но всегда замѣняется перифразомъ.

59. Іаковъ 14 лѣтъ служилъ Лавану для полученія руки его дочери Рахили.

61. Рая XXXII.

66. Толпу хотя добродѣтельныхъ, но неизвѣстныхъ язычниковъ Данте не безъ основанія называетъ лѣсомъ тѣней, конечно имѣя въ виду темный лѣсъ первой пѣсни. (Ада I, 2 и примѣч. къ II, 34—36). Копишь.

67—68. Т. е. отъ того мѣста, гдѣ находился Данте, когда Виргилій сказалъ ему: «Теперь сойду съ тобою», ст. 13.

70. Еще далеко онъ отъ насъ горѣлъ,
Но разсмотрѣть я могъ ужъ съ разстоянья
Почтенный сонмъ, занявшій сей предѣлъ.

73. «Честь каждаго искусства и познанья!
Кто сей народъ, возмогшій пріобрѣсть
Такой почетъ отъ прочаго собранья?»

76. И онъ въ отвѣтъ: «Ихъ имена и честь,
Чтò въ жизни той звучатъ объ нихъ молвою,
Склонили небо такъ ихъ предпочесть.»

79. Межъ тѣмъ раздался голосъ надо мною:
«Воздайте честь пѣвцу высокихъ думъ!
Отшедшій духъ намъ возвращенъ судьбою.»

82. И вотъ четыре призрака на шумъ
Къ намъ двинулись, чтобъ ввесть въ свою обитель:
Былъ образъ ихъ ни свѣтелъ ни угрюмъ.

85. Тогда такъ началъ мой благій учитель:
«Узри того, чтò шествуетъ съ мечемъ,
Ведя другихъ какъ нѣкій повелитель.

88. То самъ Гомеръ, поэтовъ царь; потомъ
Горацій, бичъ испорченному нраву;
Назонъ съ Луканомъ вслѣдъ идутъ вдвоемъ.

91. Одно намъ имя всѣмъ снискало славу,
Какъ здѣсь о томъ вѣщалъ одинъ глаголъ;
Затѣмъ и честь мнѣ воздаютъ по праву.»

---

68. *Огонь.* Гдѣ-то среди мрака, покрывающаго Лимбъ, горитъ пламя, которое и освѣщаетъ обитель героевъ. — *Полу-объятый сводомъ мглы глубокой*, въ подлин.: Ch'emisperio di tenebre vincia. Я перевелъ это темное мѣсто согласно объясненію Копиша: если свѣтъ озаряетъ какое нибудь мѣсто, тогда окружающій мракъ, на подобіе небеснаго свода, будетъ лежать надъ свѣтомъ и давать ему видъ полушарія.

72. *Почтенный сонмъ.* Это герои и великіе мужи древности. Данте можетъ разсмотрѣть ихъ уже издали, потому что они помѣщены на холмѣ, постепенно возвышающемся.

80 — 81. Этотъ голосъ есть привѣтствіе Виргилію, который и въ обители славы пріемлется съ подобающею честію.

86. Мечь въ рукѣ Гомера есть символъ воспѣтыхъ имъ битвъ.

91. Т. е. имя пѣвца (ст. 80.)

93. Великія натуры воздаютъ честь другъ другу, низкія другъ другу завидуютъ. Копишъ.

94. Такъ собрались пѣвцы прекрасныхъ школъ
Вокругъ отца высокаго творенья,
Что̀ выше всѣхъ летаетъ какъ орелъ.

97. Поговоривъ другъ съ другомъ, знакъ почтенья
Мнѣ воздали они: учитель мой
На то смотрѣлъ съ улыбкой одобренья.

100. И былъ почтенъ я высшей похвалой:
Поставленный въ ихъ сонмѣ, полномъ чести,
Я былъ шестымъ средь мудрости такой.

103. Такъ къ свѣту шли мы шесть пѣвцевъ всѣ вмѣстѣ,
Бесѣдуя, но сказанныхъ рѣчей
Не привожу, въ своемъ приличныхъ мѣстѣ.

106. Вблизи отъ насъ былъ дивный градъ тѣней,
Семь разъ вѣнчанный гордыми стѣнами,
И вкругъ него прекрасныхъ волнъ ручей.

109. Пройдя потокъ какъ сушу съ мудрецами,
Чрезъ семь воротъ вошли мы въ градъ, гдѣ лугъ
Муравчатый открылся передъ нами.

112. Съ величіемъ тамъ тѣни бродятъ вкругъ,
И строгое медлительно ихъ око
И сладостенъ рѣчей ихъ рѣдкихъ звукъ.

---

99 — 100. Здѣсь, въ обители героевъ, не только нѣтъ вздоховъ, которыми потрясаютъ воздухъ неизвѣстные язычники въ темномъ отдѣлѣ Лимба, но даже замѣтна и радость при видѣ чужой славы.

104 — 105. Задушевныя думы поэтовъ, зародыши будущихъ творческихъ ихъ созданій, не должны быть преждевременно высказываемы. Копишь.

106. *Дивный градъ* (въ подлин: un nobile castello) есть зеленѣющій холмъ, который, будучи озаренъ свѣтомъ и окруженъ семью стѣнами, возвышается по внутренней окружности Лимба надъ адской бездной. Семь стѣнъ, по толкованію Ландино и Веллутелло, означаютъ семь добродѣтелей, доступныхъ и язычникамъ: благоразуміе, воздержаніе, справедливость, силу, разумъ, науку и мудрость, или, по объясненію Даніелло, семь свободныхъ искусствъ, составлявшихъ въ средніе вѣка такъ-наз. *trivium* и *quadrivium* (грамматику, реторику, діалектику, ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію). Ручей объясняютъ какъ эмблему краснорѣчія. Копишь принимаетъ первое объясненіе; онъ говоритъ: кто не обладаетъ этими добродѣтелями, тотъ не можетъ проникнуть въ обитель героевъ, потому и ручей вокругъ города служитъ для того только, чтобъ защитить обитель славныхъ отъ вхожденія въ нее людей недостойныхъ, не прославившихся никакою доблестью.

115. Тамъ, въ сторонѣ, взошли мы на высокій,
Открытый всюду, озаренный долъ,
Отколѣ всѣхъ я видѣть могъ далеко.

118. На бархатѣ луговъ, я тамъ нашелъ
Великихъ сонмъ, скитавшійся предъ нами,
И, видя ихъ, въ восторгъ я вдругъ пришелъ.

121. Электра тамъ со многими друзьями,
Межъ коихъ былъ и Гекторъ и Эней
И Цезарь, тѣнь съ сокольими очами.

124. Камилла тамъ, Пентезилея съ ней,
И царь Латинъ, поодаль возсѣдавшій
Съ Лавиніей, со дщерію своей.

127. Тамъ былъ и Брутъ, Тарквинія изгнавшій,
Лукреція съ Корнельей средь подругъ
И Саладинъ, вдали отъ всѣхъ мечтавшій.

---

121 — 123. Электра (Electra scilicet, nata magni nominis, regis Atlantis. Dante, De Monarchia, 2), дочь не Агамемнона, но Атланта, супруга Аталана, основавшаго, по словамъ Рикордано Малеспини, древнѣйшаго лѣтописца флорентинскаго, городъ Фіезоле, изъ котораго возникла впослѣдствіи Флоренція (Ада XV. 72). Она мать Дардана, основателя Трои, потому и окружена троянцами: Гекторомъ, защитникомъ Трои, Энеемъ, основателемъ Римской Имперіи (Ада II, 13 — 27), и Цезаремъ, первымъ ея императоромъ (примѣч. къ Ада I, 70 — 72), который, родомъ отъ Іула, сына Энеева, также былъ троянскаго происхожденія.

123. Светоній говоритъ о черныхъ, живыхъ глазахъ Цезаря—«nigris vegetisque oculis.»

124. Камилла, воинственная дочь Метаба, царя Вольсковъ, пала за Лаціумъ; Пентезилея, царица Амазонокъ, сражалась и пала за Трою.

125. Латинъ и Лавинія, тесть и супруга Энея.

127. Луцій Юній Брутъ. Лукреція, супруга Коллатина, обезчещенная Секстомъ Тарквиніемъ. Корнелія, мать Гракховъ. — Въ подлинникѣ еще поименованы: Юлія, дочь Цезаря, супруга Помпея Великаго, и Марція, супруга Катона Утическаго (Чист. I, 79).

129. Саладинъ, султанъ вавилонскій, благородный противникъ христіанскаго Рима, естественно находится одинъ вдали отъ прочихъ римскихъ героевъ. Помѣстивъ его въ число славныхъ мужей, Данте хотѣлъ выразить свое безпристрастіе.

130. Я взоръ возвелъ и мнѣ явился духъ —
Учитель тѣхъ, что̀ въ мудрость умъ вперяютъ,
И съ нимъ семья философовъ вокругъ.

133. Всѣ чтутъ его, всѣ на него́ взираютъ;
Одинъ Сократъ съ Платономъ отъ другихъ
Къ нему всѣхъ ближе мѣсто занимаютъ.

136. И Демокритъ, что̀ міръ судьбой воздвигъ,
И Діогенъ, Зенонъ съ Анаксагоромъ,
И Эмпедоклъ, Орфей, Эвклидъ межъ нихъ;

139. Діоскоридъ, прославившійся сборомъ,
И Цицеронъ и Ливій и Ѳалесъ
И моралистъ Сенека передъ взоромъ;

142. И Птоломей, измѣритель небесъ,
И Гиппократъ, съ Галеномъ, съ Авиценной,
И, толкователь словъ, Аверроэсъ.

145. Но кто жъ исчислитъ весь ихъ сонмъ почтенный?
Мой долгій трудъ торопитъ такъ меня,
Что часто рѣчь полна несовершенно.

148. Тутъ ликъ шести умалился двумя,
И я вошелъ, вслѣдъ за моимъ поэтомъ,
Изъ тишины туда, гдѣ вихрь, шумя,

151. Кружитъ въ странѣ, неозаренной свѣтомъ.

130— 131. *Учитель* и проч.—Аристотель. Чтобъ взглянуть на него, Данте долженъ поднять голову. Онъ не называетъ его по имени, воздавая тѣмъ ему особенную почесть, ибо увѣренъ, что Аристотеля узнаетъ каждый и безъ наименованія

136. Демокритъ изъ Абдеры полагалъ, что міръ возникъ изъ случайнаго соединенія атомовъ.—Въ подлин: che 'l mondo a caso pone (который основалъ міръ на случаѣ).

139. Діоскоридъ, греческій врачъ, писавшій о свойствахъ травъ и камней, о ядахъ и противоядіяхъ.

142. Птоломей, географъ и астрономъ, основатель системы міроазданія, которой слѣдуетъ Данте въ своей поэмѣ.

144. Аверроэсъ изъ Кордовы, арабскій философъ, извѣстный съ средніе вѣка своимъ толкованіемъ на Аристотеля.

148. Изъ шести поэтовъ отходятъ двое — Данте и Виргилій.

ПѢСНЬ V.

Содержаніе. Поэты спускаются во второй кругъ ада, меньшій пространствомъ, но исполненный большей муки. При самомъ входѣ, они встрѣчаютъ Миноса, адскаго судію, занятаго распредѣленіемъ по аду грѣшниковъ, къ нему безпрестанно прибывающихъ. При видѣ Данта, Миносъ прерываетъ на время исполненіе своей обязанности и напоминаетъ живому пришельцу о дерзости его предпріятія; но тѣми же словами, которыми укрощенъ былъ Харонъ, Виргилій укрощаетъ и Миноса. Между тѣмъ жалобные крики грѣшниковъ начинаютъ становиться явственными. Это крики сладострастныхъ: среди вѣчнаго мрака неистовый вихрь адскій вѣчно носитъ ихъ во всѣ стороны. Изъ ихъ числа Виргилій поименовываетъ Данту нѣкоторыхъ, преимущественно женщинъ; но особенное вниманіе возбуждаютъ двѣ тѣни, неразлучно носимыя бурею — тѣнь Паоло Малатеста ди Римини и жены его брата Франчески. Данте призываетъ ихъ, разспрашиваетъ о причинѣ ихъ мученій, и одна изъ двухъ тѣней разсказываетъ ему о началѣ и трагическомъ концѣ своей преступной любви. Потрясенный до глубины сердца состраданіемъ къ ихъ участи, Данте лишается чувствъ и падаетъ какъ мертвый.

---

1. Такъ съ первой мы спустилися ступени
Внизъ во второй, пространствомъ меньшій, кругъ,
Гдѣ больше мукъ, отъ нихъ же воютъ тѣни.

4. Скрежещетъ тамъ Миносъ, ужасный духъ,
Изслѣдуетъ грѣхи у входа, судитъ
И шлетъ, смотря какъ обовьется вкругъ.

7. Я говорю: едва къ нему прибудетъ
На покоянье злая тѣнь и сей
Всѣхъ прегрѣшеній вѣдатель разсудитъ:

10. Какое мѣсто въ адѣ выбрать ей,—
Хвостъ столько разъ онъ вкругъ себя свиваетъ,
На сколько внизъ низпасть ей ступеней.

13. Всегда предъ нимъ ихъ множество стенаетъ:
Тѣнь каждая ждетъ въ очередь суда, —
Повѣдаетъ, услышитъ, исчезаетъ.

---

2 — 3. Чѣмъ ближе круги ада къ центру земли, тѣмъ болѣе съуживаются (см. прим. къ Ад. IV, 7 — 9).

4. Миносъ, сынъ Юпитера и Европы, миѳологическій судія мертвыхъ, преобразованъ, подобно Харону, въ бѣса (см. прим. къ Ад. III, 83). По объясненію нѣкоторыхъ, онъ олицетворяетъ собою пробужденную злую совѣсть.

16. «О ты, пришлецъ въ домъ скорби и стыда!»
Узрѣвъ меня, вскричалъ Миносъ ужасный,
Прервавъ заботу тяжкаго труда:

19. «Взгляни, съ кѣмъ ты дерзнулъ въ сей путь опасный:
Пространствомъ вратъ себя не обольщай!» —
И вождь ему: «Къ чему жъ твой крикъ напрасный?

22. Путь роковой ему не воспрещай!
Такъ *тамъ* хотятъ, гдѣ каждое желанье
Ужъ есть законъ: Миносъ, не вопрошай!» —

25. Здѣсь явственнѣй услышалъ я стенанье
Печальныхъ душъ: я былъ въ странѣ тѣней,
Гдѣ такъ пронзило слухъ мой ихъ рыданье.

28. Я былъ въ краю, гдѣ смолкнулъ свѣтъ лучей,
Гдѣ воздухъ воетъ, какъ въ часъ бури море,
Когда сразятся вѣтры средь зыбей.

31. Подземный вихрь, бушуя на просторѣ,
Съ толпою душъ кружится въ царствѣ мглы:
Разя, вращая, умножаетъ горе.

34. Когда жъ примчитъ къ окраинѣ скалы,
Со всѣхъ сторонъ тутъ плачъ и стонъ и крики,
На промыселъ божественный хулы.

37. И я узналъ, что казни столь великой
Обречены плотскіе тѣ слѣпцы,
Что разумъ свой затмили страстью дикой.

---

18. Миносъ прерываетъ отправленіе своей обязанности: значитъ, Данте не принадлежитъ къ числу грѣшниковъ. Въ первой пѣснѣ онъ былъ только представителемъ грѣха другихъ.

20. Намекъ на Виргиліево изрѣченіе: „facilis discensus Averni."

23 — 24. Тѣми же словами, которыми Виргилій укротилъ гнѣвъ Харона (Ада III, 94 — 96), укрощаетъ онъ и адскаго судію. Это повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ даетъ Виргилію характеръ чародѣя и заклинателя, — характеръ, который онъ носилъ въ средніе вѣка.

28. Въ подлин: luogo d'ogni luce muto. Я рѣшился удержать эту смѣлую метафору, часто встрѣчающуюся у Данта.

34. Окраина скалы есть внутренній край адскаго круга, граничущій съ бездной: сюда устремлены души бурею, какъ корабль, разбивающійся о подводный камень.

37—39. Здѣсь наказуются сладострастные (i peccator carnali). «Какъ въ жизни вѣчно стремила ихъ необузданная страсть, лишая ихъ спокойствія, такъ

40. И какъ густой станицею скворцы
Летятъ, когда зимы приходитъ время:
Такъ буйный вѣтръ несетъ во всѣ концы,

43. Туда, сюда, внизъ, къ верху, злое племя;
Найдти покой надежды всѣ прошли,
Не облегчается страданій бремя!

46. И какъ, крича печально, журавли
Несутся въ небѣ длинною чертою:
Такъ поднята тѣмъ вѣтромъ отъ земли

49. Толпа тѣней и нѣтъ конца ихъ вою. —
И я спросилъ: «Какой ужасный грѣхъ
Казнится здѣсь подъ темнотой ночною»?

52. И мнѣ учитель: «Первая изъ тѣхъ,
О коихъ ты желаешь знать, когда-то
Владычица земныхъ нарѣчій всѣхъ, —

55. Такъ сладострастіемъ была объята,
Что, скрыть желая срамъ свой отъ гражданъ,
Рѣшилась быть потворницей разврата.

58. Семирамиду видишь сквозь туманъ:
Наслѣдовавъ отъ Нина силу власти,
Царила тамъ, гдѣ злобствуетъ султанъ.

и здѣсь безпрестанно кружитъ ихъ адскій вихрь. Какъ въ жизни голосъ желанія увлекалъ ихъ противъ воли на утесы и въ пропасти, гдѣ погибали они духовно, а нерѣдко и физически, такъ и здѣсь, въ странѣ вѣчнаго наказанія, повинуются они тому же голосу. И вотъ, встрѣчая опасность, они обвиняютъ не самихъ себя, за то, что на вѣки покорили дикой ослѣпляющей страсти даръ божественный — разумъ и свободную волю; но съ тѣмъ же безуміемъ, въ той же слѣпотѣ обвиняютъ божественную силу и промыслъ." Штрекфуссъ.

52. Изъ грѣшниковъ этого круга Данте упоминаетъ преимущественно о женщинахъ, можетъ быть потому, что женскій полъ наиболѣе склоненъ къ грѣху, здѣсь наказуемому. Каннегиссеръ.

58. Семирамида, царица вавилонская и ассирійская, названа „владычицей всѣхъ нарѣчій," или потому, что повелѣвала многими народами, или потому, что Вавилонъ, ея столица, былъ мѣстомъ смѣшенія языковъ. Объ ней есть преданіе, которое гласитъ, что она закономъ дозволила сыновьямъ жениться на матеряхъ, и сама вышла замужъ за сына, котораго впослѣдствіи убила. На этотъ законъ намѣкается въ ст. 55 — 56. Семирамида послужила Данту превосходнымъ образцемъ необузданной чувственности, потому онъ и избралъ ее въ предводительницы вереницы тѣней. Въ средніе вѣка

61. Другая грудь пронзила въ дикой страсти,
Сихею данный позабывъ обѣтъ;
Съ ней Клеопатра, жертва сладострастій.»

64. Елена здѣсь, причина столькихъ бѣдъ;
Здѣсь тотъ Ахиллъ, воитель быстроногій,
Что̀ былъ сраженъ любовью средь побѣдъ;

67. Здѣсь и Парисъ, здѣсь и Тристанъ, и много
Мнѣ указалъ и назвалъ онъ тѣней,
Низвергнутыхъ въ сей міръ любовью строгой.

70. Пока мой вождь мнѣ исчислялъ царей
И рыцарей и дѣвъ, мнѣ стало больно
И обморокъ мрачилъ мнѣ свѣтъ очей.

73. «Поэтъ», я началъ, «мысль моя невольно
Устремлена къ четѣ, парящей тамъ,
Съ которой вихрь такъ мчится произвольно.»

76. И онъ: «Дождись, когда примчатся къ намъ:
Тогда моли любовью, ихъ ведущей,—
И прилетятъ онѣ къ твоимъ мольбамъ.»—

ходила въ народѣ легенда о подобной вереницѣ душъ, носящейся по ночамъ среди бури.

60. Странами, гдѣ царствовала Семирамида, управляли во времена Данта султаны турецкіе и курдистанскіе.

65. Ахиллесъ, влюбленный въ Поликсену, былъ умерщвленъ стрѣлой ея брата Париса.

67. Парисъ или похититель Елены, жены Менелаевой, или знаменитый въ средніе вѣка герой рыцарскаго романа этого имени. — Тристанъ, первый странствующій рыцарь, изъ цикла баснословныхъ сказаній о королѣ Артурѣ. Онъ былъ влюбленъ въ Изотту или Изальду (Бѣлорукую), супругу Марка корнвалійскаго, своего дяди, и за то убитъ ядовитой стрѣлой послѣдняго.

74. Эта чета тѣнь Паоло и Франчески. Боккаччіо въ своемъ комментаріи къ Дантовой поэмѣ такъ разсказываетъ трагическую исторію этихъ двухъ любовниковъ. Между Гвидо да Полента, властителемъ Равенны и Червіи, и домомъ Малатеста ди Римини существовала давнишняя фамильная вражда. Наконецъ раздоръ между двумя домами былъ улаженъ, при чемъ положено было для прочности дружбы выдать Франческу, прекрасную дочь Гвидо, за Джіанчіотто, сына Малатеста. Какъ скоро объ этомъ узнали, одинъ изъ друзей Гвидо далъ ему замѣтить, что дочь его едва ли согласится выйдти за хромаго, безобразнаго Джіанчіотто, отличавшагося сверхъ того свирѣпостью нрава; а потому совѣтовалъ прибѣгнуть къ хитрости. Хитрость эта состояла въ томъ, чтобы самъ Джіанчіотто не являлся для свершенія брачнаго

79. Какъ скоро къ намъ принесъ ихъ вѣтръ ревущій,
Я поднялъ гласъ: «Не скрой своей тоски,
Чета тѣней, коль то велитъ Всесущій!»
82. Какъ, на призывъ желанья, голубки
Летятъ къ гнѣзду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нѣжны и легки:
85. Такъ, разлучась съ толпою, гдѣ Дидона,
Сквозь мракъ тлетворный къ намъ примчались вновь:
Такъ силенъ зовъ сердечнаго былъ стона!
88. «О существо, постигшее любовь!
О ты, который здѣсь во тьмѣ кромѣшной
Увидѣлъ насъ, пролившихъ въ мірѣ кровь!

обряда, а прислалъ бы вмѣсто себя однаго изъ своихъ братьевъ. Гвидо, желавшій имѣть зятемъ Джіанчіотто, какъ человѣка весьма умнаго, а главное—прямаго наслѣдника своего отца послѣ его смерти, воспользовался совѣтомъ друга. Такимъ образомъ, одинъ изъ братьевъ Джіанчіотто, Поло или Паоло, прекрасный, образованный юноша, прибылъ на мѣсто брата, чтобъ обвѣнчаться съ Франческой. Франческа тотчасъ же влюбилась въ него страстно и вскорѣ была съ нимъ обвѣнчана. Поло увезъ ее въ Римини; но и тамъ она узнала обманъ только на другой день, когда, проснувшись, вмѣсто Поло нашла около себя Джіанчіотто. Глубоко оскорбленная этимъ поступкомъ, она тѣмъ съ большей силой предалась своей страсти къ Поло. Ежедневно видились они въ отсутствіи Джіанчіотто, уѣхавшаго изъ Римини по своимъ дѣламъ. Впрочемъ, они были недовольно осторожны: одинъ изъ слугъ Джіанчіотто, подслушавъ ихъ разговоръ, извѣстилъ объ этомъ своего господина. Джіанчіотто въ бѣшенствѣ возвратился въ Римини и началъ наблюдать за любовниками. Подмѣтивъ, что Поло вошелъ къ Франческѣ, онъ послѣшилъ за нимъ; но, найдя двери запертыми извнутри, началъ сильно стучаться и называлъ Франческу по имени. Любовники тотчасъ узнали его по голосу. Поло умолялъ Франческу впустить ея мужа, надѣясь скрыться чрезъ потаенную дверь и тѣмъ спасти честь Франчески. Но въ торопяхъ онъ зацѣпился платьемъ за желѣзный крюкъ потаенной двери въ ту самую минуту, когда Джіанчіотто ворвался въ комнату. Въ бѣшенствѣ онъ бросился на Поло съ обнаженнымъ кинжаломъ. Чтобы спасти Поло, Франческа кинулась между имъ и мужемъ; кинжалъ, направленный въ грудь Поло, погрузился ей въ сердце. Увидѣвъ у ногъ своихъ мертвую Франческу, Джіанчіотто тѣмъ съ большей яростію бросился на своего брата и закололъ его. Это случилось 4 Сентября 1289. Племянникъ этой Франчески, Гвидо V Полентскій, былъ до смерти Данта искреннимъ его другомъ и лучшимъ покровителемъ.

85. Въ этой толпѣ, по видимому, находятся души тѣхъ, которые вслѣдствіе преступной любви кончили жизнь насильственной смертью.

91. Когда бъ Господь внималъ молитвѣ грѣшной,
Молили бъ мы послать тебѣ покой
За грусть о нашей скорби неутѣшной.

94. Что скажешь намъ? что хочешь знать? открой:
Все выскажемъ и выслушаемъ вскорѣ,
Пока замолкъ на время вѣтра вой.

97. Лежитъ страна, гдѣ я жила на горе,
У взморья, тамъ, гдѣ мира колыбель
Находитъ По со спутниками въ морѣ.

100. Любовь, сердецъ прекрасныхъ связь и цѣль,
Моей красой его обворожила
И я, лишась ея, грущу досель.

103. Любовь, любимому любить судила
И такъ меня съ нимъ страстью увлекла,
Что, видишь, я и здѣсь не разлюбила.

106. Любовь къ одной насъ смерти привела;
Того, кѣмъ мы убиты, ждутъ въ Каинѣ!»
Такъ намъ одна изъ двухъ тѣней рекла.

109. Склонивъ чело, внималъ я о причинѣ
Мученій ихъ, не подымалъ главы,
Пока мой вождь: «О чемъ ты мыслишь нынѣ?»

112. И, давъ отвѣтъ, я продолжалъ: «Увы!
Какъ много сладкихъ думъ, какія грёзы
Ихъ низвели въ мученьямъ сей толпы?»

115. И къ нимъ потомъ: «Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой разсказъ
Въ очахъ рождаетъ состраданья слёзы.

118. Но объясни: томленій въ сладкій часъ
Чрезъ *что* и *какъ* неясныя влеченья
Уразумѣть страсть научила васъ?»

---

95. Даже адская буря на время замолкаетъ, пока Франческа разсказываетъ печальную исторію своей любви.

97—99. Франческа родилась въ Равеннѣ, при впаденіи рѣки По въ море.

107. Каина, одно изъ отдѣленій девятаго круга, названное такъ по имени Каина; въ немъ наказуются братоубійцы.

109 — 111. Данте вспоминаетъ здѣсь собственную слабость.

121. И мнѣ она: «Нѣтъ большаго мученья,
Какъ о порѣ счастливой вспоминать
Въ несчастіи: твой вождь того же мнѣнья.

124. Ты хочешь страсти первый корень знать?
Скажу, какъ тотъ, который вѣсть печали
И говоритъ и долженъ самъ рыдать.

127. Однажды мы, въ мигъ счастія, читали,
Какъ Ланчелотъ въ безуміи любилъ:
Опасности быть вмѣстѣ мы не знали.

130. Не разъ въ лицѣ румянца гаснулъ пылъ
И взоръ его встрѣчалъ мой взоръ безпечный;
Но злой романъ въ тотъ мигъ насъ побѣдилъ,

133. Когда прочли, какъ поцѣлуй сердечный
Былъ приманенъ улыбкою къ устамъ,
И тотъ, съ кѣмъ я ужъ не разстанусь вѣчно,

136. Затрепетавъ, къ моимъ приникнулъ самъ....
Былъ Галеотто авторъ книги гнусной!...,
Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ!»

139. Такъ духъ одинъ сказалъ, межъ тѣмъ такъ грустно
Рыдалъ другой, что въ скорби наконецъ
Я обомлѣлъ отъ повѣсти изустной

142. И палъ безъ чувствъ, какъ падаетъ мертвецъ.

---

122. По толкованію однихъ, это намекъ на слова Виргилія: Infandum regina jubes renovare dolorem; но съ большимъ вѣроятіемъ должно разумѣть здѣсь Боеція, который въ книгѣ своей: De consolatione, сказалъ: In omni adversitate fortunae infelicissimum genus infortunii est fuisse felicem. Книга эта составляла для Данта утѣшеніе по смерти его Беатриче.

128. Ланцелотъ озера, рыцарскій романъ изъ цикла сказаній о Кругломъ Столѣ. Ланцелотъ былъ сынъ свергнутаго съ престола короля Банъ де Беноа; его спасла и воспитала „Царица озера.“ Впослѣдствіи онъ отличился рыцарскими подвигами при дворѣ короля Артура и влюбился въ его супругу Жиневру. Ланцелотъ былъ любимый романъ высшаго круга во времена Данта.

137. Галлего (Галеотто), король *d'outre les marches*, сперва воевалъ противъ Артура, но, побѣжденный Ланцелотомъ, примирился съ Артуромъ также при помощи послѣдняго. Въ благодарность Галлего сдѣлался посредникомъ въ любовной интригѣ между Жиневрой и Ланцелотомъ. Съ того времени всѣхъ людей подобнаго рода называли Галеоттами.

ПѢСНЬ VI.

Содержаніе. Данте въ третьемъ кругу ада. Здѣсь подъ градомъ, снѣгомъ и ливнемъ мутной воды казнятся обжоры, увязшіе въ грязной тинѣ. Трехглавое чудовище Церберъ, стражъ этого круга, хватаетъ грѣшниковъ, четверитъ ихъ, сдераетъ съ нихъ кожу. Съ яростію бросается онъ на поэтовъ; но горсть земли, брошенная Виргиліемъ въ тройную пасть чудовищу, укрощаетъ его. Поэты идутъ далѣе, попирая грѣшниковъ, смѣшанныхъ въ одну отвратительную кучу съ грязью. Одинъ изъ нихъ, флорентинецъ Чіакко, приподнимается и, на вопросъ Данта, предсказываетъ ему будущія судьбы Флоренціи и его собственное изгнаніе. Данте спрашиваетъ его объ участи нѣкоторыхъ флорентинцевъ и узнаетъ, что они въ болѣе глубокихъ кругахъ ада. Попросивъ живаго странника напомнить о себѣ своимъ соотчичамъ, Чіакко упадаетъ лицемъ въ грязь и навсегда замолкаетъ. Въ бесѣдѣ о будущей неземной жизни, Виргилій и Данте приходятъ къ границѣ третьяго круга и, спустившись въ четвертый кругъ, встрѣчаютъ демона богатства, великаго врага человѣчества, Плутуса.

---

1. Съ возвратомъ чувствъ, къ которымъ входъ закрылся
При видѣ мукъ двухъ родственныхъ тѣней,
Когда печалью весь я возмутился, —

4. Иныхъ скорбящихъ, рядъ иныхъ скорбей
Я зрѣлъ вездѣ, куда ни обращался,
Куда ни шелъ, ни устремлялъ очей.

---

1. Обморокъ, въ который упалъ Данте въ концѣ предыдущей пѣсни, какъ бы заперъ двери чувствъ для впечатлѣній внѣшняго міра. Филалетесъ.

1 — 3. Данте не говоритъ, какимъ образомъ перешелъ онъ изъ втораго круга въ третій, вѣроятно потому, что хотѣлъ намѣкнуть читателю, что душа его и по возвращеніи въ немъ чувствъ такъ сильно была потрясена горестною судьбою двухъ любовниковъ, что онъ не обратилъ никакого вниманія на путь, теперь имъ пройденный. Оно пробудилось въ немъ только при видѣ новой казни. Штрекфуссъ.

7. Я былъ въ кругу, гдѣ ливень проливался
Проклятый, хладный, вѣчный: никогда
Ни въ мѣрѣ онъ ни въ свойствахъ не мѣнялся.

10. Градъ крупный, снѣгъ и мутная вода
Во мракѣ тамъ шумятъ однообразно;
Земля, принявъ ихъ, тамъ смердитъ всегда.

13. Тамъ Церберъ, звѣрь свирѣпый, безобразный,
По-песьи лаетъ пастію тройной
На грѣшный родъ, увязшій въ тинѣ грязной.

16. Онъ, съ толстымъ чревомъ, съ сальной бородой,
Съ когтьми на лапахъ, съ красными глазами,
Хватаетъ злыхъ, рветъ кожу съ нихъ долой.

19. Какъ псы тамъ воютъ души въ грязной ямѣ:
Спасая бокъ одинъ другимъ, не разъ
Перевернутся съ горькими слезами.

22. Червь исполинскій, лишь завидѣлъ насъ,
Клыкастыя три пасти вдругъ разинулъ;
Отъ бѣшенства всѣ члены онъ потрясъ.

---

7. Въ этомъ кругу казнятся обжоры (i miseri profani). «Дождь, этотъ благодатный даръ неба, орошающій землю, здѣсь во мракѣ, недоступномъ для солнечнаго свѣта, ничего не производитъ, кромѣ отвратительной грязи и смрада: дары неба тщетно расточаются для сластолюбцевъ. Грѣшники погружены въ грязь: не то же ли случалось съ ними и въ жизни? Они не въ силахъ изъ нея подняться; тщетно пытаясь изъ нея освободиться, они только поворачиваются съ бока на бокъ; если же и случится имъ приподняться, они тотчасъ же снова упадаютъ (ст. 91 — 93) и притомъ напередъ головою, вмѣстилищемъ ихъ духовныхъ силъ; до того она отяжелѣла, что сама клонитъ ихъ къ землѣ». Копишь и Штрекфуссъ.

13. Подобно Харону и Миносу, Виргиліевъ Церберъ превращенъ въ бѣса, треглавый образъ котораго кончается въ исполинскаго червя или змѣю. Червемъ, который точитъ міръ, названъ и Люциферъ (Ада XXXIV, 107). Онъ съ тройною пастью, съ толстымъ чревомъ, съ сальной (въ подлин: съ черной и сальной) бородой, съ красными глазами — сущее олицетвореніе обжорства. Онъ насыщается грязью: этимъ выражена цѣнность того, чѣмъ сластолюбцы стремятся удовлетворить свои желанія, ради чего они забываютъ о высшемъ назначеніи человѣка — о развитіи высшихъ духовныхъ силъ. Лай Цербера оглушаетъ грѣшниковъ; это голосъ злой ихъ совѣсти, для которой въ грязи своей они охотно желали бы вѣчно быть глухими.

25. Тогда мой вождь персты свои раздвинулъ,
Схватилъ земли и смрадной грязи комъ
Въ зѣвъ ненасытный полной горстью кинулъ.

28. Какъ песъ голодный воетъ и потомъ
Стихаетъ, стиснувъ кость зубами злыми,
И давится и борится съ врагомъ:

31. Такъ, сжавъ добычу челюстьми тройными,
Сей Церберъ-бѣсъ столь яростно взревѣлъ,
Что грѣшники желали бъ быть глухими.

34. Чрезъ сонмъ тѣней, надъ коимъ дождь шумѣлъ,
Мы шли и, молча, ноги поставляли
На призракъ ихъ, имѣвшій образъ тѣлъ.

37. Простертыя, всѣ на землѣ лежали;
Одинъ лишь духъ привсталъ и сѣлъ, сквозь сонъ
Узрѣвъ, что мимо путь свой мы держали.

40. «О ты, ведомый въ бездну,» молвилъ онъ,
«Узнай меня, коль не забылъ въ разлукѣ:
Ты созданъ прежде, чѣмъ я погубленъ.»

43. И я: «Твой ликъ такъ исказили муки,
Что ты исчезъ изъ памяти моей
И словъ твоихъ мнѣ незнакомы звуки.

---

26 — 27. Подражаніе Виргилію, Aen. VI, 420.
Cui vates, horrere videns jam colla colubris,
Melle soporatam et medicatis frugibus offam
Objicit. Ille fame rabida tria guttura pandens
Corripit objectam, atque immania terga resolvit
Fusus humi, totoque ingens extenditur antro.

35 — 36. Не смотря на то, что грѣшники, наказуемые въ этомъ кругу, имѣютъ человѣческій образъ и кажутся дѣйствительными существами, они такъ ничтожны, что ихъ нельзя отличить отъ зловонной грязи, въ которую погрязла ихъ душа. Какъ грязь, Данте попираетъ ихъ ногами, обращая на нихъ столько же вниманія, какъ и на грязь настоящую. Каннегиссеръ.—Вообще однакожъ замѣтимъ, что Дантовы тѣни въ аду еще не совсѣмъ освобождены отъ земли, существо ихъ еще связано съ нѣкоторою матеріальностію; въ чистилищѣ онѣ болѣе духовны; наконецъ въ раю души называются уже не тѣнями, а свѣтами, ибо вѣчно окружены свѣтомъ оживляющей ихъ радости.

46. Скажи жъ, кто ты, гнетомый мукой сей,
Хоть, можетъ быть, не самою ужасной,
Но чья же казнь презрѣннѣе твоей?» —

49. И онъ: «Твой градъ, полнъ зависти опасной, —
Сосудъ, готовый литься чрезъ края —,
Меня въ себѣ лелѣялъ въ жизни ясной.

52. У васъ, граждане, Чіаккомъ прозванъ я:
За гнусный грѣхъ обжорства, въ низкой долѣ,
Ты видишь, ливень здѣсь крушитъ меня.

55. И, злая тѣнь, я не одна въ семъ полѣ;
Но та же казнь здѣсь скопищу всему
За грѣхъ подобный!» — И ни слова болѣ.

58. «До слезъ, Чіакко,» я сказалъ ему,
«Растроганъ я твоимъ страданьемъ въ адѣ;
Но, если знаешь, возвѣсти: къ чему

61. Дойдутъ граждане въ раздробленномъ градѣ?
Кто правъ изъ нихъ? скажи причину намъ,
Какъ партіи досель въ такомъ разладѣ?»

---

49. Флоренція въ это время была раздѣлена на партіи Бѣлыхъ и Черныхъ, споривших между собою о первенствѣ (см. ниже).

52. Чіакко есть или сокращенное Джіакопо, Яковъ, или прозвище, которое на флорентинскомъ нарѣчіи значитъ *свинья*. Невѣроятно, чтобы Данте въ обращеніи въ этому грѣшнику употребилъ сказанное слово въ насмѣшливомъ тонѣ, при томъ глубокомъ участіи, которое онъ принимаетъ въ его судьбѣ. Во всякомъ случаѣ эта игра словъ между *Чіакко*, Яковъ, и *чіакко*, свинья, рѣзко характеризуетъ представителя грѣха, здѣсь наказуемаго. Этотъ Джіакопо или Чіакко, по словамъ древнѣйшихъ комментаторовъ, былъ судья и веселый собесѣдникъ, пріятный въ обществѣ. Объ немъ упоминаетъ Боккаччіо Decamer. IX, 8.

60 — 63. Данте спрашиваетъ о судьбѣ роднаго города, потому что весною 1300 дѣла Флоренціи находились еще въ нерѣшенномъ состояніи.

64. Для яснаго уразумѣнія предсказанія Чіакко необходимо знать политическое состояніе Флоренціи того времени, тѣмъ болѣе, что эти историческія свѣдѣнія послужатъ намъ впослѣдствіи ключемъ для объясненія многихъ мѣстъ Дантовой поэмы.

Въ концѣ XIII столѣтія, Флоренція, изгнавъ партію Гибеллиновъ, наконецъ могла насладиться нѣкоторое время миромъ; но это спокойствіе было непро-

64. А онъ въ отвѣтъ: «По долгимъ распрямъ тамъ
Дойдутъ до крови: партія лѣсная,
Изгнавъ другую, навлечетъ ей срамъ.

должительно. Пистоія въ это время входила въ составъ гвельфскаго союза въ Тосканѣ, имѣя такое же народное правленіе, какъ и Флоренція. Одна изъ знаменитѣйшихъ фамилій этого города, Канчельери, раздѣлилась на двѣ линіи: члены одной назвали себя по матери, Біанки, *бѣлыми*, члены другой, въ противность ей, назвались *черными*. Эти партіи давно уже враждавали между собою и нерѣдко приходили въ кровавыя столкновенія; но въ 1300 вражда ихъ загорѣлась съ новою силою. Амадоре, одинъ изъ партіи Черныхъ, поссорившись, ранилъ своего родственника Ванни (изъ партіи Бѣлыхъ). Отецъ Амадоре, человѣкъ миролюбиваго характера, отправилъ сына къ отцу раненнаго извиниться въ своей запальчивости; но этотъ послѣдній, вмѣсто того, чтобы слушать оправданія, велѣлъ схватить Амадоре, и, сказавъ, что мечемъ, а не словами, рѣшаются такія оскорбленія, отрубилъ ему правую руку. Это злодѣйство тотчасъ раздѣлило весь городъ: одни приняли сторону Черныхъ, другіе Бѣлыхъ. Но распря не ограничилась одной Пистойей, а тотчасъ же передѣлась и Флоренціи, гдѣ враждебный духъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ еще не совершенно былъ подавленъ. Во Флоренціи сторону Черныхъ приняли члены стариннаго дворянскаго рода Донати (подъ предводительствомъ Мессера Корсо), а сторону Бѣлыхъ новый дворянскій домъ Черки (подъ начальствомъ Мессеръ Віеро). Смуты и кровопролитныя драки распространились по всему городу. Въ это время Флоренція управлялась пріорами, избиравшимися ежегодно по 6 человѣкъ, каждый на два мѣсяца. Желая прекратить волненія, они, согласно съ преданіемъ, по совѣту Данта, бывшаго съ 15 Іюня по 15 Августа прошедшаго года пріоромъ Флоренціи, изгнали изъ города предводителей обѣихъ партій: Черныхъ въ Перуджію, Бѣлыхъ въ Сарзану. Это было въ Февралѣ 1301. Въ то время Черные обратились къ папѣ Бонифацію VIII съ просьбою прислать имъ сторонняго правителя для водворенія у нихъ порядка. Между тѣмъ Бѣлые, какъ менѣе виновные, вскорѣ были призваны обратно, подъ предлогомъ, что климатъ Сарзаны былъ для нихъ вреденъ, и дѣйствительно многіе изъ нихъ погибли отъ болѣзней. Возвратившись въ городъ, они успѣли въ Іюнѣ 1301 изгнать и остальныхъ изъ партіи Черныхъ, которые и удалились къ своимъ вождямъ въ Перуджію. Принималъ ли какое участіе Данте въ этихъ интригахъ партій, очень сомнительно: достовѣрно только то, что онъ въ это время употребляемъ былъ для политическихъ дѣлъ и былъ отправленъ посломъ къ Бонифацію VIII. Между тѣмъ Бонифацій, доброхотствуя Чернымъ, какъ истымъ Гвельфамъ, отправилъ, вѣроятно по ихъ же проискамъ, Карла Валуа, брата французскаго короля Филиппа Прекраснаго, во Флоренцію подъ личиною миротворца. Начальство города приняло его съ честію и, по принесеніи имъ клятвы въ ненарушительномъ повиновеніи законамъ рес-

67. Но чрезъ три солнца побѣдитъ другая,
Изгнавъ лѣсныхъ при помощи того,
Чтò лавируетъ, берегъ обгибая.

70. Чело поднявъ до неба самаго,
Они врагу тяжелый гнетъ предпишутъ,
Хоть негодуй, хоть плачь онъ оттого.

73. Два правыхъ тамъ, но слѣва ихъ не слышатъ:
Гордыня, зависть, скупость — это три
Тѣ искры, ими же сердца тамъ пышатъ.»

публики, уполномочило его преобразовать и успокоить республику. Вскорѣ однакожъ онъ ввелъ въ городъ вооруженное войско. Этой минутою воспользовались Черные, ворвались въ городъ и пять дней съ ряду опустошали его огнемъ и мечемъ. Карлъ не принялъ рѣшительно никакихъ мѣръ для прекращенія этихъ смутъ и только заботился о томъ, чтобы всѣми зависѣвшими отъ него средствами добыть по болѣе денегъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изгналъ изъ города подъ различными предлогами всѣхъ непріязненныхъ ему гражданъ, между прочими и нашего поэта съ множествомъ Бѣлыхъ. Впрочемъ многіе изъ этой партіи оставались въ своихъ домахъ и послѣ отбытія Карла изъ Флоренціи (въ 1302), и только въ 1304 были окончательно изгнаны. Филалетесъ и Вегеле (Dante's Leben und Werke, 1852, 117 и д).

65. Партія *лѣсная* (la parte selvaggia)— партія Бѣлыхъ, названная такъ потому, что ея предводитель Віеро былъ урожденецъ лѣсной провинціи Валь ди Ніеволе. Къ ней принадлежалъ Данте. —*Другая* партія Черныхъ.

67. Т. е. по истеченіи трехъ солнечныхъ годовъ партія Черныхъ побѣдитъ Бѣлыхъ. Данте считаетъ отъ изгнанія Бѣлыхъ въ Іюнѣ 1301 до 1304, когда окончательно были изгнаны Бѣлые.

69. Въ подлин: che testè piaggia; *piaggiare* (отъ piaggia) собственно: лавировать около берега, louvoyer le long de la côte, отсюда въ политикѣ: louvoyer, играть двусмысленную роль (Vocabolario Dantesco par L. G. Blanc, 1852).—Здѣсь очевидно разумѣется Бонифацій VIII (см. выше).

73. Отвѣтъ на второй вопросъ Данта. Кто эти два правые, трудно рѣшить. Думаютъ, что Данте разумѣетъ здѣсь себя и друга своего, Гвидо Кавальканти, чтò однакожъ невѣроятно, потому что Гвидо былъ въ числѣ тѣхъ Бѣлыхъ, которые, по совѣту Данта же, были изгнаны въ Сарзану. Скорѣе можно допустить, что эти правые—Бардуччіо и Джіованни да Веспиньяно, о которыхъ упоминаетъ флорентинскій историкъ Виллани (Villani, X, 179).

76. Онъ смолкъ, терзаемъ горестью внутри,
И я: «Еще спрошу я у собрата,
Два слова лишь еще мнѣ подари:

79. Друзья добра, Теггьяіо, Фарината
И Рустикуччи, Моска и Арригъ
И прочіе гонители разврата —

82. Ахъ, гдѣ они? повѣдай мнѣ объ нихъ!
Узнать объ нихъ горю отъ нетерпѣнья —
Въ аду ль скорбятъ, иль рай лелѣетъ ихъ?» —

85. И онъ: «Въ числѣ чернѣйшихъ! преступленья
Различныя ихъ повлекли ко дну:
Низшедъ туда, увидишь ихъ мученья.

88. А какъ придешь въ ту сладкую страну,
Молю: пусть вспомнятъ обо мнѣ живые.
Довольно! дождь меня гнететъ ко сну.» —

91. Тутъ, искосивъ глаза свои прямые,
Онъ на меня взглянулъ, главу склонилъ
И палъ лицемъ какъ прочіе слѣпые.

94. И вождь сказалъ: «Надолго онъ почилъ:
Звукъ ангельской трубы его разбудитъ,
Когда придетъ Владыка грозныхъ силъ.

97. На гробъ печальный всѣхъ тотъ звукъ осудитъ,
Всѣ воспріимутъ плоть и образъ свой,
Услышатъ то, что въ вѣкъ гремѣть имъ будетъ.»

100. Мы тихо шли подъ бурей дождевой,
Топча въ грязи тѣней густыя кучи
И говоря о жизни неземной.

79—81. Не смотря на всѣ грѣхи этихъ государственныхъ людей Флоренціи, Данте не можетъ не отдать справедливости великимъ ихъ талантамъ. Всѣ они, исключая Арриго, изъ благородной гибеллинской фамиліи Физанти, помѣщены въ болѣе глубокихъ кругахъ: Фарината между ересіархами (Ада (X, 32), Теггьяіо и Рустикуччи между содомитами (XVI, 41—44), Моска между сѣятелями расколовъ (XXVII, 106). См. ниже.

93. Слѣпые духомъ.

103. И я: «Учитель, мѣры злополучій
Умножатся ль въ день страшнаго суда,
Умалются, иль будутъ столько жъ жгучи?» —

106. А онъ: «Къ наукѣ обратись, туда,
Гдѣ сказано, что чѣмъ кто совершеннѣй,
Тѣмъ больше зритъ онъ благъ, или вреда.

109. Хотя сей родъ, проклятый въ злой геennѣ,
Въ вѣкъ совершенъ не можетъ быть вполнѣ,
Ждетъ тѣмъ не менѣ казни утонченнѣй.»

112. Мы обогнули путь сей въ тишинѣ,
То говоря, чего здѣсь не замѣчу;
Когда жъ пришли, гдѣ сходятъ къ глубинѣ, —

115. Врагъ смерныхъ, Плутусъ, намъ предсталъ на встрѣчу.

---

103. «Какъ глубокомысленно спрашиваетъ Данте объ отдаленной будущности и грядущемъ состояніи душъ послѣ воскресенія мертвыхъ въ день страшнаго суда при видѣ грѣшниковъ, прилепившихся всей ихъ душею только къ низкому настоящаго!» Копишъ.

105. Въ подлин.: o saran sì cocenti.

106. Виргилій обращаетъ его къ Аристотелевой философіи, которая учитъ, что существо, чѣмъ болѣе совершенствуется, тѣмъ воспріимчивѣе становится для радости и скорби. Св. Августинъ говоритъ: «Cum fiet resurrectio carnis, et bonorum gaudia et malorum tormenta majora erunt.»

114. Они приходятъ къ внутренней границѣ третьяго круга, гдѣ спускъ въ четвертый кругъ.

115. Плутусъ, миѳологическое божество богатства.

ПѢСНЬ VII.

Содержаніе. Напомнивъ Плутусу паденіе Люцифера и тѣмъ укротивъ его бѣшенство, Виргилій вводитъ Данта въ четвертый кругъ. Здѣсь вмѣстѣ наказуются скупые и расточители. Съ страшнымъ воемъ вращаютъ они огромныя тяжести, каждый совершая свой полукругъ, сходятся съ двухъ сторонъ, сталкиваются съ поносными рѣчами и, расходясь, снова вращаютъ свои камни на новую встрѣчу. Узнавъ, что это большею частію духовные, папы и кардиналы, Данте хочетъ имѣть подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ; но Виргилій объясняетъ ему, что жизнь ихъ была такъ безвѣстна, что никого изъ нихъ нельзя узнать. До страшнаго суда продлится споръ ихъ: тогда скупые воэстанутъ съ сжатыми кулаками, а расточители остриженные. По этому поводу Виргилій, намѣкнувъ о тщетѣ даровъ счастія, изображаетъ генія богатства—Фортуну. Уже полночь; путники идутъ далѣе и, пересѣкши четвертый кругъ, достигаютъ кипучаго потока, образующаго грязное болото—Стиксъ. Слѣдуя по его теченію, они приходятъ въ пятый кругъ. Здѣсь, въ мутныхъ волнахъ адскаго болота, души гнѣвныхъ дерутся между собою и рвутъ другъ друга зубами. Подъ водою, въ болотной тинѣ, погружены сердитые и завистливые: они, дыша подъ волнами, вздымаютъ пузыри на ихъ поверхности и, испуская клики, захлебываются. Поэты огибаютъ болото, дѣлаютъ по его берегу большой кругъ и наконецъ приходятъ къ башнѣ.

---

1. «*Papè Satan, papè Satan aleppe!*»
Такъ Плутусъ хриплымъ голосомъ вскричалъ;
Но мой мудрецъ, съ кѣмъ шелъ я въ семъ вертепѣ,

---

1. Непонятныя и непереводимыя слова. Комментаторы, при всемъ стараніи, до сихъ поръ не отгадали ихъ значенія. По мнѣнію большей части изъ нихъ, *pape* есть греческое *παπαι*, или латинское *papae*, восклицаніе удивленія; *aleppe* есть *aleph*, названіе первой еврейской буквы. Согласно съ этимъ, слова Плутуса будутъ выражать его восклицаніе къ Сатанѣ, съ выраженіемъ изумленія при видѣ живаго пришельца въ адъ. Смѣшеніемъ языковъ—греческаго съ еврейскимъ—выражено то, что алчность къ золоту, символомъ ко

4. Какъ человѣкъ всевѣдущій, сказалъ:
«Не бойся! сколько бъ ни имѣлъ онъ власти,
Не преградитъ намъ схода съ этихъ скалъ.»

7. Потомъ, къ надутой обратившись пасти,
Вскричалъ: «Молчать, проклятый волкъ, молчать!
Въ самомъ себѣ сгорай отъ лютой страсти!

10. Не безъ причинъ схожу я въ эту падь:
Такъ *тамъ* хотятъ, гдѣ мщеньемъ Михаила
Сокрушена крамольной силы рать.»

13. Какъ, спутавшись, надутыя вѣтрила
Падутъ, какъ скоро мачту ихъ снесло:
Такъ рухнула чудовищная сила.

16. Тутъ мы вошли въ четвертое русло,
Сходя все ниже страшною дорогой
Къ брегамъ, вмѣстившимъ всей вселенной зло.

19. О Боже правый! Кто сберетъ такъ много,
Какъ здѣсь я зрѣлъ, мученій и заботъ?
Почто нашъ грѣхъ караетъ насъ такъ строго?

торой служитъ Плутусъ, богъ богатства, свойственна всѣмъ языкамъ и народамъ. Италіанскій оріенталистъ Ланци принимаетъ слова эти за еврейскія и переводитъ ихъ на италіанскій языкъ такъ: Splendi, aspetto di Satana, splendi, aspetto di Satana primajo! Другіе думаютъ, что Данте изъ ненависти къ папамъ, считая алчность ихъ за причину всѣхъ бѣдствій, написалъ *pape* вм. papa è; въ такомъ случаѣ стихъ этотъ будетъ значить: папа Сатана верховнѣйшій! Наконецъ Бенвенуто Челлини увѣряетъ, что слова эти ничто иное, какъ восклицаніе, употреблявшееся въ парижскихъ судахъ: Paix, paix, Satan, allez, paix!

8. Плутусу приданъ образъ волчій для обозначенія его алчности (Ада I, 49

10. *Падь*, слово, сколько мнѣ извѣстно, мало употребительное, означающее глубокую долину (см. Словарь Церковно-Словян. и Русск. языка). Я рѣшился употребить его какъ близко-выражающее италіанск. *cupo.*

13—14. Этимъ сравненіемъ превосходно выражена надутая спѣсь людей ничтожныхъ, гордящихся однимъ земнымъ блескомъ.

22. Какъ надъ Харибдой мчитъ водоворотъ
Валы къ валамъ, дробя ихъ въ споръ дикомъ:
Такъ адскій здѣсь кружится хороводъ.

25. Нигдѣ я не былъ въ сонмѣ столь великомъ!
Здѣсь, съ двухъ сторонъ, всѣмъ суждено вращать
Предъ грудью камни съ воплемъ, съ страшнымъ крикомъ.

28. Сшибаются два строя и опять
Катятъ назадъ, крича другъ другу съ гнѣвомъ:
«За чѣмъ бурлить?»—«А для чего держать?»—

31. Такъ съ двухъ концевъ—на правомъ и на лѣвомъ—
По кругу мрачному, подъемля стонъ,
Вращаются съ презрительнымъ напѣвомъ.

34. И каждый, путь свершивши, принужденъ
Катить назадъ полкругомъ въ бой злословный.
И я, до сердца скорбью потрясенъ,

22—23. Это сравненіе заимствовано изъ особеннаго явленія природы, «*rintoppo*», бывающаго въ Мессинскомъ проливѣ, когда сильные вѣтры дуютъ противъ теченія воды. Филалетесъ.

24. *Здѣсь кружится хороводъ*; въ подлин.: qui la gente riddi. Слово *riddare*, въ Vocabolario della Crusca, объяснено такъ: danzare, menar la ridda, ballo di molte persone fatto in giro—плясать особый танецъ, въ родѣ хоровода. Этимъ словомъ Данте выражаетъ круговое движеніе осужденныхъ въ четвертомъ кругу.

30. Въ подлин.: perchè tieni e perchè burli. *Burlare*, глаголъ темнаго происхожденія, принадлежащій къ ломбардскому нарѣчію; по Вагнеру, онъ имѣетъ аналогію съ нѣмецкимъ: wirren, wirreln, съ англійскимъ: to curl, hurl, whirl. По объясненію толкователей, онъ имѣетъ значеніе глагола: кидать, расточать, при чемъ даетъ понятіе и о круговомъ движеніи. Я рѣшился передать его словомъ: *бурлить*, которое употребляется преимущественно, когда говорится о водѣ, шумящей въ водоворотѣ.—За чѣмъ бурлить? кричатъ скупые; а для чего держать? отвѣчаютъ имъ расточители.

31—35. «Картина, изображающая состояніе души скупыхъ и расточителей, глубоко задумана и выполнена съ неподражаемымъ искусствомъ. Тягостное, мучительное стремленіе тѣхъ и другихъ совершенно безплодно: обѣ стороны хлопочутъ только изъ того, чтобы, встрѣтившись, придти въ

37. Спросилъ: «Мой вождь, кто этотъ родъ виновный?
Скажи мнѣ: тѣ постриженцы кругомъ,
Что слѣва, всѣ ли изъ семьи духовной?» –

40. И вождь въ отвѣтъ: «Всѣ, всѣ они умомъ
Въ ихъ прежней жизни столько были слѣпы,
Что никогда не знали мѣръ ни въ чемъ.

43. О томъ яснѣй твердитъ ихъ вой свирѣпый,
Лишь съ двухъ сторонъ сойдутся тамъ вдали,
Гдѣ ихъ грѣхи рождаютъ споръ нелѣпый.

46. Здѣсь кардиналы, папы здѣсь въ пыли,—
Духовный клиръ съ печатью постриженья:
Всѣ въ скупости безмѣрной жизнь вели.»—

49.—«Мой вождь,» спросилъ я съ чувствомъ омерзенья,
«Могу ли я узнать хоть одного
Въ сей сволочи, вращающей каменья?»—

52. А онъ: «Мечта пустая! до того
Ихъ всѣхъ затмилъ мракъ жизни ихъ постылый,
Что ты узнать не можешь никого.

враждебное столкновеніе. Обѣ стороны необходимы одна для другой: скупые ищутъ расточителей, чтобъ получить большія, чѣмъ законно, выгоды, а расточители сближаются съ скупыми, чтобъ пріобрѣсть новыя средства къ удовлетворенію своей наклонности къ мотовству. Но какъ одни живутъ на счетъ другихъ, то естественнымъ слѣдствіемъ ихъ взаимнаго столкновенія бываетъ вражда, вражда мелкая, выражающаяся не презрѣніемъ, какъ въ натурахъ сильныхъ, но низкою бранью и взаимнымъ обвиненіемъ въ противоположномъ грѣхѣ. Такъ и здѣсь мы видимъ скупыхъ и расточителей, вращающихъ передъ грудью тяжести — худо-понятое богатство — съ двухъ противоположныхъ сторонъ круга, доколѣ въ его срединѣ они не столкнутся вмѣстѣ: тогда укоряютъ они другъ друга, сшибаются и опять безъ смысла и пользы катятъ назадъ свои камни, чтобы снова столкнуться съ прежнею враждою.» Штрекфуссъ.

46—48. Со временъ Иннокентія IV папскій дворъ сталъ прибѣгать къ самымъ недостойнымъ средствамъ для пріобрѣтенія себѣ денегъ.

52—54. Въ этой низкой толпѣ нѣтъ ни одного грѣшника съ именемъ.

55. На вѣчный споръ направлены ихъ силы:
Тѣ безъ волосъ, а эти, сжавъ кулакъ,
Въ великій день возстанутъ изъ могилы.

58. Здѣсь, обративъ свѣтъ лучшій въ вѣчный мракъ,
Они теперь идутъ стѣной на стѣну. —
И кто жъ пойметъ смыслъ ихъ безумныхъ дракъ?

61. Вотъ здѣсь, мой сынъ, вполнѣ познай измѣну
Даровъ, Фортунѣ ввѣренныхъ судьбой,
Которымъ смертный далъ такую цѣну.

64. Когда бъ собрать все злато подъ луной,
То и оно не дастъ пребыть въ покоѣ
Изъ этихъ душъ усталыхъ ни одной!»

67. — «Учитель,» я спросилъ, «но что жъ такое
Фортуна, если у нея въ когтяхъ,
Какъ намѣкнулъ ты, благо все земное?» —

70. А онъ: «Въ какомъ невѣжествѣ, въ потьмахъ,
Безумные, вашъ родъ досель блуждаетъ?
Храни жъ мое ученіе въ устахъ.

73. Тотъ, Чья премудрость міромъ управляетъ,
Создавши небо, далъ ему вождей,
Да каждой части каждая сіяетъ,

56—57. На италіанскомъ языкѣ есть пословица относительно мотовъ: dissipare in sino ai pelli, все промотать до самыхъ волосъ.

58. Свѣтъ лучшій (въ подл.: lo mondo pulcro) обозначаетъ не райскую, но земную жизнь, помраченную порокомъ скупости.

61—69. Фортуна есть добрый, Плутусъ злой геній богатства.

70—71. Виргилій защищаетъ Фортуну отъ нападеній Данта, который, придавъ ей когти, по видимому, относитъ ее къ числу адскихъ, злобныхъ силъ.

73—87. По Аристотелевой философіи, каждое небо имѣетъ своего двигателя, свою интеллигенцію, которою оно приводится въ движеніе. Древніе эти силы называли богами, Платонъ назвалъ ихъ идеями и полагалъ, что ихъ столько, сколько въ природѣ различныхъ родовъ вещей: такъ, одна управляетъ всѣми богатствами, другая всѣми людьми и проч. По понятіямъ Данта, двигатели небесъ (beati motori) получаютъ свою силу свыше и потомъ разливаютъ ее повсюду (Рая II, 112—129).—И такъ Фортуна, согласно съ уче-

76. Распредѣляя равный свѣтъ лучей.
Такъ и земному блеску отъ начала
Онъ далъ вождя, владычицу вещей,

79. Чтобъ въ родъ и родъ, изъ крови въ кровь мѣняла
Блескъ суетный земнаго бытія
И ваше знаніе въ ничто вмѣняла.

82. За тѣмъ однимъ сей грозный судія
Готовитъ честь, другимъ позоръ, тревоги,
Скрываяся какъ подъ травой змѣя.

85. Вашъ разумъ ей не пресѣчетъ дороги:
Она провидитъ, правитъ, судитъ свѣтъ,
Какъ сферами другіе правятъ боги.

88. Въ ея премѣнахъ перемежки нѣтъ;
Необходимость бѣгъ ей ускоряетъ,
За счастьемъ горе посылая вслѣдъ.

91. ....
....
....

94. Она жъ не внемлетъ жалобамъ людскимъ:
Блаженная, какъ первыя творенья,
Вращаетъ въ славѣ шаромъ роковымъ. —

97. Теперь сойдемъ въ кругъ бо́льшаго мученья?
Хоръ звѣздъ, всходившихъ въ часъ, какъ мы пошли,
Склоняется: пойдемъ безъ замедленья.» —

ніемъ Аристотеля, есть геній всѣхъ даровъ счастія, отъ нея зависятъ всѣ премѣны въ земныхъ благахъ, какъ отъ двигателей свѣтилъ небесныхъ ихъ движеніе. Какъ интеллигенціи разливаютъ во вселенной небесный свѣтъ, отблескъ славы Создателя, такъ Фортуна управляетъ земнымъ блескомъ.

87. Т. е. какъ другія интеллигенціи, или боги, какъ называли ихъ древніе язычники, управляютъ сферами неба и свѣтилъ небесныхъ.

95. Первыя творенія суть Ангелы.

96. Шаръ или сфера Фортуны есть область земныхъ благъ, управляемая ею; сравненіе взято отъ сферъ неба, управляемыхъ интеллигенціями.

100. Мы пересѣкли этотъ кругъ и шли
Къ другому брегу, гдѣ потокъ тлетворный
Бѣжалъ, кипя и роя грудь земли

103. Волною больше мутною, чѣмъ черной,
И, по теченью мертваго ручья,
Съ трудомъ мы внизъ сошли дорогой горной.

106. Въ болото, Стиксъ, вливалася струя
Печальныхъ водъ, свергавшихся съ стремнины
Въ зловредные и мрачные края.

109. И я, взглянувъ на грязныя пучины,
Увидѣлъ въ нихъ несмѣтные полки
Тѣней нагихъ и гнѣвныхъ отъ кручины.

112. Ногами, грудью, головой съ тоски
Онѣ дрались, не только-что руками,
Зубами грызли плоть въ куски, въ куски.

115. И вождь: «Мой сынъ, стоишь ты предъ тѣнями,
Которыхъ гнѣвъ привелъ въ такой раздоръ,
И вѣрь ты мнѣ, что даже подъ волнами

---

98. *Какъ мы пошли* относится къ послѣднему стиху первой пѣс. Ада. Странствіе Данта началось въ концѣ дня, когда звѣзды восходили надъ горизонтомъ; теперь онѣ склоняются: значитъ, полночь уже прошла, наступаетъ 26 Марта или, по другимъ, 5 или 9 Апрѣля. Странствіе поэта по сіе время продолжалось шесть часовъ.

100. Поэты приходятъ въ пятый кругъ, гдѣ казнятся души гнѣвныхъ. «Кипящій, мутный потокъ, образующій болотистое озеро Стиксъ, есть символъ гнѣва, жаръ котораго овладѣваетъ человѣкомъ и потемняетъ его разсудокъ. Волны потока, болѣе мутныя, чѣмъ черныя, обозначаютъ, что гнѣвъ есть слѣдствіе не столько злыхъ наклонностей, сколько потемнѣнія внутренняго свѣта, внезапной потери самосознанія. Здѣсь, на поверхности болота, гнѣвные на самихъ себѣ испытываютъ, какимъ тяжкимъ бременемъ были они для ближнихъ на землѣ. Какъ люди злые и завистливые, они погружены въ грязную стихію: они не могутъ произнести вполнѣ ни одного слова, потому что мутная и злая среда, въ которой живутъ они, ни на минуту не даетъ имъ сосредоточиться въ самихъ себя, лишаетъ ихъ спокойствія и при каждомъ проявленіи ихъ внутренней жизни еще сильнѣе волнуется.» Штрекфуссъ.

118. Вздыхаетъ ихъ неистовый соборъ
И пузыри вздуваетъ въ сей трясинѣ,
Какъ зришь вездѣ, куда направишь взоръ.

121. Прислушайся, какъ вопятъ въ адской тинѣ:
«Мы были злы въ веселой жизни той,
«Тая въ себѣ дымъ медленный, и нынѣ

124. «Томимся здѣсь подъ тиною густой!»
Такъ въ ихъ гортаняхъ клокотали клики,
Захлебываясь черною водой. —

127. Межъ озеромъ и брегомъ кругъ великій
Мы описали, съ горестью сердецъ
Смотря на грѣшныхъ, издававшихъ крики,

130. Пока достигли башни наконецъ.

---

121. Въ тину погружены вѣроятно души тѣхъ, которые, въ противоположность гнѣвнымъ, таяли въ душѣ своей, какъ медленный огонь, зависть и скрытую ненависть.

ПѢСНЬ VIII.

Содержаніе. На два сигнальные огонька съ башни отвѣчаетъ третій вдали надъ болотомъ. Между тѣмъ съ быстротою стрѣлы несется по волнамъ челнокъ на встрѣчу путникамъ: это ладья Флегіаса, кормщика адскаго болота. Съ бѣшенствомъ окликаетъ онъ Данта, но, укрощенный Виргиліемъ, принимаетъ поэтовъ въ свою ладью. Они плывутъ. Тогда изъ воды подымается тѣнь флорентинца Филиппа Ардженти и силится опрокинуть ладью; но Виргилій отталкиваетъ, а грѣшники увлекаютъ свирѣпаго флорентинца; онъ въ бѣшенствѣ грызетъ самаго себя.—Между тѣмъ страшные крики оглушаютъ поэтовъ: они приближаются къ адскому городу, *Дисъ*, съ огненными башнами, окруженному глубокими рвами. У воротъ города поэты выходятъ на берегъ; но тысячи падшихъ съ неба ангеловъ возбраняютъ имъ входъ. Виргилій ведетъ съ ними переговоры; демоны согласны впустить Виргилія, но Данте долженъ одинъ возвратиться. Онъ въ ужасѣ. Виргилій, обѣщая не покидать его, снова переговариваетъ съ демонами; но тѣ предъ его грудью запираютъ ворота города и оставляютъ поэта за порогомъ. Виргилій возвращается къ Данту; онъ самъ въ сильномъ смущеніи, однакожъ утѣшаетъ живаго поэта скорымъ прибытіемъ небесной помощи.

---

1. Я продолжаю. Прежде, чѣмъ мы были
У основанья грозной башни сей,
Въ ея вершинѣ взоръ нашъ приманили

---

1. *Я продолжаю* (Io dico seguitando). Къ поясненію этихъ словъ комментаторы приводятъ слѣдующее преданіе: до своего изгнанія Данте написалъ только первыя семь пѣсень, которыя и остались во Флоренціи. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, жена Данта между вещами, спасенными ею во время разграбленія Дантова дома, нашла эту рукопись и немедленно отправила ее къ Маркизу Морелло Маласпини въ Луниджіанѣ, гдѣ въ то время находился Данте, съ просьбою передать рукопись поэту и убѣдить его продолжать начатую поэму. Такимъ образомъ Данте опять получилъ свою собственность и словами: *я продолжаю*, связалъ нить прерваннаго разсказа. Впрочемъ другіе толкователи Данта сомнѣваются въ истинѣ этого преданія.

4. Два огонька, блеснувшіе на ней;
Знакъ подавалъ имъ пламень одинокій
Въ дали, едва доступной для очей.

7. И, въ море знаній погружая око,
Спросилъ я: «Вождь, кто знаки подаетъ?
Чтò огонькамъ отвѣтилъ огнь далекій?»

10. И вождь въ отвѣтъ: «Надъ зыбью грязныхъ водъ
Не видишь ли, кто мчится къ намъ стрѣлою?
Иль для тебя онъ скрытъ въ дыму болотъ?»

13. Лукъ съ тетивы съ подобной быстротою
Не мечетъ стрѣлъ на воздухъ никогда,
Съ какой, я зрѣлъ, надъ мутною волною

16. На встрѣчу къ намъ стремился челнъ тогда;
Его рулемъ одинъ лишь кормщикъ правилъ,
Крича: «Злой духъ, пришелъ и ты сюда?» —

19. — «Флегъясъ, Флегъясъ! ты къ намъ вотще направилъ,»
Сказалъ мой вождь: «свой крикъ на этотъ разъ:
Мы здѣсь за тѣмъ, чтобъ насъ ты переправилъ.» —

22. Какъ злится тотъ, кто выслушалъ разсказъ
О томъ, какой надъ нимъ обманъ свершился,
Такъ бѣшенствомъ объятъ былъ Флегіасъ.

---

4. Два огонька даютъ знать перевощику, что прибыли двое, третьимъ отвѣчаетъ самъ перевощикъ на поданный ему сигналъ. Ландино.

19. Флегіасъ, царь Лапитовъ, мстя за дочь свою, обольщенную Аполлономъ, завоевалъ Дельфы и сжегъ Аполлоновъ храмъ. Уже для древнихъ этотъ грѣхъ казался такъ ужасенъ, что они помѣстили Флегіаса въ Тартаръ. Виргилій (Aen. VI, 618 et s.) говоритъ объ немъ:

Phlegiasque miserrimus omnes
Admonet et magna testatur voce per umbras:
Discite justitiam moniti et non temnere divos.

Весьма глубокомысленно Данте сдѣлалъ его перевощикомъ, переправляющимъ души черезъ болото гнѣвныхъ, сквозь чадъ, испаряемый этимъ болотомъ, въ адскій городъ, защищаемый возмутившимися ангелами и населенный невѣрующими. — Обращеніе Флегіаса въ единственномъ числѣ означаетъ гнѣвъ, который не позволяетъ ему видѣть, сколько прибыло. Ландино.

25. Вождь сѣлъ въ ладью, за нимъ и я спустился,
И лишь тогда, какъ сѣлъ я близъ вождя,
Летучій челнъ, казалось, нагрузился.

28. И лишь мы сѣли, древняя ладья
Какъ молнія помчалась издалека,
Зыбь глубже, чѣмъ когда нибудь, браздя.

31. Такъ плыли мы вдоль мертваго потока;
Вдругъ весь въ грязи духъ выплылъ изъ ручья,
Вскричавъ: «Кто ты, идущій прежде срока?»—

34. А я: «Иду, по не остáнусь я;
Но кто ты самъ, весь въ тинѣ, безобразный?» —
И онъ: «Ты видишь: плачетъ тѣнь моя!»—

37. —«Такъ плачь же, духъ проклятый, безотвязный!»
Воскликнулъ я: «и множь печаль свою!
Теперь узналъ я, кто ты, призракъ грязный!»

40. Тогда схватилъ руками онъ ладью;
Но оттолкнулъ его мой вождь, взывая:
«Прочь, къ псамъ другимъ! иди въ свою семью!»

43. Потомъ, обнявъ меня, въ уста лобзая,
Сказалъ мнѣ: «Будь благословенна въ вѣкъ
Зачавшая тебя, душа живая!

46. Онъ на землѣ былъ гордый человѣкъ:
Жизнь не украсивъ добрыми дѣлами,
Теперь намъ путь онъ въ бѣшенствѣ пресѣкъ.

49. ....
....
....

---

27. Данте своимъ тѣломъ обременилъ легкую ладью, предназначенную для перевоза тѣней. — Подражаніе Виргилію. Aen. VI 413.

44—45. Виргилій (разумъ) чувствуетъ вмѣстѣ съ Дантомъ отвращеніе отъ порока, но одобряетъ справедливый гнѣвъ.

52. И я: «Мой вождь, желалъ бы я взглянуть,
Какъ страшный грѣшникъ въ волны погрузится,
Пока нашъ челнъ окончитъ дальный путь.»—

55. И мнѣ учитель: «Прежде, чѣмъ домчится
Ладья къ брегамъ, дождешься ты конца:
Симъ зрѣлищемъ ты долженъ насладиться.»

58. Тутъ видѣлъ я, какъ душу гордеца
Толпы тѣней, терзая, въ глубь умчали,
За что доселѣ благодарю Творца.

61. «Филиппъ Ардженти, къ намъ!» онѣ кричали,
А духъ безумный флорентинца самъ
Себя зубами грызъ и рвалъ съ печали.

64. Но замолчимъ, его оставимъ тамъ! —
Тутъ страшный вопль пронзилъ мнѣ слухъ: заранѣ
Взирать не стало силъ моимъ очамъ.

67. И вождь: «Мой сынъ, ужъ видѣнъ градъ въ туманѣ,
Зовомый *Дисъ*, гдѣ, воя и стеня,
Проклятые столпилися граждане.»

70. И я: «Уже предстали предъ меня
Багровыя мечети въ дымномъ смрадѣ,
Возставшія какъ будто изъ огня.»—

---

61. Филиппо Ардженти, очень богатый флорентинецъ изъ фамиліи Кавуччіули, вѣтви Адимари, прозванный *Ардженти* за то, что подковалъ свою лошадь серебрянными подковами, былъ, по словамъ Боккаччіо (Decam. IX, 8) очень вспыльчивъ, такъ, что при малѣйшемъ поводѣ приходилъ въ неистовый гнѣвъ. — Адимари были Черные и личные враги Данта.

67—68. Адскій городъ (слич. Ада III, 3), названный *Дисъ* (одно изъ названій Плутона или Люцифера), составляетъ шестой кругъ ада, отдѣленный отъ пятаго (болотистаго Стикса) стѣною и глубокими рвами. Многіе думаютъ, что Данте заимствовалъ идею объ адскомъ городѣ у Виргилія (Aen. VI, 549 et s.)

70. Назвавъ башни адскаго города мечетями, Данте придаетъ ему характеръ демонскаго города, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ знать, что населяющіе его грѣшники не слѣдовали въ жизни ученію Христовой Церкви.

72. «Subverti vos, sicut subvertit Deus Sodomam, et Gomorrham, et facti estis quasi *torris raptus ab incendio.*» Vulg. Amos. Cap. 4, 11.

73. И вождь: «Горитъ огнь вѣчный въ ихъ оградѣ,
И раскаляетъ стѣны проклятыхъ,
Какъ видишь ты въ глубокомъ этомъ адѣ.» —

76. Межъ тѣмъ челнокъ глубокихъ рвовъ достигъ,
Облегшихъ вкругъ твердыни безутѣшной;
Желѣзными почелъ я стѣны ихъ.

79. Челнъ, сдѣлавъ кругъ великій, въ тьмѣ кромѣшной,
Причалилъ тамъ, гдѣ мощный кормщикъ-бѣсъ:
«Вотъ дверь!» вскричалъ: «идите вонъ поспѣшно!»

82. Надъ входомъ въ градъ, я зрѣлъ, тьмы темъ съ небесъ
Низринутыхъ, которые сурово
Вопили: «Кто вступаетъ въ царство слезъ?

---

73. Вѣчный огонь, раскаляющій стѣны адскаго города, есть тотъ самый божественный свѣтъ любви и истины, который въ чистилищѣ возжигаетъ надежду, а въ раю составляетъ высочайшее блаженство душъ или свѣтовъ; но въ аду онъ уже не свѣтитъ и не согрѣваетъ враговъ Божіихъ, отрѣкшихся отъ божественной любви, но не возмогшихъ совершенно отъ нея отрѣшиться. Эта глубокая идея проведена, какъ мы увидимъ, во всей поэмѣ Дантовой (Ада XIV, 28, XV, XIX, 25, XXVI, 42; Чистил. XXV, 112 и Рая V, 118). Копишъ и Рутъ.

75. *Глубокимъ адомъ* Виргилій называетъ слѣдующіе круги въ отличіе отъ вышележащихъ, въ которыхъ наказуется одно только невоздержаніе, тогда какъ ниже наказуются злоба и грѣхъ дикой животности. (См. Ад. XI, 79).

76. Воды Стикса вливаются во рвы вокругъ города, а потому въ нихъ можно проникнуть изъ этой адской рѣки. Филалетесъ.

81. Тутъ вступаемъ мы въ шестой кругъ, гдѣ наказуются еретики, особенно основатели еретическихъ сектъ (ересіархи).

82. „Здѣсь, на рубежѣ истиннаго глубокаго ада, Данте видитъ толпы ангеловъ, свергнутыхъ съ неба съ Люциферомъ. Они, столько же съ яростію, сколько и съ предусмотрительностію, заграждаютъ входъ пришельцу, руководимому разумомъ. Еще разумъ они и согласны были бы принять (ст. 89.), вѣроятно, съ цѣлію овладѣть имъ и тѣмъ лишить странника его руководительства; но человѣка, ведомаго разумомъ, они уже никакъ не хотятъ впустить. Имъ непремѣнно хочется отпустить Данта одного безъ Виргилія: оставленный разумомъ, человѣкъ неминуемо становится жертвою заблужденія, которое и наказуется въ этомъ огненномъ городѣ. Виргилій передаетъ имъ волю неба, но демоны запираютъ врата города: они не хотятъ уже слушать и разума, какъ скоро онъ говоритъ имъ о повиновеніи Богу. Но Виргилій не теряетъ упованія на высшую силу: она, какъ врагъ всякой лжи, какъ не-

85. Живой кто входитъ къ мертвымъ, странникъ новый?»
Но мудрый мой наставникъ подалъ знакъ,
Что хочетъ тайное сказать имъ слово.

88. Тогда, на мигъ притихнувъ, молвилъ врагъ:
«Войди одинъ, а онъ да удалится,
Онъ, что̀ такъ смѣло входитъ въ вѣчный мракъ.

91. Пусть онъ путемъ безумнымъ возвратится,
И безъ тебя — тебя мы впустимъ въ градъ —
Коль знаетъ, пусть въ обратный путь стремится.»

94. Читатель, самъ подумай, какъ объятъ
Я страхомъ былъ отъ грозныхъ словъ: обратно
Не думалъ я уже придти назадъ.

97. «О милый вождь, который семикратно
Спасалъ меня и избавлялъ въ бѣдѣ,
Гдѣ погибалъ уже я невозвратно, —

100. Не кинь меня,» я рекъ, «въ такой нуждѣ,
И, если адъ идти мнѣ не дозволилъ,
Пойдемъ назадъ! будь мнѣ щитомъ вездѣ!»

103. Но онъ, мой вождь, мнѣ въ сердце бодрость пролилъ,
Сказавъ: «Будь смѣлъ! дороги роковой
Намъ не прервутъ: такъ жребій соизволилъ.

106. Жди тутъ меня и духъ унылый свой
Крѣпи, питай надеждою благою:
Въ семъ мірѣ я не разлучусь съ тобой.

109. Съ моимъ отцемъ разстался я съ тоскою:
Въ моей главѣ, исполненной тревогъ,
И *да* и *нѣтъ* сражались межъ собою.

преложная защитница истины, должна рано или поздно явиться на помощь уповающему.» Копишъ и Штрекфуссъ.

97. Здѣсь опредѣленное число поставлено вмѣсто неопредѣленнаго.

111. Возвратится онъ, или нѣтъ?

112. Что рекъ онъ имъ, разслушать я не могъ;
Но онъ не долго съ ними находился,
Какъ всѣ враги укрылись за порогъ

115. И входъ ему предъ грудью затворился;
Владыка мой оставленъ былъ совнѣ
И медленно ко мнѣ онъ возвратился.

118. Потупивъ взоръ, утратившій вполнѣ
Все мужество, онъ говорилъ, вздыхая:
«Кто въ домъ скорбей пресѣкъ дорогу мнѣ?»

121. И мнѣ потомъ: «Мой гнѣвъ въ лицѣ читая,
Ты не страшись: мы побѣдимъ ихъ хоръ,
Чтобъ ни творилъ онъ, градъ свой охраняя.

124. Уже не новъ такой его отпоръ:
Онъ явленъ былъ у вратъ первоначальныхъ,
Что каждому отворены съ тѣхъ поръ.

127. Надъ ними зрѣлъ ты надпись словъ печальныхъ;
И ужъ оттоль низходитъ въ глубь теперь
И, безъ вождя, грядетъ въ пучинахъ дальныхъ

130. Тотъ, кто для насъ развернетъ въ крѣпость дверь.»

ПѢСНЬ IX.

Содержаніе. Виргилій, тщетно ожидая небесной помощи, въ недоумѣніи говоритъ самъ съ собою. Устрашенный очевиднымъ колебаніемъ учителя, Данте спрашиваетъ: случалось ли кому нибудь изъ обитателей Лимба спускаться на дно ада, и узнаетъ, что Виргилій уже и прежде сходилъ въ самый послѣдній кругъ адской бездны. Между тѣмъ на вершинѣ башни являются три адскія Фуріи: Мегера, Алекто и Тизифона. Онѣ съ крикомъ раздираютъ себѣ грудь когтями и, глядя на Данта, зовутъ Медузу, чтобы превратить его въ камень. Тогда Виргилій оборачиваетъ Данта къ нимъ спиною и самъ закрываетъ ему очи руками. Тутъ страшный громъ потрясаетъ волны Стикса, и Данте, открывъ очи, видитъ приближающагося Ангела, который, съ жезломъ въ рукѣ, идетъ по волнамъ Стикса какъ по сушѣ. Тѣни гнѣвныхъ и демоны убѣгаютъ отъ него въ ужасѣ, а врата адскаго города разверзаются сами собою. Укротивъ ярость демоновъ напоминовеніемъ безполезности сопротивленія, Ангелъ отходитъ обратно. Безпрепятственно входятъ тогда поэты въ городъ и взору Данта представляется необозримое поле, изрытое могилами, въ которыхъ и между которыми пылаетъ пламя. Это шестой кругъ ада, гдѣ, скрытые въ могилахъ, наказуются еретики, особенно основатели еретическихъ сектъ. Поэты продолжаютъ шествіе и, повернувъ направо, идутъ между стѣною крѣпости и могилами.

---

1. Едва мой вождь замѣтилъ цвѣтъ боязни
 Въ моемъ лицѣ, онъ тотчасъ сумракъ свой
 Прогналъ съ чела улыбкою пріязни.

4. Какъ внемлющій, стоялъ онъ предо мной,
 За тѣмъ что въ даль не могъ вперить онъ взоры
 Сквозь воздухъ черный и туманъ густой.

7. «Мы сокрушимъ ихъ адскіе затворы....
 А если.... нѣтъ.... вѣдь *тотъ* мнѣ обѣщалъ ...
 Какъ медлитъ онъ, помощникъ нашъ нескорый!»

7—9. Въ этихъ недосказанныхъ фразахъ выражено волненіе Виргилія. Сперва онъ старается успокоить себя и Данта, потомъ, въ прерванномъ предложеніи, выражаетъ сомнѣніе на счетъ прибытія обѣщанной помощи, наконецъ, опять вспоминая о обѣщаніи имъ покровительства, заключаетъ рѣчь свою нетерпѣніемъ по причинѣ медленнаго явленія желанной помощи.

10. Я видѣлъ ясно, какъ онъ прикрывалъ
Послѣднимъ то, что̀ высказалъ сначала,
И рѣчи первой смыслъ иной давалъ.

13. Тѣмъ больший страхъ мнѣ рѣчь его внушала,
Что тайный смыслъ отыскивалъ я въ ней,
Быть можетъ, худшій, чѣмъ она скрывала.

16. «На дно печальной раковины сей
Сходили ль прежде души съ той ступени,
Гдѣ безъ надеждъ вздыхаетъ сонмъ тѣней?» —

19. Такъ я спросилъ; а онъ: «Изъ нашей сѣни
Въ глубокій адъ, въ который ты вступилъ,
Не многія досель сходили тѣни.

22. Но я въ сей градъ однажды призванъ былъ
Волшебницей, что̀ силу чаръ имѣла
Въ плоть облекать отшедшихъ въ мракъ могилъ.

25. Едва сложилъ съ себя я узы тѣла,
Какъ тѣнь извлечь она велѣла мнѣ
Изъ темнаго Іудина предѣла.

16—18. Данте, видя колебаніе Виргилія, начинаетъ сомнѣваться, въ состояніи ли его учитель вести его далѣе. По этому онъ желаетъ знать: знакома ли самому Виргилію дорога въ адъ; но вопросъ свой предлагаетъ онъ съ той нѣжностію, которую требуетъ его отношеніе къ Виргилію какъ ученика къ учителю. (См. Ад. III, прим. къ ст. 79).

16. *Печальная раковина* (въ подлин.: la trista conca). Такъ называетъ Данте воронкообразную бездну ада, которой концентрическіе уступы дѣйствительно имѣютъ сходство съ изворотами раковины (см. Ада IV, прим. къ 7—8). Изъ переводчиковъ Данта одинъ только Ратисбоннъ, недавно издавшій свой переводъ Ада на французскій языкъ, удержалъ эту метафору:

—«Jamais,» lui demandai-je, «en cette triste conque
A-t-on vu pénétrer, maître, un esprit quelconque
Condamné seulement à languir sans espoir?»

22—27. Волшебница, о которой здѣсь говорится, есть Эрихто изъ Ѳессаліи, которая въ поэмѣ Лукана (Pharsal. VI, 727 et s.) вызываетъ изъ могилы, по просьбѣ Помпея младшаго, душу одного умершаго, чтобы узнать отъ него окончательный исходъ гражданской войны. Это случилось спустя 30 лѣтъ послѣ смерти Виргилія; но Эрихто, его современница, могла пережить поэта и своими

28. Сей мрачный кругъ лежитъ на самомъ днѣ,
Всѣхъ далѣе отъ высочайшей сферы;
И такъ смѣлѣй! я знаю путь вполнѣ.

31. Обвитъ болотомъ, въ смрадномъ дымѣ сѣры,
Сей градъ скорбей, куда безъ гнѣва намъ
Нельзя войти въ подземныя пещеры.»—

34. Чтò рекъ еще, теперь не вспомню самъ:
Мой взоръ, мой умъ тогда манили стѣны
Высокой башни къ огненнымъ зубцамъ,

37. Гдѣ вознеслись три Фуріи геенны,
Имѣвшія свирѣпыхъ женщинъ видъ
И кровію обрызганные члены.

40. Ихъ поясъ былъ изъ гидръ зеленыхъ свитъ;
Не волосы имъ обвивали лицы,
Но аспиды, керасты Эвменидъ.

заклинаніями заставить его сойдти въ адъ за душею, о которой говоритъ Луканъ. По мнѣнію Каннегиссера, весь этотъ поэтическій вымыселъ имѣетъ значеніе чисто-аллегорическое, именно Виргилій хочетъ сказать, что онъ уже сдѣлалъ опытъ сошествія въ адъ въ своеіі Энеидѣ, такъ, что подъ именемъ его перваго схожденія въ адъ должно разумѣть изображеніе подземнаго міра въ VI пѣс. Энеиды, къ чему онъ былъ подвигнутъ и одушевленъ Эрихто, волшебницею, т. е. поэзіею, и притомъ въ молодости, при первомъ пробужденіи въ немъ мыслительной силы, при первой побѣдѣ его духа надъ матеріею, ибо Энеида принадлежитъ къ его раннимъ твореніямъ. Даже указаніе Виргилія, что онъ сходилъ въ самый нижній кругъ, въ кругъ Іуды, въ четвертое отдѣленіе девятаго круга, есть, по мнѣнію Каннегиссера, намекъ на то, что Сивилла, описывающая Энею тартаръ и его муки, заканчиваетъ свое изображеніе ада казнію измѣнниковъ (Aen. VI, 608—624).—Съ большею вѣроятностію однакожъ полагаетъ Копишъ, что Данте воспользовался здѣсь какою нибудь средневѣковою, теперь утраченною, легендою изъ цикла сказаній о чародѣйствѣ Виргилія (Ада I, прим. къ 70 — 72).

29. Въ подлин.: più lontan dal ciel, che tutto gira. Здѣсь должно разумѣть или небо вообще, или высшее небо, эмпирей въ особенности (Ад. I, прим. къ 127).

32. *Безъ гнѣва*, т. е. безъ справедливаго, благороднаго негодованія (Ад. VIII, 44—45).

42. Керасты, особый родъ ядовитыхъ змѣй съ рогами (coluber cerastes)

43. И онъ, узнавъ служительницъ царицы
Рыданій вѣчныхъ, тихо молвилъ мнѣ:
«Вотъ Фуріи, три стража сей темницы.

46. Мегера тамъ на лѣвой сторонѣ,
Алекто справа плачетъ въ горѣ дикомъ,
А Тизифона между нихъ!» — Онѣ

49. Когтями перси раздирали съ крикомъ,
Стуча въ ладони съ бѣшенствомъ такимъ,
Что, въ ужасѣ, къ пѣвцу припалъ я ликомъ.

52. «Медуза, къ намъ! ихъ въ камень превратимъ!»
Такъ, внизъ глядя; изъ всей взывали мочи:
«Позоръ, когда Тезею не отмстимъ!»

55.—«О, отвратись! закрой руками очи!
Когда узришь Горгону предъ собой,
Ужъ не придешь назадъ изъ вѣчной ночи.»—

58. Такъ вождь сказалъ и къ нимъ меня спиной
Самъ обратилъ и, къ моему спасенью,
Закрылъ мнѣ очи собственной рукой.—

---

43. Царица вѣчныхъ рыданій—Геката или Прозерпина, на Олимпѣ чтимая какъ Луна или Діана (Ада X, 79 и примѣч.).

45. Фуріи или Эринніи, по однимъ, символъ отчаянія, по другимъ — поколебавшейся вѣры въ Бога.—Данте удержалъ ихъ тройственное число, опредѣленное уже и въ миѳологіи, во первыхъ потому, что три есть число таинственное, во вторыхъ потому, что оно напоминаетъ тройственное число животныхъ въ первой пѣсни, наконецъ потому, что соотвѣтствуетъ тремъ родамъ грѣховъ, наказуемыхъ за стѣнами адскаго города: ереси, насилію и обману. Каннегиссеръ.

52. Медуза, одна изъ прекрасныхъ Горгонъ (почему и названа она въ ст. 56 Горгоною), была обольщена Нептуномъ въ храмѣ Паллады, богини мудрости; за то богиня превратила въ змѣй ея прекрасные волосы, такъ плѣнившіе Нептуна, а голову, отсѣченную по ея же повелѣнію Персеемъ, помѣстила на своемъ щитѣ, давъ ей силу превращать въ камень каждаго, кто на нее взглянетъ. — О значеніи головы Медузы см. ниже.

54. Тезей содѣйствовалъ другу своему Перітою въ его отчаянномъ предпріятіи — похитить Прозерпину. Оба они были закованы въ цѣпи Фуріями, но Тезей былъ избавленъ впослѣдствіи Геркулесомъ. Фуріи теперь сожалѣютъ, что онѣ не удержали и не наказали Тезея, ибо этотъ примѣръ ихъ слабости возродилъ еще въ другомъ изъ живущихъ на землѣ — въ Дантѣ — дерзкую мысль сойдти въ адъ.

61. О вы, чей умъ способенъ къ размышленью,
Подъ покрываломъ странныхъ сихъ стиховъ
Сокрытому дивитеся ученью!—

64. И вотъ по гребнямъ вспѣненныхъ валовъ
Пронесся трескъ со звукомъ, полнымъ страха,
Потрясшій высь обоихъ береговъ.

67. Такъ вихрь, рожденъ борьбой жаровъ изъ праха,
Неистовый несется прямо въ лѣсъ
И, на него обрушившись, съ размаха

70. Ломаетъ вѣтви, валитъ пни древесъ
И, пастуховъ гоня съ полей со стадомъ,
Уходитъ, гордъ, пыль взвивши до небесъ.

61—63. Здѣсь въ первый разъ Данте указываетъ читателю на глубокій смыслъ, таящійся подъ внѣшнею оболочкою своихъ стиховъ: во всей поэмѣ онъ неоднократно напоминаетъ объ этомъ. Какой именно смыслъ скрывается въ особенности въ этой пѣснѣ, комментаторы объясняютъ различно. По мнѣнію Штрекфусса, Фуріи, какъ стражи шестаго круга, гдѣ наказуются еретики, суть символы того фанатизма и ожесточенія, которыми во всѣ времена отличались послѣдователи сектъ, особенно недавно-возникшихъ; въ томъ же смыслѣ и голова Медузы есть олицетворенная ересь, которая, какъ доказываетъ быстрое распространеніе всѣхъ новыхъ сектъ, каждаго, обращающаго на нее взоры, готова вовлечь въ свое заблужденіе и тѣмъ лишить духовной свободы.— Копишъ въ змѣиновласой головѣ и окаменяющемъ взглядѣ Медузы, прекрасной поругательницы храма мудрости, видитъ символъ могущества духовнаго грѣха, который отчуждаетъ душу отъ божественной жизни и Бога, превращая ее какъ бы въ мертвый, нѣмой камень. За стѣнами, предъ которыми стоятъ теперь поэты, въ глубокомъ истинномъ адѣ, нѣтъ ни одной души, грѣхи которой проистекали бы изъ естественныхъ побужденій; напротивъ, всѣ здѣсь наказуемые грѣшники опозорили силу духа, давъ ему превратное, неестественное направленіе. По этому человѣкъ, всею силою ума и разума, долженъ уклоняться отъ грѣховъ духа, отъ этой головы Медузы съ окаменяющимъ взоромъ. Этимъ объясняется ревность Виргилія (разума), съ которою онъ укрываетъ своего ученика отъ страшнаго видѣнія.

67. Отъ сліянія холоднаго вѣтра съ теплымъ возникаетъ вѣтеръ. Данте вѣроятно имѣлъ въ виду слова Цицерона: «Placet Stoicis eos anhelitus terrae, qui frigidi sint, cum fluere coeperint, ventos esse: cum autem se in nubem induerint, ejusque tenuissimam quamque partem coeperint dividere, atque disrumpere, idque crebrius facere, et vehementius, tum et fulgura et tonitrua existere.» Cic. De divinat. Lib. II, 44. Ломбарди.

73. Тогда мой вождь: «Проникни смѣлымъ взглядомъ
Надъ пѣной древнихъ волнъ до рубежа,
Гдѣ дымъ съ болотъ встаетъ острѣйшимъ чадомъ.»

76. Какъ мечутся лягушки отъ ужа,
Ихъ недруга, и кучей въ тинѣ лужи
Лежатъ на днѣ: такъ, воя и дрожа

79. Отъ ужаса — я видѣлъ — мчались души,
Смущенныя явленіемъ того,
Чтò проходилъ по Стиксу какъ по сушѣ.

82. Онъ шуйцей гналъ отъ лика своего
Густой туманъ, мглу черную какъ смолу,
И мракъ, казалось, утомлялъ его.

85. Я понялъ вмигъ, что онъ смиритъ крамолу,
И на вождя взглянулъ: онъ далъ мнѣ знакъ,
Чтобъ я молчалъ и взоръ потупилъ долу.

88. О, какъ разгнѣванъ былъ горящій зракъ!
Достигнувъ вратъ, онъ жезлъ подъялъ желѣзный
И вмигъ предъ нимъ разверзъ ихъ лютый врагъ.

91. «О подлый родъ, изгнанный съ тверди звѣздной!»
На страшномъ прагѣ рекъ онъ имъ въ отвѣтъ:
«Кто въ васъ возжогъ духъ злобы безполезной?

94. Что попирать ту волю, тотъ завѣтъ,
Чтò предъ собой всѣ сокрушаетъ грани?
Колико кратъ тò было вамъ во вредъ?

97. За чѣмъ рога уставили для брани?
Не вашъ ли песъ—о вспомни, дерзкій родъ!—
Несетъ на вытѣ слѣдъ могучей длани?»

---

98. Согласно съ древнимъ миѳомъ, Геркулесъ, низойдя въ адъ, наложилъ цѣпь на выю Цербера и извлекъ его изъ ада: намекъ на безполезность сопротивленія высшей волѣ и силѣ. — Церберъ тутъ есть только символъ строптивости, или самаго Люцифера, а слова: *о вспомни* и пр., указываютъ или на паденіе Сатаны, или на спасеніе человѣка. Каннегиссеръ.

100. Онъ вспять отшелъ путемъ нечистыхъ водъ,
Не обмѣнясь въ тотъ мигъ ни словомъ съ нами,
Какъ человѣкъ, подъ бременемъ заботъ,

103. Не зритъ того, что предъ его очами. —
И въ крѣпость мы направили стопы,
Подкрѣплены святыми словесами.

106. Тутъ намъ никто не возбранялъ тропы,
И я, вступивъ въ предѣлы стѣнъ высокихъ,
Чтобъ видѣть казнь томящейся толпы,

109. Окинулъ взоромъ край пучинъ глубокихъ
И зрѣлъ со всѣхъ сторонъ просторъ полянъ,
Исполненныхъ скорбей и мукъ жестокихъ.

112. Какъ близко Арля, гдѣ не быстръ Роданъ,
Иль какъ у Полы, гдѣ заливъ Кварнары
Грань омываетъ италійскихъ странъ, —

---

101. По замѣчанію одного стариннаго комментатора, Ангелы начинаютъ говорить съ Дантомъ только въ Чистилищѣ: это потому, что Данте въ странствованіи своемъ по аду еще не очищенъ отъ грѣховъ, но созерцаетъ и дѣйствуетъ, еще покрытый ими, или, лучше сказать, есть представитель грѣха другихъ.—«Не трудно отгадать, кто этотъ Ангелъ, являющійся теперь на помощь Данту, руководимому Виргиліемъ. Не ту же ли божественную силу мы видимъ вездѣ въ исторіи человѣчества, въ тѣ времена, когда люди въ ослѣпленіи начинаютъ борьбу противъ воли провидѣнія. Значеніе этой воли: человѣкъ, цѣль твоя стремленіе впередъ! Среди разгрома бури свершается эта воля тамъ, гдѣ встрѣчаетъ себѣ сопротивленіе. А когда Господь яростію гнѣва своего наказуетъ сопротивляющихся, тогда отдѣльныя личности важны предъ судомъ Его, во сколько онѣ нужны какъ часть неизмѣримаго цѣлаго.» Штрекфуссъ.

112 — 113. Арль, городъ Прованса на рѣкѣ Ронѣ, гдѣ она умѣряетъ быстроту теченія, образуя по берегамъ своимъ топкія болота. Пола, городъ въ Истріи, при заливѣ Кварнаро или Кварнеро (*Sinus fanaticus* древнихъ, названный такъ по причинѣ опаснаго въ немъ мореплаванія). Въ окрестностяхъ этихъ городовъ находится множество могильныхъ кургановъ, о происхожденіи которыхъ существуютъ различныя преданія; между прочимъ архіепископъ Тюрпинъ, упоминая въ своей «Исторіи Карла Великаго,» о курганахъ близъ Арля, называетъ ихъ кладбищемъ семи святыхъ епископовъ.

115. Могилами изрыты крутояры:
Такую здѣсь увидѣлъ я страну,
Но видъ ея былъ полонъ горшей кары.

118. Огонь, змѣясь между могилъ по дну,
Ихъ раскалялъ съ такой ужасной силой,
Какъ никогда не плавятъ сталь въ горну.

121. Покровъ висѣлъ надъ каждою могилой
И вопль глухой къ намъ несся изъ могилъ,
И этотъ вопль былъ плачъ толпы унылой.

124. «Учитель мой, кто это,» я спросилъ:
«Казнится здѣсь подъ сводами такъ строго?
И почему ихъ голосъ такъ унылъ?»

127. И онъ: «Здѣсь казнь еретикамъ отъ Бога!
Здѣсь секты всѣхъ родовъ подъемлютъ стонъ!
Ты не повѣришь мнѣ, какъ здѣсь ихъ много!

---

127. Еретики, особенно учители ереси (ēresiarche), воспріемлющіе казнь въ шестомъ кругу ада, заключены въ могилахъ, раскаляемыхъ пламенемъ. Крыши съ могилъ, или собственно съ гробницъ, приподняты (sospesi, т. е. стоятъ въ полунаклоненномъ положеніи такъ, что готовы упасть каждую минуту); но въ день страшнаго суда онѣ упадутъ и закроютъ могилы на вѣки (Ада X, 10). Всякое поколебаніе вѣры въ Бога, всякое отрицаніе жизни божественной, а, стало быть, и безсмертія души, по ученію Данта, есть уже ересь. По этому въ шестомъ кругу содержатся невѣрующіе, вольнодумцы, атеисты, матеріалисты, эпикурейцы, еретики всякаго рода, а не сектаторы, основатели ложныхъ религій и расколовъ, произведшіе раздѣлъ и тревоги между людьми: послѣдніе помѣщены ниже (Ад. XXVIII). Ривароль. «Отвергнувъ существованіе вѣчной жизни, еретики и ихъ лжеучители заключены теперь въ тѣсные предѣлы раскаленныхъ гробовъ; только теперь сознаютъ они всю узкость своего мудрованія и это сознаніе объемлетъ ихъ въ образѣ тѣснаго гроба, раскаляемаго, но не освѣщаемаго, тѣмъ самымъ свѣтомъ вѣчной истины, который они отвергали, тѣмъ пламенемъ, который не вредилъ Беатриче (Ад. II. 93), въ которомъ души очищающихся живутъ надеждою (Ада I, 118) и который для праведныхъ составляетъ источникъ ихъ блаженства (Ада VIII, прим. къ 73). Еретики запрутся въ судный день съ тѣлами въ могилѣ: это значитъ, что они останутся навсегда неспособными, какъ бы умершими для блаженства вѣчной жизни: отвергнувъ

Съ подобнымъ здѣсь подобный заключенъ
И разный жаръ вмѣщаютъ ихъ гробницы.»
И, повернувъ на право, вышелъ онъ

Межъ полемъ мукъ и крѣпкихъ стѣнъ бойницы.

ея существованіе, они совершили надъ собою какъ бы духовное самоубійство, Какъ самоубійцы настоящіе (Ада XIII, 103 — 106) навсегда будутъ лишены своего тѣла, такъ и духовные никогда уже не увидятъ радостей божественной жизни. Тѣсные предѣлы ихъ гробовъ, пылающихъ свѣтомъ божественной истины, есть сущая противоположность свободному круговращанію блаженныхъ въ самой крайней сферѣ небеснаго свѣта. Узкое поле ихъ воззрѣнія есть ихъ собственная мука.» Копишъ.

129. Другими словами: еретиковъ гораздо болѣе, нежели сколько ты думаешь. Кажется, это намекъ на великое множество сектъ, распространившихся по Италіи во времена Дантовы. Филалетесъ.

ПѢСНЬ X.

Содержаніе. Поэты идутъ между стѣнами города и могилами. Послѣднія открыты, но въ день страшнаго суда закроются; въ нихъ погребены Эпикуръ и его послѣдователи, полагавшіе, что душа умретъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Изъ глубины одной изъ нихъ раздается голосъ, взывающій къ Данту, и вслѣдъ за тѣмъ поднимается до пояса тѣнь Фаринаты, предводителя Гибеллиновъ. Онъ спрашиваетъ Данта о его предкахъ и, узнавъ, что они были заклятые враги его Гвельфы, говоритъ съ негодованіемъ, что онъ два раза изгналъ ихъ изъ Флоренціи. На это Данте отвѣчаетъ, что его предки каждый разъ возвращались изъ изгнанія, чего не удавалось партіи Фаринаты. Пока говорятъ они, изъ могилы, не далеко отъ Фаринатовой, поднимается другая тѣнь: это Гвельфъ Кавальканте Кавальканти. Онъ спрашиваетъ, почему Гвидо, сынъ его и другъ Данта, не пришелъ вмѣстѣ съ нимъ, и, заключивъ ошибочно, что сынъ его умеръ, опрокидывается въ могилу. Между тѣмъ Фарината, не обращая вниманія на упавшаго, продолжаетъ прерванный разговоръ, предсказываетъ Данту изгнаніе и, узнавъ о причинѣ преслѣдованій, направленныхъ Флорентинцами противъ Гибеллиновъ, съ гордостію вспоминаетъ, что онъ одинъ спасъ родной городъ отъ разрушенія; наконецъ, разрѣшивъ Данту нѣкоторое сомнѣніе на счетъ способности грѣшниковъ видѣть будущее и указавъ изъ числа тѣней, вмѣстѣ съ нимъ наказуемыхъ, на императора Фридерика II и кардинала Убальдини, исчезаетъ въ могилѣ. Данте съ горестію возвращается къ Виргилію, который, утѣшая его, напоминаетъ ему Беатриче, отъ которой Данте долженъ узнать истинный путь къ божественной жизни. Поэты идутъ налѣво къ центру города, чтобы спуститься въ глубокую долину, со дна которой поднимаются зловонныя испаренія.

---

1. Вотъ узкою тропинкой, межъ стѣнами
Сей крѣпости и зрѣлищемъ скорбей,
Пошелъ мой вождь, а я за раменами.

4. «О высшій умъ, съ кѣмъ въ адской безднѣ сей
Вращаюсь я, твоей покорный волѣ, —
Наставь меня премудростью своей.

7. Могу ль узрѣть» спросилъ я: «въ этомъ полѣ
Томящихся въ могилахъ? крыши съ нихъ
Приподняты и стражи нѣтъ ужъ болѣ.»

10. А онъ въ отвѣтъ: «Запрутся всѣ въ тотъ мигъ,
Когда придутъ съ полей Іосафата
И принесутъ тѣла изъ нѣдръ земныхъ.

13. Тутъ погребенъ со школою разврата
Тотъ Эпикуръ, который міръ училъ,
Что съ тѣломъ духъ погибнетъ безъ возврата.

16. Здѣсь твой вопросъ, что̀ мнѣ ты предложилъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ и тайное сомнѣнье
Сейчасъ рѣшатся въ лонѣ сихъ могилъ.»

19. Но я: «Мой вождь, души моей мышленье
Я утаилъ для краткости въ рѣчахъ,
Къ чему ты самъ давалъ мнѣ наставленье.»—

10—12. Юдоль Іосафата, около Іерусалима, будетъ мѣстомъ страшнаго суда, согласно съ пророкомъ Іоилемъ (Гл. III, 7). Туда соберутся всѣ племена земныя, и оттуда души, вмѣстѣ съ тѣлами, возвратятся въ страну блаженства, или осужденія, и тогда только грѣшники вполнѣ возчувствуютъ весь ужасъ присужденныхъ имъ казней (Ад. VI, 94—96 и XIII, 103—108). По объясненію прежнихъ толкователей, могилы еретиковъ закроются послѣ страшнаго суда потому, что по воскрешеніи мертвыхъ ересь прекратится и, слѣдственно, не будетъ болѣе невѣрующихъ (см. Ад. IX, примѣч. 127).

13—15. По понятіямъ Данта, названіе еретика заслуживаютъ всѣ, коихъ религіозныя понятія уклоняются отъ ученія Христовой Церкви, хотя бы эти невѣрующіе и не принадлежали къ числу христіанъ и даже жили до Христа между язычниками. Потому въ число еретиковъ помѣщаетъ онъ и язычника Эпикура съ его школою, учившаго, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

16—18. Вопросъ Дантовъ состоялъ въ томъ, можно ли видѣть грѣшниковъ, заключенныхъ въ этихъ гробницахъ, при чемъ онъ не высказалъ Виргилію тайнаго своего желанія узнать объ участи своихъ согражданъ, Фаринаты и Кавальканте, которыхъ эпикурейскій образъ мыслей былъ ему хорошо извѣстенъ.

21. Эти слова относятся или къ наставленію, сдѣланному Данту Виргиліемъ въ III пѣс. Ад., или къ сжатости Виргиліева стиля вообще, достигшей у нашего поэта высшей степени.

22. —«Тосканецъ, ты, что въ огненныхъ стѣнахъ
Живой ведешь бесѣду такъ прекрасно,
Благоволи помедлить въ сихъ мѣстахъ!

25. Звукъ словъ твоихъ мнѣ обнаружилъ ясно,
Что въ благородной ты странѣ возникъ,
Гдѣ, можетъ быть, клянутъ меня напрасно.»—

28. Внезапно здѣсь исторгся этотъ крикъ
Со дна могилъ и, ужасомъ объятый,
Я къ моему учителю приникъ.

31. «Что дѣлаешь?» сказалъ мнѣ мой вожатый:
«Оборотись: передъ тобой возсталъ
До пояса духъ гордый Фаринаты.»

31—93. Здѣсь необходимо сдѣлать бѣглый обзоръ историческихъ событій на которыя намекаетъ въ этихъ стихахъ Данте.

Страшныя партіи Гибеллиновъ и Гвельфовъ въ первой половинѣ XIII столѣтія стали извѣстными и во Флоренціи, откуда первые, находясь подъ особеннымъ покровительствомъ императора Фридерика II, изгнали послѣднихъ въ 1248 г. Но, по смерти Фридерика, народъ, выведенный изъ терпѣнія жестокимъ правленіемъ Гибеллиновъ, призвалъ снова Гвельфовъ въ Январѣ 1250, уничтожилъ прежній образъ правленія, въ замѣнъ которому установилъ новое, избравъ предводителя народа (capitano del popolo) и присоединивъ къ нему совѣтъ изъ двѣнадцати старшинъ; сверхъ того, были избраны 36 народныхъ вождей и установлены 20 знаменъ съ особымъ значками для того, чтобы народъ въ случаѣ нужды могъ сбираться вокругъ нихъ. Въ это время городъ укрѣпили новыми стѣнами, построили мостъ чрезъ Арно при Санта Тринита, многіе города и крѣпости были присоединены къ Флоренціи, имя которой сдѣлалось страшнымъ для всей Италіи, торговля ея процвѣла, искусства и ремесла усовершенствовались. Но это благосостояніе города было непродолжительно. Гибеллины, большая часть которыхъ удалилась въ Сіену, въ тайнѣ продолжали свои происки и, по смерти Фридерика II, обратились съ просьбою о помощи къ побочному его сыну, Манфреду, который въ то время, взойдя на сицилійскій престолъ своего отца, возсталъ противъ церкви. Манфредъ, доброхотствуя, подобно отцу своему, Гибеллинамъ, прислалъ имъ на помощь 800 нѣмецкихъ рыцарей подъ предводительствомъ какаго-то графа Іордануса, съ которыми изгнанники, а также союзные Сіенцы, немедленно осадили находившійся въ союзѣ съ Флоренціею городъ Монтальчино. Нужно было, во что бы то ни стало, вовлечь Флорентинцевъ въ сраженіе: съ этой цѣлію Фарината дельи Уберти, одинъ изъ знаменитыхъ полководцевъ своего времени, удалившійся вмѣстѣ съ прочими въ Сіену, отправилъ двухъ монаховъ миноритовъ, Кальканьи и Спедито, во Флоренцію

34. Къ его лицу я взоры приковалъ;
А онъ возсталъ, поднявъ чело и плечи,
Какъ будто адъ и муки презиралъ.

съ письмомъ отъ сіенскихъ начальниковъ, которые притворно увѣряли, что «Сіенцы, выведенные изъ терпѣнія тиранствомъ Гибеллиновъ, желаютъ покориться Флорентинцамъ и что съ радостію отворятъ имъ ворота св. Вита, если они вышлютъ войско къ рѣкѣ Арбіи.» Хитрость удалась какъ нельзя лучше: не смотря на возраженія Теггьяіо Альдобранди (Ад. XVI) и Чеко Герардини, высокомѣрные Флорентинцы рѣшили начать войну. Немедленно собрано было значительное войско, къ которому присоединились союзники изъ Лукки, Пистойи, Пало, Санминіати, Санджиминьяно, Вольтерры и Колле ди Вальдельсы; съ торжественною пышностію оно направилось къ Арбіи, распустивъ красныя знамена и даже взявъ знаменитый вечевой колоколъ Martinella, который на этотъ разъ справедливо названъ былъ въ насмѣшку la campana degli asini. На пути присоединились къ нимъ отряды изъ Орвіето и Перуджіи, такъ, что войско, пришедъ къ р. Арбіи, состояло болѣе чѣмъ изъ 3,000 рыцарей и 30,000 пѣхоты. Но едва только остановились они у холма Монтаперти при Арбіи (сраженіе, здѣсь происшедшее, упоминается у Данта подъ тѣмъ и другимъ именемъ), какъ ворота Сіены растворились; но изъ нихъ вмѣсто ожидаемой мирной депутаціи города, понесся къ нимъ на встрѣчу вооруженный отрядъ нѣмецкихъ рыцарей, который, сопровождаемый Сіенцами и Гибеллинами, врубился въ ряды Флорентинцевъ. Началась страшная битва, тѣмъ ужаснѣйшая для Гвельфовъ, что въ рядахъ ихъ находилось множество Гибеллиновъ, которые, сбросивъ теперь съ себя личину, передались на сторону враговъ. Одинъ изъ этихъ измѣнниковъ, Бокка дельи Аббати (Ад. XXXII, 76—123), обрубилъ руки флорентинскому знаменоносцу Іакопо дель Вакка де' Падзи: паденіе знамени было началомъ общаго разстройства флорентинскаго войска. Четыре тысячи пали на мѣстѣ; множество плѣнныхъ, оружіе, знамена и даже вечевой колоколъ Martinella достались въ руки побѣдителей; спасшіеся Гвельфы бѣжали въ Лукку. Это кровавое побоище происходило 4 Сент. 1260 г. Гибеллины съ торжествомъ вошли во Флоренцію и во имя Манфреда избрали графа Гвидо Новелло де' Конти Гвиди подестою города. Недовольные однакожъ этимъ, они въ чрезвычайномъ собраніи въ Эмполи, подъ предсѣдательствомъ графа Іордануса, рѣшили срыть до основанія стѣны и башни Флоренціи какъ гнѣзда упорнаго Гвельфисма. Тогда-то Фарината дельи Уберти, душа этой войны, одинъ возсталъ противъ общаго рѣшенія и твердымъ голосомъ объявилъ, что «онъ только затѣмъ обнажилъ мечъ, чтобъ снова быть гражданиномъ Флоренціи, и что одинъ готовъ защищать ее съ мечемъ въ рукѣ до послѣдней капли крови.» Такимъ образомъ Флоренція была спасена,—заслуга, которою Фарината гордится и въ аду.—По смерти Манфреда, павшаго въ сраженіи при Беневенто противъ Карла Анжуйскаго (1265), Гибеллины вынуждены были сдѣлать нѣкоторыя уступки:

37. И межъ гробовъ къ герою страшной сѣчи
Толкнулъ меня поспѣшно мой пѣвецъ,
Сказавъ: «Твои да будутъ кратки рѣчи!»

40. Когда жъ у гроба сталъ я наконецъ,
Духъ, на меня взглянувъ, почти съ презрѣньемъ
Спросилъ: «Кто предки у тебя, пришлецъ?»

43. А я, предъ нимъ стоя съ благоговѣньемъ,
Не утаивъ, все высказалъ вполнѣ.
Тогда нахмурилъ брови онъ съ смущеньемъ

46. И рекъ: «Враги тѣ злые были мнѣ
И партіи моей и нашимъ дѣдамъ:
За то я дважды ихъ громилъ въ войнѣ.»

они позволили избрать 30 вождей изъ народа, раздѣлили жителей на 12 вооруженныхъ цѣховъ, назначивъ имъ старшинъ, и наконецъ призвали Гвельфовъ. Вскорѣ послѣдніе взяли верхъ надъ Гибеллинами, а народъ вышелъ изъ повиновенія, что заставило графа Гвидо Новелло, намѣстника Манфредова и главу Гибеллиновъ, бѣжать съ своею партіей въ ближній г. Прато. Впрочемъ, на другой день, раскаявшись въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, онъ сдѣлалъ приступъ къ Флоренціи, но былъ отбитъ. Впослѣдствіи Гибеллины еще разъ были призваны назадъ; но въ 1267, когда Карлъ Анжуйскій отправилъ графа Монфорте во Флоренцію, они были окончательно изгнаны въ первый день Пасхи. Въ числѣ изгнанныхъ находился Адзучіо Аррпгетти, предокъ Мирабо. Копишъ. Филалетесъ. Вегеле.

33. Фарината, побѣдитель при Арбіи (см выше). Современники считали его за величайшаго атеиста, утверждавшаго, что все въ этой жизни кончается со смертію, а потому думавшаго, что не должно отказывать себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ. По этой причинѣ Данте помѣстилъ его между эпикурейцами и даже искалъ его въ третьемъ кругу между обжорами (Ада VI, 79). Не будь онъ причастенъ этому грѣху, Данте едва ли помѣстилъ бы въ аду этого мужа, котораго онъ такъ высоко цѣнитъ за его любовь къ отечеству, великодушіе и въ особенности за спасеніе Флоренціи, того мужа, котораго флорентинскій историкъ Виллани не даромъ называетъ вторымъ Камилломъ.

42—51. Предки Данта были Гвельфы. Они были изгнаны два раза: въ 1248 г., за 12 лѣтъ до битвы при Арбіи, но черезъ два года возвратились снова, и во второй разъ, послѣ битвы при Арбіи въ 1260, послѣ чего, спустя семь лѣтъ въ 1267 г., Гвельфы опять взяли верхъ надъ Гибеллинами и выгнали ихъ изъ Флоренціи. Въ началѣ XIV вѣка Гибеллины окончательно были изгнаны и съ того времени навсегда находились въ изгнаніи, не смотря на всѣ свои попытки возвратиться.

49. — «Ты ихъ громилъ, но возвратились слѣдомъ
Они отвсюду,» я въ отвѣтъ сказалъ:
«Твоимъ же путь къ возврату былъ невѣдомъ!» —

52. Тутъ близъ него изъ гроба приподнялъ
До подбородка ликъ другой безбожный:
Онъ на колѣняхъ, думаю, стоялъ.

55. Вокругъ меня водилъ онъ взоръ тревожный,
Какъ бы желая знать, кто былъ со мной;
Когда же лучъ угасъ надежды ложной,

58. Онъ, плача, вскрикнулъ: «Если въ міръ слѣпой
Проникнулъ ты таланта высотою,
То гдѣ же сынъ мой? что жъ онъ не съ тобой?»

61. Но я ему: «Иду не самъ собою:
Тамъ ждетъ мой вождь, за кѣмъ иду вослѣдъ;
Его твой Гвидо презиралъ съ толпою.»

64. Казнь грѣшника и словъ его предметъ,
Кто былъ сей духъ, мнѣ объяснили вскорѣ,
И потому такъ прямъ былъ мой отвѣтъ.

67. Вдругъ выпрямясь, вскричалъ онъ въ страшномъ горѣ:
«Какъ? *презиралъ!* ужъ нѣтъ его въ живыхъ?
Ужъ сладкій свѣтъ въ его не блещетъ взорѣ?»

---

53. Это Кавальканте Кавальканти, знаменитый флорентинскій Гвельфъ, котораго, какъ и Фаринату, подозрѣвали современники въ атеисмѣ. Сынъ его, Гвидо Кавальканти, былъ философъ и замѣчательный поэтъ, искренній другъ Дантовъ. Подслушавъ разговоръ Фаринаты съ Дантомъ и узнавъ послѣдняго по звуку его голоса, Кавальканте заключаетъ, что если Данте могъ проникнуть въ адъ высотою своего таланта, то и Гвидо, какъ глубокомысленный философъ, долженъ находиться вмѣстѣ съ нимъ.

58—59. Кавальканте, какъ закоснѣлый атеистъ, приписываетъ странствованіе Данта въ аду не божественной помощи, но высокости его таланта (ingegno). Копишъ.

61—63. Данте отвѣчаетъ, что ведетъ его не высота таланта, а разумъ (Виргилій), не всегда руководящій людей даровитыхъ. Гвидо, болѣе философъ, чѣмъ поэтъ, писавшій въ легкомъ провансальскомъ родѣ, не имѣлъ такаго уваженія къ Виргилію, какое питалъ къ нему Данте, не изучалъ его твореній и, стало быть, не могъ создать ничего подобнаго Божественной Комедіи.

67—73. Слова: *онъ презиралъ*, заставляютъ Кавальканте думать, что сынъ его умеръ. «Кавальканте до сихъ поръ стоялъ на колѣняхъ; но при этихъ

70. Когда замѣтилъ онъ въ очахъ моихъ
Сомнѣніе, тревогу безпокойства,
Онъ навзничъ палъ и навсегда затихъ. —

73. Межъ тѣмъ другой, мужъ силы и геройства,
Не двинувъ выи, не склоняя плечь,
Являлъ въ лицѣ души надменной свойства.

76. «Да!» продолжалъ онъ прерванную рѣчь:
«Мысль, что досель мое въ изгнаньѣ племя,
Крушитъ меня сильнѣй, чѣмъ эта печь.

79. Но ликъ жены, гнетущей злое сѣмя,
Въ пятидесятый разъ не проблеснетъ,
Какъ взвѣсишь самъ, сколь тяжко это бремя.

словахъ онъ вдругъ вскакиваетъ на ноги и, видя, что Данте медлитъ отвѣчать ему, опрокидывается въ могилу: не многими словами, но какъ прекрасно выражены любовь и горесть отца! Это изображеніе удрученнаго горемъ отца еще болѣе выигриваетъ въ эффектѣ отъ контраста, который представляетъ слабодушный, но глубоко-любящій Кавальканте съ мощнымъ, величаво-гордымъ образомъ Фаринаты.» Штрекфуссъ.

67. Мысль о смерти ближнихъ вдвое прискорбнѣе для людей, невѣрующихъ въ безсмертіе души. Копишъ.

79. Отрицатели вѣчной жизни тѣмъ сильнѣе сочувствуютъ жизни земной и событіямъ политическимъ. Копишъ.

79 — 81. *Ликъ жены, гнетущей злое сѣмя*, есть луна. Богиня, чтимая на Олимпѣ какъ Луна, на землѣ называется Діаною, а въ аду Прозерпиной, или Гекатою (Ада IX, 43). Смыслъ текста слѣдующій: не пройдетъ 50 мѣсяцевъ (4 года и 2 мѣсяца), какъ ты узнаешь, какъ тяжелы изгнаннику безполезныя попытки возвратиться въ свое отечество. Данте, вначалѣ Гвельфъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся Гибеллиномъ, былъ изгнанъ изъ Флоренціи вмѣстѣ съ множествомъ послѣднихъ въ Январѣ 1302; въ Мартѣ того же года приговоръ надъ нимъ подтвердили и еще съ большею силою произнесли его послѣ попытки Гибеллиновъ проложить себѣ путь во Флоренцію вооруженною рукою, — попытки, въ которой принималъ участіе и Данте. Но такъ какъ Данте предполагаетъ свое странствованіе въ замогильномъ мірѣ въ 1300, то выходитъ, что отъ этой эпохи до времени его изгнанія протекло только два года и, стало быть, 50-мѣсячный срокъ, назначаемый Фаринатою, будетъ слишкомъ великъ. Надобно думать, что срокъ этотъ относится не къ первому его изгнанію въ 1302, а къ гораздо позднѣйшимъ попыткамъ его возвратиться во Флоренцію, когда онъ былъ членомъ совѣта двѣнадцати, управлявшаго въ Пистойѣ партіею Бѣлыхъ (Гибеллиновъ). Въ это время (1304) въ первый разъ блеснула Данту надежда къ возврату въ отечество: по просьбѣ Бѣлыхъ, папа Бенедиктъ XI отправилъ

82. О, если міръ тебя прекрасный ждетъ,
Скажи: за что съ такою нелюбовью
Законами гнетете вы мой родъ?»

85. И я: «Тотъ бой, что залилъ нашей кровью
Всю Арбію, въ ней воды взволновавъ,
Подвигъ насъ въ храмѣ къ этому условью.»

88. Тутъ онъ вздохнулъ, главою покачавъ,
И молвилъ: «Я ль одинъ виновенъ въ этомъ?
И не имѣлъ ли я на это правъ?

91. Но тамъ, гдѣ общимъ рѣшено совѣтомъ
Развѣять въ прахъ Флоренцію, лишь я
Защитникомъ ей былъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.»

94. — «Да обрететъ же миръ твоя семья!
А ты» сказалъ я: «развяжи мнѣ сѣти,
Въ которыхъ мысль запуталась моя.

97. Коль понялъ я, мракъ будущихъ столѣтій
Со всѣми ихъ дѣлами вамъ открытъ;
Но въ настоящемъ — вы сомнѣнья дѣти.»

100. А онъ: «Мы зримъ, какъ дальнозоркій зритъ,
Лишь только то, что вдалекѣ таится:
Еще насъ этимъ Высшій Вождь даритъ.

во Флоренцію кардинала Никколо ди Прато въ качествѣ миротворца съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать возврату изгнанниковъ. Но эта надежда поэта исчезла съ внезапнымъ отбытіемъ кардинала изъ Флоренціи 5 Іюня 1304 г., т. е. спустя 4 года и 3 мѣсяца послѣ замогильнаго странствованія поэта.

83 — 84. Фамилія Уберти, къ которой принадлежалъ Фарината, всегда была исключаема изъ списковъ изгнанниковъ, получавшихъ право возврата во Флоренцію.

87. По словамъ Макіавелли, народныя собранія во Флоренціи до 1282 всегда происходили въ церквяхъ.

91. Собраніе, на которое здѣсь намекается, было въ Эмполи (см. выше).

95 — 96. Данту кажется загадкою, почему тѣни грѣшниковъ могутъ узнавать будущее и ничего не знаютъ о настоящемъ, какъ Кавальканте, ст. 68.

100. — 105. Согласно съ богословскимъ ученіемъ Ѳомы Аквинскаго, грѣшники могутъ познавать только общее, напр. будущее, но не знаютъ ничего отдѣльно-существующаго, чувственнаго. Напротивъ, блаженыя души все созерцаютъ и видятъ въ Богѣ.

103. Когда жъ событье близко, иль свершится,
Тогда намъ очи кроетъ темнота:
Міръ скрытъ для насъ, коль вѣсть къ намъ не домчится.

106. Но ты поймешь, что даръ сей какъ мечта
Разсѣется въ тотъ мигъ, когда судьбою
Затворятся грядущаго врата.» —

109. Тутъ я созналъ проступокъ свой съ тоскою
И рекъ: «Скажи сосѣду своему,
Что сынъ его еще живетъ со мною.

112. Я лишь затѣмъ не отвѣчалъ ему,
Что было мнѣ въ то время непонятно
То, что̀ теперь ты разрѣшилъ уму.»

115. Ужъ призывалъ меня мой вождь обратно
И потому я духа умолялъ
Сказать: кто съ нимъ погибъ здѣсь невозвратно.

118. «Лежу средь тысячъ,» онъ мнѣ отвѣчалъ:
«Тутъ Кардиналъ съ могучимъ Фридерикомъ;
Но о другихъ не спрашивай!» — Сказалъ

---

108. Т. е. въ день страшнаго суда, когда крыши закроютъ гробы еретиковъ (см 10 — 15 и прим.).

109—114. Данте сострадаетъ упавшему въ могилу Кавальканте, котораго онъ огорчилъ тѣмъ, что не объявилъ ему, что сынъ его живъ, ибо ошибочно думалъ, что души грѣшниковъ, зная будующее, должны знать и настоящее.

120. Фридерикъ II, императоръ германскій и король сицилійскій, сынъ Фридерика V и племянникъ Фридерика Барбаруссы, помѣщенъ здѣсь не столько за борьбу его съ папами, сколько за его эпикурейскій образъ жизни, а въ особенности за то, что, по мнѣнію современниковъ, впрочемъ ошибочному, былъ сочинителемъ въ высшей степени еретической книги: «О трехъ обманщикахъ.» Филалетесъ.

Кардиналъ Оттавіано дельи Убальдини, обыкновенно называвшійся въ Италіи просто *Кардиналомъ*, человѣкъ необыкновенныхъ дарованій и твердаго, но жестокаго характера, ревностный Гибеллинъ и потому жестокій врагъ папъ и церкви. Онъ извѣстенъ былъ своимъ атеисмомъ и говаривалъ, что если и была у него когда нибудь душа, то онъ погубилъ ее для Гибеллиновъ. Братъ ого Убальдино встрѣчается въ Чистилищѣ (XXIV, 29).

121. И скрылся.—Я жъ, въ смущеніи великомъ,
Задумавшись отъ слышенныхъ угрозъ,
Шелъ къ древнему поэту съ грустнымъ ликомъ.

124. Подвигся онъ и, взыдя на утесъ,
Спросилъ: «Скажи: что̀ такъ тебя смутило?»
И я ему отвѣтилъ на вопросъ.

127. «Запомни же, что̀ сказано здѣсь было,
И все въ душѣ» онъ рекъ: «запечатлѣй!»
И, перстъ поднявши, продолжалъ уныло:

130. «Когда увидишь дивный блескъ лучей
Въ очахъ прекрасной, имъ же все открыто,
Тогда узнаешь путь грядущихъ дней.»

133. Я шелъ налѣво подъ его защитой
И мы отъ стѣнъ въ центръ города пошли
Тропинкою, въ долинѣ той прорытой,

136. Гдѣ адскій смрадъ всходилъ со дна земли.

130—132. Намекъ на Беатраче. «Виргилій, утѣшая Данта, противопоставляетъ божественную жизнь житейскому треволненію и говоритъ, что отъ Беатриче, которая все созерцаетъ и зритъ въ Богѣ, узнаетъ онъ истинный путь къ этой жизни божественной; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ запомнить и предсказаніе Фаринаты.» Копишъ.

134—135. Они пересѣкаютъ кругъ и, направляясь къ центру бездны, приближаются къ тому мѣсту, гдѣ спускъ въ слѣдующій кругъ.

136. «Вся эта пѣснь отличается высокимъ драматическимъ эффектомъ и разнообразіемъ превосходно-обрисованныхъ характеровъ. Какая противоположность между двумя отрицателями вѣчной жизни! Фарината, этотъ гордый побѣдитель при Арбіи, забывая о мукахъ и какъ будто презирая цѣлый адъ, озабоченъ только судьбою отечества и своей партіи; и рядомъ съ нимъ, менѣе великодушный Кавальканте, при одной мысли о смерти и (по его понятіямъ) уничтоженіи сына опрокидывающійся въ могилу въ отчаянномъ горѣ. А какъ удивительна при этомъ постановка обоихъ поэтовъ: Данта, еще очень воспріимчиваго къ земнымъ заботамъ, ищущаго вездѣ познанія и нерѣдко пожинающаго горе, вездѣ обнаруживающаго свойства чисто-человѣчныя: слабость и величіе, гордость и страхъ, всего же болѣе жажду познанія, и мудраго его вождя Виргилія, который повсюду указываетъ стремленіе къ высшему, небесному, самъ же, какъ посланникъ высшей силы, какъ исполнитель воли божественной, вездѣ является безстрастнымъ, ни чему несочувствующимъ.» Рутъ.

ПѢСНЬ XI.

Содержаніе. На вершинѣ обрушенной скалы, составляющей границу между кругомъ еретиковъ и слѣдующимъ, поэты укрываются отъ ужаснаго зловонія адскихъ испареній за крышею одиноко-стоящей гробницы папы Анастасія. Они идутъ медленно для того, чтобы напередъ привыкнуть къ зловонію, восходящему съ кровавой рѣки изъ глубины седьмаго круга. Пользуясь этимъ временемъ, Виргилій, по просьбѣ Данта, объясняетъ ему распредѣленіе грѣховъ по кругамъ ада и говоритъ, что внѣ предѣловъ адскаго города (Ад. VIII, 67—68), въ пройденныхъ уже кругахъ, наказуются невоздержные, слѣпо предававшіеся естественнымъ побужденіямъ; но что внутри города, въ болѣе глубокихъ кругахъ ада, помѣщены тѣ, которые, предавшись влеченіямъ неестественнымъ, превратили свою человѣческую природу въ животную, звѣрскую: всѣ они раздѣлены на три класса, смотря по тому, на кого направляли насиліе: на ближнихъ, на самихъ себя, или на Бога. За грѣшниками, виновными въ насиліи, слѣдуютъ обманщики, а на самомъ днѣ ада виновные въ величайшемъ грѣхѣ—измѣнѣ. Наконецъ Виргилій объясняетъ Данту, почему ростовщики отнесены къ числу грѣшниковъ, направлявшихъ насиліе противъ законовъ Божескихъ. — Наступаетъ утро. Поэты идутъ далѣе.

---

1. У рубежа окраины высокой,
Надъ грудою обрушенныхъ громадъ,
Пришли мы къ безднѣ болѣе жестокой.

4. И, встрѣтивъ тутъ невыносимый смрадъ,
Клубившійся надъ пропастью бездонной,
За страшнымъ гробомъ мы взошли на скатъ,

7. И я прочелъ на крышѣ раскаленной:
«Здѣсь Анастасій папа въ гробѣ скрытъ,
«Съ прямой стези Фотиномъ совращенный.»

---

2. Почему спускъ изъ шестаго круга въ седьмой состоитъ изъ разрушенной скалы, объяснено ниже (Ада XII, 34 и д.).

4. Этотъ смрадъ поднимается съ кровавой рѣки нижележащаго седьмаго круга (Ад. XII, 46) и есть символъ худой славы, оставленной по себѣ грѣшниками, наказуемыми въ этомъ кругу. Копишъ.

8 — 9. У библіотекаря Анастасія, лѣтописца IX вѣка, находится извѣстіе, которое гласитъ, что папа Анастасій II, вступившій на престолъ папскій

10.—«Намъ медленно сходить здѣсь надлежитъ,
Чтобъ свыклось чувство съ адскимъ испареньемъ:
Тогда намъ смрадъ уже не повредитъ.»—

13. А я: «Займи жъ мой умъ благимъ ученьемъ,
Чтобъ этотъ часъ безъ пользы не пропалъ.»
И вождь: «Я самъ съ твоимъ согласенъ мнѣньемъ.

16. Мой сынъ,» онъ началъ: «въ безднѣ этихъ скалъ
Три меньшихъ круга вьются ступенями,
Какъ тамъ вверху, гдѣ путь нашъ пролегалъ.

19. Всѣ три кишатъ проклятыми тѣнями;
Но чтобъ постигъ ты Божій судъ святой,
Узнай: за что̀ казнятся небесами.

около 497 г., принялъ, не смотря на сопротивленіе епископовъ, еретическое ученіе ѳессалоникійскаго діакона Фотина, придерживавшагося лжеученія Акакія, патріарха константинопольскаго. Тотъ же лѣтописецъ увѣряетъ, что папа Анастасій погибъ чудеснымъ образомъ отъ внезапно-приключившейся ему ужасной болѣзни въ то время, когда защищалъ свою ересь передъ соборомъ епископовъ. Ландино.—Показаніе лѣтописца, которому слѣдуетъ Данте, кажется невѣрнымъ, потому что во времена Фотина, жившаго около 350 г., не было никакого папы этого имени. Тѣмъ не менѣе Данте воспользовался этимъ случаемъ, чтобы показать, что и папа можетъ быть еретикомъ и что, стало быть, его судъ непогрѣшителенъ только въ томъ случаѣ, когда онъ не противорѣчитъ рѣшенію вселенскаго собора. Филалетесъ. — Гробница папы граничитъ съ кругомъ, гдѣ наказуется насиліе: это значитъ, что ересь въ душѣ сильныхъ міра сего близка къ насилію. Копишъ.

17. Три меньшіе круга (въ подл.: cerchietti, т. е. болѣе тѣсные, болѣе концентрическіе) суть три остальные круга ада, находящіеся въ предѣлахъ адскаго города: седьмой, осьмой и девятый. Всѣ они глубже и глубже низходятъ ко дну ада и чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе съуживаются, на подобіе ступеней амфитеатра, сценой которому служитъ замерзшій Коцитъ, въ который погруженъ Люциферъ, взмахами своихъ крыльевъ самъ его замораживающій, въ знаменованіе того, что казни грѣшниковъ есть ихъ собственное дѣло. Копишъ.

20. Поэтому Данте впослѣдствіи уже не спрашиваетъ о томъ, какой именно родъ грѣха наказуется въ каждомъ отдѣлѣ ада, а только освѣдомляется объ особенныхъ прегрѣшеніяхъ и обстоятельствахъ жизни отдѣльныхъ грѣшниковъ. Филалетесъ.

22. Цѣль всякой злобы, въ небѣ проклятой,
Одна—обида; къ ней же двѣ дороги:
Или насилье, иль обманъ людской.

---

22. Въ этой пѣсни Данте излагаетъ нравственное построеніе своего ада, классификацію грѣховъ, такъ послѣдовательно и ясно, что почти нѣтъ надобности входить въ какія либо дальнѣйшія толкованія. Но такъ какъ для многихъ читателей изложенное въ прозѣ кажется болѣе понятнымъ, то мы предлагаемъ краткій обзоръ грѣховъ и ихъ наказаній, распредѣленныхъ сообразно съ архитектурнымъ построеніемъ Дантова ада (слич. Ада IV, прим. къ 7 — 8.).

Всѣ грѣхи человѣческіе, по Аристотелю (см. ниже), можно раздѣлить на три класса, именно: на грѣхи, происходящіе или отъ невоздержанія, или безумной животности (matta bestialitade), или отъ злости (ст. 82—84).

Грѣхи, исходящіе отъ *невоздержанія*, менѣе важны (ст. 70—88), потому что невоздержаніе предполагаетъ не злую волю, но только потемнѣніе самопознанія, потерю воли. По этому во второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ кругахъ ада, еще внѣ предѣловъ адскаго города, составляющаго начало истиннаго ада (Ада VIII, 75 и прим.), наказуются менѣе жестоко сладострастные, обжоры, скупые вмѣстѣ съ расточителями и гнѣвные. Символомъ этого отдѣла ада служитъ тьма (см. Ада III, примѣч. къ 87).

За ними, въ шестомъ кругу ада, слѣдуютъ *еретики* и открываютъ собою рядъ грѣшниковъ, наказуемыхъ уже въ истинномъ адѣ. Но и этихъ грѣшниковъ нельзя еще назвать истинно-злыми, потому что грѣхи ихъ произошли собственно не отъ злой наклонности. Тѣмъ не менѣе они наказуются за раскаленными стѣнами и связуютъ собою грѣшниковъ перваго рода съ послѣдующими.

Прямая цѣль истинно-злыхъ наклонностей есть обида, къ которой двѣ дороги: или *насиліе*, или *обманъ*. Первое заслуживаетъ меньшаго наказанія, чѣмъ послѣдній, потому что сильныя страсти, какъ недостатки природные, могутъ содѣйствовать къ тому, что человѣкъ, увлеченный ими, прибѣгаетъ къ силѣ, тогда какъ обманщикъ обдуманно и хладнокровно употребляетъ во вредъ другимъ свой разумъ, — этотъ даръ, которымъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ другихъ тварей. Потому и сказано, что обманъ свойственъ только человѣку. —Quum autem duobus modis, i. e. aut vi, aut fraude fiat injuria: fraus quasi vulpeculae, vis, leonis videtur: utrumque homine alienissimum, sed fraus odio digna majore. Cicero, De officiis, I, 13.41.

Насиліе, соотвѣтствующее безумной животности Аристотеля, наказуется въ седьмомъ кругу (XII—XVI), составляющемъ второй отдѣлъ ада, символомъ которому служитъ огонь или жаръ. Кругъ этотъ распадается на три отдѣла, смотря по тому, кому наносится насиліе: ближнимъ (XII), самому себѣ (XIII), или Богу (XIV—XVII, до ст. 78). Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены: мучители, поджигатели и разбойники; во второмъ: самоубійцы, отчаянные игроки и рас-

25. Но какъ лишь людямъ свойственны подлоги,
То ими Богъ сильнѣе прогнѣвленъ:
За то на днѣ и судъ имъ самый строгій.

28. Весь первый кругъ насилью посвященъ;
Но какъ тремъ лицамъ вредъ отъ сей невзгоды,
То въ три отдѣла кругъ сей раздробленъ.

31. Противъ Творца, противъ своей природы,
На ближнихъ, съ ихъ стяжаньемъ возстаетъ
Насиліе и вотъ тому доводы.

34. Вредъ ближнему насиліе влечетъ
Увѣчьями, убійствомъ, а стяжанью —
Поджогами, разбоемъ, и въ зачетъ

37. Смертоубійству, злому истязанью
И грабежу казнь лютая во вѣкъ
Въ отдѣлѣ первомъ служитъ должной данью.

40. Самъ на себя заноситъ человѣкъ
Насилья длань: за то скорбитъ стократно
Въ другомъ отдѣлѣ каждый, кто пресѣкъ

точители своихъ имѣній, а также всѣ рѣшающіеся на отчаянные подвиги съ цѣлію самоубійства; въ третьемъ: преданные содомскому грѣху, ростовщики и богохульники.

Обманъ, истекающій изъ глубокой злости человѣка и потому только ему свойственный, составляетъ третій, самый нижній отдѣлъ ада. Обманъ бываетъ двоякаго рода, смотря по тому, надъ кѣмъ онъ совершается: надъ тѣмъ ли, кто имѣетъ довѣріе къ обманывающему: стало быть, надъ тѣмъ, съ кѣмъ мы, кромѣ природной связи любви, соединены еще союзомъ довѣренности и братства; или надъ тѣмъ, кто не имѣетъ довѣрія, когда, слѣдственно, нарушаются только общіе законы человѣческой любви. Обманъ втораго рода наказуется въ осьмому кругу, раздѣленномъ на 10 отдѣленій, въ которыхъ казнятся собственно обманщики, а именно: соблазнители и пользовавшіеся слабостію обоихъ половъ (ruffiani); льстецы; симонисты или торговавшіе дарами Св. Духа; прорицатели; свѣтскіе симонисты или мѣнялы (barattieri) и взяточники; лицемѣры; хитрые тати и святотатцы; злосовѣтники; сѣятели расколовъ и поддѣлыватели всякаго рода (Ад. XVIII—XXX). — Обманъ перваго рода, или измѣна, величайшій грѣхъ, истекающій изъ высшаго эгоизма души человѣческой, наказуется въ послѣднемъ девятомъ кругу ада, гдѣ сим-

43. Самъ дни свои, кто, промотавъ развратно
Имѣнье, горемъ отягчилъ главу
И плакалъ тамъ, гдѣ могъ бы жить пріятно.

46. ....
....
....

49. За то отдѣлъ послѣдній отмѣчаетъ
Клеймомъ своимъ Каорсу и Содомъ
И тѣхъ, чье сердце Бога отрицаетъ.

52. Обманъ, грызущій совѣсть всѣмъ, на томъ
Свершиться можетъ, кто съ довѣрьемъ внемлетъ,
Иль кто довѣрья чуждъ въ умѣ своемъ.

55. Въ грѣхѣ *послѣднемъ*, кажется мнѣ, дремлетъ
Лишь долгъ любви, природы нѣжный даръ:
За то второй великій кругъ объемлетъ

58. Гнѣздо льстецовъ, жрецовъ волшебныхъ чаръ,
Соблазнъ, подлогъ, татьбу и святотаство
И всякій грѣхъ, достойный горшихъ каръ.

61. Но *первый* грѣхъ забылъ любовь, богатство
Природное, и то, что слито съ ней,
Чѣмъ зиждутся довѣріе и братство.

воломъ ему служитъ вѣчный холодъ. Измѣнники въ свою очередь распадаются на четыре класса: на измѣнниковъ ближнему, другу, отечеству или граду, и Богу (Ад. XXX—XXXIV).

50. Содомъ, извѣстный городъ въ Палестинѣ, преданный противоестественному грѣху и за то вмѣстѣ съ Гоморрой и другими городами сожженный огнемъ небеснымъ.

Каорса. Купцы, преданные лихоимству, во многихъ законахъ среднихъ вѣковъ назывались *Lombardi* и *Caorcini* или *Cawarcini*, *Caturcini* etc.. Названіе Caorcini и проч. они получили вѣроятно отъ Каорсы или Кагора (по лат. *Cadurcum*), г. въ Лангедокѣ, откуда вышли первые ростовщики.

55. Т. е. общіе законы любви, вкорененные въ насъ самой природой.

56. Т. е. осьмой кругъ, гдѣ наказуются простые обманщики.

61—63. Болѣе тѣсную, болѣе родственную любовь, изъ которой возникаютъ довѣріе и родственныя, дружественныя отношенія.

64. А потому въ кругу меньшомъ, гдѣ всей
Вселенной центръ, гдѣ Дисъ царитъ ужасный,
Всякъ измѣнившій стынетъ въ безднѣ сей.»

67. И я: «Мой вождь, твое ученье ясно
И вѣрное даетъ понятье мнѣ
О безднѣ сей и о толпѣ злосчастной.

70. Но объясни: погрязшій родъ въ волнѣ,
Носимый вѣтромъ и разимый градомъ
И та толпа, что̀ споритъ вѣкъ въ войнѣ, —

73. За чѣмъ не здѣсь, за раскаленнымъ градомъ,
Казнятся, если подлежатъ суду,
А если нѣтъ, за что̀ пожраты адомъ?»

76. А онъ въ отвѣтъ: «За чѣмъ въ такомъ бреду,
Какъ не случалось прежде, умъ твой бродитъ?
Иль новое имѣетъ онъ въ виду?

79. Не помнишь ли то мѣсто, гдѣ выводитъ
Твой Аристотель въ Иѳикѣ изъ всѣхъ
Три склонности, на нихъ же казнь нисходитъ:

64—66. Меньшій кругъ есть девятый, имѣющій видъ колодезя, на днѣ котораго погруженъ во льды Дисъ (Плутонъ), Люциферъ, Веельзевулъ, — имена, у Данта однозначущія.

70—72. Гнѣвные (Ада VII, 110 и д.), сладострастные (V, 31 и д), обжоры (VI), скупые и расточители (VIII, 25 и д).

79 — 85. Виргилій разумѣетъ здѣсь Иѳику Аристотеля, который въ кн. VII, гл. I. говоритъ: «Относительно нравовъ, должно избѣгать трехъ вещей: невоздержанія (ἀκρασία), порока (κακία) и животности (θηριότης).» Подъ именемъ перваго, разумѣетъ онъ неумѣренное наслажденіе естественными удовольствіями (ἡδέα φύσει) и раздѣляетъ послѣднія на такія, которыя основаны на потребностяхъ нашего тѣла (ἀναγκαῖα), напр. удовольствіе, доставляемое употребленіемъ пищи и половое побужденіе, и на такія, которыя хотя и не составляютъ нашихъ потребностей, однакожъ сами по себѣ пріятны (αἱρετά), напр. желаніе побѣды, славолюбіе, стремленіе къ обогащенію, гнѣвъ и проч. Грѣхи изъ этого источника наказуются у Данта внѣ предѣловъ раскаленнаго города.

Подъ именемъ животности, Аристотель разумѣетъ удовлетвореніе побужденій, которыя уже и сами по себѣ непріятны (кн. VII, гл. V), куда онъ относитъ множество неестественныхъ жестокостей, людоѣдство, неестественную похоть и т. д. Всѣ эти пороки у Данта, подъ общимъ названіемъ *насилія*, помѣщены въ седьмомъ кругу, куда причисляетъ онъ сверхъ того и богохульство, какъ

82. Невоздержанье, злость, безумный грѣхъ
Животности? и какъ невоздержанье
Наказано отъ Бога легче тѣхъ?

85. И такъ, коль обнялъ ты вполнѣ то знанье
И приведешь на память проклятыхъ,
Пріемлющихъ внѣ града наказанье,

88. То самъ поймешь, за чѣмъ отъ этихъ злыхъ
Отлучены и съ меньшимъ гнѣвомъ мщенья
Млатъ Правды Божьей сокрушаетъ ихъ.»—

91. «О солнце, врачъ смущеннаго воззрѣнья!
Такъ ясно ты рѣшаешь, что уму
Равно полезны: знанье и сомнѣнья.

94. Но уклонись назадъ,» я рекъ ему:
«И объясни: чѣмъ Бога оскорбляетъ
Дающій въ ростъ? разсѣй мнѣ эту тьму.»—

97. — «Кто Философію постигъ, тотъ знаетъ,
Что стройный чинъ,» сказалъ онъ: «естества
Теченіе свое воспринимаетъ

100. Изъ разума, искусства Божества,
И если въ Физику вникалъ, то, много
Не рывшись въ ней, найдешь сіи слова:

103. 'Искусство ваше подражаетъ строго
Природѣ' такъ, какъ дядькѣ ученикъ:
....

грѣхъ, по природѣ несвойственный человѣку, также лихоимство, по той же самой причинѣ, какъ мы увидимъ ниже.

Наконецъ порокъ Аристотель противопоставляетъ добродѣтели (ἀρετή), подъ именемъ которой разумѣетъ онъ познаваніе прямаго, добраго (кн. VII, гл. XIII). Изъ этого видно, что «порокъ» Аристотеля почти ничѣмъ не отличается отъ «обмана» Дантова: ибо тотъ и другой состоятъ въ злоупотребленіи высшихъ свойствъ духа съ злою цѣлію. Когда духъ направляется къ злому, тогда все, изъ него исходящее, есть обманъ, прикрытый только личиною истины. Сюда же Данте отнесъ и измѣну, какъ высшее проявленіе обмана, и соединилъ и то и другое подъ однимъ общимъ именемъ «злости». Филалетесъ. Копишъ.

103 — 104. Аристотель говоритъ въ своей Физикѣ, кн. II, гл. 2: «Искусство (τέχνη) подражаетъ природѣ.»

106. Изъ этихъ двухъ, коль мыслями ты вникъ
Въ начало книги Бытія, и должно
Жизнь почерпать и размножать языкъ.

109. Но ростовщикъ, идя стезею ложной,
Расторгъ въ душѣ корыстной, полной зла,
Союзъ искусствъ съ природой неприложной.

112. Но слѣдуй мнѣ: идемъ! ужъ ночь прошла:
Трепещутъ Рыбы на эѳирѣ звѣздномъ
И Колесница ужъ на Кавръ легла,

115. А спускъ еще далекъ, гдѣ сходятъ къ безднамъ.»

106—107. «Tulit ergo Dominus Deus hominem, et posuit eum in paradiso voluptatis, ut operaretur et custodiret illum.» Vulg. Genes. Cap. II, 15.—«In sudore vultus tui vesceris pane.» Ibid. Cap. III, 19.—Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ долженъ удовлетворять своимъ потребностямъ, примѣняя въ пользу свою силы природы чрезъ прилежаніе и изобрѣтательность.

108. Въ подлин.: Prender sua vita, ed avanzar la gente.

109—111. «Природа и искусство даны человѣку какъ производители его жизни. Природа даетъ для человѣка необходимое для жизни, а искусство обработываетъ данное ею. Ростовщикъ нарушаетъ законъ природы, потому что онъ заставляетъ деньги производить деньги, что не въ законѣ природы; а такъ какъ искусство наше законъ свой беретъ съ природы же, то нарушаетъ онъ законъ всякой.» Шевыревъ.—Въ этомъ воззрѣніи Данта на ростовщиковъ видно господствовавшее въ средніе вѣка мнѣніе о беззаконности всякаго роста. Филалетесъ.

113—114. Въ этихъ стихахъ Данте, какъ и вездѣ при обозначеніи времени, опредѣляетъ съ астрономическою точностію начало утра. Созвѣздіе Рыбъ появляется надъ горизонтомъ, созвѣздіе Большой Медвѣдицы (въ просторѣчіи называемой Колесницею) лежитъ на Каврѣ. Кавръ или Коръ (Caurus, Corus) есть вѣтеръ, дующій съ NNW, и на востокѣ называемый *ponente maestro*. По вычисленію астрономовъ, созвѣздіе Рыбъ 9 Апрѣля 1300 начало подниматься изъ-за горизонта въ 3 часа, а въ 5 часовъ было уже совершенно надъ нимъ, изъ чего должно заключить, если возьмемъ за основаніе 9 Апрѣля, что настаетъ 5 часъ; это же положеніе созвѣздій для 6 Апрѣля того же года будетъ означать 4 часа 48 минутъ; а для 26 Марта 2 часа 4 мин. См. у *Филалетеса*. Die Hölle, p. 73—74.

ПѢСНЬ XII.

Содержаніе. Путники приходятъ къ каменной оградѣ седьмаго круга, къ первому его отдѣлу (Ада XI, 37—39), въ которомъ наказуется насиліе противъ ближнихъ. При видѣ поэтовъ, Минотавръ, распростертый на границѣ этого круга, въ бѣшенствѣ кусаетъ самого себя; но Виргилій укрощаетъ его ярость напоминовеніемъ о Тезеѣ, его умертвившемъ, и, пока чудовище крутится отъ безсильнаго бѣшенства, поэты сходятъ по громаднымъ камнямъ обрыва, обрушившагося въ минуту крестной смерти Спасителя. На днѣ круга дугою изгибается глубокій ровъ, наполненный кипящею кровью; въ нее погружены насилователи ближнихъ. Кентавры, вооруженные стрѣлами, рыскаютъ по берегамъ рва и стрѣляютъ въ тѣхъ, которые выйдутъ изъ потока крови болѣе, нежели имъ слѣдуетъ. Трое изъ нихъ, Нессъ, Хиронъ и Фолъ, бросаются на пришельцевъ; но Виргилій укрощаетъ и ихъ ярость и, обратившись къ Хирону, проситъ дать имъ проводника, который бы перенесъ Данта на хребтѣ своемъ въ бродъ черезъ потокъ крови. Хиронъ избираетъ Несса, въ сопровожденіи котораго поэты идутъ далѣе и видятъ тирановъ, погруженныхъ въ кровь по самыя очи. Изъ числа ихъ Нессъ указываетъ имъ на Александра, Діонисія, Аццолина и Обидзо Эсте, а въ отдаленіи отъ нихъ на одинокую тѣнь Гвидо Монфорте. Кровавый потокъ къ одному концу долины все болѣе и болѣе мелѣетъ, такъ, что наконецъ едва покрываетъ ноги грѣшникамъ; напротивъ, къ другому концу волны его становятся все глубже и глубже, и здѣсь-то на днѣ подъ волнами плачутъ вѣчными слезами: Аттила, Пирръ и Секстъ и разбойники Реньеры.

---

1. Скалистъ былъ край, гдѣ мы взбирались въ горы,
И тѣмъ, что въ нѣдрахъ онъ притомъ вмѣщалъ,
Такъ страшенъ былъ, что всѣмъ смутилъ бы взоры.

4. Съ той стороны отъ Трента есть обвалъ,
Обрушенный въ Адижъ землетрясеньемъ,
Иль осыпью волной подмытыхъ скалъ:

4—9. О мѣстности здѣсь описаннаго обвала есть разныя предположенія. По мнѣнію Маффеи, тутъ говорится объ утесѣ при Риволи, обрушившемся въ Адижъ въ 1300 г., когда Данте находился у Бартоломео делла Скала въ Веронѣ. Другой подобный горный обвалъ находится при Марко, на разстояніи часоваго путешествія отъ Ревередо, гдѣ Данте находился нѣсколько времени. Наконецъ третій очень высокій обвалъ горы Ченджіо Россо, гдѣ теперь Кастелло делла Піетра, находится въ 2½ миляхъ отъ Ревередо.

7. Съ горы, откуда свергнутъ онъ паденьемъ,
Въ долину такъ обрывистъ косогоръ,
Что сверху внизъ нѣтъ схода по каменьямъ.

10. Такъ крутъ былъ спускъ въ ущелье этихъ горъ,
И здѣсь, занявъ обрушенные скаты,
Улегся Крита ужасъ и позоръ,

13. Подложною телицею зачатый.—
Увидѣвъ насъ, онъ грызъ себя, какъ звѣрь,
Въ которомъ чувства бѣшенствомъ объяты.

16. Но мой мудрецъ вскричалъ ему: «Повѣрь,
Не царь аѳинскій здѣсь передъ тобою,
Который въ адъ тебѣ разверзнулъ дверь.

19. Прочь, лютый звѣрь! прочь! не твоей сестрою,
Былъ низведенъ мой спутникъ въ омутъ сей,
Но вашу казнь узрѣть идетъ со мною.»—

22. Какъ дикій быкъ, сорвавшійся съ цѣпей,
Когда смертельнымъ пораженъ ударомъ,
Безъ силъ, крутится въ ярости своей:

25. Такъ Минотавръ крутился въ гнѣвѣ яромъ.
Но вождь всезнающій вскричалъ: «Бѣги!
Теперь сойдемъ, минутъ не тратя даромъ.»

28. По грудамъ скалъ я ускорилъ шаги,
И не одинъ тамъ камень внизъ скатился
Изъ-подъ моей трепещущей ноги.

31. Я думенъ шелъ, а вождь: «Ты изумился
Громадѣ скалъ, гдѣ стражъ ихъ адскій гадъ
Съ бѣсовской злобой предо мной смирился.

34. Такъ вѣдай же: когда въ глубокій адъ
Я низходилъ, въ то время скалъ громада
Не представляла мнѣ въ пути преградъ.

37. Но прежде чѣмъ, скорбящихъ душъ отрада,
Явился Тотъ, который, въ Лимбъ низшедъ,
Отъялъ великую корысть у ада,—

34—36. Ада IX, 22—27 и примѣч.

37—40. Намекъ на землетрясеніе во время кончины и сошествія Искупителя въ Лимбъ для избавленія праотцевъ (Ада IV, 53 и прим.).

40. Такъ потряслась пучина лютыхъ бѣдъ,
Что міръ — я думалъ — вновь поколебала
Любовь, чья мощь, какъ полагалъ поэтъ,

43. Не разъ въ хаосъ вселенную ввергала,
И въ то мгновенье древній сей утесъ
Распался, здѣсь и ниже, въ два обвала.

46. Но взоръ впери въ долину горькихъ слезъ:
Клокочетъ кровь рѣкой тамъ быстротечной,
Гдѣ всякъ кипитъ, кто ближнимъ вредъ нанесъ!» —

49. О страсть слѣпая! гнѣвъ безчеловѣчный!
Ты въ краткой жизни насъ палишь въ огнѣ,
А здѣсь въ крови купаешь въ жизни вѣчной!

52. Ровъ, полный крови, я узрѣлъ на днѣ:
Въ равнинѣ онъ дугою изгибался,
Какъ говорилъ о томъ учитель мнѣ.

55. И между рвомъ и крутью горъ скитался
Со стрѣлами Кентавровъ буйный родъ,
Какъ на землѣ онъ ловлей забавлялся.

41—43. Эмпедоклъ, греческій поэтъ и философъ, котораго ученіе Данте зналъ вѣроятно изъ опроверженій Аристотеля, принималъ четыре стихіи и два движущія начала: любовь или сочувствіе (φιλία) и раздоръ или раздѣленіе (ἐχθρά, νεῖκος). Эти два начала поперемѣнно господствуютъ во вселенной: когда господствуетъ любовь, элементы сливаются, и міръ, теряя свой видъ, разрѣшается въ довременный хаосъ, изъ котораго онъ возникъ, и, наоборотъ, когда между элементами господствуетъ раздоръ или раздѣленіе, міръ возникаетъ снова.

45. Т. е. здѣсь и во рву лицемѣровъ (Ада XXIII). Не безъ основанія остались въ этихъ двухъ мѣстахъ слѣды землетрясенія, бывшаго въ минуту кончины Спасителя: въ этотъ день кровавое насиліе привело въ исполненіе то, что было задумано и рѣшено лицемѣріемъ.

47—48. Теперь предъ очами тирановъ и убійцъ кровь ими умерщвленныхъ поднимается болѣе или менѣе высоко и бьетъ горячимъ ключемъ какъ изъ свѣжей раны. Шекспиръ въ послѣднемъ монологѣ Макбета, можетъ быть, имѣлъ въ виду кровавую рѣку Данта. Копишъ.

56. Баснословные Кентавры, чудовища, полулюди, полукони, суть такъ же символы необузданной животности, какъ и Минотавръ.

58. Завидѣвъ насъ, спускавшихся съ высотъ,
Всѣ стали въ рядъ; а трое, выбравъ луки
Острѣйшихъ стрѣлъ, къ намъ бросились впередъ.

61. «Какой васъ грѣхъ привелъ сюда для муки?»
Такъ издали одинъ воскликнулъ: «съ горъ
Отвѣтствуйте: не то—мы спустимъ луки!»

64. — «Мы заключимъ съ Хирономъ договоръ,
Когда сойдемъ съ нагорнаго навѣса:
Твой гнѣвъ всегда во вредъ тебѣ былъ скоръ!» —

67. Такъ вождь ему; а мнѣ: «Ты видишь Несса:
За Деяниру умерѣвъ, излилъ
Самъ изъ себя онъ месть на Геркулеса.

70. Съ нимъ рядомъ, тотъ, что̀ взоръ на грудь склонилъ, —
Гигантъ Хиронъ, взлелѣявшій Ахилла;
А третій, Фолъ, всегда неистовъ былъ.

---

63. Кентавръ, готовый немедленно пустить смертоносную стрѣлу, прекрасно выражаетъ дикую наклонность насилователей къ убійству. Еще болѣе изумимся глубокомыслію поэта, если вспомнимъ, что звѣрообразные Кентавры, символы насилія противъ ближнихъ, были внуки гнѣвнаго Флегіаса (Ада VIII, 15—24) и дѣти высокомѣрнаго тирана Иксіона и, слѣдственно, происхожденіемъ своимъ обязаны необузданному гнѣву и высокомѣрной гордости. Копишъ.

64—66. Мудрый Виргилій не хочетъ имѣть дѣла съ необузданнымъ Нессомъ, но вступаетъ въ переговоры съ болѣе мудрымъ Хирономъ, главою Кентавровъ. Хиронъ, не сынъ тирана Иксіона, какъ прочіе Кентавры, но сынъ Сатурна и нимфы Филлары, олицетворяетъ собою (ст. 70—71) самосозерцаніе, углубленіе въ самого себя и раскаяніе, господствующее здѣсь послѣ неистовства насилователей на землѣ. Разверзаніе огромной пасти у Хирона напоминаетъ скрежетаніе зубовъ миносовыхъ (Ада V, 4). Копишъ.— У Хирона, какъ извѣстно, воспитывался Ахиллесъ, гнѣвъ котораго имѣлъ такія бѣдственныя послѣдствія.

67—69. Нессъ, одинъ изъ Кентавровъ, похитилъ прекрасную Деяниру, за что̀ и былъ убитъ ядовитою стрѣлою Геркулеса въ то время, когда переносилъ ее на хребтѣ черезъ р. Алфей. Чтобы отмстить Геркулесу, онъ, умирая, далъ Деянирѣ любовный напитокъ, приготовленный изъ своей собственной крови. Когда потомъ Геркулесъ измѣнилъ Деянирѣ, она, желая опять привлечь его къ себѣ, смочила кровью Кентавра одежду, назначенную

73. Вкругъ ямы рыщетъ тысячами сила,
Стрѣляя въ тѣхъ, кто выйдетъ изъ среды
Кровавой больше, чѣмъ вина судила.» —

76. Лишь мы вошли въ ихъ страшные ряды,
Хиронъ, схвативъ стрѣлу, назадъ закинулъ
За челюсть пряди длинной бороды.

79. Потомъ онъ пасть огромную разинулъ
И молвилъ: «Братья! видите, на дно
Какіе камни этотъ заднiй сдвинулъ:

82. Такъ мертвецамъ ходить не суждено!» —
Но вождь мой, ставъ предъ грудью колоссальной,
Гдѣ сходятся два естества въ одно,

85. Сказалъ: «Онъ живъ и я дорогой дальной
Веду его въ страну, гдѣ свѣтитъ день:
Не прихоть, рокъ ведетъ насъ въ край печальной.

88. Пославшая меня съ нимъ въ вашу сѣнь
Пришла оттоль, гдѣ гимнъ поютъ осанна:
Онъ не разбойникъ, я не злая тѣнь.

91. Но заклинаю силой несказанной,
Чтò въ трудный путь стопы мои ведетъ:
Дай намъ вождя, чтобъ насъ онъ невозбранно

94. Привелъ туда, гдѣ переходятъ въ бродъ,
И на хребтѣ пришельца переправилъ:
Вѣдь онъ не духъ, свершающій полетъ.» —

97. Хиронъ направо къ Нессу взоръ направилъ
И рекъ: «Ступай, веди ихъ тѣмъ путемъ,
Гдѣ бъ имъ никто преграды не представилъ.» —

для Геркулеса. Отъ этого онъ подвергся такимъ страшнымъ мукамъ, что въ отчаяніи сжегъ себя на кострѣ.

72. Фолъ, одинъ изъ неистовѣйшихъ Кентавровъ на брачномъ пиршествѣ Пиритоя, царя Лапитовъ, участвовавшій въ похищеніи его невѣсты Гипподаміи.

88—89. Беатриче (Ада II, 70).

94—99. Нессъ, когда-то перенесшій на хребтѣ своемъ Деяниру черезъ Алфей, теперь точно также долженъ перенесть и Данта черезъ потокъ крови (ст. 126 и 139).

100. Тутъ двинулись съ надежнымъ мы вождемъ
Вдоль берега кроваваго потока,
Гдѣ несся крикъ палимыхъ кипяткомъ.

103. Я видѣлъ сонмъ, погрязшій въ кровь до ока,
И намъ Кентавръ: «Тираны здѣсь въ слезахъ,
Чтò лили кровь и грабили жестоко.

106. Здѣсь каются они въ своихъ грѣхахъ:
Здѣсь Александръ и Діонисій вмѣстѣ,
Сициліи несчастной бичъ и страхъ.

109. А тамъ чело поднялъ въ глубокомъ мѣстѣ
Черноволосый Аццолинъ и съ нимъ
Тотъ бѣлокурый злой Обидзо Эсте,

112. Убитый въ мірѣ пасынкомъ своимъ.» —
Я на вождя взглянулъ, но мнѣ учитель:
«Пусть будетъ первымъ онъ, а я вторымъ.»

---

107. Комментаторы несогласны между собою, какого Александра разумѣетъ здѣсь Данте: Александра ли Македонскаго, или Александра, тирана Фереи въ Өессаліи. Послѣдній, достигшій высшей власти убіеніемъ своего брата и жестоко истребившій жителей Скотуссы въ Өессаліи, приличнѣе можетъ быть поставленъ рядомъ съ Діонисіемъ, тираномъ сиракузскимъ, чѣмъ Александръ Македонскій, о которомъ съ такой похвалою отзывается Данте въ своемъ Convito. Впрочемъ, древніе комментаторы и въ особенности Піетро ди Данте, сынъ поэта, разумѣютъ здѣсь перваго.

109. Аццолино или Эццолино ди Романо, или д'Онара, зять Фридерика II, жестокій властитель Тревиджи, намѣстникъ императора надъ большею частію Верхней Италіи, одинъ изъ неистовѣйшихъ мелкихъ тирановъ этого несчастнаго времени, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись надъ его могилою:

Hic jacet Sunzini tumulus canis et Ezzelini,
Quem lacerant manes tartareique canes.

Въ битвѣ при Кассано противъ властителей Ломбардіи, онъ былъ смертельно раненъ, попалъ въ плѣнъ и, не допустивъ перевязать свои раны, умеръ въ Сончино въ 1260 г. — Онъ былъ средняго роста, черноволосъ и на лбу, надъ самымъ носомъ, имѣлъ длинный черный волосъ, который подымался, когда Аццолино приходилъ въ гнѣвъ. На это намекаетъ и Данте. Бенвенуто да Имола.

111. Обидзо II, маркизъ эстскій, властитель Феррары, Модены и Реджіо. О его тиранскихъ дѣйствіяхъ ничего неизвѣстно. Данте помѣстилъ его въ

115. Немного далѣ, съ нами сталъ мучитель
Надъ сонмомъ душъ, что̀ погруженъ былъ весь
По горло въ яму—ужасовъ обитель!

118. Тѣнь въ сторонѣ намъ указалъ онъ здѣсь,
Сказавъ: «Вотъ онъ, пронзившій въ Божьемъ храмѣ
То сердце, что̀ на Темзѣ чтутъ поднесь.»

121. Потомъ я видѣлъ въ адскомъ Буликамѣ
Главу и грудь взносившій сонмъ духовъ,
И въ ихъ толпѣ узналъ я многихъ въ ямѣ.

124. Все мельче, мельче становилась кровь,
Такъ, что однѣ скрывала грѣшнымъ ноги:
Здѣсь перешли мы быстро черезъ ровъ.

алъ во первыхъ потому, что онъ, какъ ревностный Гвельфъ, содѣйствовалъ вступленію Карла Анжуйскаго въ Италію и вмѣстѣ съ нимъ возсталъ на Манфреда; во вторыхъ потому, что Феррара была отдана ему съ неограниченною властію, такъ что одинъ современный писатель выразился объ немъ такъ: Stipulatione facta syndicus constitus Obisoni dominium defert plenissimum ita, ut omnia possit justa vel injusta pro suae arbitrio voluntatis. Plus potestatis tunc est illatum novo Domino, quam habet deus aeternus, qui injusta non potest. По словамъ Бенвенуто да Имола, онъ былъ убитъ своимъ сыномъ, котораго Данте за такое злодѣяніе называетъ пасынкомъ (figliastro).

114. Т. е. Нессъ объяснитъ тебѣ лучше, чѣмъ я.

119 — 120. Этотъ непоименованный грѣшникъ — графъ Гвидо Монфорте, намѣстникъ Карла Анжуйскаго въ Тосканѣ. Въ 1271 г., въ Витербо, во храмѣ во время совершенія литургіи, когда возносилась освященная жертва, Гвидо Монфорте пронзилъ сердце англійскому королю Генриху III, сыну Ричарда Корнвallійскаго, только-что возвратившемуся изъ крестоваго похода противъ Туниса, въ отмщеніе за смерть своего дяди, Симона Монфорте, графа лейстерскаго, убитаго, по повелѣнію короля, Эвеншамомъ во время возмущенія въ 1265 г. Пронзенное сердце короля было отослано въ Лондонъ, гдѣ на мосту черезъ Темзу поставлена была статуя убитаго съ чашею въ рукѣ, въ которой хранилось сердце, съ надписью: Cor gladio scissum do, cui consanguineus sum.—Не безъ основанія помѣщенъ отдѣльно отъ прочихъ грѣшниковъ убійца, обагрившій кровію Божій храмъ.

121. *Буликаме* есть собственно названіе горячаго ключа близъ Витербо (о которомъ подробнѣе см. Ад. XIV); впрочемъ также назывался ключъ около Тиволи.

127. «Какъ бурный ключъ на семъ концѣ дороги
Мелѣетъ съ каждымъ шагомъ, такъ равно
И съ той страны,» сказалъ мнѣ спутникъ строгій:

130. «Все глубже, глубже каменное дно
Онъ внизъ гнететъ, доколь впадетъ въ тѣ бездны,
Гдѣ въ вѣкъ стенать тиранству суждено.

133. Тамъ правосудье судъ творитъ возмездный
Надъ тѣмъ Аттилой, что̀ былъ бичъ земли;
Тамъ Пирръ и Секстъ; тамъ вѣчно токи слезны

136. Сливаютъ съ кровью, гдѣ на вѣкъ легли,
Реньеро Падзи и Реньеръ Корнето,
Что̀ по дорогамъ столько войнъ вели.» —

139. Здѣсь въ бродъ провелъ меня онъ и поэта.

---

134 — 135. Аттила, царь Гунновъ, прозванный бичемъ земли.—Пирръ, царь эпирскій, и Секстъ Помпей (по другимъ Секстъ Клавдій Неронъ), морской разбойникъ, воевавшій, по смерти Цезаря, противъ Тріумвировъ: оба враги Римлянъ, къ имперіи которыхъ Данте вездѣ обнаруживаетъ особенное сочувствіе.

137. Реньеръ да Корнето, грабившій во времена Данта по большимъ дорогамъ въ Папскихъ Владѣніяхъ. Другой свирѣпый Реньеръ, изъ древней Флорентинской фамиліи Падзи, изъ Валь д' Арно, грабилъ, по повелѣнію Фридерика II, владѣнія римскихъ прелатовъ, за что̀ со всѣмъ своимъ потомстомъ былъ отлученъ отъ церкви.

ПѢСНЬ XIII.

Содержаніе. Поэты вступаютъ во второй отдѣлъ седьмаго круга, гдѣ наказуются насилователи самихъ себя и своихъ имѣній — самоубійцы, превращенные въ деревья, и расточители, нагія тѣни, вѣчно преслѣдуемыя адскими псами. Деревья самоубійцъ образуютъ густой непроходимый лѣсъ, въ которомъ на вѣтвяхъ вьютъ гнѣзда отвратительныя Гарпіи. Данте слышитъ человѣческіе вопли, но никого не видитъ. По приказанію Виргилія, онъ ломаетъ вѣтвь съ одного дерева и съ ужасомъ видитъ истекающую изъ него кровь и слышитъ стоны. Въ деревѣ заключена душа Піетро делле Винье, секретаря Фридерика II. По просьбѣ Виргилія, онъ повѣствуетъ о причинѣ, побудившей его къ самоубійству, проситъ защитить на землѣ честь свою отъ навѣтовъ зависти и даетъ свѣдѣніе о состояніи душъ въ этомъ кругѣ. Едва Винье кончилъ, какъ двѣ нагія тѣни съ ужасомъ пробѣгаютъ мимо поэтовъ, гонимыя черными псицами. Впереди бѣгущая тѣнь Сіенца Лано призываетъ смерть; другая же, тѣнь Падуанца Іакопо ди Сант' Андреа, въ изнеможеніи укрывается за кустомъ; псы набѣгаютъ, рвутъ ее на части и разорванные члены растаскиваютъ по лѣсу. При этомъ они разрываютъ и кустъ, который, обливаясь кровью, стонетъ и, на вопросъ Виргилія, даетъ свѣдѣніе о себѣ и родномъ своемъ городѣ — Флоренціи.

---

1. Еще Кентавръ не перешелъ пучины,
Какъ въ дикій боръ вступили мы одни,
Гдѣ ни единой не было тропины.

4. Въ немъ, скорчившись, растутъ кривые пни;
Въ немъ все темно, безъ зелени, безъ цвѣта;
Въ немъ яда полнъ безплодный тернъ въ тѣни.

2—6. Непроходимый дикій лѣсъ, здѣсь изображенный, съ скорченными деревьями, не приносящими ничего, кромѣ ядовитаго терна, уже вообще представляетъ картину того болѣзненнаго состоянія, того дикаго ожесточенія, въ которомъ теряется душа, наклонная къ самоубійству. Копишъ.

9. *Чечина*, рѣка, впадающая въ море на Ю. отъ *Ливорно*; *Корнето*, городъ въ Папскихъ Владѣніяхъ. Страна между Чечиною и Корнето извѣстна подъ именемъ *Мареммы*,—поморіе, отличающееся нездоровымъ воздухомъ, обиліемъ водящихся здѣсь кабановъ и змѣй.

7. Въ такую глушь, въ такую дичь, какъ эта,
Не мчится вепрь съ воздѣланныхъ полей
Въ странѣ между Чечины и Корнета.

10. Вьютъ Гарпіи тамъ гнѣзда изъ вѣтвей,
Прогнавшія съ Строфадъ Энея крикомъ,
Пророческимъ предвѣстникомъ скорбей.

13. На крыльяхъ длинныхъ, съ человѣчьимъ ликомъ,
Съ когтьми на лапахъ, съ чревомъ птицъ, онѣ
На странныхъ пняхъ кричатъ въ смятеньѣ дикомъ.

16. «Пока мы здѣсь,» сказалъ учитель мнѣ:
«Узнай, мой сынъ, ты во второй долинѣ,
И будешь ты дотолѣ въ сей странѣ,

19. Пока къ ужасной не придешь пустынѣ;
Смотри жь теперь: ты здѣсь увидишь тὸ,
Чтὸ подтвердитъ слова мои отнынѣ.»

22. Со всѣхъ сторонъ я слышалъ вой; но кто
Стоналъ и вылъ, не зрѣлъ я, и въ смятеньѣ
Я сталъ, отъ страха обращенъ въ ничто.

25. Вождь, думаю, могъ думать, что въ сомнѣньѣ
Подумалъ я: не скрылся ли въ кусты
Отъ насъ народъ, рыдавшій въ отдаленьѣ;

10—15. Наклонность къ самоубійству возникаетъ вслѣдствіе слишкомъ мрачнаго, какъ бы извращеннаго представленія будущаго. Эти представленія олицетворены здѣсь въ образѣ Гарпій, смутившихъ Энея и его спутниковъ страшнымъ предзнаменованіемъ въ то время, когда они пристали къ Строфадамъ, островамъ на Іоническомъ морѣ, и изгнавшихъ ихъ оттуда оскверненіемъ пищи. (Aen. III, 254—277).

17. Т. е. во второмъ отдѣлѣ седьмаго круга, гдѣ наказуются самоубійцы и расточители своихъ имѣній (Ада XI, ст. 40).

19. Ада XIV, 4.

21. Намекъ на Энеид. I.I, 22 и д., гдѣ Эней повѣствуетъ, какъ онъ, прибывъ, по разрушеніи Трои, во Ѳракію, услышалъ голосъ Полидора, одного изъ Пріамидовъ, превращеннаго въ дерево, съ котораго Эней сломилъ вѣтви для увѣнчанія жертвенника. Къ этому же разсказу относятся и дальнѣйшія слова Виргилія, ст. 46—49.

25. Въ подлин.: Io credo, ch'ei credette, ch'io credesse — *scherzo*, которое старался удержать въ переводѣ.

28. И потому сказалъ онъ: «Если ты
Одну хоть вѣтку сломишь въ рощѣ темной,
То вмигъ разсѣются твои мечты.»

31. Вблизи отъ насъ терновникъ росъ огромный:
Я вѣтвь сломилъ съ него; но онъ съ тоской:
«За что ломаешь?» простоналъ мнѣ томно,

34. И, потемнѣвъ отъ крови пролитой,
Вскричалъ опять: «Что множишь мнѣ мученья?
Иль жалости не знаешь никакой?

37. Когда-то люди, нынѣ мы растенья;
Но будь мы души змѣй самихъ, и къ нимъ
Имѣть ты долженъ больше сожалѣнья.»

40. Какъ съ одного конца горигъ, другимъ
И пѣнится и стонетъ прутъ зеленый
И по вѣтру, треща, бросаетъ дымъ:

43. Такъ здѣсь изъ вѣтви, издававшей стоны,
Струилась кровь и, бросивъ вѣтвь, я сталъ,
Какъ человѣкъ внезапно устрашенный.

46. «Злосчастный духъ!» мудрецъ мой отвѣчалъ:
«Когда бъ сперва повѣрилъ онъ преданью,
Которое въ стихахъ я разсказалъ,—

49. Онъ до тебя не прикоснулся бъ дланью.
Я самъ скорблю, что вашъ чудесный плѣнъ
Подвигъ меня къ такому испытанью.

52. Скажи жь, кто ты; а онъ тебѣ въ замѣнъ
Возобновитъ величье славы шаткой,
Пришедши въ міръ изъ мрака адскихъ стѣнъ.»—

55. И тернъ: «Такъ сильно манишь рѣчью сладкой,
Что я молчать не въ силахъ, и на мигъ—
О выслушай!—прильну къ бесѣдѣ краткой.

57. Въ подлин.: a ragionar m' invescbi. *Invescarsi* (отъ лат. *viscum*, клей, употребляемый для ловли птицъ) собственно значитъ прилипать къ вѣтвямъ,

58. Я тотъ, кому отъ сердца Фридерикъ
Вручилъ ключи, чтобъ отпиралъ по волѣ
И запиралъ я думъ его тайникъ,

61. Для всѣхъ другихъ ужъ недоступный болѣ;
Теряя сонъ и силы для трудовъ,
Я исполнялъ свой долгъ въ завидной долѣ.

намазаннымъ птичьимъ клеемъ, se prendre au glu (Vocab. Dantesco par L. G. Blanc). Душа грѣшника, сознавая невинность свою въ приписываемомъ ей преступленіи, увлеченная надеждою, что память объ ней опять съ честію возстановится между людьми, охотно вступаетъ въ разговоръ, такъ сказать липнетъ къ бесѣдѣ, какъ птица, привлеченная приманкой, липнетъ къ вѣтвямъ, намазаннымъ клеемъ. Штрекфуссъ.

58. Этотъ говорящій — Піетро делле Винье, секретарь и любимецъ императора Фридерика II. Онъ родился въ Капуѣ отъ бѣдныхъ родителей, учился въ Болоньи и, обладая краснорѣчіемъ, знаніемъ юриспруденціи и поэтическимъ талантомъ, скоро поступилъ въ секретари къ императору, которому много помогалъ въ изданіи законовъ. Отъ него остались одинъ изъ первыхъ и лучшихъ сонетовъ и собраніе писемъ. Вскорѣ онъ впалъ въ немилость, былъ заключенъ въ темницу и, по словамъ нѣкоторыхъ, ослѣпленъ по повелѣнію императора. Въ отчаяніи онъ умертвилъ себя, бросившись изъ окна темницы въ то время, когда императоръ проходилъ мимо, или, какъ другіе увѣряютъ, раздробивъ себѣ голову о стѣну въ церкви St. Andrea въ Пизѣ. Причина немилости къ нему императора неизвѣстна: одни говорятъ, что онъ открылъ замыслы своего государя врагу его папѣ Иннокентію IV, другіе, что онъ, по соглашенію съ тѣмъ же папою, хотѣлъ отравить его. Винье былъ очень богатъ, а потому не мудрено, что имѣлъ много завистниковъ. Данте оправдываетъ его въ приписанномъ ему преступленіи, которое впрочемъ никогда не было доказано. Филалетесъ.

59. Подъ именемъ ключей (въ подлн.: ambo le chiavi) комментаторы разумѣютъ способность возбуждать по произволу любовь и ненависть въ одномъ и томъ же сердцѣ.

59—61. Бенвенуто да Имола, въ доказательство, какъ велико было довѣріе Фридерика къ Винье, приводитъ слѣдующее: въ дворцѣ въ Неаполѣ находилась на стѣнѣ картина, на которой императоръ былъ представленъ сѣдящимъ на тронѣ; подлѣ него на ступеняхъ трона стоитъ Пьетро делле Винье; внизу народъ умоляетъ государя о правосудіи слѣдующими словами:

Caesar amor legum Friederice piissime Regum
Causarum telas nostrarum solve querelas;

на что Фридерикъ отвѣчаетъ:

64. Развратница, что съ кесарскихъ дворцовъ
Безстыдныхъ глазъ во вѣкъ не отвращала, —
Смерть общая и язва всѣхъ вѣковъ—

67. Противъ меня сердца воспламеняла
И, Августу то пламя передавъ,
Свѣтъ радости въ мракъ скорби обращала.

70. Тогда мой духъ, въ отчаяніе впавъ,
Мечталъ, что смерть спасетъ отъ поношенья,
И, правый, сталъ передъ собой неправъ.

73. Клянусь корнями юнаго растенья:
Всегда хранилъ я вѣрности обѣтъ
Монарху, столь достойному почтенья.

76. Когда жъ изъ васъ одинъ придетъ на свѣтъ,
Пусть честь мою спасетъ отъ поруганья
И отразитъ завистниковъ навѣтъ.» —

79. Тутъ онъ замолкъ, и, полный состраданья,
Сказалъ мнѣ вождь: «Минутъ теперь не трать
И спрашивай, коль есть въ тебѣ желанья.»

82. Но я ему: «Самъ вопроси опять
О томъ, что знать полезнымъ мнѣ считаешь:
Душа скорбитъ; нѣтъ силъ мнѣ вопрошать!»

Pro vestra lite Censorem juris adite,
Hic nam jura dabit vel per me danda rogabit:
Vinea cognomen Petrus est sibi nomen.

64. Зависть.

67—72. Эта украшенная рѣчь, наполненная антитезами и другими риторическими фигурами, гдѣ имя Кесаря и Августа поставлено вмѣсто императора, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру ловкаго, классически (по тогдашнему) образованнаго придворнаго. Филалетесъ.

73. *К. корнями юнаго р.*, потому что Винье умеръ незадолго до рожденія Данта и, слѣдственно, недавно находится въ аду.

75. Винье, высоко цѣнящій Фридерика за его дѣйствительныя заслуги, не знаетъ, что онъ какъ еретикъ казнится въ шестомъ кругу ада, потому что тѣни грѣшниковъ не могутъ знать настоящаго (Ада X, 100—108). Ломбарди.

85. — «О бѣдный узникъ! если ты желаешь,
Чтобъ просьбъ твоихъ не презрѣлъ человѣкъ, —
Благоволи намъ объяснить, коль знаешь,

88. Какъ въ эти узы» учитель мой изрекъ:
Вселились души? о скажи: въ семъ тѣлѣ
Останутся ль онѣ въ плѣну на вѣкъ?» —

91. Тогда вздохнулъ колючій тернъ тяжелъ,
И вздохъ потомъ сложился такъ въ слова:
«Коротокъ будетъ мой отвѣтъ отселѣ.

94. Какъ скоро духъ всѣ узы естества,
Свирѣпый, самъ расторгнетъ: судъ Миноса
Ужъ шлетъ его въ жерло седьмаго рва.

97. И духъ, упавъ въ дремучій лѣсъ съ утёса,
Ложится тамъ, куда повергнетъ рокъ,
Гдѣ и пускаетъ стебль какъ колосъ проса.

100. И стебль растетъ, искривленъ и высокъ,
И Гарпіи, кормясь его листами,
Творятъ тоску и для тоски истокъ.

94—108. Въ этихъ стихахъ обстоятельнѣе изображена казнь (внутреннее состояніе души) самоубійцъ. «Когда душа, предавшись мрачнымъ думамъ, утратитъ разумъ и, въ отчаяніи, насильственно отторгнется отъ тѣла: тогда въ сознаніи своей недостойности носить человѣческій образъ, она какъ бы низходитъ на низшую ступень въ лѣствицѣ жизни; нарушая законъ, коему истинктивно повинуются всѣ животныя—законъ самосохраненія, она превращается въ безобразно-скорченный, безплодный терновникъ, на вѣтвяхъ котораго смутныя представленія будущаго, подвигшія ее на преступленіе, гнѣздятся вѣчно въ образѣ отвратительныхъ Гарпій. Ей уже нѣтъ отъ нихъ болѣе защиты, и только безполезными жалобами она проявляетъ свою жизненность. Если и возвратится ей когда нибудь тѣло, то лишь за тѣмъ только, чтобы оно, повиснувъ на ея вѣтвяхъ, вѣчно напоминало ей о ея преступленіи. Обитать въ тѣлѣ она и сама считаетъ себя недостойною.» Копишъ.

97—98. Намекъ на то, что самоубійцы всѣ заслуживаютъ одного наказанія, что между ними нѣтъ различія въ виновности, какъ между другими насилователями, ибо у всѣхъ была одна цѣль — прекращеніе собственной жизни. Каннегиссеръ.

102. Въ подлин.: Fanno dolore, ed al dolor finestra, т. е. причиняютъ боль, ибо эти листья составляютъ какъ бы плоть и члены грѣшниковъ, и, нанося

103. Подобно всѣмъ, пойдемъ мы за тѣлами,
Но въ нихъ не внидемъ: правый судъ небесъ
Намъ не отдастъ, что отняли мы сами.

106. Мы повлечемъ ихъ за собою въ лѣсъ:
У каждаго изъ насъ въ бору угрюмомъ
Повиснетъ тѣло на вѣтвяхъ древесъ.»

109. Вниманья полнъ, весь преданъ грустнымъ думамъ,
Еще я ждалъ отъ терна новыхъ словъ,
Какъ вдругъ я былъ испуганъ страшнымъ шумомъ.

112. Такъ человѣкъ, предъ кѣмъ изъ-за деревъ
Несется вепрь и въ слѣдъ за нимъ борзые,
Внимаетъ треску сучьевъ, лаю псовъ.

115. И вотъ, на лѣво, блѣдные , нагіе,
Несутся двое съ скоростью такой,
Что вкругъ ломаютъ сучья пней кривые.

118. Передній вылъ: «О смерть, за мной! за мной!»
Межъ тѣмъ другой, не столько быстроногій:
«О Ланъ,» вопилъ: «съ потѣхи боевой,

раны, даютъ заключенному духу путь выражать стонами и вздохами свою боль. Вентури.

109. Въ числѣ насилователей противъ самихъ себя казнятся и тѣ, кои дѣлали насиліе своему имѣнію (Ада XI, 43 — 44), безумные моты, особенно азартные игроки; ихъ не должно смѣшивать съ тѣми, которые расточали свое имѣніе въ удовольствіяхъ (Ада VII).—«Какъ эти послѣдніе провели всю жизнь свою въ безсмысленныхъ стремленіяхъ, такъ первыхъ преслѣдовали необузданныя страсти, олицетворенныя въ аду въ образѣ псицъ (древніе называли Гарпій псицами Зевса); въ отчаяніи призываютъ они смерть, но смерть не является: душа не умираетъ; съ ужасомъ, ища спасенія отъ вѣчно-преслѣдующихъ заботъ и страстей, кидаются они на перваго, имъ на пути встрѣтившагося; но, вредя чрезъ то другимъ, тѣмъ скорѣе становятся жертвою своихъ собственныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ гонителей.» Штрекфуссъ.

120. Лано, Сіенецъ, одинъ изъ членовъ знаменитаго клуба гастрономовъ въ Сіенѣ, о которомъ упоминаетъ Данте (Ада XXIX, 130), промотавъ все свое огромное имущество самымъ безпутнымъ образомъ, отправился съ войскомъ Сіенцевъ въ Ареццо на помощь Флорентинцамъ. Въ сраженіи при Ніеве дель Топпо, гдѣ Сіенцы были разбиты, онъ, опасаясь угрожающей бѣдности и потому тяготясь жизнію, бросился въ ряды непріятелей, гдѣ и погибъ, не смотря на то, что могъ бы спастись бѣгствомъ. По этому другая тѣнь упре-

121. При Топпо, такъ тебя не мчали ноги!»
И, прибѣжавъ къ кусту во весь опоръ,
Запыхавшись, къ нему припалъ въ тревогѣ.

124. За ними вдругъ наполнили весь боръ
Станицы псицъ голодныхъ, черной масти,
Какъ стаи гончихъ, спущенныхъ со своръ.

127. Укрывшійся не избѣжалъ ихъ пасти:
Псы, растерзавъ его въ куски, въ куски,
Размыкали трепещущія части.

130. Тутъ вождь подвелъ меня за кисть руки
Къ тому кусту, который, кровью рдѣя,
Вотще стоналъ отъ боли и тоски

133. И говорилъ: «О Якопъ Сант' Андреа!
За чѣмъ ты скрылся за кустомъ моимъ?
За что терплю я за грѣхи злодѣя?»

каетъ его въ томъ, что при Топпо онъ не былъ такъ скоръ, какъ теперь. Въ сраженіи онъ искалъ смерть и нашелъ, здѣсь онъ ищетъ ее и не находитъ.

121. *Сраженіе при Топпо.* Въ 1288 Гвельфы городовъ Тосканы сдѣлали вторженіе во владѣніе гибеллинскаго г. Аредзо и, по обычаю, въ день Іоанна Крестителя, праздновали турниръ подъ стѣнами города. Но на возвратномъ пути Сіенцы, слишкомъ рано отдѣлившіеся отъ Флорентинцевъ, около мѣстечка Ніеве или Піеве дель Топпо, въ Валь ди Кіанѣ, наткнулись на засаду Аретинцевъ и были разбиты на голову. Сраженіе это Данте называетъ боевою потѣхою (giostra). Giov. Villani. L. VII. c. 120.

128. *Въ куски въ куски* (въ подлин.: a brano a brano). «Данте весьма часто употребляетъ оборотъ удвоенія слова, который и теперь есть одна изъ характеристическихъ чертъ живаго языка Италіи. Оборотъ сей употребляется для усиленія выраженія, иногда для показанія послѣдовательности. Онъ есть самый живой оборотъ и напоминаетъ совершенно свѣжіе обороты Иліады, взятые также изъ устъ народа. Онъ находится и въ нашемъ народномъ языкѣ.» Шевыревъ.

133. Іакопо, падуанскій дворянинъ, изъ фамиліи Сант' Андреа, знаменитый мотъ своего времени. Какъ примѣръ его безумной расточительности, разсказываютъ, что однажды, гуляя по р. Брентѣ, онъ забавлялся тѣмъ, что подъ звукъ музыки бросалъ множество золотыхъ монетъ въ рѣку; въ другой разъ онъ зажегъ свою виллу для того, чтобъ показать гостямъ своимъ великолѣпное зрѣлище пожара. Бенвенуто да Имола.

136. Тогда мой вождь, остановясь предъ нимъ,
Спросилъ: «Кто ты, струящій кровь съ слезами
Изъ стольких ранъ, злой горестью крушимъ?»

139. А онъ: «О души, вамъ же небесами
Дано увидѣть страшный стыдъ того,
Чьи вѣтви такъ растерзаны предъ вами,

142. Сберите ихъ вкругъ терна моего!
Я въ градѣ жилъ, смѣнившемъ такъ коварно
Стариннаго патрона своего.

145. За то онъ губитъ градъ неблагодарный
Своимъ искусствомъ, и когда бы снятъ
Былъ истуканъ его съ моста чрезъ Арно,-

148. То граждане, средь пепла и громадъ,
Оставленныхъ Аттилой при разгромѣ,
Вотще бъ трудились, воздвигая градъ.

151. Повѣсился тамъ въ собственномъ я домѣ!»

143—150. Здѣсь разумѣется Флоренція.

151. Неизвѣстно, кто этотъ говорящій самоубійца. Одни называютъ его Рукко де' Модзи, другіе Лотто дельи Алья. Послѣдній былъ флорентинецъ, который, промотавъ свое богатство, для полученія денегъ произнесъ неправильный приговоръ судебный и потомъ въ отчаяніи повѣсился въ собственномъ домѣ.

ПѢСНЬ XIV.

Содержаніе. При имени Флоренціи, Данте, растроганный любовью къ отечеству, подбираетъ разбросанные листья Флорентинца и складываетъ ихъ вокругъ его куста. За тѣмъ поэты приходятъ къ границѣ, отдѣляющей второй отдѣлъ седьмаго круга отъ третьяго, гдѣ казнится насиліе противъ Бога. Предъ глазами Данта открывается необозримая и безплодная степь, горячіе пески которой вѣчно раскаляются огнемъ, падающимъ на нихъ длинными полосами. Грѣшники образуютъ изъ себя три стада: одни лежатъ навзничь: это богохулители; другіе сидятъ, скорчившись: это ростовщики; третья, самая большая толпа содомитовъ находится въ вѣчномъ бѣгствѣ.—Потомъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ лѣса и миновавъ первую толпу богохулителей, поэты приходятъ къ клокочущему потоку Флегетону, на который Виргилій обращаетъ особенное вниманіе Данта и при этомъ случаѣ объясняетъ ему происхожденіе адскихъ рѣкъ. Всѣ воды адскихъ рѣкъ происходятъ отъ слезъ статуи Времени, въ образѣ старца стоящей на г. Идѣ и литой изъ золота, серебра, мѣди, желѣза и глины. За исключеніемъ головы, литой изъ золота, всѣ части ея тѣла прорѣзаны морщинами отъ слезъ, которыя, сливаясь въ адъ, образуютъ Стиксъ, Ахеронъ, Флегетонъ и Коцитъ. Данте спрашиваетъ о Летѣ и узнаетъ, что рѣка забвенія помѣщена въ чистилищѣ.—За тѣмъ путники пересѣкаютъ песчаную степь, идя мощенымъ берегомъ Флегетона, надъ которымъ гаснетъ огонь.

---

1. Къ отечеству подвигнутый любовью,
Я, подобравъ листы, ихъ возвратилъ
Тому, который смолкъ, облитый кровью. —

4. Тутъ мы пришли туда, гдѣ смеженъ былъ
Съ вторымъ отдѣломъ третій кругъ, гдѣ строже
Гнѣвъ праведный свой ужасъ проявилъ.

7. Чтобъ возвѣстить Твои пути, о Боже!
Скажу, что въ степь пришли мы наконецъ, —
Безплодное пустынь песчаныхъ ложе.

---

5. Второй отдѣлъ седьмаго круга, гдѣ казнятся насилователи самихъ себя (Ада XI, 40 и д.); въ третьемъ отдѣлѣ, въ который теперь вступаютъ поэты, казнится насиліе противъ Бога (Ада XI. 46—51).

10. Ту степь обвилъ лѣсъ скорби какъ вѣнецъ,
Какъ и его объемлетъ ровъ жестокій:
Здѣсь, на межѣ, со мною сталъ пѣвецъ.

13. Песокъ сухой, горячій и глубокій
Лежалъ въ степи, подобный тѣмъ пескамъ,
По коимъ шелъ Катонъ въ походъ далекій.

16. О гнѣвъ Господень, какъ ты грозенъ тамъ!
Такъ пусть же каждый съ ужасомъ читаетъ
О томъ, что мнѣ представилось очамъ!

19. Тамъ взоръ стада нагихъ тѣней встрѣчаетъ:
Всѣ горько плачутъ въ бѣшеной тоскѣ;
Но, мнится, судъ неравный ихъ караетъ.

22. Однѣ лежатъ тамъ навзничь на пескѣ,
Сидятъ другіе, корчась, въ страшномъ полѣ,
А третьи вѣчно мчатся вдалекѣ.

25. Тѣней, блуждающихъ кругомъ, всѣхъ болѣ;
Лежащихъ же подъ мукой меньше всѣхъ,
За то сильнѣй скорбятъ о лютой долѣ.

28. Дождь огненный, карая гнусный грѣхъ,
Тамъ сходитъ тихо длинными клоками,
Какъ падаетъ въ затишьѣ въ Альпахъ снѣгъ.

---

10 — 11. Лѣсъ самоубійцъ (Ада XIII, 2 и д.); ровъ жестокій—кровавая рѣка, въ которую погружены насилователи ближнихъ (Ада XII, 46 и д). Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, поэтъ дѣлаетъ нагляднымъ воронкообразное устроеніе ада съ его кругами, съуживающимися все болѣе и болѣе ко дну бездны (Ада IV. 7 и примѣч.).

15. Т. е. подобный пескамъ степи ливійской, по которой Катонъ Младшій провелъ остатокъ римскихъ войскъ, по смерти Помпея, для соединенія съ войскомъ Юбы, царя нумидійскаго. Lucan. Pharsal. XI.

22. Богохулители лежатъ; ростовщики сидятъ, скорчившись (Ада XVII, 35—78); содомиты вѣчно мчатся (Ада XV, 16 до XVI, 89). Послѣднихъ всѣхъ болѣе—намекъ на чрезвычайное распространеніе этого порока въ Италіи во времена Данта.

29. О значеніи огня въ Дантовой поэмѣ мы говорили выше (Ада VIII 73 и IX, 127. примѣч). Здѣсь еще яснѣе показано значеніе этой стихіи. — »Огонь божественной любви и истины, этотъ источникъ вѣчнаго блажен-

31. Какъ въ Индіи, подъ знойными лучами,
Зрѣлъ Александръ надъ сонмами дружинъ
Огонь, сходившій до земли волнами;

34. Тогда войскамъ велѣлъ онъ средь равнинъ
Топтать песокъ затѣмъ, чтобъ пламень ярый
Скорѣе гасъ, пока горѣлъ одинъ:

ства праведныхъ, этотъ путь очищенія для кающихся, даже для доблестныхъ героевъ въ Лимбѣ разливающій яркій свѣтъ, огонь этотъ, какъ мы видѣли, уже для отрицателей безсмертія (Ада IX, 127 и примѣч.) составлялъ орудіе вѣчной муки. Но для еретиковъ онъ еще не проявляется въ видѣ огня: онъ раскаляетъ только ихъ могилы, эти символы вѣчной смерти, которую они учили. Только здѣсь, въ сознаніи душъ, согрѣшившихъ непосредственно передъ Богомъ, только здѣсь, въ обители насилія противъ Бога, божественный огонь становится прямымъ орудіемъ казни. Но и здѣсь нисходитъ онъ не въ видѣ свѣта, но отдѣльными, жгучими клоками, потому что полное божественное познаніе недоступно грѣшникамъ: только отдѣльныя искры божественнаго огня любви и истины долетаютъ до нихъ; только отдѣльныя мысли о Богѣ доступны имъ, но и тѣ нисходятъ къ нимъ какъ муки, не свѣтятъ, но только сжигаютъ ихъ. Согрѣшивъ непосредственно передъ Господомъ или богохуленіемъ, или противоестественнымъ оскверненіемъ любви, или оскверненіемъ искусства—лихоимствомъ, они раздѣлились на три стада, изъ которыхъ каждое испытуетъ свою мѣру казни. Богохулители, пораженные какъ бы громомъ, лежатъ на безплодной песчаной степи; въ дерзкомъ безсиліи, они и теперь еще вызываютъ на споръ небо, и эта несмѣримая гордыня сильнѣе, чѣмъ проявленіе любви божественной въ пламени, караетъ ихъ безумство — мысль глубокая, олицетворенная въ Капанеѣ!—Второе стадо, осквернившее любовь, вѣчно бѣжитъ съ ужасомъ отъ чистаго ея пламени, прожигающаго вѣчнымъ клеймомъ позора чело оскверненныхъ; тогда какъ для обратившихся съ любовію къ Богу (Чист. XXVII, 23 — 57), для блаженной Беатриче (Ада II, 93), для самаго язычника Виргилія, это пламя не губительно. Наконецъ, третье стадо—ростовщики —такъ сказать свертываются сами въ себя, еще доселѣ крѣпко сжимаютъ пустые мѣшки золота и тщетно стараются удалить отъ себя мысли о благости Божіей, противъ которой согрѣшили, — эти клоки пламени, которые, падая на нихъ безпрестанно, сжигаютъ ихъ.» Копишъ.

36. *Пока горѣлъ одинъ*, т. е. пока отдѣльныя волны пламени не слились вмѣстѣ. Неизвѣстно, откуда заимствовалъ Данте это сказаніе объ Александрѣ Великомъ; можетъ быть, онъ почерпнулъ его изъ подложнаго письма Александра къ Аристотелю; въ этомъ письмѣ, между прочими удивительными разсказами объ Индіи, говорится и объ огненномъ дождѣ.

37. Такъ вѣчные нисходятъ тамъ пожары,
Чтобъ зажигать, какъ подъ огнивомъ трутъ,
Пески степей для удвоенья кары.

40. Безъ отдыха, какъ въ пляскѣ (тщетный трудъ!),
Съ себя стрясая пламень вѣчно-новый,
Вкругъ мечутся ихъ руки, тамъ и тутъ.

43. «О вождь!» я рекъ: «о ты, на все готовый
И все смирившій, кромѣ адскихъ ордъ,
Представшихъ намъ у вратъ толпой суровой,—

46. Кто сей гигантъ, который столько гордъ,
Что, кажется, къ нему и не касался
Дождь огненный, подъ коимъ онъ простертъ?»

49. Но грѣшникъ самъ, какъ скоро догадался,
Что я объ немъ разспрашивалъ пѣвца,
Вскричалъ: «Какъ жилъ, такимъ я и остался!

52. Пусть утомитъ Юпитеръ кузнеца,
У коего взялъ въ гнѣвѣ остры стрѣлы
Пронзить мнѣ грудь въ день моего конца;

55. Пусть утомитъ и въ безднахъ Монджибеллы,
При черномъ горнѣ, всю его семью,
Крича: Вулканъ, спаси, спаси, о смѣлый!

---

40. Въ подлин.: Sanza riposo mai era la tresca Delle misere mani. *Tresca*— особаго рода танецъ, бывшій въ модѣ во времена Дантовы въ Неаполѣ и состоявшій въ томъ, что пляшущіе становились другъ противъ друга, при чемъ одинъ изъ нихъ, которому всѣ должны были подражать, подымалъ то ту, то другую, то обѣ руки вмѣстѣ, откидывалъ ихъ то туда, то сюда и вертѣлся то въ ту, то въ другую сторону: стало быть, отмахиваніе рукъ грѣшниковъ сравнено съ этимъ танцемъ чрезвычайно мѣтко. Бенвенуто да Имола.

44 — 45. Т. е. у вратъ огненнаго города (Ада VIII, 115 и д.)

51 — 60. Этотъ говорящій гигантъ есть Капаней, миѳическое лице, выведенное Дантомъ какъ символъ порока, здѣсь наказуемаго, подобно Миносу, Церберу, Плутусу, Флегіасу, Минотавру и др., одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Ѳивы въ междоусобной войнѣ братьевъ Этеокла и Полиника. — Глубокомысленный Данте не безъ значенія умалчиваетъ здѣсь о другихъ богохулителяхъ, ибо все безуміе этого грѣха сосредоточиваетъ въ одномъ языческомъ образѣ хулителя зевсова. Копишъ.

55. *Монджибелло* (отъ Араб. *гибель*, гора), народное названіе Этны, въ

58. Какъ восклицалъ въ Флегрійскомъ онъ бою,
И пусть громитъ меня онъ всею силой,
Все жъ не вполнѣ смиритъ онъ грудь мою!»

61. Тогда вскричалъ мой вождь съ такою силой,
Какъ никогда онъ не взывалъ громчѣй:
«О Капаней, за то, что и могилой

64. Не укрощенъ, наказанъ ты сильнѣй!
И злость твоя, жесточе всякой казни,
Терзаетъ ярость гордости твоей!»

67. И мнѣ потомъ сказалъ онъ, полнъ пріязни:
«Онъ былъ въ числѣ семи царей у Ѳивъ:
Неистовый, не вѣдалъ онъ боязни,

70. И, какъ сперва, донынѣ нечестивъ;
Но, какъ я рекъ ему, клеймомъ достойнымъ
Ему послужитъ гордыхъ думъ порывъ.

73. Теперь иди за мною; но по знойнымъ
Пескамъ степей не направляй слѣда:
Вблизи лѣсовъ пойдемъ путемъ спокойнымъ.»—

76. Въ молчаніи достигли мы туда,
Гдѣ изъ лѣсу бѣжалъ источникъ малый,
Его же цвѣтъ мнѣ страшенъ навсегда.

79. Какъ Буликаме бьетъ ключемъ въ провалы
Гдѣ грѣшницамъ лѣчиться суждено:
Такъ по песку кипѣлъ источникъ алый.

нѣдрахъ которой, согласно съ миѳологіей, Вулканъ съ своими Циклопами ковалъ молніи для Юпитера.

58. Капаней намекаетъ на войну гигантовъ въ ѳессалійской долинѣ Флегрѣ противъ Зевса и другихъ боговъ, гдѣ гиганты были побиты молніей, выкованной Вулканомъ Юпитеру.

77. Это та же кровавая рѣка, въ которой казнятся тираны (Ада XII, 46 и д.)

79 — 80. Горячій сѣрный ключъ, *Буликаме*, на разстояніи полмили отъ Витербо, есть бассейнъ горячей воды, имѣющій видъ раковины, въ 408 пальмъ въ окружности. Его вода, особенно пригодная для мочки конопли и льна, во времена Данта проведена была каналами въ различныя заведенія

82. Окраины, его бока и дно—
Гранитные, и здѣсь-то, мнѣ казалось,
Былъ путь, которымъ проходить должно.—

85. «Среди всего, что здѣсь тебѣ являлось,
Съ тѣхъ поръ, какъ мы вошли за адскій прагъ,
Доступный всѣмъ, мой сынъ, не представлялось

88. Намъ ничего столь важнаго въ кругахъ,
Какъ этотъ ключъ достойный замѣчанья;
Взгляни: въ немъ гаснетъ пламя на волнахъ.»

91. Такъ мнѣ сказалъ мой вождь и, полнъ вниманья,
Я отвѣчалъ: «Дай пищи мнѣ, піитъ,
Ужъ если къ ней ты пробудилъ желанья.»

94. И онъ: «Есть въ морѣ дикій островъ, Критъ;
Тамъ жилъ Сатурнъ, въ вѣкъ коего обида
И брань смущать не смѣли юный бытъ.

бань; служила ли она для той цѣли, на которую намекаетъ Данте, неизвѣстно; впрочемъ недалеко отъ него находится другой горячій ключъ, который и понынѣ называется *Bagno delle Donne*. Филалетесъ.

86. Т. е. первые врата ада (Ада III, 1 и д.

94 — 120. Здѣсь описывается статуя Времени, одна изъ глубокомысленнѣйшихъ аллегорій Данта. Статую Времени Данте помѣщаетъ на островѣ Критѣ: это частію для того, чтобы аллегорію свою примкнуть къ циклу греческихъ миѳовъ о Кроносѣ, царствовавшемъ въ золотомъ вѣкѣ, почему и сдѣланъ намекъ (100—102) на Рею, матерь Зевса, которая спасла своего сына отъ алчности отца его тѣмъ, что повелѣла Корибантамъ, жрецамъ своимъ, заглушать своими криками и звуками кимваловъ дѣтскій плачъ его; частію потому, что Критъ, какъ замѣчаетъ Ландино, находится между тремя, тогда единственно извѣстными частями стараго свѣта, а потому можетъ быть принятъ за символъ всего земнаго шара. Старецъ помѣщенъ внутри горы: это указываетъ на таинственность времени и непостижимость его происхожденія. Онъ стоитъ прямо, лучшею своей частію— золотой головою — обращенный къ небу; къ землѣ, къ аду, онъ слагается изъ матеріаловъ все худшаго и худшаго достоинства. Эти различные матеріалы—золото, серебро, мѣдь и желѣзо—означаютъ четыре вѣка человѣчества. Спиною старецъ обращенъ къ Даміеттѣ, городу въ Египтѣ: это потому, что родъ человѣческій беретъ свое начало на Востокѣ (Египетъ причислялся тоже къ Востоку), отъ котораго однакожь, со введеніемъ христіанства, онъ отвратился какъ отъ колыбели язычества. Взоръ старца устремленъ на Римъ, какъ на городъ, отъ котораго, по понятію Данта,

97. Гора тамъ есть: она, прозваньемъ Ида,
Красуясь древле зеленью лѣсовъ,
Теперь грозна угрюмостію вида.

100. Нашла тамъ Рея сыну вѣрный кровъ;
Тамъ отъ отца лишь тѣмъ былъ Зевсъ избавленъ,
Что плачъ его сливался въ крикъ жрецовъ.

103. Гигантскій старецъ въ той горѣ поставленъ:
Обращены къ Дамьеттѣ рамена,
Но ликъ, какъ въ зеркало, на Римъ направленъ.

зависитъ спасеніе міра.—Одна нога статуи глиненая: этимъ обозначается возрастающая съ каждымъ днемъ изнѣженность, развращеніе и нравственная порча человѣчества; нога эта правая, потому статуя Времени и упирается на нее сильнѣе, чѣмъ на лѣвую. Ноги статуи означаютъ четвертый, послѣдній періодъ времени или владычество Римлянъ, при чемъ лѣвая означаетъ Римъ языческій отъ его начала до распространенія христіанской вѣры въ Римской Имперіи: она желѣзная, потому что Римляне въ первые 7 вѣковъ своего владычества отличались воинственностію, строгостію нравовъ, строгимъ законодательствомъ, силою характера. Напротивъ, правая нога изъ глины означаетъ Римъ христіанскій или Римско-германскую Имперію, періодъ когда политическое и нравственное состояніе времени отличалось распаденіемъ и порчею и все христіанство Дантова времени представляло хаотическое броженіе. Нравственный смыслъ аллегоріи заключенъ собственно въ ст. 112—115. Морщины покрываютъ всѣ части тѣла, кромѣ головы, литой изъ золота: только въ золотомъ вѣкѣ не зналъ человѣкъ горя; но съ первымъ грѣхопаденіемъ, съ началомъ серебрянаго вѣка, являются на свѣтъ и грѣхи и горести. За тѣмъ смѣлымъ оборотомъ мысли Данте опять связываетъ нравственный смыслъ своей аллегоріи съ миѳическимъ: слезы сливаются и, проточивъ пещеру, въ которой стоитъ старецъ, прокладаютъ себѣ дорогу въ бездну ада и здѣсь образуютъ четыре миѳологическія рѣки. Самыя рѣки, по толкованію древнихъ комментаторовъ, основанному на этимологическомъ значеніи ихъ именъ, означаютъ четыре степени грѣховности или, вѣрнѣе, грѣховнаго горя: Ахеронъ, первая рѣка, черезъ которую Харонъ перевозитъ грѣшниковъ, есть утрата всѣхъ радостей; Стиксъ, гдѣ ходитъ ладья Флегіаса, означаетъ отчаяніе; Флегетонъ, черезъ который Нессъ переноситъ Данта, значитъ огненныя терзанія совѣсти и наконецъ Коцитъ означаетъ громкій плачъ и скрежетъ зубовъ грѣшниковъ. Отъ грѣха происходитъ все наше горе (Ада XXXIV, 36.): потому потокъ горестей, возникая изъ развращенія времени, стремится рѣками слезъ къ отцу всякой скорби, къ Люциферу, гдѣ и замерзаютъ въ Коцитѣ, тамъ, куда тяготѣетъ всякая тяжесть, гдѣ скопляется всякое горе (Ада XXXIV, III). Каннегиссеръ. Копишъ. Филалетесъ.

106. Глава его изъ злата создана,
Изъ чистаго сребра и грудь и длани
И мѣдь потомъ до самыхъ бедръ видна.

109. Отъ бедръ до ногъ все изъ отборной стали,
Лишь правая изъ глины: подпертой
Ногою правой, онъ стоитъ въ печали.

112. На каждой части, кромѣ золотой,
Прорѣзаны струями слезъ морщины,
И слезы тѣ, прорывши гротъ, рѣкой

115. Бѣгутъ со скалъ, чрезъ мрачныя пучины,
Въ Стиксъ, въ Ахеронъ и Флегетонъ; потомъ
Стремятся въ кругъ, вдоль узкой сей лощины,

118. Гдѣ болѣе сходить нельзя, и въ немъ
Падутъ въ Коцитъ: туда насъ путь низводитъ,
И я молчу объ озерѣ льдяномъ.»

121. И я: «Но если въ мірѣ происходитъ
Источникъ сей, то почему же онъ
Предъ насъ впервые только тутъ выходитъ?»—

124. А вождь: «Сей край, ты знаешь, округленъ,
И хоть со мной ты въ адъ проникъ глубоко,
Все влѣво въ глубь спускаясь чрезъ наклонъ;

106—111. «Hujus statuae caput ex auro optimo erat, pectus autem et brachia de argento, porro venter, et femora ex aere; tibiae autem ferreae, pedum quidem pars erat ferrea, quaedam autem fictilis.» Vulg. Daniel. II, 32 — 33.

114—119. Очень вѣроятно, что четыре адскія рѣки, по представленію Данта, образуются одна изъ другой: такимъ образомъ источникъ Стикса въ четвертомъ кругѣ (Ада VII, 101—108) имѣетъ подземную связь съ Ахерономъ, а Флегетонъ (кровавая рѣка перваго отдѣла седьмаго круга), въ свою очередь происходитъ изъ Стикса, коего воды, протекая подъ огненнымъ городомъ шестаго круга, нагрѣваются до точки кипѣнія. Побочный рукавъ Флегетона, который теперь передъ поэтами, вѣроятно тоже протекаетъ подъ землею подъ лѣсомъ самоубійцъ, что подтверждается самимъ глаголомъ, употребленнымъ въ ст. 76, *spicciare*, что значитъ: бить изъ земли ключемъ; а также тѣмъ, что Данте, до сего времени шедшій съ лѣвой стороны, впослѣдствіи, перейдя поперегъ песчаную степь, идетъ уже по правому берегу потока не упоминая нигдѣ о своей переправѣ черезъ него: изъ чего должно заключить, что онъ вѣроятно обогнулъ потокъ при самомъ его истокѣ. Филалетесъ.

127. Но все жъ не весь обойденъ кругъ широкій;
Такъ не дивись же ты въ душѣ своей,
Коль много новаго здѣсь встрѣтитъ око.»

130—«Гдѣ жъ Флегетонъ? гдѣ Лета? ты объ ней
Не говоришь; о первомъ же замѣтилъ,
Что онъ возникъ изъ слезъ въ пучинѣ сей?» —

133. «Хвалю твои вопросы,» онъ отвѣтилъ:
«Но ты и самъ рѣшишь одинъ изъ нихъ,
Коль клокотанье красныхъ волнъ примѣтилъ.

136. Узришь и Лету, но не въ безднахъ сихъ,
А тамъ, куда душа идетъ омыться,
Покаявшись во всѣхъ грѣхахъ своихъ.

139. Но время намъ отъ лѣса удалиться.
Старайся же идти за мной; взгляни:
Гранитъ плотинъ не можетъ раскалиться,

142. За тѣмъ что паръ здѣсь гаситъ всѣ огни.»

134—135. Слово *Флегетонъ* происходитъ отъ греч. φλέγω, φλέγεθω (горю). Виргилій удивляется, почему Данте не узнаетъ Флегетона въ кровавомъ кипяткѣ этого потока. Это мѣсто комментаторы приводятъ какъ доказательство тому, что Данте зналъ греческій языкъ, что̀ очень сомнительно.

139—139. Лету, рѣку забвенія, Данте находитъ на вершинѣ чистилища (Чист. XXVIII, 25 — 130).

142. Берега потока каменные, и потому защищены отъ огня. Въ заключеніе этой пѣсни приведемъ слѣдующее замѣчаніе: «На внѣшней окружности круга скупыхъ и расточителей, Данте встрѣтилъ источникъ; имѣя его справа, Данте спустился въ кругъ гнѣвныхъ: здѣсь источникъ вливается въ Стиксъ. Оставивъ его, поэтъ дѣлаетъ длинный обходъ, опять направляясь влѣво, къ высокой башнѣ, гдѣ его принимаетъ въ ладью Флегіасъ. Но такъ какъ Данте можетъ идти сквозь огненный дождь только подъ защитою поровъ потока, то онъ, разъ покинувъ его, теперь по необходимости долженъ къ нему возвратиться, а такъ какъ потокъ протекаетъ прямо и такъ какъ Данте, взявъ влѣво, отъ него удалился, то онъ долженъ былъ повернуть направо, чтобы опять возвратиться къ потоку; онъ такъ и сдѣлалъ при первой къ тому возможности, именно въ то время, когда онъ вступилъ въ кругъ еретиковъ. Это объясненіе показываетъ, съ какою точностію Данте задумалъ малѣйшія топографическія подробности своего ада и какъ сильно расчитывалъ онъ на сосредоточенное вниманіе читателя.» Бре де ла Матъ.

ПѢСНЬ XV.

Содержаніе. Поэты идутъ по одной изъ каменныхъ плотинъ Флегетона. Вдоль плотины на встрѣчу имъ бѣжитъ толпа содомитовъ. Одинъ изъ нихъ узнаетъ Данта: это его учитель, Брунетто Латини. Онъ спрашиваетъ ученика о причинѣ замогильнаго его странствованія и, поощривъ его къ продолженію трудовъ, предсказываетъ ему славу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изгнаніе, причемъ жестоко порицаетъ Флорентинцевъ. Данте оказываетъ глубокое уваженіе своему учителю, увѣряетъ его, что готовъ на всѣ превратности судьбы, лишь только бы совѣсть его была покойна, и узнаетъ, что большая часть наказуемыхъ здѣсь грѣшниковъ были люди, прославившіеся своей ученостію. За тѣмъ, напомнивъ ученику свое сочиненіе, Брунетто Латини поспѣшно убѣгаетъ.

---

1. Вотъ мы идемъ по каменной твердинѣ,
Гдѣ паръ съ ручья туманомъ возстаетъ
И гаситъ огнь въ волнахъ и на плотинѣ.

4. Какъ между Бригге и Кадзантскихъ водъ,
Страшася съ моря грознаго набѣга,
Фламандцы строятъ противъ волнъ оплотъ;

7. Какъ Падуанцы защищаютъ съ брега,
Вдоль бурной Бренты, виллы и сады,
Пока на Альпахъ зной не тронулъ снѣга:

1—3. Флегетонъ, какъ мы видѣли (Ада XIV, 141), протекаетъ между двумя набережными. Набережныя эти каменныя, а потому не могутъ загараться отъ падающихъ клочьевъ огня; вообще огонь здѣсь и не падаетъ, потому что гаснетъ въ парахъ, подымающихся съ кипящей рѣки.

4. Кадзантъ, небольшой островъ къ С. З. отъ Бригге, нѣкогда имѣвшій городъ и нѣсколько деревень, но впослѣдствіи все болѣе и болѣе уменьшавшійся отъ напора морскихъ волнъ, что̀ и заставило Голландцевъ устроить здѣсь большую плотину.

7—9. Брента, р. въ Верхней Италіи, протекаетъ чрезъ падуанскія владѣнія и беретъ свое начало въ той части Альпъ, которую встарину называли Кіарентана, нынѣ Керитскіе Альпы. Онѣ покрыты снѣгомъ, который, тая

10. Такъ здѣсь плотинъ устроены ряды,
Хотя не столь громадно и высоко,
Строитель вѣчный, ихъ воздвигнулъ Ты.

13. Ужъ были мы отъ лѣса такъ далеко,
Что усмотрѣть его не могъ бы взоръ,
Какъ сильно бы ни напрягалось око.

16. Тутъ встрѣтили мы грѣшныхъ душъ соборъ,
Бѣжавшій вдоль плотины; онъ съ испугомъ
Насъ озиралъ, какъ дѣлаемъ обзоръ,

19. При новолуньѣ, встрѣтившись другъ съ другомъ,
И какъ глядитъ въ ушко иглы портной,
Прищурившись, разслабленный недугомъ:

22. Такъ въ насъ рѣсницы изощрялъ ихъ строй.
Тутъ кто-то вдругъ меня за полу платья
Схватилъ, вскричавъ: «Не диво ль предо мной?»

25. Пока ко мнѣ онъ простиралъ объятья,
Я взоръ вперилъ въ лице съ слѣдами бѣдъ,
И обгорѣлый ликъ съ клеймомъ проклятья

28. Я вмигъ узналъ, знакомый съ юныхъ лѣтъ.
Склонясь лицемъ къ его лицу, съ привѣтомъ:
«Вы ль это здѣсь,» вскричалъ я «серъ Брунетъ?»

отъ жаровъ весною, заставляетъ Бренту выступать изъ береговъ, отъ чего нерѣдко происходятъ опустошительныя наводненія.

19. Не смотря на падующіе огни, этотъ кругъ теменъ: огонь небесный не свѣтитъ грѣшникамъ, но сходитъ только для ихъ мученія.

30. Брунетто Латини, родившійся въ 1220, изъ фамиліи да Скарніано, учитель Дантовъ и знаменитый ученый своего времени. Онъ былъ Гвельфъ и послѣ побѣды, одержанной Гибеллинами при Арбіи (Ада X, 31—93 и пр.), принужденъ былъ удалиться во Францію. Когда, по смерти Манфреда, Гвельфы опять взяли верхъ, онъ возвратился въ родной свой городъ Флоренцію и въ 1230 г. былъ назначенъ поручителемъ мира, заключеннаго при содѣйствіи кардинала Латино между Гибеллинами и Гвельфами. Въ 1284 онъ былъ избранъ въ писцы республики и умеръ въ 1294. Отъ него дошли до насъ слѣдующія сочиненія: *Il tesoretto*, аллегорико-дидактическая поэма на италіанскомъ языкѣ; *Il tesoro*, родъ энциклопедіи, трактующей о различныхъ предметахъ и писанной на французскомъ языкѣ какъ на языкѣ «plus diletable et plus

31. А онъ: «Мой сынъ, не постыдись съ Брунетомъ
Пройдти назадъ хоть нѣсколько шаговъ
И пусть толпа межъ тѣмъ бѣжитъ.»—«Объ этомъ»

34. Былъ мой отвѣтъ: «я самъ молить готовъ,
И, если вамъ угодно, съ вами сяду,
Коль тотъ дозволитъ, съ кѣмъ иду въ сей ровъ.»—

37. «О сынъ!» сказалъ онъ: «всякъ, причтенный къ стаду,
Лишь мигъ помедлитъ, будетъ осужденъ
Лежать въ огнѣ, сто лѣтъ не движась съ ряду.

40. Иди; а я, держась за твой хитонъ,
Пойду вослѣдъ; потомъ сольюсь съ отрядомъ,
Подъемлющимъ подъ мукой вѣчный стонъ.»

43. Я не дерзалъ, сойдя съ дороги, рядомъ
Съ нимъ проходить, но шелъ, какъ человѣкъ
Почтительный, съ поникшимъ долу взглядомъ.

46. «Какой же рокъ, иль случай,» онъ мнѣ рекъ:
«Ведетъ тебя до срока въ край ужасный?
И кто возвелъ тебя на этотъ брегъ?»

49. —«Тамъ, тамъ, вверху,» сказалъ я: «въ жизни ясной,
Еще преклонныхъ не достигнувъ лѣтъ,
Я потерялъ въ долинѣ путь опасный.

52. Вчера я утромъ изъ юдоли бѣдъ
Ужъ вспять бѣжалъ, когда *его* я встрѣтилъ:
Онъ симъ путемъ ведетъ меня на свѣтъ.»—

---

commune à tout languises»; *Il pataffio*, стихотвореніе, состоящее изъ набора флорентинскихъ поговорокъ и шутокъ, *in terze rime*. — Данте удивляется, встрѣтивъ своего учителя здѣсь, ибо современники Брунетто подозрѣвали его въ подлогахъ,—грѣхъ, который наказуется въ послѣднемъ отдѣленіи слѣдующаго осьмаго круга. Ландино.

38—39. Ибо грѣшники въ такомъ случаѣ становятся сопротивляющимися высшей волѣ, какъ богохулители (Ада XIV, 22 и д). Копишъ.

40. Данте идетъ по плотинѣ, а учитель его находится ниже.

49—51. Намекъ на первые три стиха первой пѣсни.

53. Т. е. Виргилія. Комментаторы говорятъ, что Данте потому не назвалъ

55. «Иди жъ вослѣдъ звѣздѣ», онъ мнѣ отвѣтилъ:
«И въ пристань славы вступишь ты за ней,
Коль въ жизни той все ясно я замѣтилъ.

58. Когда бъ такъ рано я не кончилъ дней,
То убѣдясь, сколь небо благосклонно,
Я бъ былъ въ трудахъ опорою твоей.

61. Но твой народъ жестокій, беззаконный,
Отъ Фіезолы свой ведущій родъ
И въ твердость скалъ до нынѣ облеченный,—

64. Тебѣ жъ во благо, брань съ тобой начнетъ,
И по дѣломъ: вѣдь съ горечью рябины
Созрѣть не можетъ фиги сладкій плодъ!

67. *Слѣпымъ* былъ названъ встарь не безъ причины
Надмѣнный родъ, завистливый, скупой—
О, будь же чистъ межъ ними ты единый!

по имени Виргилія, хота о томъ спрашиваетъ Брунетто, что Брунетто вообще не уважалъ Мантуанцевъ и въ сочиненіи своемъ, Il tesoro, между множествомъ цитатъ изъ классиковъ, почти совсѣмъ не приводитъ Виргилія.

55—57. Брунетто былъ математикъ и астрологъ и при рожденіи Данта предсказалъ ему великую славу по звѣздамъ, составивъ ему гороскопъ, на что̀ намекаетъ ст. 57.

61—63. Первоначальные жители Флоренціи были выселенцы горнаго города Фіезолы, основавшіе новый городъ на разстояніи часоваго путешествія отъ стараго. Виллани вѣчный раздоръ между Флорентинцами приписываетъ тому обстоятельству, что первые обитатели Флоренціи были частію Римляне, частію Фіезоланцы; потомки первыхъ удержали свой аристократическій характеръ, потомки же послѣднихъ отличались грубостію нравовъ, занесенныхъ первобытными переселенцами изъ страны гористой и дикой, гдѣ и понынѣ ломаютъ камень. Филалетесъ.

67. Преданіе это Виллани разсказываетъ такъ: Аттила (онъ смѣшиваетъ его съ Тотилою), подступивъ къ стѣнамъ Флоренціи, убѣдилъ ея жителей отворить ему ворота подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто бы пришелъ къ нимъ на помощь противъ ихъ враговъ Пистойцевъ; но едва вступилъ онъ въ городъ, какъ предалъ его разграбленію, приказавъ умертвить важнѣйшихъ его гражданъ. Напротивъ, старинные комментаторы Данта разсказываютъ слѣдующее: въ 1117 г. Флорентинцы обязались защищать Пизу

70. Такую честь тебѣ дастъ жребій твой,
Что всѣ начнутъ алкать въ тебѣ сочлена;
Но — далѣе отъ клюва злакъ такой!

73. Пусть скотъ Фьезолы жретъ своихъ какъ сѣно;
Но да не тронетъ злака, если тамъ
Въ его пометѣ, изъ гнилаго тлѣна,

76. Еще возможно выросто сѣменамъ
Великихъ Римлянъ, жившихъ въ градѣ — въ этомъ
Гнѣздѣ злодѣйствъ, противныхъ небесамъ.» —

79. — «Когда бъ Господь внималъ моимъ обѣтамъ,
Такъ рано бъ рокъ дней вашихъ не пресѣкъ
И вы бъ еще не разлучились съ свѣтомъ.

82. Я впечатлѣлъ въ душѣ своей на вѣкъ
Вашъ добрый видъ, отеческій, безцѣнный,
Познавъ отъ васъ, чѣмъ можетъ человѣкъ

85. Достичь безсмертія въ сей жизни тлѣнной,
И, какъ цѣню я васъ, пока дышу,
Мои уста повѣдаютъ вселенной.

противъ Луккійцевъ въ то время, когда сами Пизанцы воевали ос. Маіорку. По возвращеніи побѣдоносныхъ Пизанцевъ, Флорентинцамъ въ награду за ихъ службу дозволено было сдѣлать изъ добычи Пизанцевъ выборъ между прекрасными бронзовыми вратами и двумя колоннами изъ порфира. Флорентинцы выбрали послѣднія и только на возвратномъ пути замѣтили, что колонны были повреждены огнемъ и послѣ выкрашены красной краской. За это Флорентинцевъ прозвали слѣпыми, а Пизанцевъ измѣнниками.

71. *Всѣ* (въ подлин.: l'una parte e l'altra), т. е. какъ партія Бѣлыхъ, такъ и Черныхъ, стало быть вся Флоренція. Только по смерти великаго поэта, постигли Флорентинцы всю грандіозность генія своего соотечественника и тщетно домогались имѣть въ стѣнахъ своихъ хотя прахъ великаго человѣка.

72. Вѣроятно пословица. Хотя Данте принадлежалъ нѣкоторое время партіи Бѣлыхъ (Гибеллиновъ), однакожъ образъ ихъ дѣйствія вскорѣ оттолкнулъ его отъ нихъ; поэтому его прадѣдъ Каччіагвида хвалитъ его за то, что онъ «самъ для себя сталъ своею партіею.»

a te fia bello
Averti fatta parte per te stesso. (Paradiso. XVII, 68—69).

74—79. По словамъ Боккаччіо, Данте велъ свой родъ отъ римской фамиліи Франджипани.

88. Все, что̀ вы мнѣ сказали, запишу
И, эту вѣсть храня въ душѣ съ другою,
Имъ объясненья въ небѣ испрошу.

91. Межъ тѣмъ и вамъ я мысль свою открою:
Лишь только бъ совѣсть вѣдала покой,
А я готовъ идти на брань съ судьбою.

94. Уже не новъ задатокъ мнѣ такой;
Такъ пусть же рокъ вращаетъ шаръ завѣтный,
Какъ вздумаетъ, а пахарь заступъ свой!»

97. Тутъ, обратясь на право, взоръ привѣтный
Ко мнѣ склонилъ и мнѣ вѣщалъ поэтъ:
«Кто замѣчаетъ, тотъ внималъ не тщетно!»

100. Межъ тѣмъ со мной бесѣду велъ Брунетъ
И я спросилъ: «Кто изъ толпы печальной
Всѣхъ болѣе прославленъ?» И въ отвѣтъ

103. Онъ мнѣ: «Узнать здѣсь объ однихъ похвально;
Но умолчать приличнѣй о другихъ:
Мнѣ ихъ не счесть, а путь лежитъ мнѣ дальный.

106. Короче: сонмъ духовныхъ здѣсь однихъ,
Людей ученыхъ, славы громозвучной;
Одинъ и тотъ же грѣхъ пятняетъ ихъ.

---

90. Т. е. у Беатриче.

94. Тоже самое онъ уже слышалъ отъ Чіакко (Ада VI, 64 и д) и Фаринаты (Ада X, 79).—Въ подлин.: Non è nuova agli orecchi miei tale arra. *Arra* значитъ задатокъ, который даютъ купцы въ Италіи въ обезпеченіе того, что торгъ состоится вѣрно. Данте хочетъ сказать этимъ словомъ, что онъ вѣритъ въ исполненіе предсказанія. Ф и л а л е т е с ъ.

96. *А пахарь заступъ свой:* вѣроятно пословица. Смыслъ тотъ: на превратности судьбы я смотрю такъ же равнодушно, какъ и на пахаря, работующаго заступомъ.

99. Намекъ на слова Виргилія въ Энеидѣ: Superanda omnis fortuna ferendo est.

106—107. Италіанское: clerico (духовный) значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ученый; litterati въ средніе вѣка назывались тѣ, которые занимались латинскимъ или, какъ тогда говорили, грамматическимъ языкомъ.

109. Тамъ Прискіанъ съ толпою злополучной;
Францискъ д' Аккорсо съ нимъ бѣжитъ вокругъ,
И, если видѣть этотъ зудъ не скучно,

112. Взгляни: вотъ онъ, кого служитель слугъ
Перемѣстилъ отъ Арно къ Баккильону,
Гдѣ сокрушилъ ему хребетъ недугъ.

115. Но кончимъ; время ужъ кладетъ препону
Бесѣдѣ нашей: вижу я давно,
Что новый дымъ клубится тамъ по склону.

118. Ужъ близокъ строй, гдѣ быть мнѣ не должно!
Я объ одномъ прошу: читай *Tesoro*,
Мой славный трудъ, гдѣ жить мнѣ суждено.»—

---

109. Прискіанъ, знаменитый грамматикъ VI вѣка, изъ Цезареи Каподокійской. Кажется, онъ помѣщенъ въ этотъ классъ грѣшниковъ какъ представитель образователей юношества, которые во времена Данта преимущественно были преданы грѣху, здѣсь наказуемому.

110. Францискъ д' Аккорсо (Accursius), отличный правовѣдъ среднихъ вѣковъ, сынъ знаменитаго учителя Римскаго Права. Онъ былъ профессоромъ болонскаго университета и умеръ около 1294.

111. Въ подлин. еще жестче: tal tigna, такая короста.

112. Т. е. папою, который титулуется Servus servorum Domini.

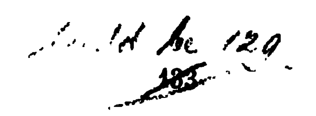
113. Андреа де' Модзи, флорентинецъ, бывшій делегатомъ кардинала Латино, когда этотъ былъ отправленъ Николаемъ III въ Тоскану какъ примиритель Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Въ это время (1286) Модзи былъ поставленъ въ епископы Флоренціи; однакожъ въ 1298 г. Бонифацій VIII перемѣстилъ его въ Виченцу, на р. Баккильоне, гдѣ онъ и умеръ. Причина его перемѣщенія неизвѣстна. Комментаторы думаютъ, что Данте помѣстилъ его въ адъ за то, что онъ былъ Гвельфъ.

119. Это сочиненіе, о которомъ мы говорили выше, состоитъ изъ трехъ частей: одной исторической, другой нравственной, третьей реторической; всѣ три носятъ слѣдующія заглавія: обыкновенныя монеты, драгоцѣнные камни, чистое золото.

Тутъ, повернувъ, помчался онъ такъ скоро,
Какъ будто бы въ Веронѣ онъ бѣжалъ,
И могъ его сравнить я съ тѣмъ, который

Сорвалъ сукно, не съ тѣмъ, кто проигралъ.

122—124. Въ Веронѣ ежегодно, въ первое воскресенье великаго поста, молодые люди бѣгали въ запуски; побѣдитель получалъ *palio* или кусокъ зеленаго сукна.

ПѢСНЬ XVI.

Содержаніе. Шумъ Флегетона, свергающагося водопадомъ въ слѣдующій кругъ, долетаетъ до слуха поэтовъ. Они приближаются къ осьмому кругу. Отъ толпы содомитовъ, бѣгущихъ подъ огненнымъ дождемъ, отдѣляются три тѣни и, догоняя Данта, умоляютъ его остановиться. Виргилій повелѣваетъ ему исполнить ихъ желанія, и тѣни, прибѣжавъ къ Данту, схватываются руками, кружатся передъ нимъ и объявляютъ свои имена. Это три государственные мужи Флоренціи: Тегъяіо Альдобранди, Іакопо Рустикуччи и Гвидогверра. Данте изъявляетъ глубокое уваженіе къ нимъ и къ ихъ заслугамъ отечеству и на вопросъ ихъ о состояніи Флоренціи выражаетъ сильное негодованіе на испорченность ея нравовъ. Тѣни, похваливъ его за пламенную любовь къ родинѣ и попросивъ напомнить о себѣ живымъ, поспѣшно убѣгаютъ. Поэты идутъ далѣе и наконецъ достигаютъ ужасной бездны. Виргилій бросаетъ въ нее вервь, которою былъ опоясанъ Данте. Изъ бездны выплываетъ страшное чудовище.

---

1. Уже я былъ надъ каменною гранью,
Гдѣ водопадъ, свергаясь въ нижній кругъ,
Подъемлетъ шумъ. подобный пчелъ жужжанью.

4. Тогда три тѣни, отдѣлившись вдругъ
Отъ строя душъ, бѣжавшихъ непрерывно
Подъ страшнымъ ливнемъ жесточайшихъ мукъ, —

7. Помчались къ намъ, подъемля крикъ призывный:
«Остановись! судя по платью, ты
Идешь изъ нашей родины противной!»

10. Увы! какъ страшны были ихъ черты,
Спаленныя огнемъ ужасной нивы!
О томъ досель смущаютъ духъ мечты.

---

1. Данте теперь у границы, отдѣляющей седьмой кругъ отъ осьмаго, куда Флегетонъ свергается ужаснымъ водопадомъ (см. далѣе ст. 92 и д).

9. Т. е. изъ Флоренціи.

13. Наставникъ мой услышалъ ихъ призывы
И, обратясь, сказалъ: «Повремени!
Для этихъ душъ должны мы быть учтивы.

16. И я сказалъ бы, если бъ здѣсь огни
На зыбь песковъ такъ страшно не змѣились,
Что лучше бъ ты такъ мчался, чѣмъ они.»

19. Вновь поднялся—лишь мы остановились—
Ихъ прежній кликъ; когда жъ догнали насъ,
Какъ колесо три тѣни закружились.

22. И какъ бойцы, на битву обнажась,
Чтобъ отразить успѣшнѣй нападенье,
Одинъ съ другаго не спускаютъ глазъ:

25. Такъ всѣ, кружась, въ меня вперяли зрѣнье
И никогда съ движеньемъ быстрыхъ ногъ
Не совпадало лицъ ихъ направленье.

28. Тутъ тѣнь одна: «Коль зыбкій сей песокъ,
Коль образъ нашъ обугленный, увѣчный,
Презрительнымъ являютъ нашъ порокъ:

16—18. Эти тѣни были на землѣ столь знаменитые люди, что если бы теперь онѣ не были наказаны какъ содомиты огненнымъ дождемъ (или, другими словами, если бы не препятствовалъ тебѣ огненный дождь), то было бы приличнѣе тебѣ бѣжать къ нимъ на встрѣчу, нежели имъ.

22—27. Картина, начертанная въ этихъ шести стихахъ, можетъ показаться съ перваго взгляда не совсѣмъ ясною; но чѣмъ болѣе мы ее разсматриваемъ, тѣмъ яснѣе и пластичнѣе она становится. Тѣни этого отдѣла седьмаго круга не смѣютъ остановиться ни на минуту (Ада XV, 37—39 и прим.): потому тремъ грѣшникамъ, желающимъ говорить съ Дантомъ, не остается ничего болѣе, какъ безпрестанно кружиться предъ нимъ. Но какъ глаза ихъ постоянно устремлены на Данта, съ которымъ тѣни разговариваютъ, въ то время, какъ ихъ ноги дѣлаютъ круговое движеніе, то очевидно, что направленіе ихъ лицъ и выи не можетъ совпадать съ направленіемъ ногъ. Такое положеніе шеи и круговое движеніе уподобляютъ грѣшниковъ бойцамъ, которые, еще до начала боя, стараются взаимно улучить удобнѣйшую минуту для нападенія. Штрекфуссъ.—Такое движеніе очень легко себѣ представить, если вообразимъ трехъ людей, бѣгающихъ вкругъ и устремляющихъ глаза на одинъ предметъ, внѣ ихъ круга находящійся. Филалетесъ.

31. Склонись, хоть ради нашей славы вѣчной,
Сказать: кто ты, что̀ смѣло входишь къ намъ,
Еще живой, въ край муки безконечной?

34. Вотъ онъ, за кѣмъ бѣгу я по пятамъ,
Теперь нагой, весь черный и убогій,
Едва ль повѣришь, какъ былъ славенъ *тамъ!*

37. Онъ храбрый внукъ Гвальдрады, въ жизни строгой,
Тотъ Гвидогверра, что̀ числомъ побѣдъ
И разумомъ прославился такъ много.

40. Другой, въ степяхъ бѣгущій мнѣ во слѣдъ,
Былъ Альдобранди, тотъ Теггьяіо славный,
Чьимъ именемъ гордиться долженъ свѣтъ.

37—39. Гвальдрада (иначе Вальдрада, собственно Ингильтруда), прекрасная флорентинка, дочь Беллинчіона Берти, котораго такъ выхваляетъ прадѣдъ Дантовъ Каччіагвида за простоту нравовъ (Рая XV, 112 и д). Виллани разсказываетъ, что императоръ Оттонъ IV, увидавъ однажды Гвальдраду на одномъ торжествѣ во Флоренціи, освѣдомился объ ней у ея отца. Тогда Берти похвалился передъ императоромъ, сказавъ, что онъ можетъ приказать Гвальдрадѣ поцѣловать его. Услышивъ это, Гвальдрада отвѣчала отцу, что поцѣлуй ея можетъ принадлежать только будущему ея супругу. Этотъ отвѣтъ такъ понравился императору, что онъ тотчасъ пріискалъ ей жениха изъ числа своихъ бароновъ Гвидо Гверру II, изъ старинной фамиліи графовъ Гвиди (по просту Конти). Одинъ изъ сыновей Гвальдрады, Руджіери, былъ отцемъ здѣсь упоминаемаго Гвидогверры, ревностнаго Гвельфа, хотя предки его принадлежали императорской партіи. Послѣ сраженія при Арбіи (Гвидогверра вмѣстѣ съ другими не совѣтовалъ начинать войну съ Сіенцами, Ада X, 31—93 и прим.), онъ бѣжалъ изъ Флоренціи и, удалившись въ Романью, вскорѣ сталъ во главѣ изгнанныхъ Гвельфовъ. Въ сраженіи при Беневенто противъ Манфреда, Гвидогверра командывалъ частью войскъ Карла Анжуйскаго и былъ главнѣйшимъ виновникомъ одержанной побѣды. Троіа принимаетъ четырехъ, Аммирато (въ исторіи графовъ Гвиди) пятерыхъ сыновей Гвальдрады: Гвидо, Тегрино, Руджіери, Марковальдо и Агинольфо; одни изъ нихъ были Гвельфы, другіе Гибеллины. Данте упоминаетъ о многихъ членахъ этой знаменитой фамиліи. Филалетесъ. Каннегиссеръ.

40—42. Теггьяіо Альдобранди, изъ знаменитой флорентинской фамиліи Адимари, Гвельфъ, подеста Флоренціи. Онъ, какъ мы видѣли (Ада X, 31—93 и прим.), не совѣтовалъ идти въ походъ противъ Сіены въ 1260, кончившійся пораженіемъ Гвельфовъ при Арбіи. О грѣхѣ его, равно и Гвидогверры, ничего неизвѣстно.

43. А я, гнетомый съ ними казнью равной,
Я Рустикуччи и, повѣрь, вполнѣ
Погибъ на вѣки отъ жены злонравной.»

46. О! если бъ былъ я невредимъ въ огнѣ,
Не медля бъ я спрыгнулъ къ сынамъ проклатья
И, знаю, вождь не воспретилъ бы мнѣ.

49. Но страхъ сгорѣть, какъ эти злые братья,
Вмигъ утушилъ на сердцѣ безъ слѣда
Порывъ желаній къ нимъ летѣть въ объятья.

52. «Нѣтъ! не презрѣнье,» я вскричалъ тогда:
«Но скорбь вселили въ грудь мнѣ ваши лики
Печальные (забуду ль ихъ когда!),

55. Лишь только я отъ моего владыки
Уразумѣлъ, что къ намъ стремитесь вы,
Чьи подвиги такъ на землѣ велики.

58. Дѣянья ваши были таковы,
Что я, землякъ вашъ, съ чувствомъ горделивымъ
Всегда о нихъ внималъ изъ устъ молвы.

61. Покинувъ желчь, я за вождемъ правдивымъ
Стремлюсь къ плодамъ обѣщаннымъ; сперва жъ
Низринусь въ центръ вселенной къ злочестивымъ.»

64.—«О пусть же долго тѣлу будетъ стражъ
Твой духъ безсмертный!» молвилъ сынъ печали:
«Пусть и потомству славу передашь!

44—45. Іакопо Рустикуччи, богатый и многоуважаемый флорентинецъ изъ плебейской фамиліи, жалуется на злую жену, которая, возбудивъ въ немъ ненависть ко всему женскому полу, была главнѣйшей причиной его вѣчной погибели. Объ немъ, а также о Теггьяіо Альдобранди, Данте освѣдомлялся уже у Чіакко (Ада VI, 80).

61—63. Я убѣгаю отъ пороковъ и ищу добродѣтели: намекъ на цѣль замогильнаго странствія, развитую въ первыхъ двухъ пѣсняхъ.

67. Честь и отвага, о скажи, всегда ли
Живутъ, какъ жили, въ городѣ родномъ,
Иль навсегда изъ стѣнъ его бѣжали?

70. Гюйльельмъ Борсьеръ, гонимый тамъ огнемъ,
Недавній гость средь нашего собранья,
Печалитъ насъ разсказами о немъ.»

73 — «Иной народъ и быстрыя стяжанья
Въ тебя вселили гордость и позоръ,
Флоренція, домъ скорби и рыданья!»—

76. Такъ я вскричалъ, поднявши къ верху взоръ,
И три души, смутясь при этой вѣсти,
Услышали какъ будто приговоръ.

---

70. Гюильельмо Борсіере, образованный и весьма пріятный въ обществѣ флорентинецъ. Объ немъ упоминаетъ Боккаччіо въ своемъ Декамеронѣ.

73—75. Въ XIII вѣкѣ Флоренція значительно усилилась, обогатилась и стала обнаруживать сильное вліяніе на всю Италію; вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ переселенія въ нее чуждыхъ, большею частію плебейскихъ родовъ, а также отъ усилившагося вліянія этихъ новыхъ пришельцевъ, обогатившихся торговлею и промышленностію, она мало по малу приняла характеръ города чисто демократическаго. Первымъ поводомъ къ усиленію демократіи служило слабое управленіе графа Гвидо Новелло, который для того, чтобы оградить власть свою отъ вліянія Гвельфовъ (Ада X, 31—93 и примѣч.), учредилъ въ 1266 семь большихъ цѣховъ, *arti maggiori*, и даровалъ имъ право вмѣшиваться въ дѣла правленія. Въ 1282 управленіе городомъ (signoria) перешло въ руки такъ-наз. *Priori degli arti e della libertà*, избиравшихся изъ цѣховъ и кварталовъ города, и наконецъ въ 1292 г. знаменитый демагогъ Джіано делла Белла издалъ извѣстные *ordinamenti della giustizia*, въ силу которыхъ дворянство не только лишено было права избираться въ пріоры города, но и подверглось притѣснительнымъ, почти тираническимъ мѣрамъ. Филалетесъ.

75. Нельзя не подивиться мастерскому обороту этого мѣста: Данте, отвѣчая тѣнямъ, обращается не къ нимъ, но дѣлаетъ воззваніе къ самой Флоренціи; этимъ состояніе души поэта выражено живѣе, нежели самымъ подробнымъ описаніемъ. Въ этомъ воззваніи, произнесенномъ съ поднятымъ къ верху взоромъ, живо представляется изгнанникъ, въ душѣ котораго любовь къ отечеству, скорбь о бѣдственномъ его состояніи борется съ негодованіемъ за оказанную ему несправедливость. Не менѣе мастерски выраженъ намекъ тѣней, выслушавшихъ его воззваніе, на то, что откровенное выраженіе мыслей можетъ имѣть для поэта дурныя послѣдствія. Біаджіоли.

79. «О если всѣмъ ты говоришь безъ лести,»
Всѣ три вскричали: «какъ отвѣтилъ намъ,
Какъ счастливъ ты, что говоришь по чести!

82. И такъ, прошедъ по мрачнымъ симъ мѣстамъ
И возвратясь изъ странъ свѣтилъ прекрасныхъ,
Когда съ восторгомъ скажешь: я былъ *тамъ!*

85. Повѣдай людямъ и объ насъ несчастныхъ!»
И, кругъ расторгнувъ, какъ на крыльяхъ, вспять
Они помчались вдоль песковъ ужасныхъ.

88. Нельзя такъ скоро и *аминь* сказать,
Какъ быстро скрылись съ глазъ моихъ три духа.
Тогда пошелъ учитель мой опять.

91. Я шелъ не долго съ нимъ, какъ вдругъ до слуха
Достигъ шумъ водъ, столь близкій, что едва
Звукъ нашихъ словъ могло разслушать ухо.

94. Какъ тотъ потокъ, который мчитъ сперва
Свой бѣгъ съ Монвезо на востокъ по волѣ,
Отъ лѣвой кручи Апеннинъ, слывя

97. Въ верховьяхъ Аквакетою, доколѣ
Падетъ въ русло долины у Форлй
Гдѣ это имя ужъ не носитъ болѣ,

100. И съ яростью грохочетъ не вдали
Отъ Бенедетто, падая съ вершины,
На коей жить и тысячи бъ могли:

72—84. Этой терцинѣ подражалъ Тассо, Ger. liber. XV.
Quando mi gioverà narrare altrui
Le novità vedute, e dire: io fui.

94—102. Рѣка Монтоне въ Романьѣ, протекающая вдоль Апеннинскихъ горъ, мимо аббатства St. Benedetto nell' Alpi, недалеко отъ города Форлй, гдѣ она первоначальное свое названіе Аквакета мѣняетъ на имя Монтоне. Эта рѣка, берущая свое начало изъ горы Визо (mons Vesulus древнихъ, названной у Данта Монвезо), направляется къ востоку по лѣвой сторонѣ Апеннинскихъ горъ и, не сливаясь съ рѣкою По, какъ другія рѣки, впадаетъ въ Адріатическое море. Водопадъ, образуемый этой рѣкою, теперь очень не значителенъ.

103. Такъ здѣсь, свергаясь съ каменной стремнины,
Токъ мутныхъ водъ подъемлетъ страшный громъ,
Слухъ оглушая грохотомъ пучины.

106. Мой станъ обвитъ былъ вервію кругомъ,
Которою когда-то безуспѣшно
Ловилъ я Барса съ дорогимъ руномъ.

109. И эту вервь надъ бездной мглы кромешной
Я отрѣшилъ, какъ вождь мнѣ приказалъ,
И, въ клубъ смотавъ, вручилъ ему поспѣшно.

112. И вождь, склонясь на право и отъ скалъ
Не много отойдя, что̀ было мочи,
Повергъ ее въ бездонный сей провалъ.

115. Знать нѣчто новое изъ мрака ночи,
Подумалъ я, всплыветъ на новый знакъ,
За коимъ такъ слѣдятъ поэта очи.

118. О будь же съ тѣми остороженъ всякъ,
Что̀ не одни лишь зрятъ дѣла очами,
Но разумомъ пронзаютъ мыслей мракъ!

101—102. Аббатство St. Benedetto nell' Alpi принадлежало во времена Данта графамъ Гвиди, именно графу Руджіери Довадоло, сыну Гвидо Сальватико, у котораго Данте, какъ полагаютъ, жилъ нѣсколько времени. Данте, сказавъ, что тамъ могли бы жить и тысячи, намекаетъ, что при богатствѣ монастыря и меньшей жадности его администраторовъ онъ могъ бы вмѣстить въ себѣ гораздо больше монаховъ, нежели сколько въ немъ дѣйствительно находилось. Другіе разумѣютъ не монаховъ, но сельскихъ жителей, потому что Руджіери Довадоло, другъ Дантовъ, предполагалъ соединить въ этомъ мѣстѣ множество деревень въ одинъ городъ, но смерть воспрепятствовала ему исполнить это намѣреніе. Боккаччіо. Троіа.

103. Каменная стремнина есть обрывъ между седьмымъ и осьмымъ кругомъ.

105. Дикое волнованіе потока грѣховнаго скоро дѣлаетъ слухъ нашъ глухимъ для божественнаго ученія. Копишъ.

116—121. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Данте въ молодости былъ предназначенъ для францисканскаго ордена. Монахи этого ордена опоясываются вервію. Что̀ разумѣетъ Данте подъ этимъ поверженіемъ верви въ пропасть, ком-

121. И вождь: «Сейчасъ предстанетъ тѣ предъ нами,
Чего я жду, и тѣ, о чемъ въ тиши
Ты грезишь, самъ увидишь надъ волнами.»

124. Объ истинѣ, прiявшей образъ лжи,
Чтобъ безъ вины осмѣянъ не былъ съ нею,
О человѣкъ, повѣдать не спѣши!

127. Но здѣсь молчать, читатель, я не смѣю,
И я клянусь Комедiей моей
(Да въ вѣкъ пребудетъ благодать надъ нею!):

130. Я зрѣлъ во мглѣ воздушныхъ тѣхъ полей
Гиганскiй образъ, къ верху выплывавшiй,
Ужасный для смѣлѣйшихъ изъ людей.

133. Такъ, вверхъ стремясь и ноги подобравши,
Всплываетъ тотъ, который, бросивъ чёлнъ,
Нырнулъ на дно, чтобъ якорь, тамъ застрявшiй

136. Между каменьевъ, вытащить изъ волнъ.

ментаторы объясняютъ различно. Съ исторической точки зрѣнiя, поверженiе верви означаетъ тотъ моментъ, когда Данте сложилъ съ себя чинъ монашескiй, въ которомъ онъ надѣялся когда-то избѣжать партiй своего города, хотѣлъ изловить этого Барса (Ада I, 31—43 и прим.), и когда онъ отдался потоку политическаго треволненiя. Въ нравственномъ смыслѣ вервь служитъ символомъ хитрости: хитросплетенiями ума надѣялся Данте одолѣть Барса, этотъ символъ сладострастiя, и теперь, чтобъ вполнѣ получить омерзенiе къ образу обмана (Ада XVII, 1 и д), разумъ (Виргилiй) повелѣваетъ ему, чтобъ онъ самъ сложилъ съ себя всякую, даже малѣйшую хитрость; ибо кто еще и самъ не отрекся хитрости, тотъ вмѣсто того, чтобъ ненавидѣть обманъ, удивляется ему. Только теперь, когда поверженъ въ адскую бездну клубъ верви, символъ покинутыхъ хитростей, предъ духовными очами нашего поэта выплываетъ изъ мглы ада образъ обмана во всей отвратительной наготѣ. Копишъ.

ПѢСНЬ XVI.

Содержаніе. На знакъ, поданный Виргиліемъ, Геріонъ древнихъ, олицетвореніе обмана, примыкаетъ къ каменной плотинѣ Флегетона. Лице у него праведное, лапы мохнатыя, хвостъ змѣиный, а тѣло все испещрено узлами и кольцами. Поэты сворачиваютъ съ дороги, чтобы къ нему приблизиться. Пока Виргилій уговоривается съ Геріономъ о помощи его сильныхъ плечь, Данте идетъ одинъ къ краю пропасти, гдѣ подъ огненнымъ дождемъ, на раскаленномъ пескѣ, сидитъ толпа ростовщиковъ, направлявшихъ насиліе противъ природы и искусства, а слѣдственно и Бога. У каждаго изъ нихъ на шеѣ повѣшена сума съ различными гербами: на нихъ жадно устремлены нѣмые взоры грѣшниковъ. Одинъ изъ ростовщиковъ разговариваетъ съ Дантомъ и предсказываетъ мѣсто въ аду другому извѣстному ростовщику, еще живому въ то время. Данте, возвратившись къ Виргилію, находитъ его уже на спинѣ чудовища, съ ужасомъ самъ всходитъ на спину Геріона; но Виргилій, сидя позади Данта, защищаетъ его отъ ядовитаго хвоста чудовища. Они летятъ чрезъ пропасть, надъ страшнымъ водопадомъ Флегетона. Высадивъ поэтовъ на окраинѣ осьмаго круга, Геріонъ скрывается, съ быстротою стрѣлы.

---

1. «Вотъ лютый змій съ хвостомъ острокопечнымъ,
Дробящій сталь и твердость стѣнъ и скалъ!
Вотъ онъ весь міръ зловоньемъ губитъ вѣчнымъ!»

1: Образъ обмана, названный ниже въ ст. 97 Геріономъ, поднимается изъ глубины осьмаго круга къ седьмому: намекъ на то, что обманъ можетъ возвыситься до насилія, равно и насиліе нисходитъ до обмана (ст. 43 и прим.) Геріонъ въ мифологіи былъ трехглавый великанъ, рожденный Хризаоромъ, возникшимъ изъ крови Медузы. Его сестра Эхидна, въ половину нимфа, въ половину драконъ, по видимому ближе подходитъ къ описанному здѣсь чудовищу. Отъ нея родились между прочимъ Сфинксъ и Лернейская Гидра. Геріонъ былъ трижды убитъ Геркулесомъ за измѣнническое похищеніе его воловъ: вотъ причина, почему Данте избралъ Геріона въ символы обмана и высшаго его проявленія — измѣны. Все изображеніе этого чудовища отличается удивительною пластичностію; вся аллегорія проникнута глубокимъ смысломъ. Лице Геріона — лице справедливаго и кроткаго: обманъ старается нравиться; за то лапы покрыты до самыхъ когтей шерстью, какъ у кошки, такъ, что когти выходятъ изъ подъ шерсти тихо и незамѣтно; тѣло его кончается змѣинымъ хвостомъ, вооруженнымъ ядовитымъ жаломъ скорпіона — намекъ на то, что обманъ вначалѣ привлекаетъ, подъ конецъ губитъ свою жертву; онъ весь испещренъ узлами и кружечками, символами изворотливыхъ путей и хитраго

4. Такъ началъ вождь и знакъ рукою далъ,
Чтобъ грознаго приблизить великана
Ко мраморамъ, гдѣ путь нашъ пролегалъ.

7. И страшный образъ гнуснаго обмана
Главой и грудью къ берегу припикъ,
Но не извлекъ хвоста изъ мглы тумана.

10. Былъ ликъ его людей правдивыхъ ликъ:
Столь кроткими глядѣлъ на насъ глазами!
Но какъ у змѣй былъ хвостъ его великъ.

13. Мохнатыя двѣ лапы подъ плечами,
А грудь, бока и весь хребетъ какъ жаръ
Испещрены узлами и кружками.

16. Цвѣта̀ одеждъ у Турокъ и Татаръ
Съ изнанки и съ лица не столько ярки;
Не такъ сплетенъ Арахны дивный даръ.

19. Какъ иногда лежатъ на взморьѣ барки,
Полу въ водѣ, полу въ пескѣ до ребръ,
И какъ у водъ, на бой готовясь жаркій,

22. Сидитъ, въ странѣ обжоръ нѣмецкихъ, бобръ:
Такъ на краю, обвившемъ степь гранитомъ,
Лежалъ драконъ, съ лица привѣтно-добръ.

укрыватольства, къ коимъ прибѣгаетъ обманъ. Онъ причаливаетъ къ берегу осторожно, только головою и грудью, хвостъ же его скрывается и свободно вьется въ туманѣ, для того, чтобы ничто не препятствовало его губительному дѣйствію. Копишъ. Штрекфуссъ.

6. Къ каменной набережной Флегетона.

18. Арахна—знаменитая ткачиха, осмѣлившаяся состязаться въ искусствѣ съ Палладою; она была превращена въ паука за то, что ткала соблазнительную картину. Ovid. Metam. VI.

19. *На бой г. жаркій*, т. е. приготовляясь ловить рыбу. Піетро ди Данте, сынъ поэта, приводитъ въ своемъ комменторіи старинное повѣрье, будто бы бобръ, желая поймать рыбу, опускаетъ хвостъ въ воду, для того, чтобы маслинистою жидкостію, отдѣляющеюся съ его хвоста, приманить свою жертву. Неосновательность этого повѣрья доказывается между прочимъ тѣмъ, что бобръ во все не питается рыбою.

22. Еще Тацитъ называлъ Германцевъ обжорами и эта обидная слава объ нихъ по видимому долго удержалась въ Италіи, поддерживаясь, можетъ

25. Онъ хвостъ крутилъ въ пространствѣ, мглой покрытомъ,
Какъ скорпіонъ вращая остріемъ,
Вооруженнымъ жаломъ ядовитымъ.

28. «Теперь» сказалъ учитель мой: «сойдемъ
Съ дороги нашей къ лютому дракону,
Простертому на берегу крутомъ.»

31. И мы спустились вправо по наклону
И пять шаговъ по берегу прошли,
Чтобъ отъ огня найдти тамъ оборону.

34. Какъ скоро мы къ дракону подошли,
Вдали узрѣлъ я на пескѣ собранье
Тѣней, сидѣвшихъ на краю земли.

37. Тогда мой вождь: «Чтобъ полное познанье
О кругѣ семъ ты могъ отсель извлечь,
Поди,» сказалъ: «взгляни на ихъ страданье;

40. Но коротка твоя да будетъ рѣчь.
А я склоню *его* первоначально
Дать въ помощь намъ громаду мощныхъ плечь.»

быть, и тѣмъ, что во время частыхъ походовъ германскихъ императоровъ въ Италію Италіанцы, народъ вообще умѣренный въ пищѣ, должны были нерѣдко кормить на свой счетъ Германцевъ. Французы и до сихъ поръ говорятъ: boire comme un Allemand.

23. По внутренней окраинѣ седьмаго круга идетъ каменная набережная какъ продолженіе гранитнаго берега Флегетона. Филалетесъ.

28. Прямые пути не ведутъ къ обману.

35—36. До сихъ поръ Данте находится еще въ третьемъ отдѣлѣ седьмаго круга и теперь видитъ третье стадо насилователей — стадо ростовщиковъ (Ада XIV, 29). Они, какъ мы видѣли, сидятъ, скорчившись, подъ огненнымъ дождемъ. Мѣшки, повѣшенные на ихъ шеяхъ, указываютъ на ихъ алчность къ золоту и даютъ поэту возможность, не упоминая объ именахъ этихъ грѣшниковъ, сказать объ ихъ родѣ описаніемъ гербовъ, изображенныхъ на мѣшкахъ; большая часть грѣшниковъ этого класса принадлежала къ дворянскимъ фамиліямъ, преимущественно Флорентинскимъ, такъ какъ дворянство Флоренціи во времена Данта особенно занималось лихоимствомъ.

40. Грѣхъ этихъ тѣней такъ унизителенъ, что онѣ не заслуживаютъ продолжительной съ ними бесѣды (см. Ада III, 51).

43. Такъ берегомъ я къ точкѣ самой дальной
Седьмаго круга шелъ одинъ, пока
Пришелъ къ толпѣ, сидѣвшей тамъ печально.

46. Изъ ихъ очей сверкала ихъ тоска:
То тамъ, то здѣсь руками тушатъ духи
То пылъ огней, то знойный жаръ песка.

49. Такъ точно псы, въ дни жара и засухи,
То рыломъ чешутъ, то ногой, гдѣ ихъ
Кусаютъ блохи, оводы, иль мухи.

52. Я заглянулъ въ лице тѣней иныхъ,
На коихъ тлѣли клочья огневые;
Но никого не могъ узнать изъ нихъ.

55. За то я зрѣлъ у каждаго на выѣ
Мѣшокъ, имѣвшій разный знакъ и цвѣтъ:
Въ него впивались взоры ихъ нѣмые.

58. И я увидѣлъ, ближе подошедъ,
На желтомъ кошелькѣ предметъ лазурный
И былъ со львомъ по виду схожъ предметъ.

---

43. Они сидятъ у самаго края бездны осьмаго круга: намекъ на то, что насиліе ростовщиковъ близко граничитъ къ обману. Копишъ.

44. Данте можетъ безопасно идти здѣсь одинъ, ибо его лучшая натура уже достаточно защищаетъ его отъ омерзительнаго грѣха этихъ душъ. Копишъ.

49—51. Мысли о божественной любви и истинѣ, ниспадающія на ростовщиковъ въ видѣ отдѣльныхъ клочьевъ пламени (Ада XIV, 29 и примѣч.), для униженной души ихъ столько же безпокойны, какъ для животныхъ отвратительныя насѣкомыя: эта низкая картина еще рѣзче очерчиваетъ ихъ пошлую низость. Копишъ.

54. Имена ихъ такъ же неизвѣстны, такъ же недостойны воспоминанія, какъ и имена людей недѣйствовавшихъ и трусовъ (Ада III, 22 и д.) и скупыхъ (Ада VII, 53 и 54). Только по цвѣту и изображеніямъ опозоренныхъ ими гербовъ можно распознать ихъ. Копишъ.

57. Мѣшки на шеяхъ ростовщиковъ не только символы ихъ позорной страсти, но также и источникъ новой для нихъ муки, ибо воспоминаніе о прошедшемъ богатствѣ, при видѣ этихъ мѣшковъ, становится для нихъ еще мучительнѣе.

58—60. Гербъ флорентинской фамиліи Джіанфильяцци изъ партіи Гвельфовъ.

61. И далѣе я зрѣлъ какъ кровь пурпурный
Мѣшокъ, на коемъ молока бѣлѣй
Написанъ гусь. — И вотъ, со злостью бурной,

64. Одинъ, имѣвшій на сумѣ своей
На бѣломъ полѣ сýпрось голубую,
Вскричалъ: «Чего ты смотришь въ ямѣ сей?

67. Прочь, дерзкій! прочь! Но если ты живую
Имѣешь душу, вѣдай: Витальянъ
Сосѣдомъ мнѣ тутъ сядетъ одесную.

70. Я, Падуанецъ, здѣсь между гражданъ
Флоренціи; тутъ часто дикихъ орды
Кричатъ: Приди, нашъ славный атаманъ,

73. И принеси три клюва—гербъ твой гордый!»
И, скорчивъ ротъ, онъ высунулъ языкъ,
Какъ быкъ, когда онъ лижетъ влагу съ морды.

76. И я, страшась, что слишкомъ въ даль проникъ,
(А вождь велѣлъ не медлить мнѣ въ долинѣ)
Пошелъ отъ злыхъ; они жъ подняли крикъ.

79. Ужъ мудреца нашелъ я на вершинѣ
Чудовища и со спины крутой
Онъ мнѣ кричалъ: «Будь смѣлъ и силенъ нынѣ:

61—63. Гербъ флорентинской фамиліи Убріакки изъ партіи Гибеллиновъ.

64—65. Гербъ падуанской фамиліи Скровиньи. — Одинъ изъ членовъ этой фамиліи построилъ въ Падуѣ капеллу Arena, гдѣ находится картина Джіотто: страшный судъ. Беръ.

68. Виталіано дель Денте, богатый дворянинъ, извѣстный ростовщикъ въ Падуѣ. Всѣ эти грѣшники еще были живы въ 1300.

70—73. Этотъ говорящій—Ринальдо Скровиньи; славный атаманъ (il cavalier sovrano) есть Мессеръ Джіованни Буіамонти де' Биччи изъ Флоренціи, величайшій ростовщикъ своего времени. На гербѣ его были три птичьи клюва (becchi), или, по словамъ Піетро ди Данте, три козла (tres hirzi).

74—75. Жесточайшая иронія. Простой народъ въ Италіи обыкновенно дѣлаетъ эту гримасу, когда хочетъ показать, что сказанное въ похвалу кому нибудь должно разумѣть въ противномъ смыслѣ. Біаджіоли.

82. Здѣсь сходятъ въ глубь по лѣстницѣ такой!
Сядь впереди, а чтобъ хвостомъ онъ раны
Не могъ нанесть, я сяду за тобой.»

85. Какъ тотъ, къ кому близка ужъ знобь квартаны,
Когда уже синѣетъ цвѣтъ ногтей,
Трясется весь, лишь взглянетъ на туманы:

88. Такъ я дрожалъ отъ сказанныхъ рѣчей;
Но какъ герой войска для предпріятья,
Такъ онъ бодрилъ меня на подвигъ сей.

91. Возсѣвъ на плечищахъ, хотѣлъ сказать я:
«О вождь!».... но голосъ, какъ я ожидалъ,
Не вышелъ.... «вождь, прими меня въ объятья!»

94. Но онъ, который столько разъ спасалъ
Меня въ аду, едва я взлѣзъ, руками
Обвилъ меня и, крѣпко сжавъ, сказалъ:

97. «Въ путь, Геріонъ, широкими кругами,
Но медленнѣй спускайся: не забудь,
Что новый грузъ подъемлешь ты плечами!»

100. Какъ отъ земли корабль уходитъ въ путь
Назадъ, назадъ: такъ въ даль онъ отступаетъ;
И, на просторъ вступивъ, туда, гдѣ грудь

---

82. Слич. Ада XXXIV, 82.

85—88. Въ подлин.: Qual' è colui, ch' ha sì presso 'l riprezzo Della quartana. Прекрасное сравненіе, взятое отъ пароксизма лихорадки: чувствуя приближеніе озноба, когда уже посинѣли ногти, больной, желая согрѣться, трясется уже при одномъ взглядѣ на сырой туманъ, причину его болѣзни, и этотъ страхъ ускоряетъ самый приступъ лихорадки. *Квартана* (intermittens quartana) есть четыредневная лихорадка, самая жестокая и убійственная изъ всѣхъ типовъ перемежающейся. Я рѣшился употребить это техническое медицинское названіе.

96. Разумъ (Виргилій) защищаетъ Данта отъ угрожающаго оружія обмана, какъ (Ада IX, 58—60) отъ обоянія духовнаго грѣха.

97. Геріонъ см. выше. — Геріономъ назывался также одинъ испанскій король, прославившійся хитростію и обманами. Беръ.

100—102. Это сравненіе заимствовано отъ корабля, который, будучи обращенъ

103. Его была, вдругъ хвостъ онъ обращаетъ
И бьетъ хвостомъ, какъ угрь, свирѣпый звѣрь
И лапами онъ воздухъ загребаетъ.

106. Нѣтъ! не сильнѣй ты трепеталъ, повѣрь,
О Фаетонъ, когда бразды оставилъ,
Зажегши твердь, какъ видно и теперь;

109. Иль ты, Икаръ, когда огонь расплавилъ
На крыльяхъ воскъ и въ слѣдъ тебѣ отецъ
Кричалъ: О сынъ, ты худо путь направилъ! —

112. Какъ я дрожалъ, когда со мной пѣвецъ
Взлетѣлъ, когда въ воздушномъ океанѣ
Все, кромѣ змія, скрылось наконецъ.

113. Онъ тихо, тихо плылъ, кружась въ туманѣ
И низходя; но я лишь замѣчалъ,
Что вѣтръ въ лице и съ низу дулъ въ буранѣ.

118. Уже, отъ пасъ на право, я внималъ,
Какъ водопадъ шумѣлъ, ревѣлъ подъ нами,
И я, нагнувшись, взоръ на дно вперялъ.

121. И большій страхъ я чуялъ надъ волнами
И, въ трепетѣ, я могъ сидѣть едва,
Услышавъ вопль и огнь увидѣвъ въ ямѣ.

носомъ къ землѣ, не можетъ выйдти изъ гавани иначе, какъ заднею своею частію, т. е. кармою, а потому кажется идущимъ назадъ. Портирелли.

106—107. Въ своемъ Convito Данте приводитъ мнѣніе Пиѳагорейцевъ, полагавшихъ, что млечный путь есть дѣйствіе солнца, которое, уклонявшись когда-то съ своего пути (вѣроятно намекъ на извѣстную басню о Фаетонѣ, Ovid. Metam. II, 200 et s.), сожгло эту часть неба. Впрочемъ, онъ болѣе склоняется въ мнѣнію Аристотеля, объяснявшаго млечный путь скопленіемъ въ этомъ мѣстѣ великаго множества малыхъ и тѣсно скученныхъ звѣздъ. Филалетесъ.

109—111. Дедалъ съ сыномъ Икаромъ улетѣлъ изъ Крита на восковыхъ крыльяхъ; крылья Икара, слишкомъ высоко поднявшагося, растаяли отъ солнца и дерзкій воздухоплаватель упалъ въ море, названное по его имени Икарійскимъ.

117. Вѣтеръ, дующій въ лице, происходитъ отъ круговаго движенія, вѣтеръ съ низу отъ опущенія Геріона.

122. Огонь въ ямѣ (bolgia) симонистовъ (Ада XIX, 25 и д.) и злосовѣтниковъ (Ада XXVI, и д.).

124. Тутъ я узрѣлъ, чего не зрѣлъ сперва,
Какъ змій, кружась, спускался въ омутъ душный
Межъ ярыхъ мукъ отчаяннаго рва.

127. И какъ соколъ, свершивъ полетъ воздушный,
Когда ни птицъ ни чучелъ не нашелъ,
При крикахъ ловчаго: О, непослушный!

130. Вдругъ кольцами спускается на долъ
И отъ ловца вдали одинъ садится,
Измученный полетомъ, дикъ и золъ:

133. Такъ Геріонъ въ глубокій ровъ стремится,
Чтобъ сбросить насъ къ подножію скалы,
И, облегченъ отъ груза, снова мчится,

136. Скрываясь въ мракѣ съ быстротой стрѣлы.

---

128. Чучелы употребляются у сокольниковъ для натаскиванія соколовъ.

133—136. Геріонъ (обманъ) не въ духѣ, потому что не могъ повредить своей добычѣ (Ада XVIII, 19—20 и пр.).

ПѢСНЬ XVIII.

Содержание. Со спины Геріона Данте обозрѣваетъ все пространство преисподней ада, которую описываетъ вообще какъ глубокое жерло съ окраиною, раздѣленною на десять концентрическихъ рвовъ, черезъ которые перекинуты въ видѣ мостовъ огромные утесы. Эти рвы составляютъ осьмой кругъ ада, названный *Злыми-рвами* (Malebolge): здѣсь наказуется обманъ безъ довѣрія.—Сброшенные въ этотъ кругъ Геріономъ поэты идутъ на лѣво и приходятъ къ *первому* рву: тутъ рогатые черти бичуютъ торговавшихъ слабостію женскаго пола (ruffiani) и обольстителей; грѣшники бѣгутъ двумя одинъ другому противоположными строями. Изъ перваго строя, бѣгущаго на встрѣчу поэтамъ, Данте узнаетъ Болонца и Гвельфа Каччіанимико, съ которымъ й разговариваетъ; изъ втораго—миѳическое лице Язона, похитителя золотаго руна и обольстителя Изифилы и Медеи. Поэты идутъ далѣе и достигаютъ *втораго* рва, столь глубокаго и узкаго, что дно его можно разсмотрѣть только съ самой высшей точки моста. Въ немъ погружены въ зловонную жидкость льстецы; они кричатъ, бьютъ себя руками и задыхаются. Изъ нихъ Данте узнаетъ однаго грѣшника, Алессіо Интерминеи изъ Лукки; а Виргилій указываетъ ему на тѣнь прелестницы Таиды, лица изъ Теренціевой комедіи: Эвнухъ.

---

1. Въ аду есть округъ, *Злые-рвы* прозваньемъ:
Весь каменный, желѣза онъ темнѣй
И обнесенъ стѣны такимъ же зданьемъ.

4. Въ срединѣ самой проклятыхъ полей,
Бездонный кладезь зѣвъ разверзъ широкій;
Но разскажу не здѣсь о безднѣ сей.

7. Край пропасти, между стѣной высокой
И кладеземъ, округленъ и прорытъ
Вкругъ десятью долинами глубоко.

1—18. Осьмой кругъ, въ которомъ казнятся обманщики, у Данта названъ *Malebolge*. *Bolgia* (отъ латин. bulga; древ. нѣмецкаго: Bulge, Balg; англ. budget) значитъ собственно ранецъ, мѣшокъ, также монашескій капишонъ, а

10. Какъ идутъ рвы, стѣнамъ надежный щитъ,
Вкругъ крѣпостей, стѣсняясь у средины,
И каковой отъ нихъ пріемлютъ видъ:

13. Подобный видъ имѣютъ тѣ долины,
И какъ лежатъ подъемные мосты
При крѣпостяхъ: такъ отъ подошвъ стремнины

16. Кремнистые протянуты хребты,
Идущіе чрезъ стѣны и провалы,
До кладезя, гдѣ всѣ въ одно слиты. —

въ дальнѣйшемъ значеніи: яма, ровъ. Комментаторы думаютъ, что Данте для того употребилъ это слово, что мѣшокъ, особенно капишонъ, можетъ быть принятъ за символъ укрывательства, скрытности обмана. *Anonimo.* Такъ какъ слово Malebolge въ италіанскомъ пробуждаетъ опредѣленное понятіе, то я счелъ за нужное замѣнить это слово русскимъ, которое по возможности выражало бы подобное понятіе; къ сожалѣнію, я не могъ придумать лучше того, которое употреблено мною.—Какъ обманъ (безъ довѣрія) прибѣгаетъ къ различнымъ ухищреніямъ и изворотамъ, такъ и мѣсто его казни отличается сложностію своего устроенія; впрочемъ, поэтъ описываетъ его съ такою ясностію, что описаніе почти не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Пространство между высокою стѣною, съ которой свергается Флегетонъ, и глубокимъ колодеземъ, на днѣ котораго погруженъ Люциферъ, раздѣленъ на десять концентрическихъ рвовъ (bolgia), которые, идя уступами одинъ ниже другаго и приближаясь къ колодезю, все болѣе и болѣе съуживаются въ діаметрѣ своего круга. Чрезъ всѣ эти рвы перекинуты утесы, образующіе мосты, которые, идя отъ внѣшней стѣны осьмаго круга, приближаются въ видѣ радіусовъ къ глубокому колодезю, гдѣ и оканчиваются на внѣшней его оградѣ. Все это устройство Данте дѣлаетъ читателю очень нагляднымъ, сравнивъ осьмой кругъ со рвами и перекинутыми чрезъ нихъ мостами вокругъ средневѣковыхъ замковъ. Къ этому надобно прибавить, что мосты эти служатъ не только для того, чтобы можно было переходить по нимъ черезъ рвы, но также, какъ замѣчаетъ Ломбарди, для приданія прочности всему зданію, и въ этомъ отношеніи ихъ должно представить себѣ перегородками, поперечно идущими отъ стѣны одного углубленія къ стѣнѣ другаго близлежащаго, такъ впрочемъ, что внизу онѣ имѣютъ отверстіе въ видѣ воротъ для прохожденія грѣшникамъ, подъ мостами находящимся. (Ада XVIII, 73—74). Абекенъ.

5. Колодезь, гдѣ казнится измѣна и гдѣ погруженъ Люциферъ во льдахъ Коцита, достигающій до центра земли и составляющій средоточіе вселенной (Ада I, 127 и примѣч.). О немъ говорится ниже (Ада XXXI, 130 до XXXIV, 79).

19. Тутъ, Геріономъ сброшены на скалы,
Мы очутились; влѣво путь чернѣлъ:
Подвигся вождь, за нимъ и я усталый.

22. Иную скорбь на право я узрѣлъ,
Иныхъ судей, мученія иныя,
Которыми весь первый ровъ кипѣлъ.

25. На днѣ толпились грѣшники нагіе:
Одни отселѣ двигались на насъ,
Оттолѣ съ нами, но быстрѣй, другіе.

28. Такъ Римляне, въ огромный сонмъ столпясь,
Идутъ чрезъ мостъ, въ годъ славный юбилея,
Отъ множества въ два строя раздѣлясь:

31. Съ одной руки, передъ лицемъ имѣя
Валъ крѣпостной, въ Петровъ стремятся храмъ;
Съ другой, текутъ къ горѣ, вдали пестрѣя.

34. Межъ черныхъ скалъ я видѣлъ здѣсь и тамъ
Чертей рогатыхъ съ длинными бичами,
Разившихъ страшно грѣшныхъ по хребтамъ.

---

19. Геріонъ, казавшійся вначалѣ такимъ доброжелательнымъ, теперь, видя, что не можетъ повредить поэтамъ, грубо сбрасываетъ ихъ съ своихъ плечь (Ада XVII, 133—136 и примѣч.)

20. Поэты переходятъ теперь по мостамъ десять отдѣленій осьмаго круга, начиная съ внѣшняго обширнѣйшаго и оканчивая внутреннимъ самымъ меньшимъ. Они идутъ сперва на лѣво, такъ, что осьмой кругъ у нихъ съ правой руки.

28 — 30. Празднованіе юбилея первоначально учреждено Іудеями. Въ подражаніе имъ, Бонифацій VIII былъ первый изъ папъ, учредившій празднованіе юбилея черезъ каждые 100, Клементъ VI черезъ 50 лѣтъ; позднѣйшіе же папы опредѣли срокъ болѣе короткій. Первый юбилей, при Бонифаціи VIII, былъ объявленъ въ 1300 г. съ цѣлію всемірнаго покаянія и примиренія, при чемъ всѣмъ пилигримамъ въ Римъ отпускались ихъ грѣхи. По этому случаю прибыло въ Римъ такое множество богомольцевъ со всей Европы, что Римляне принуждены были раздѣлить мостъ Св. Ангела канатомъ по длинѣ его на двѣ части, такъ, чтобы одни шли по одной, а другіе возвращались по другой сторонѣ.

31—33. Валъ крѣпостной есть крѣпость Св. Ангела; гора вѣроятно Janiculus, или Monte Cavo, или наконецъ Montorio, гдѣ храмъ St. Pietro in Montorio.

35—36. Предъ совѣстію этихъ грѣшниковъ гнѣвъ обманутыхъ ими

37. Ахъ! какъ бѣгутъ въ припрыжку и скочками,
Лишь хлопнетъ бичъ, и нѣтъ здѣсь никого,
Кто бъ ждалъ еще удара за плечами!

40. Пока мы шли, я встрѣтилъ однаго
Знакомаго и молвилъ въ то жъ мгновенье:
«Не въ первый разъ встрѣчаю я его!»

43. Чтобъ разсмотрѣть, въ него вперилъ я зрѣнье;
А сладкій вождь, остановясь со мной,
Назадъ вернуться далъ мнѣ позволенье.

46. Бичуемый, поникнувъ головой,
Надѣялся укрыться; но напрасно!
Я молвилъ: «Ты, такъ взоръ склонившій свой, —

49. Когда твой образъ говоритъ мнѣ ясно, —
Ты Венедико Каччіанимикъ!
За что жъ попалъ ты въ щелокъ столь ужасный?»

52. А онъ: «Отвѣта не далъ бы языкъ;
Но, твоему внявъ звонкому глаголу,
Я вспомнилъ міръ, въ которомъ я возникъ.

супруговъ и родственниковъ возстаетъ въ видѣ рогатыхъ демоновъ, отъ бичей которыхъ души вѣчно бѣгутъ, какъ содомиты отъ пламени (Ада XIV, 24). Копишъ.

49 Данте боится, что въ этомъ кругу все обманчиво.

50. Венедиго или Венетико, изъ фамиліи Каччіанимичъ, принадлежавшей къ партіи Джереміи (такъ въ Болоньѣ называли Гвельфовъ), по словамъ Бенвенуто да Имола, убѣдилъ сестру свою отдаться Маркизу Аццо VIII Эсти, по другимъ отцу его Обидзо II (Ада XII, 111, и примѣч.), для того, чтобы чрезъ эту услугу получить значеніе въ городѣ. Одни оправдывали Гизолу, другіе Венедиго, потому сказано, что молва объ этомъ происшествіи ходила различная. Данту вѣроятно оно хорошо было извѣстно, ибо Гизола вышла замужъ за Никколо дельи Альдигіери изъ Феррары, съ родомъ котораго Данте былъ въ родствѣ по своей прабабкѣ, супругѣ Каччіагвида, отъ котораго и получилъ прозваніе Алигіери. Троіа (Veltro Allegorico, p. 31).

51. Въ подлин.: a sì pungenti salse. *Salsa* (отъ sal, salsus) значитъ разсолъ, щелокъ; но Salse называлось также узкое, дикое ущелье въ 3 миляхъ отъ Болоньи, куда бросали трупы самоубійцъ, злодѣевъ и умершихъ безъ покаянія. Строкки. По другимъ, такъ называлась улица въ Болоньѣ, гдѣ сѣкли преступниковъ.

53. Тѣни говорятъ хрипло (Ада I, 63 et pas.); живые, какъ Данте, звонко.

55. Я убѣдилъ прекрасную Гизолу
Отвѣтствовать Маркизу на любовь,
Предавъ ее злыхъ толковъ произволу.

58. Не я одинъ, Болонецъ, свергнутъ въ ровъ:
Такъ много насъ вмѣщаютъ эти стѣны,
Что не осталось столько языковъ

61. Твердить *sipa* межъ Рено и Савены;
А хочешь въ этомъ быть ты убѣжденъ,
То вспомни, какъ жадны́ мои сочлены.»

64. Такъ говорилъ; но, сзади пораженъ,
Онъ бросился, а вслѣдъ кричалъ нечистый:
«Прочь, извергъ! здѣсь не покупаютъ женъ!»

67. Я поспѣшилъ къ вождю тропой скалистой
И мы пришли съ поспѣшностью туда,
Гдѣ изъ стѣны торчалъ утесъ кремнистый.

70. Тогда, взошедъ на камень безъ труда
И вправо взявъ, мы прочь пошли оттуда,
Покинувъ область вѣчнаго суда.

73. Когда жъ пришли, гдѣ каменная груда
Даетъ внизу бичуемымъ проходъ,
Мой вождь сказалъ: «Дождемся здѣсь, покуда

60—61. Болонья лежитъ между двухъ рѣкъ, бѣгущихъ съ Апеннинскихъ горъ и впадающихъ въ По: Савена и Рено. *Sipa* на болонскомъ нарѣчіи есть утвердительная частица вмѣсто *si* и здѣсь приведена, чтобы выразить услужливость этого рода грѣшниковъ. Смыслъ тотъ: въ этомъ рвѣ гораздо болѣе Болонцевъ, нежели сколько вмѣщаетъ ихъ теперь цѣлый городъ.

62—63. Бенвенуто да Имола, говоря о Болонцахъ, изображаетъ ихъ людьми придворными (curiales, courtois), отъ природы кроткаго характера; онъ говоритъ, что жители Болоньи изъ всѣхъ Италіанцевъ самые гостепріимные и привѣтливые для чужеземцевъ, не столько скупые, сколько расточительные и весьма склонные къ удовольствіямъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что Данте, учившійся въ болонскомъ университетѣ, вѣроятно и самъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Филалетесъ.

72. *Область вѣчнаго суда*, т. е. седьмой кругъ насилователей.

76. Къ намъ обратитъ лице проклятый родъ:
Сихъ грѣшниковъ не могъ ты видѣть лицы,
За тѣмъ что вмѣстѣ съ ними шелъ впередъ.»

79. И съ древнихъ скалъ узрѣлъ я вереницы
На встрѣчу намъ бѣжавшихъ подъ утесъ,
Которыхъ гнали демоновъ станицы.

82. И добрый вождь, предвидя мой вопросъ,
Сказалъ: «Взгляни: вотъ призракъ величавый!
Бичуемый, не льетъ онъ горькихъ слезъ.

85. О, какъ онъ гордъ величьемъ царской славы!
Сей духъ — Язонъ, похитившій руно
Колхидское, вождь смѣлый и лукавый.

88. Пришедъ на островъ Лемносъ, гдѣ давно
Отвагой женъ въ ожесточеньѣ рьяномъ
Убійство всѣхъ мужей ихъ свершено,—

91. Привѣтной рѣчью, красотой и саномъ
Онъ Изифилу въ цвѣтѣ лѣтъ прельстилъ,
Увлекшую подругъ своихъ обманомъ.

94. Тамъ, обольстивъ, ея онъ позабылъ:
За этотъ грѣхъ казнится высшней властью,!
И за Медею рокъ ему отмстилъ.

75—78. До сихъ поръ поэты шли по боковой плотинѣ или стѣнѣ рва, а потому могли видѣть въ лице только одинъ изъ строевъ грѣшниковъ, именно тотъ, который бѣжалъ имъ на встрѣчу; другой же видѣли они только взадъ. Теперь они всходятъ на утесъ, перекинутый въ видѣ моста черезъ ровъ, и отсюда могутъ смотрѣть прямо въ лице обоимъ строямъ, смотря потому, куда направятъ взоръ: на право, или на лѣво.

79. Стоя на мосту, они оборачиваются на право и смотрятъ прямо въ лице обольстителямъ, на встрѣчу которымъ, не безъ значенія, бѣжитъ первый строй грѣшниковъ: между ними таже противоположность, какая между скупыми и расточителями (Ада VII, 25 и д.). Копишъ.

83—96. Язонъ, предводитель Аргонавтовъ, прибылъ на островъ Лемносъ не задолго передъ тѣмъ, какъ тамошнія женщины умертвили въ одну ночь всѣхъ мужщинъ; только Изифила, обманувъ подругъ своихъ, спасла жизнь своему отцу царю Ѳоанту. Аргонавты пробыли два года на Лемносѣ; въ теченіи этого времени Язонъ обольстилъ Изифилу и потомъ, увлекаемый главною цѣлію похода, оставилъ ее. Въ Колхидѣ онъ прельстилъ царскую дочь

97. Съ нимъ идутъ всѣ, прельщающіе страстью!
О первомъ рвѣ довольно ты узналъ
И о толпѣ, пожранной черной пастью.» —

100. Мы были тамъ, гдѣ узкій путь у скалъ
Крестъ на крестъ валъ второй пересѣкаетъ,
Ведя на мостъ черезъ второй провалъ.

103. И въ этомъ рвѣ я слышалъ, какъ стенаетъ
Проклятый родъ и дышетъ тяжело
И самъ себя разитъ и проклинаетъ.

106. Тамъ плѣсенью брега обволокло
Зловонье дна, сгущаемое бездной,
И брань со всѣми чувствами вело.

109. Ровъ такъ глубокъ, что было бъ безполезно
Смотрѣть на дно въ зловонный сей оврагъ,
Не взлѣзши въ верхъ, гдѣ свисъ утесъ желѣзный.

112. Мы на него взобрались и сквозь мракъ
Я разсмотрѣлъ народъ, увязшій въ тинѣ,
Извергнутой, казалось, изъ клоакъ.

115. И одного замѣтилъ я въ пучинѣ
Столь грязнаго, что разсмотрѣть нельзя:
Мірянинъ онъ, или въ духовномъ чинѣ.

Медею и съ ея помощію завладѣлъ руномъ; но вскорѣ измѣнилъ и ей, женившись на дочери Креона.

99. Въ подлин.: e di color, ch'n se assanna. *Assannare*, глаголъ, составленный изъ sanne или zanne, клыки, какъ бы *оклыкать*, живописно рисуетъ форму этого рва, скалы котораго торчатъ какъ клыки адскаго чудовища.

103. Во второмъ рвѣ казнятся льстецы и прелестницы. Какъ призрителенъ въ глазахъ поэта этотъ порокъ, видно изъ той казни, которую онъ присудилъ ему. Штрекфуссъ.

105. Льстецы никому не вредили, но унизили самихъ себя, потому и поднимаютъ на себя руки. Копишъ.

106. Не безъ причины ровъ этотъ необыкновенно глубокъ; глубина его означаетъ страшное паденіе человѣческой натуры въ лицѣ льстецовъ; глубокое значеніе имѣетъ и то, что низость лести можно видѣть только тогда, когда смотримъ на нее прямо съ верху. Копишъ.

118. Онъ мнѣ кричалъ: «Чтò смотришь на меня
Такъ пристально межъ грязными тѣнями!»
А я: «За тѣмъ, что сколько помню, я

121. Тебя видалъ съ сухими волосами:
Интерминеи мнѣ давно знакомъ;
За тѣмъ тебя преслѣдую глазами.»

124. Въ башку ударивъ, онъ сказалъ съ стыдомъ:
«Лесть мерзкая насъ свергла въ ровъ вонючій!
Безъ устали болталъ я языкомъ.»

127. И вождь: «Впери сквозь сумракъ взоръ летучій
И ровъ глубокій обозри вокругъ;
Взгляни: вонъ тамъ, среди безчестной кучи,

130. Растрепанной развратницы злой духъ
Скребетъ ногтями грудь въ трясинѣ скверной,
То вдругъ присядетъ, то привстанетъ вдругъ:

133. Тò тѣнь Таиды, грѣшницы невѣрной,
Чтò на вопросъ: «Довольна ль мной?» въ отвѣтъ
Любовнику сказала: «Ахъ, чрезмѣрно!»

136. И, съ омерзѣньемъ, прочь пошелъ поэтъ.

---

122. Алессіо Интерминеи, изъ фамиліи Каструччіо Кастракани, глава луккскихъ Гибеллиновъ и Бѣлыхъ, изгнанный со всею своею партіею въ 1301 г. Онъ ни слова не могъ сказать безъ лести: omnes unguebat, omnes linguebat, etiam velissimos et mercenarios. Бенвенуто да Имола.

124. Въ подлин.: battendosi la zucca, ударивъ по тыквѣ — намекъ на водяную сладкорѣчивость льстецевъ.

133. Таида, возлюбленная Тразона въ Теренціевой комедіи: Эвнухъ. Разговоръ, здѣсь приведенный, происходилъ собственно не между Таидою и Тразономъ, но между послѣднимъ и Гнатономъ, черезъ котораго Тразонъ послалъ въ подарокъ Таидѣ прекрасную невольницу. «Magnas vero agere gratias Thais mihi?» спрашиваетъ Тразонъ; «inguentes,» отвѣчаетъ Гнатонъ. — Здѣсь поэтъ приводитъ вымышленное лице, такъ же точно, какъ онъ употребляетъ миѳологическія, баснословныя лица и существа, ибо заботится не столько объ исторической ихъ вѣрности, сколько о воплощеніи своихъ глубокихъ идей въ одежду, по возможности близкую къ натурѣ. Каннегиссеръ.

ПѢСНЬ XIX.

Содержаніе. Поэты приближаются къ *третьему* рву, въ которомъ казнится симонія — святокупство, грѣхъ Симона волхва. Каменное дно этого рва пробито множествомъ круглыхъ ямъ, въ которыя уткнуты головою и тѣломъ грѣшники: ноги ихъ торчатъ къ верху и сжигаются пламенемъ. Виргилій на рукахъ несетъ Данта на дно рва и становится съ нимъ подлѣ однаго грѣшника, надъ которымъ пламя горитъ краснѣе: это папа Николай III. Грѣшникъ принимаетъ Данта за папу Бонифація VIII; но, разувѣренный въ ошибкѣ, повѣствуетъ о грѣхѣ своемъ и намекаетъ на другихъ болѣе важныхъ симонистовъ, которые со временемъ займутъ въ аду его мѣсто. Тогда Данте изливаетъ въ сильной рѣчи свое негодованіе на униженіе папскаго достоинства и алчность папъ, отъ чего грѣшникъ въ немощноiї злобѣ сильно потрясаетъ ногами. Виргилій, съ довольнымъ видомъ слушавшій эти слова, опять возноситъ Данта на крутой утесъ и по мосту приближается къ четвертому рву.

---

1. О Симонъ волхвъ, о родъ злосчастныхъ братій!
Господенъ даръ, съ единымъ лишь добромъ
Вступающій въ святый союзъ, какъ тати,

---

1. О Симонѣ волхвѣ сказано, Actus Apostol. VIII, 18—20: «Cum vidisset autem Simon, quia per impositionem manus Apostolorum daretur Spiritus sanctus, obtulit eis pecuniam, dicens: Date et mihi hanc potestatem, ut cuicumque imposuero manus, accipiat Spiritum sanctum. Petrus autem dixit ad eum: Pecunia tua tecum sit in perditionem; quoniam donum Dei existimasti pecunia possideri.» По имени этого Симона, всякое пріобрѣтеніе и раздача должностей духовныхъ за деньги названы симоніею — грѣхъ, наказуемый въ третьемъ рвѣ. Казнь состоитъ въ томъ, что грѣшники погружены головами въ узкія диры такъ, что только ноги ихъ до икръ торчатъ снаружи; подошвы же ногъ горятъ пламенемъ, скользящимъ по нимъ взадъ и впередъ. Для папъ — симонистовъ предназначена особая дира, и грѣшники, въ ней заключенные, наказуются сильнѣе прочихъ; въ этой дирѣ всегда погруженъ только одинъ грѣшникъ, который и остается въ ней до тѣхъ поръ, пока не придетъ на смѣну другой, виновный въ томъ же (см. 76—78): тогда предшественникъ погружается на дно могилы. «Божественный свѣтъ чистаго ученія, теперь, въ пробудившейся совѣсти грѣшниковъ, въ чувственномъ образѣ пламени пробѣгаетъ взадъ и впередъ по подошвамъ ихъ ногъ; тогда какъ сами грѣшники только теперь начинаютъ сознавать, какъ глубоко они пали, прилѣпившись къ земному всемъ существомъ своимъ. Они знаютъ, что ихъ паденіе съ

Вы осквернили златомъ и сребромъ!
Для васъ должна гремѣть труба отнынѣ,
Для васъ, на вѣкъ пожранныхъ третьимъ рвомъ!

Ужъ мы пришли къ ближайшей къ намъ пучинѣ,
Взобравшись тамъ на горные хребты,
Гдѣ, какъ отвѣсъ, падутъ они къ срединѣ.

О высшій разумъ! какъ всесиленъ ты
На небѣ, на землѣ и въ злобномъ мірѣ!
Твой строгій судъ пучина правоты!

Я зрѣлъ, на днѣ и по бокамъ, въ порфирѣ
Багрово-синемъ, бездну круглыхъ ямъ,
Всѣ равной мѣры, не тѣснѣй, не шире

Купелей, ими жъ славенъ дивный храмъ
Сан' Джіованни, гдѣ для грѣшныхъ братій
Крестильницы пробиты по стѣнамъ.

Одну изъ нихъ, спасая жизнь дитяти,
Еще недавно самъ я раздробилъ:
О пусть же каждый вѣритъ сей печати!

каждою минутой все будетъ глубже и глубже: на совѣсти предшественниковъ грѣхъ послѣдователей тяготѣетъ все болѣе и болѣе, ибо одно злоупотребленіе неминуемо влечетъ за собою и другія.» Копишъ.

5. Т. е. труба поэзіи.

10. Не безъ значенія Данте опять упоминаетъ здѣсь о мудрости божественной: о ней упоминаетъ онъ вездѣ, гдѣ въ аду проявляется пламя, символъ божественной любви и истины (Ада VIII, 73 и XIV, 29).

17—18. Въ флорентинской крестильницѣ (Battisterio San' Giovanni), на каменномъ помостѣ возлѣ стѣнъ, были въ прежнія времена пробиты узкія углубленія въ видѣ купелей, снабжавшіяся водою изъ колодцевъ; въ нихъ священники крестили новорожденныхъ. Эти углубленія сверху прикрывались рѣшетками, для того, чтобы защитить священника отъ натиска народа: ибо во Флоренціи въ первыя времена крестили только въ Battisterio San' Giovanni и притомъ два раза въ году: на канунѣ Пасхи и Троицына Дня, а потому стеченіе народа бывало весьма велико. Это обыкновеніе и самыя купели существовали до 1579 г.; впрочемъ въ пизанской крестильницѣ и до сихъ поръ можно видѣть эти каменныя урны крещенія.

19—21. Однажды нѣсколько дѣтей играло въ Battisterio около этихъ купелей; одинъ ребенокъ упалъ въ углубленіе и такъ въ немъ увязъ, что не могъ вылѣзть и едва не утонулъ. На крикъ его сбѣжался народъ; но

22. Изъ каждой ямы грѣшникъ возносилъ
До икръ стопы и голени, скрывая
Все остальное въ глубинѣ могилъ.

25. Подошвы ногъ, подъ пламенемъ пылая,
Такъ яростно рвались у мертвецовъ,
Что не сдержала бъ ихъ и вервь льняная.

28. И какъ струится пламя у краевъ
Горючихъ тѣлъ, упитанныхъ въ элеѣ:
Такъ огнь отъ пятъ стремился до перстовъ.

31. И я: «О вождь, кто это всѣхъ сильнѣе
Терзается? за что̀ онъ осужденъ?
Почто надъ нимъ пылаетъ огнь краснѣе?»

34.—«Когда желаешь,» отвѣчалъ мнѣ онъ:
«Я понесу тебя къ нему по склонамъ;
Самъ скажетъ, кто онъ и за что̀ казненъ?»

37. А я: «Твое желанье мнѣ закономъ;
Мой господинъ, ты видишь мысль во мнѣ,
И я съ тобой готовъ ко всѣмъ припонамъ.»

40. Тогда пришли къ четвертой мы стѣнѣ
И очутились, влѣво въ ровъ сбѣжавши,
На продиравленномъ и узкомъ днѣ.

43. И добрый вождь, меня до бедръ поднявши,
Дотолѣ шелъ, пока достигъ диры,
Гдѣ скрытъ злодѣй, такъ ноги потрясавшій.

никто не зналъ, какъ пособить утопающему, пока наконецъ не явился Данте, бывшій тогда пріоромъ города, и собственными руками не разбилъ топоромъ камень, окружавшій углубленіе. Бенвенуто да Имола. — За этотъ поступокъ человѣколюбія многіе враги Данта обвиняли его въ нечестіи; оправдываясь въ несправедливомъ обвиненіи, Данте въ ст. 21 говоритъ: спасенный да будетъ моею печатію, т. е. да будетъ свидѣтелемъ правоты моего поступка.

35. Внутренняя стѣна этихъ рвовъ всегда ниже, чѣмъ наружная, ибо весь этотъ кругъ идетъ наклономъ къ Коциту.

40—42. Т. е. они переходятъ мостъ и, прійдя къ внутренней стѣнѣ, лежащей между третьимъ и четвертымъ рвами, спускаются на дно третьяго рва.

43. Ровъ этотъ такъ ужасенъ, что Данте можетъ приблизиться къ грѣшникамъ только при помощи разума, на рукахъ Виргилія. Копишъ.

46. «Злосчастый духъ, ты, скрывшій ликъ внутри!
Кто бъ ни былъ ты, уткнутый здѣсь какъ плаха,»
Такъ началъ я: «коль можешь, говори.»

49. Имѣлъ я видъ духовника-монаха,
Къ которому засыпанный злодѣй,
Чтобъ жизнь продлить, взываетъ изъ-подъ праха.

52. Но духъ кричалъ: «Ага! ужъ въ ямѣ сей,
Ужъ въ ямѣ сей стоишь ты, Бонифатій?
Такъ я обманутъ хартіей моей?

49—51. Это сравненіе заимствовано отъ ужасной казни, производившейся во времена Данта надъ убійцами—такъ-наз. *propaginare* (зарывать въ землю какъ виноградную лозу), казни, состоявшей въ томъ, что убійцу заживо зарывали въ землю головою внизъ. Нерѣдко случалось при этомъ, что преступникъ, желая хоть нѣсколько продлить жизнь, уже засыпаемый землею, неоднократно призывалъ духовника подъ предлогомъ открытія новыхъ преступленій.

52. Этотъ говорящій грѣшникъ есть папа Николай III (изъ фамиліи дельи Орсини), папствовавшій отъ 1276—1280 г. О немъ говоритъ Виллани: «Пока онъ былъ простымъ монахомъ и потомъ кардиналомъ, онъ отличался честностію, доброю нравственностію и, какъ говорятъ, былъ дѣвственникъ; сдѣлавшись папою, онъ ревновалъ въ пользу своихъ, сдѣлалъ многое для ихъ возвеличинія и былъ первый изъ папъ, при дворѣ котораго открыто производилась симонія въ пользу папскихъ родственниковъ, отъ чего они обогатились владѣніями, замками и золотомъ» (Libr. VII, cap. 54). Николай былъ расположенъ въ пользу Гибеллиновъ, потому Виллани, какъ Гвельфа, можно подозрѣвать въ пристрастіи. Впрочемъ, намъ достовѣрно извѣстно, что этотъ папа возвелъ въ кардинальское достоинство трехъ своихъ родственниковъ, а племянника Бертольдо Орсини сдѣлалъ графомъ Романьи; вообще его считаютъ первымъ изъ папъ, содѣйствовавшихъ развитію такъ-наз. непотизма. Онъ замѣчателенъ между прочимъ и тѣмъ, что отправилъ своего племянника Кардинала Латино въ Романью и Тоскану для примиренія партій, содѣйствія возврату изгнанниковъ и дарованію отпущенія Гибеллинамъ. Филалетесъ.

53. Грѣшникъ, слыша вопросъ Дантовъ, но не видя вопрошающаго, думаетъ, что уже прибылъ ожидаемый имъ и долженствующій смѣнить его папа Бонифацій VIII, что̀ кажется ему нѣсколько преждевременнымъ, ибо, по его расчисленію, Бонифацій долженъ явиться нѣсколькими годами позже. Подъ именемъ «хартіи» должно разумѣть или письменное предсказаніе, или кабалистическое расчисленіе, въ силу котораго Николай III уже при жизни зналъ годъ смерти Бонифація VIII. Онъ умеръ въ 1303.

55. Ты ль пресыщенъ на лонѣ благодати
Стяжаньемъ благъ, для коихъ смѣлъ нанесть
Женѣ прекрасной срамъ своихъ объятій?»

58. Какъ человѣкъ, чей умъ не могъ прочесть
Словъ сказанныхъ, нѣмѣетъ безъ отвѣта:
Такъ я не могъ ни слова произнесть.

61. Тогда поэтъ: «Скажи ему на это,
Что ты не тотъ, не тотъ, кого онъ ждалъ.»
И я сказалъ ему слова поэта.

64. Тогда ногами духъ затрепеталъ
И рекъ, вздыхая, въ горести жестокой:
«Скажи, чего жъ ты отъ меня желалъ?

67. Но если ты спустился въ ровъ глубокій,
Горя желаньемъ обо мнѣ узнать,
Такъ знай: вѣнчанъ тіарой я высокой.

70. И впрямь была медвѣдица мнѣ мать:
Для медвѣжатъ въ мѣшокъ сгребалъ я злато,
А здѣсь и самъ попалъ въ мѣшокъ какъ тать.

73. Въ провалъ скалы уже не мало взято
Папъ симонистовъ, бывшихъ до меня:
Всѣ подо мной исчезли безъ возврата.

76. И я за ними свергнусь въ пылъ огня,
Лишь придетъ тотъ, за коего ты принятъ,
Когда вопросъ поспѣшный сдѣлалъ я.

79. Однакожъ онъ скорѣй, чѣмъ я, покинетъ
Провалъ, гдѣ я главою водруженъ:
За нимъ придетъ (и насъ собой задвинетъ)

---

57. *Прекрасная жена* есть церковь, которую Николай III обезчестилъ симоніею.

70—72. Николай происходилъ изъ фамиліи Орсини (orsa, медвѣдица).

73—74. Здѣсь должно разумѣть вѣроятно папу Иннокентія IV, заклятаго врага Швабскаго дома, Александра IV, Урбана IV, призвавшаго Карла Анжуйскаго въ Италію, и Климента IV.

70—80. Николай умеръ въ 1280 г., а потому въ 1300, въ годъ замогильнаго странствія Данта, свершилось 20 лѣтъ, какъ онъ водруженъ главою

82. Отъ запада поправшій весь законъ
Верховный жрецъ. Всѣмъ міромъ проклинаемъ,
Сей пастырь будетъ новый Іасонъ

въ ровъ; тогда какъ между смертію Бонифація (1303) и его преемника въ аду Клемента V (1307) протечетъ только 4 года.

81—73. По смерти Бонифація VIII и кратковременнаго папствованія Бенедикта XI (1303—1304), конклавъ раздѣлился на двѣ стороны: французская партія желала избрать Наполеона Орсини, противная ей Маттео Орсини. Наконецъ, послѣ долгихъ преній, избранъ былъ, при содѣйствіи французскаго короля Филиппа Прекраснаго, архіепископъ бордоскій Бертранъ подъ именемъ Клемента V, заключившій предварительно съ королемъ самыя позорныя условія. Между другими условіями, онъ обѣщалъ королю осудить Темпліеровъ и разрѣшилъ ему право конфисковать имущество Евреевъ во Франціи. Папа Клементъ V замѣчателенъ еще тѣмъ, что, вопреки вѣковому обычаю, вѣнчанъ на папство не въ Римѣ, а въ Ліонѣ, а также тѣмъ, что всѣми зависившими отъ него духовными средствами старался доставить престолъ Византійской Имперіи Карлу Валуа, брату Филиппа. Онъ умеръ въ одинъ годъ съ Филиппомъ Прекраснымъ, вскорѣ послѣ того, какъ произнесъ неправедный приговоръ надъ Темпліерами (въ 1307): такимъ образомъ сбылось предсказанное имъ обоимъ на кострѣ Іаковомъ Моле, гроссмейстеромъ ордена. Отъ приговора Дантова не спасло Клемента и то, что онъ былъ хорошо расположенъ къ Гибеллинамъ и содѣйствовалъ вступленію Генриха VII (любимца Дантова) въ Италію. — Для лучшаго обзора, прилагаемъ здѣсь списокъ папъ, о которыхъ упоминается въ поэмѣ Дантовой.

Иннокентій IV 1243—1254
Александръ IV 1254—1261
Урбанъ IV 1261—1265
Клементъ IV 1365—1268
} вѣроятно подъ головою Николая III въ третьемъ рвѣ.

Междуцарствіе въ теченіи 33 мѣсяцевъ.
Григорій X 1272—1276.
Иннокентій V 1276.
Адріанъ V 1276, въ кругу скупыхъ въ чистилищѣ.
Іоаннъ XXI 1276—1277.
Николай III 1277—1280, уткнутъ головою въ третьемъ рвѣ.
Мартинъ IV 1281—1285.
Гонорій VI 1285—1287, въ кругу сластолюбивыхъ въ чистилищѣ.
Николай VI 1288—1292.
Междуцарствіе отъ 1292—1294.
Целестинъ V 1294, въ первомъ кругу ада.
Бонифацій VIII 1294—1303, заступитъ мѣсто Николая III въ 3-мъ рвѣ.
Бенедиктъ XI 1303—1304.
Клементъ V 1305—1307, заступитъ мѣсто Бонифація въ 3-мъ рвѣ.

Филалетесъ.

85. (У Маккавеевъ мы о немъ читаемъ),
И какъ того сирійскій царь ласкалъ,
Такъ королемъ французскимъ онъ ласкаемъ.»

88. Быть можетъ, слишкомъ много я сказалъ,
Ему отвѣтивъ съ укоризной злою:
«Скажи жъ ты мнѣ: какихъ сокровищъ ждалъ

91. Господь, когда вручилъ Своей рукою
Ключи Петру? повѣрь мнѣ, ничего
Онъ не желалъ, какъ лишь: иди за Мною.

94. А Петръ и тѣ, что̀ вмѣсто однаго
Съ душей коварной избрали Матѳея,
Сребра ли, злата ль ждали отъ него?

97. Такъ стой же здѣсь и, вѣчно пламенѣя,
Блюди мѣшокъ съ безчестной мздой своей,
Для коей шелъ на Карла, не робѣя:

100. И если бъ я не уважалъ ключей,
Которыми, пріявъ свой санъ высокій,
Ты въ свѣтлой жизни управлялъ, злодѣй, —

---

84. Іасонъ получилъ архіерейство отъ царя Антіоха Эпифана вмѣсто брата своего Оніи, давъ царю золота и обѣщавъ ввести въ Іудею языческіе обычаи. Кн. II Маккав. гл. IV, 7—10.

93. Св. Еванг. отъ Іоанна XXI, 19.

94. Вмѣсто Іуды Искаріотскаго. Дѣян. Апост. гл. I, 21—26.

98—99. Горькая насмѣшка, ибо въ аду Николай III уже не обладаетъ тѣми сокровищами, которыми такъ гордился на землѣ. Эта гордость заставила его требовать у Карла I, короля сицилійскаго, чтобы онъ выдалъ свою племянницу за его племянника. Получилъ отказъ, папа отнялъ у Карла тосканскій викаріатъ и званіе римскаго сенатора. Сверхъ того, онъ далъ, какъ увѣряютъ, позволеніе Іоанну Прочидѣ сдѣлать возстаніе въ Сициліи противъ Карла, взявъ у Прочиды деньги, которыми снабдилъ его греческій императоръ Палеологъ, желавшій повредить врагу своему Карлу Анжуйскому. Это позволеніе въ послѣдствіи, спустя полтора года по смерти Николая III, было причиною возстанія Сицилійцевъ противъ власти Французовъ, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Сицилійскихъ Вечеренъ.

100—103. Это мѣсто доказываетъ, что Данте глубоко уважалъ папское достоинство и каралъ только опозорившихъ его папъ.

103. Я бъ жесточѣй привелъ тебѣ упреки:
Вашъ алчный духъ всѣмъ въ мірѣ омерзѣлъ,
Топча добро и восновя пороки........

106. ....
....
....

109. ....
....
....

112. ....
....
....

115. ....
....
....»—

118. Пока ему я это напѣвалъ,
Не знаю, гнѣвомъ, совѣстью ль терзался,
Ногами сильно грѣшникъ потрясалъ.

121. За то мой вождь, казалось, утѣшался:
Съ такой улыбкой слушалъ онъ слова,
Въ которыхъ гнѣвъ правдивый выражался.

124. Тутъ, сжавъ меня въ объятьяхъ, мой глава
Сталъ восходить опять путемъ покатымъ,
По коему спустился онъ сперва.

127. Безъ устали, со мной, къ груди прижатымъ,
Онъ шелъ, пока на мостъ меня не взнесъ,
Которымъ связанъ ровъ четвертый съ пятымъ.

130. Здѣсь тихо, тихо на крутой утесъ
Спустилъ свое онъ бремя у стремнины,
Гдѣ былъ бы путь не легокъ и для козъ.

133. Тамъ мнѣ окрылось дно другой долины.

ПѢСНЬ XX.

Содержаніе. На днѣ *четвертаго* рва Данте видитъ души прорицателей и чародѣевъ: они повернуты лицами назадъ, борода у нихъ упадаетъ на плечи, слезы текутъ по спинѣ; впередъ они уже не видятъ и должны пятиться задомъ. При видѣ искаженія человѣческаго образа, Данте плачетъ; но Виргилій укоряетъ его за скорбь передъ судомъ Божіимъ. Онъ указываетъ ему на тѣнь Амфіарая, поглощеннаго землею передъ Ѳивами; на Терезія, волхва ѳивскаго; Аронте, этрурскаго птицегадателя; далѣе на тѣнь Манто, дочери Терезія, при имени которой подробно говоритъ о происхожденіи роднаго своего города Мантуи; наконецъ, указавъ еще на тѣнь Эврипилла, Михаила Скотта, Гвидо Боватти, Асденте и другихъ, Виргилій побуждаетъ Данте спѣшить, ибо мѣсяцъ уже закатился. Поэты идутъ далѣе.

---

1. Вновь должно пѣть о скорбяхъ неутѣшныхъ
И тѣмъ предметъ двадцатой пѣснѣ дать
Канзоны первой—о погибшихъ грѣшныхъ.

4. Уже вполнѣ готовъ я былъ взирать
Въ открытый ровъ, гдѣ грѣшники, въ кручинѣ,
Должны слезами путь свой орошать.

7. И видѣлъ я, какъ въ круглой той долинѣ
Они въ слезахъ свершаютъ молча путь,
Какъ на землѣ творятъ литіи нынѣ.

10. Склонивъ лице, чтобъ глубже въ ровъ взглянуть,
Я въ страхѣ зрѣлъ, что шеи злой станицы
Отъ подбородка свернуты по грудь.

---

3. Первою канзонею Данте называетъ первую часть своей поэмы—Адъ.

13. У всѣхъ къ плечамъ поворотились лицы,
Такъ, что, впередъ смотрѣть утративъ даръ,
Всѣ пятились назадъ по дну темницы.

16 Не думаю, чтобъ мозговой ударъ
Могъ причинить такія искаженья,
Какимъ подверглись тѣ вѣдомцы чаръ.

19. Коль Богъ тебѣ, читатель, далъ изъ чтенья
Извлечь твой плодъ, то самъ вообрази,
Безъ слезъ я могъ ли видѣть ихъ мученья,

22. Когда увидѣлъ образъ нашъ вблизи
Столь извращеннымъ, что слеза, рѣкою
Струясь межъ плечъ, кропила ихъ стези?

25. О! вѣрь, я плакалъ, прислонясь рукою
Къ одной изъ скалъ; тогда мнѣ мой глава:
«Уже ль и ты безумствуешь съ толпою?

28. Лишь мертвая любовь въ аду жива!
Преступникъ тотъ, кто скорбью неразумной
Зоветъ на судъ законы Божества!

14—15. Нѣкоторые комментаторы находили эту казнь слишкомъ низкою въ художественномъ отношеніи; но не говоря уже о пластичной вѣрности, съ которою она представлена, какой глубокій смыслъ она въ себѣ заключаетъ? Смыслъ этотъ слѣдующій: если хочешь проникнуть въ будущее, смотри на прошедшее. Прошедшее научаетъ народы изъ исторіи, отдѣльныя личности изъ ихъ личной опытности. Только этимъ путемъ Богъ позволилъ человѣку (сколько вообще могутъ проникнуть во мракъ временъ его недальнозоркія очи) съ нѣкоторою вѣроятностію прозрѣвать въ будущее. Стремленіе же проникнуть въ будущее всякимъ другимъ путемъ есть стремленіе неестественное. Тѣ, которые увлечены такимъ стремленіемъ, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, идутъ назадъ и не видятъ того, что̀ при естественномъ своемъ направленіи они могли бы видѣть подъ ногами. Штрекфуссъ.

16. Въ подлин.: parlasia (старинная флорент. форма отъ *παραλύσις*), параличъ, слѣдствіе удара.

28. Въ подлин.: Qui vive la pietà, quand'è ben morta — игра словъ, которую невозможно передать на русскій языкъ. *Pietà* (лат. pietas, греческ. *εὐσέβεια*) объемлетъ собою понятіе благоговѣйнаго страха ко всему божественному, или находящемуся подъ непосредственнымъ покровомъ Божества, начиная отъ страха Господня до благоговѣйнаго почитанія родителей, какъ

31. Взгляни же вверхъ, взгляни: вотъ тотъ безумный,
Что свергнутъ въ адъ въ виду Өивянцевъ всѣхъ,
При крикахъ ихъ: «Куда изъ битвы шумной,

34. Амфіарай? куда стремишься въ бѣгъ?»
А онъ межъ тѣмъ все падалъ въ адъ, доколѣ
Былъ схваченъ тѣмъ, что судитъ каждый грѣхъ.

37. Смотри: изъ плечъ онъ сдѣлалъ грудь въ неволѣ!
За то, что въ даль пытливый взоръ стремилъ,
Идетъ назадъ, впередъ не видя болѣ.

40. Вотъ и Терезій, тотъ, что измѣнилъ
Свой видъ и полъ, которымъ для замѣны
Онъ въ женщину себя преобразилъ;

43. Но вслѣдъ за тѣмъ, для новой перемѣны,
Жезломъ ударивъ свившихся двухъ змѣй,
Вновь получилъ всѣ мужескіе члены.

46. Спиной къ нему—этрурскій чародѣй!
Средь Лунскихъ горъ, гдѣ рудокопъ Каррары,
Жилецъ скалы, ломаетъ камень въ ней,

представителей Божества, а также почитанія несчастія ближнихъ—сострадания. Въ французскомъ языкѣ отсюда возникло «piété», благочестіе, и «pitié», сострадание; у Италіанцевъ и то и другое выражается однимъ словомъ. Согласно съ этимъ, смыслъ этого стиха будетъ слѣдующій: здѣсь въ аду высшее благочестіе (piété) и любовь къ Богу умерщвляются, если мы предаемся благоговѣнію (любви) низшему, т. е. состраданію (pitié). Придерживаясь этого объясненія, предложеннаго Филалетесомъ, я употребилъ здѣсь слово «любовь» въ вышеприведенномъ значеніи.

34. Амфіарай, сынъ Оикла и Ипермнестры, прорицатель, одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Өивы. Зная часъ своей кончины, онъ вначалѣ не хотѣлъ участвовать въ этой осадѣ; но потомъ, убѣжденный своею женою Эрифилою, подкупленною Аргіей, женою Этеокла, рѣшился выйдти въ сраженіе и, во время боя, былъ поглощенъ разступившеюся землею.

36. Т. е. къ Миносу.

40. Терезій, өивскій волхвъ, ударивъ волшебнымъ жезломъ двухъ вмѣстѣ свившихся змѣй, превратился въ женщину; но потомъ, по прошествіи семи лѣтъ, найдя тѣхъ же змѣй, превратился тѣмъ же способомъ въ мужчину. Ovid. Metam. III.

47. Аронтъ (Арунсъ), этрурскій гадатель, по словамъ Лукана, предсказалъ Римлянамъ гражданскую войну и побѣду Цезаря. Луканъ говоритъ, что

49. Жилъ въ мраморной пещерѣ грѣшникъ старый;
Оттоль онъ зрѣлъ лазурный звѣздъ чертогъ
И зыбь морей, свершая злыя чары.

52. А эта тѣнь, которая до ногъ
Спустила косъ всклокоченную груду,
Въ ней скрывши грудь, чтобъ видѣть ты не могъ,—

55. Тѣнь вѣщей Манто, что̀, прошедъ повсюду,
Тамъ поселилась, гдѣ родился я.
Внимай: о ней повѣствовать я буду.

58. Когда покинулъ жизнь отецъ ея
И вакховъ градъ стоналъ подъ мощной дланью,
Она всѣ въ мірѣ обошла края.

61. Есть озеро надъ италійской гранью,
У самыхъ Альпъ, связующихъ Тироль
Съ Германіей, Бенако по прозванью.

64. И тысяча и больше волнъ оттоль,
Межъ Гарда и Комоники, чрезъ склоны
Пеннинскихъ горъ, сливаются въ юдоль.

онъ обиталъ *deserta moenia* Lucae, или, какъ другіе читаютъ, Lunae. Послѣдній способъ чтенія былъ, по видимому, извѣстенъ Данту: онъ подъ именемъ Luna разумѣлъ прежній городъ Luni, около устья Магры, по имени котораго вся эта страна названа Луниджіаною. Здѣсь поднимаются величественныя горы, гдѣ ломаютъ каррарскій мраморъ.

55. Манто, дочь Терезія, отъ коего научилась искусству гаданія. По смерти отца, она покинула родной свой городъ Өивы, спасаясь отъ тиранства Креона, завладѣвшаго Өивами по смерти Этеокла и Полиника, долго блуждала по землѣ и наконецъ поселилась въ Италіи, гдѣ отъ рѣчнаго бога Тиберина родила Окна, основателя Мантуи. Алипрандъ, въ своемъ Chronicon Mantuanum, называетъ ее основательницею Мантуи.

56. Виргилій родился собственно не въ Мантуѣ, но недалеко отъ нея въ мѣстечкѣ Андесъ (Ада I, 68 и прим.); не смотря на это, онъ всегда считался Мантуанцемъ. Всѣ эти подробности объ основаніи Мантуи Данте приводитъ для того собственно, чтобы воздать честь любимому своему поэту.

59. Өивы, родина Вакха.

63. Нынѣшнее Гардское озеро Римляне называли Benacus.

66. Пеннинскія горы — Alpes Poenae древнихъ.

67. Тутъ мѣсто есть, гдѣ могутъ безъ препоны
Три пастыря подать другъ другу крестъ —
Изъ Брешіи, отъ Трента и Вероны.

70. Хранитъ Пескьера, крѣпость этихъ мѣстъ,
Межъ Брешьи и Бергамо, доступъ въ горы,
Тамъ, гдѣ страна покатѣе окрестъ.

73. Сюда бѣжитъ избытокъ водъ, который
Въ себѣ вмѣстить Бенако не могло,
И какъ потокъ, стремительный и скорый,

76. Шумитъ вдоль паствъ, и, лишь вступивъ въ русло,
Ужъ Минчіемъ зовется, мчась въ раздольѣ
До стѣнъ Говерно, гдѣ впадаетъ въ По.

79. Но вскорѣ, встрѣтивъ на пути подолье,
Болотомъ топкимъ ширится волна,
Тлетворный смрадъ рождая въ водополье.

82. Сюда проникнувъ, страшная жена
Среди болотъ край видитъ запустѣлый
И, дикостью страны привлечена,

85. Съ толпою слугъ, для чаръ науки смѣлой,
Въ ней остается, бросивъ смертный родъ,
И, кончивъ жизнь, здѣсь покидаетъ тѣло.

88. Когда жъ окрестъ разсѣянный народъ
Пришелъ за нею въ дикій край, объятый
Со всѣхъ сторонъ трясинами болотъ,

91. Онъ градъ построилъ на костяхъ проклятой,
И, безъ другихъ гаданій, въ память ей,
Далъ имя Мантуи странѣ богатой.

94. Градъ множество вмѣщалъ въ себѣ людей,
Пока еще безумцу въ обольщенье
Не сплелъ коварный Пинамонтъ сѣтей.

67—69. Это мѣсто называется Prato della Fame, въ 3 миляхъ отъ Гарньяно, гдѣ сходятся рубежи трехъ епархій. Леандро Альберти пишетъ: здѣсь могли бы три епископа, каждый стоя въ своемъ владѣніи, подать другъ другу руку.

70. Пескьера—горное укрѣпленіе.

78. Говерно, крѣпость; нынѣ Говерноло.

94—96. Когда графы Казалоди сдѣлались властителями Мантуи; тогда

97. Такъ говорю, чтобъ самъ ты въ заблужденье
Не впалъ, когда родной моей странѣ
Начнутъ давать не то происхожденье.»

100. А я: «Мой вождь, я убѣжденъ вполнѣ
Въ твои слова и рѣчь другихъ предъ ними
Покажется погасшимъ углемъ мнѣ.

103. Скажи жъ мнѣ: кто достоинъ между сими
Идущими мой взоръ къ себѣ привлечь?
Лишь къ нимъ стремлюсь я мыслями своими.»

106. А онъ мнѣ: «Тотъ съ брадой до смуглыхъ плечъ,—
Въ тѣ дни, когда Эллады край богатый
Такъ оскудѣлъ людьми для грозныхъ сѣчь,

109. Что колыбели не были лишь взяты,—
Былъ волхвъ и далъ съ Колхасомъ злой совѣтъ
Перерубить въ Авлидѣ всѣ канаты.

112. Онъ, Эврипилъ по имени, воспѣтъ
Въ стихахъ моей трагедіи высокой,
Въ которую вникалъ ты столько лѣтъ.

Пинамонте де Буонакосси, одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей города, видя, какъ народъ ненавидитъ вельможъ, уговорилъ простоватаго графа Альберто Казалоди, управлявшаго тогда городомъ, удалить на время нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ Мантуи, увѣривъ его, что это единственный способъ снискать навсегда благосклонность народа и упрочить свою власть. Какъ скоро легкомысленный графъ на это согласился, хитрый Пинамонте, удалившій такимъ образомъ своихъ противниковъ, захватилъ, при содѣйствіи народа, верховную власть, изгналъ Казалоди и, чтобы вполнѣ упрочить власть свою, умертвилъ остальныхъ вельможъ и сжегъ ихъ домы. Спасшіеся никогда уже не возвращались, вслѣдствіе чего городъ значительно опустѣлъ.

97—99. Отсюда видно, что во времена Дантовы существовали различныя мнѣнія о происхожденіи Мантуи. Данте слѣдуетъ Виргилію, который, Aen. X, 198—201, разсказываетъ это же преданіе.

113. Въ своемъ посланіи къ Кану Великому, которому посвященъ Рай, Данте говоритъ: «Комедія отличается отъ трагедіи по содержанію (in materia) тѣмъ, что трагедія вначалѣ пріятна и спокойна (admirabilis et quieta), подъ конецъ же или въ развязкѣ своей ужасна (foetida et horibilis). Точно такъ и въ способѣ выраженія (in modo loquendi), различаются онѣ между собою тѣмъ, что трагедія высока и торжественна (elate et sublime); коме-

115. А этотъ съ нимъ, калѣка кривобокій—
Михаилъ Скоттъ, который, точно, былъ
Во лжи волшебныхъ игръ знатокъ глубокій.

118. Съ Бонатти здѣсь Асдентъ себя сгубилъ:
Онъ кается теперь, хотя ужъ поздно,
За чѣмъ онъ съ кожей дратву разлюбилъ.

121. Здѣсь множество волшебницъ плачетъ слёзно:
Забывъ иглу, веретено и челнъ,
Онѣ на зельяхъ волхвовали грозно.

дія же низка и смиренна (remisse et humiliter), при чемъ языкъ ея простой (vulgare), какимъ говорятъ и женщины (in qua et mulierculae communicant)». Вотъ причина, почему Данте называетъ Энеиду трагедіей, а свою поэму, писанную простымъ (италіанскимъ въ отличіе отъ латинскаго) языкомъ— комедіей.

115—117. Михаилъ Скоттъ, изъ Balweary, въ Шотландіи, врачъ и астрологъ императора Фридерика II, жилъ въ срединѣ XIII столѣтія и считался ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Онъ написалъ комментарій на Аристотеля; писалъ также о философіи, астрологіи, алхиміи, физіогномикѣ и хиромантіи. Еще до сихъ поръ существуетъ объ этомъ чародѣѣ множество преданій въ простомъ народѣ въ южной Шотландіи, гдѣ каждое сколько-нибудь значительное построеніе древности приписывается *старому* Михаилу, Уилльяму Уеллесу, или черту. Согласно съ преданіемъ, онъ погребенъ въ знаменитомъ мельрозскомъ аббатствѣ, а его сочиненія, по тѣмъ же преданіямъ, хранятся частію въ этомъ древнемъ монастырѣ, частію въ его могилѣ (см. Walter Scott's Lay of the last minstrel, Canto II и прим.). Данте, по видимому, раздѣляетъ мнѣніе своихъ современниковъ о Михаилѣ Скоттѣ, назвавъ его глубокимъ знатокомъ магіи.

118. Гвидо Бонатти, изъ Форли, астрологъ графа Гвидо де Монтефельтро, написавшій одно сочиненіе о своей наукѣ.

Асденте, сапожникъ изъ Пармы, прославившійся своими предсказаніями также во времена Фридерика II. Его приводитъ Данте въ своемъ Convito какъ примѣръ того, что извѣстность и истинное благородство не всегда совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ.

124. Простой народъ въ Италіи думалъ, что темныя пятна на лунѣ представляютъ Каина съ связкою терній на спинѣ — вѣроятно намекъ на жертву, принесенную Каиномъ Богу отъ плодовъ земли и отвергнутую Богомъ. Это повѣріе о темныхъ пятнахъ на лунѣ опровергнуто Дантомъ какъ сказка (Рая II, 36).—Захожденіе мѣсяца, который за день передъ тѣмъ былъ полнъ, означаетъ утро, именно утро втораго дня замогильнаго стран-

124. Но въ путь! ужъ грани эмисферъ и волнъ
Коснулся съ терномъ Каинъ за Сивиллой.
Еще вчера, въ ночи, былъ мѣсяцъ полнъ;

127. Ты не забылъ, что онъ сквозь лѣсъ унылый
Тебѣ не разъ свѣтилъ въ ночномъ пути
И прогонялъ изъ сердца страхъ постылый.»

130. Такъ говоря, онъ продолжалъ идти.

ствія. Обѣ эмисферы означаютъ восточное и западное полушарія, коимъ границею служитъ Атлантическое море позади Испаніи (городъ Сивилья (у Данта Sibilia) принимается здѣсь вмѣсто всей Испаніи). По вычисленію астрономовъ, если за начало замогильнаго странствія принять 9 Апрѣля, выходитъ, что теперь половина восьмаго часа утра; а если 6 Апрѣля, то около 9 часовъ; если же принять 25 Марта за первый день Дантова странствія, то нельзя получить никакихъ вѣрныхъ результатовъ. См. у Филалетеса. Die Hölle, p. 151.

127—129. Мерцаніе мѣсяца, слабый свѣтъ человѣческой мудрости, служило Данту путеводнымъ свѣтомъ, при помощи котораго онъ достигъ черезъ темный лѣсъ человѣческихъ заблужденій къ подошвамъ холма, къ началу спасенія. (Ада I, 14 и примѣч.).

ПѢСНЬ XXI.

Содержаніе. Путники всходятъ на слѣдующій мостъ и съ его вершины глядятъ въ весьма темный *пятый* ровъ. Свѣтскіе симонисты, люди, торговавшіе гражданскими мѣстами, и взяточники погружены здѣсь въ кипящее смоляное озеро, по берегамъ котораго взадъ и впередъ бѣгаютъ демоны, вооруженные крючьями. Пока поэты смотрятъ въ ровъ, дьяволъ приноситъ на плечахъ сенатора изъ Лукки, кидаетъ его въ смолу и бѣжитъ за другими подобными. Черти, скрытые подъ мостомъ, подхватываютъ грѣшника крючьями и погружаютъ его въ кипятокъ. Виргилій изъ предосторожности приказываетъ Данту спрятаться за скалою, а самъ переходитъ мостъ. Дьяволы кидаются на него съ яростію; но Виргилій, укротивъ ихъ, вызываетъ одного изъ ихъ толпы для переговоровъ. Бѣсъ Злой-Хвостъ выходитъ съ дерзостію; но, узнавъ о причинѣ замогильнаго странствія поэтовъ, въ ужасѣ роняетъ багоръ изъ рукъ. Тогда, по приказанію Виргилія, Данте выходитъ изъ своего убѣжища; демоны на него кидаются и одинъ изъ нихъ хочетъ разорвать его; но Злой-Хвостъ ихъ удерживаетъ. Съ притворною привѣтливостію онъ назначаетъ поэтамъ провожатыхъ, ложно объявивъ, что мостъ разрушенъ только въ этомъ рвѣ, но что въ слѣдующемъ онъ невредимъ. Десять избранныхъ въ провожатые демоновъ, подъ предводительствомъ Курчавой-Бороды, дѣлаютъ гримасу Злому-Хвосту.

---

1. Такъ съ мóста нá мостъ шли мы, разсуждая
О томъ, чего въ комедіи своей
Не передамъ, и, съ высоты взирая,

---

1. Въ *пятомъ* рвѣ казнятся свѣтскіе симонисты, люди, противозаконно торговавшіе мѣстами, раздававшіе за деньги гражданскія должности и всякаго рода взяточники (Barattieri). Они погружены въ озеро кипящей смолы, изъ котораго отъ времени до времени выплываютъ, желая прохладиться. Но демоны, бѣгающіе по берегамъ и вооруженные крючьями, хватаютъ выплывающихъ, сдираютъ съ нихъ кожу и опять кидаютъ въ озеро. — «Какъ передъ совѣстію убійцъ кровь насильственно ими убіенныхъ выступаетъ кровавою рѣкою (Ада XII, 17—48 и прим.); такъ сознаніе черныхъ, во мракѣ совершенныхъ дѣлъ опутываетъ души этихъ грѣшниковъ липкою, черною, смоляною массою. Захотятъ ли онѣ выплыть изъ среды, въ которую погрузли, ихъ грѣхи, ихъ гнусное крючкотворство, воплощенное въ толпу отвратительно - страшныхъ демоновъ, являются передъ ихъ очами, какъ Кентавры передъ очами насилователей ближнихъ (Ада XII, 56 и прим.),

4. Другую щель увидѣли подъ ней
И тщетный плачь услышали въ провалѣ
Въ глубокой мглѣ, ужасной для очей.

7. Какъ варъ кипитъ зимою въ арсеналѣ
Въ Венеціи, для смазки тѣхъ судовъ,
Чтò, обветшавъ, ужъ плыть не могутъ далѣ:

10. Кто конопатитъ тамъ корабль съ боковъ,
Терпѣвшихъ долго бурныхъ волнъ напасти;
Кто новый челнъ готовитъ изъ дубовъ;

13. Кто парусъ шьетъ, разорванный на части;
Кто у руля, кто рубитъ подъ кормой;
Кто тешетъ весла, кто свиваетъ снасти:

16. Такъ, не огнемъ, но силой пресвятой
Растоплена, смола тамъ клокотала,
Отвсюду берегъ облѣпивъ корой.

19. Я въ ровъ смотрѣлъ; но мгла въ немъ все скрывала:
Лишь хлябь, вздымая въ слѣдъ за валомъ валъ,
То дулася, то ямой осѣдала.

22. Пока я пристально глядѣлъ въ провалъ, —
Мой вождь, вскричавъ: «Смотри! смотри!» нежданно
Увлекъ меня оттоль, гдѣ я стоялъ.

и тѣмъ съ большею яростію и тѣмъ глубже погружаютъ ихъ въ сознаніе своей грѣховности.» Во времена народныхъ несогласій классъ гражданскихъ чиновниковъ обыкновенно отличается продажностію; а какъ продаженъ онъ былъ во времена Дантовы, видно изъ того, что поэтъ посвящаетъ двѣ цѣлыя пѣсни этимъ грѣшникамъ. Копишъ. Штрекфуссъ.

16. Не безъ значенія смола въ пятомъ рвѣ растоплена не огнемъ, а силою божественной (per divina arte). Мы уже неоднократно говорили, что огонь у Данта есть символъ божественнаго ученія, свѣта вѣчной любви и истины. «Грѣшники, здѣсь наказуемые, до того погрузли въ черной грязи своей грѣховности, что никогда уже не могутъ видѣть божественное: въ нечистой средѣ своей, въ кипящемъ смоляномъ озерѣ, они чувствуютъ одну только силу огня, но проявленія его въ свѣтѣ уже не видятъ. Огонь любви и истины уже для содомитовъ свѣтилъ очень слабо.» (Ада XV, 19 и примѣч.) Копишъ.

25. Я побѣжалъ, какъ тотъ, кто видитъ странный
Предметъ и глазъ съ него не сводитъ прочь;
Но, ужасомъ внезапнымъ обуянный,

28. Бѣжитъ, не въ силахъ страха превозмочь.
И видѣлъ я, какъ черный бѣсъ за нами,
Вдоль по утесу, мчался во всю мочь.

31. О, какъ ужасно онъ сверкалъ очами!
Съ какою злобой онъ бѣжалъ, стуча
Копытами и хлопая крылами!

34. Взваливъ себѣ на острыя плеча
И возлѣ пятъ когтьми вцѣпившись въ кости,
Онъ за ноги мчалъ грѣшника, крича:

37. «Вотъ анціанъ Святыя Зиты! въ гости
Къ вамъ, Злыя-Лапы, онъ пришелъ сюда!
Въ смолу его! а я *для* вашей злости

40. Примчу другихъ: тамъ много ихъ всегда!
Тамъ каждый взяточникъ, кромѣ Бонтуры!
Изъ *нѣтъ* за деньги тамъ выходитъ *да!*»

---

37. *Зита*, родомъ изъ Монте Саграто около Лукки, находясь въ должности служанки въ этомъ городѣ у нѣкоего Фатинелли, отличалась своею благотворительностію и благочестіемъ и, по смерти, причтена папою Николаемъ III къ лику святыхъ.—*Анціанъ* (сенаторъ, старшина) *св. Зиты* означаетъ стало быть старшину изъ Лукки. Древніе комментаторы (Франческо де Бути) называютъ этого непоименованнаго грѣшника Мартино Боттаіо.

38. *Злыя-Лапы* (Malebranche): такъ названа адская стража этого рва въ намекъ на алчность здѣсь казнящихся грѣшниковъ; кажется, на каждомъ изъ мостовъ этого круга приставлена подобная стража.

39—40. Отсюда видно, что Злымъ-Лапамъ дозволено выходить на свѣтъ и приносить оттуда грѣшниковъ. Слич. Ада XXVII, 113.

41. Очевидная иронія: Бонтуро Бонтури, изъ фамиліи Дати, былъ именно одинъ изъ самыхъ продажныхъ (archibarraterius, какъ говоритъ Бенвенуто да Имола) жителей города Лукки и отворилъ Пизанцамъ за деньги Пизанскіе ворота (di Porta di Pisa) 18 Ноябр. 1313 г. Подробнѣе о немъ см. у Филалетеса. Die Hölle, p. 157.

43. Швырнувъ его, умчался бѣсъ понурый,
И никогда съ такою быстротой
За воромъ песъ не гнался изъ конуры.

46. Тотъ въ глубь нырнулъ и всплылъ облитъ смолой;
А демоны изъ-подъ скалы висячей
Вскричали: «Здѣсь иконы нѣтъ святой!

49. Не Серккьо здѣсь: тутъ плаваютъ иначе!
Когда не хочешь нашихъ крючьевъ злыхъ,
Такъ не всплывай поверхъ смолы горячей!»

52. И сто багровъ въ него всадили вмигъ,
Вскричавъ: «Пляши, гдѣ варъ сильнѣй вскипаетъ,
И, если можешь, надувай другихъ!»

55. Такъ поваренковъ поваръ заставляетъ
Крючками мясо погружать въ котлѣ,
Когда оно поверхъ воды всплываетъ.

58. Тутъ добрый вождь сказалъ: «Пока во мглѣ
Они тебя еще не увидали,
Пойди, прижмись къ той рухнувшей скалѣ.

---

42. Изъ всего этого видно, что жители Лукки особенно отличались своею продажностію. Annales Lucensis urbis, Vol. I. p. 320, говорятъ, что уже въ 1225 г. многіе луккскіе дворяне продали за деньги непріятелямъ замки, коими повелѣвали, и за то были отрѣшены отъ своихъ должностей.

48. *Святая икона* (il Santo Volto), собственно древняя статуя Христа, отличной, кажется византійской работы. Она стоитъ въ особенной небольшой капеллѣ посреди собора въ Луккѣ. О прибытіи этой статуи изъ Іерусалима въ Лукку существуетъ преудивительная легенда, которую разсказываетъ Бенвенуто да Имола, прибавляя: Tu de hoc crede quod vis, quia non est de articulis fidei. Этотъ образъ и понынѣ находится въ большомъ уваженіи у Луккійцевъ. Діаволы, видя грѣшника, выплывшаго изъ смолы скорчившимся и принявшимъ фигуру человѣка молящагося, съ жестокою насмѣшкою намекаютъ, что здѣсь уже не поможетъ ему никакое упованіе въ чудотворный ликъ его города. Филалетесъ.

49. Серкkіо, рѣка, протекающая недалеко отъ Лукки.

54. Въ подлин.: Si che, se puoi, nascosamente accaffi — намекъ на обыкновеніе этихъ грѣшниковъ ловить въ мутной водѣ.

60. Съ грѣшниками этого рода необходима осторожность. Копишъ.

61. И чѣмъ бы мнѣ они не угрожали,
Не бойся: съ ними я давно знакомъ;
Они и прежде въ споръ со мной вступали.»

64. И черезъ мостъ онъ перешелъ потомъ;
Когда жъ достигнулъ до шестаго брега,
Онъ имъ предсталъ съ безтрепетнымъ челомъ.

67. Съ той яростью, съ той быстротою бѣга,
Съ какою мчатся псы на бѣдняка,
Что̀ подъ окномъ вдругъ попросилъ ночлега,—

70. Вмигъ вылетѣлъ ихъ рой изъ-подъ мостка,
Поднявъ багры; но онъ въ святой защитѣ
Вскричалъ: «Ни чья не тронь меня рука!

73. Пусть прежде, чѣмъ крючки въ меня вонзите,
Одинъ изъ васъ предъ мой предстанетъ ликъ;
Потомъ меня терзайте, какъ хотите.»

76. «Ступай, Злой-Хвостъ!» тутъ подняли всѣ крикъ,
И вышелъ Хвостъ (они жъ за нимъ ни шагу),
И спрашивалъ: за чѣмъ онъ къ нимъ проникъ?

79. «Проникъ ли бъ я, Злой-Хвостъ, въ твою ватагу,
Когда бы мнѣ,» учитель мой въ отвѣтъ:
«Не подали на подвигъ сей отвагу

82. Рокъ благотворный и святой завѣтъ!
Пусти жъ меня: такъ небесамъ угодно,
Чтобъ здѣсь живой за мною шелъ во слѣдъ.»

85. Вмигъ сокрушилъ онъ въ дерзкомъ гнѣвѣ безплодный,
Такъ, что багоръ онъ уронилъ къ ногамъ,
Вскричавъ къ другимъ: «Пусть онъ идетъ свободно!»

---

63. Намекъ на первое странствованіе Виргилія въ аду (Ада IX, 22 и д.).

85. Первое впечатлѣніе, произведенное Виргиліемъ на демоновъ, равносильно тому, которое производитъ на какое нибудь уличенное во взяточничествѣ судебное мѣсто извѣстный своимъ безкорыстіемъ неподкупимый ревизоръ, уполномоченный правительствомъ открыть и строго карать злоупотребленія. Но этотъ страхъ, какъ мы видимъ, быстро проходитъ, и въ подсудимыхъ

88. Тогда мой вождь: «О ты, который тамъ,
Припавъ къ скалѣ, укрылся отъ насилій,
Иди теперь безъ трепета къ врагамъ.»

91. Я поспѣшилъ туда, гдѣ былъ Виргилій;
А дьяволы всѣ бросились впередъ,
Какъ будто бы свой договоръ забыли.

94. Такъ (видѣлъ я) былъ устрашенъ народъ,
Когда съ условьемъ выйдя изъ Капроны,
Толпу враговъ онъ встрѣтилъ у воротъ.

97. Къ вождю прижавшись, ждалъ я обороны
И не сводилъ очей съ ихъ страшныхъ харь,
Гдѣ могъ читать всю злость ихъ безъ препоны.

100. Тогда одинъ, поднявши свой косарь,
Сказалъ другимъ: «Ножемъ его.... хотите ль?»
Другіе: «Ладно! по спинѣ ударь!»

103. Но бѣсъ, съ которымъ говорилъ учитель,
Туда поспѣшно обратясь, сказалъ:
«Стой, Кутерьма! стой, дерзкій возмутитель!»

вскорѣ опять оживаетъ надежда избавиться отъ уполномоченнаго силою, или хитростію. Штрекфуссъ.

94—96. Капрона, пизанская крѣпость, на берегу Арно. Жители Лукки, завладѣли ею; но вскорѣ, осажденные тосканскими Гвельфами, соединившимися съ пизанскими изгнанниками по смерти графа Уголино, послѣ 8-дневной осады принуждены были сдаться по недостатку воды (въ Августѣ 1290 г.) на капитуляцію съ условіемъ пощады гарнизону. По повелѣнію графа Гвидо де Монтефельтро, которому сдалась Капрона, всѣ сдавшіеся были привязаны къ канату и проведены до границы. Когда такимъ образомъ они проходили черезъ лагерь, непріятель кричалъ: appicca! appicca! (на висѣлицу ихъ!), что естественно наводило страхъ на побѣжденныхъ. Можно думать, что Данте былъ очевидцемъ этого событія, которое онъ приводитъ для сравненія съ своимъ страхомъ; ибо на 25 году онъ служилъ въ войскѣ Гвельфовъ, къ партіи которыхъ принадлежалъ по своему происхожденію (di nazione), пока впослѣдствіи политическія обстоятельства не склонили его болѣе на сторону Гибеллиновъ..

106. И намъ потомъ: «Здѣсь по уступамъ скалъ
Вамъ нѣтъ дороги: въ страшномъ томъ провалѣ
Весь раздробленный сводъ шестой упалъ.

109. Но если вы идти хотите далѣ,—
Чрезъ этотъ гротъ ступайте въ мрачный адъ:
Вблизи есть путь такой же, какъ вначалѣ.

112. Ужъ тысяча и двѣсти шестьдесятъ
Шесть лѣтъ, позднѣй сего двумя часами,
Вчера свершилось, какъ здѣсь рухнулъ скатъ.

115. Отрядъ моихъ туда пошлю я съ вами
Взглянуть: не всплылъ ли кто тамъ надъ смолой?
Идите съ ними смѣлыми стопами.

118. Маршъ, Криволетъ, Давило и Борзой!»
Онъ крикнулъ, ада огласивъ вертепы:
«Веди ихъ, Чертъ съ курчавой бородой!

121. Маршъ, маршъ, Драконье-Жало, Вихрь-Свирѣпый
И Вепрь-Клыканъ и Душеловъ, злой духъ,
И Адскій-Сычъ и Красный-Чертъ нелѣпый!

112—114. Эта терцина есть самая важная для опредѣленія года и дня замогильнаго странствованія Данта.

118—123. Имена этихъ, равно и двухъ вышеупомянутыхъ демоновъ, я старался замѣнить соотвѣтственными русскими, придерживаясь отчасти этимологическаго объясненія ихъ значенія, предложеннаго Ландино; я желалъ этимъ выразить тотъ фантастически-страшный характеръ этихъ существъ, который такъ удивительно драматизированъ въ слѣдующей пѣснѣ. — «Здѣсь надобно сказать, что всѣ эти демоны, какъ замѣтилъ Шлегель, собственно не падшіе ангелы, но фантастическія чудовища въ человѣческомъ образѣ, не имѣющія впрочемъ въ себѣ ничего человѣческаго, кромѣ хитрости и дикихъ страстей, каковы гнѣвъ и мстительность. Они то же самое, что Миносъ, Церберъ, Минотавръ и др.: символы наказуемаго порока и самой казни. Данте заимствуетъ эти существа отвсюду, какъ изъ міра языческаго, такъ и христіанскаго, и пользуется всѣми богатствами сказки и исторіи для олицетворенія своихъ идей; но откуда бы ни почерпалъ онъ эти образы, онъ вездѣ одушевляетъ ихъ жизнію такъ, что его символы никогда не кажутся холодными, мертвыми аллегоріями.» Каннегиссеръ.

124. Кругомъ обшарьте прудъ; а этихъ двухъ
Оберегайте до моста другаго,
Чтò, уцѣлѣвъ, идетъ чрезъ этотъ кругъ.»

127.—«О ужасъ! вождь мой, чтò я вижу снова?
О, поспѣшимъ безъ спутниковъ одни!
Коль знаешь путь, къ чему вождя инаго?

130. Когда ты мудръ, какъ былъ ты искони;
То какъ не зришь, что зубы ихъ скрежещутъ.
И что бровами намъ грозятъ они?»

133. А вождь: «Не бойся! пусть глаза ихъ блещутъ;
Пусть, какъ хотятъ, скрежещутъ ихъ клыки:
Отъ ихъ угрозъ лишь грѣшники трепещутъ.»

136. Плотиной, влѣво, двинулись полки;
Но прежде всѣ, взглянувъ на воеводу,
Вмигъ стиснули зубами языки, —

139. ....

138. Этой гримасою діаволы даютъ знать Злому-Хвосту, что они смекнули обманъ, въ который онъ вводитъ поэтовъ.

ПѢСНЬ XXII.

Содержаніе. Поэты идутъ по окраинѣ рва въ сопровожденіи демоновъ, которыхъ характеръ, сообразно съ ихъ именами, развитъ въ этой пѣсни драматически. Съ появленіемъ бѣса Курчавой-Бороды (которому не безъ умысла придана почтенная наружность), грѣшники, выплывшіе-было къ берегу, чтобъ освѣжиться, съ ужасомъ подаются назадъ. Но одинъ изъ нихъ предупрежденъ Душеловомъ: бѣсъ зацѣпилъ его крюкомъ и вытаскиваетъ на берегъ; Красный-Чертъ хочетъ содрать съ него кожу. По желанію Данта, Виргилій спрашиваетъ грѣшника: кто онъ? и узнаетъ, что это любимецъ наваррскаго короля Тебальда. Пока они разговариваютъ, Вепрь-Клыкачъ рветъ грѣшника зубомъ; но Курчавая-Борода, зацѣпивъ тѣнь крюкомъ, останавливаетъ товарищей. Грѣшникъ продолжаетъ разсказывать о другихъ своихъ собратьяхъ Сардинцахъ; между тѣмъ Вихрь-Свирѣпый отрываетъ у него отъ плеча кусокъ мяса, а Драконье-Жало метитъ въ ногу; однакожъ начальникъ опять ихъ удерживаетъ. Грѣшникъ продолжаетъ прерванный разсказъ; но вдругъ останавливается, увидѣвъ сверканіе глазъ Адскаго-Сыча, злобу котораго едва можетъ обуздать самъ Курчавая-Борода. Тутъ грѣшная душа вызывается призвать на свое мѣсто нѣсколькихъ Ломбардцевъ и Тосканцевъ съ условіемъ, чтобы Злыя-Лапы напередъ спрятались за скалою. Борзой подозрѣваетъ хитрость; но Давило уговариваетъ товарищей удалиться. Они прячутся. Тогда Наваррецъ, прыгнувъ съ берега, скрывается въ смолѣ. Давило летитъ за нимъ; но, не догнавъ, возвращается; въ досадѣ Криволетъ бросается на Давилу; они дерутся и оба падаютъ въ смолу. Четыре бѣса, посланные къ нимъ на помощь, тащатъ ихъ изъ смолы баграми. Между тѣмъ поэты, воспользовавшись тревогою, удаляются.

---

1. Видалъ и я, какъ всадники рядами
Идутъ на смотръ и рубятся съ врагомъ,
И какъ порой бѣгутъ передъ врагами;

1—12. Торжественный тонъ, которымъ поэтъ начинаетъ эту пѣснь, близокъ къ комическому. Изъ этихъ терцинъ можно также видѣть, что Данте хорошо понималъ и военное искусство, что служитъ дополненіемъ многостороннихъ свѣдѣній этого всеобъемлющаго поэта. Штрекфуссъ.

4. Наѣздниковъ видалъ въ краю твоемъ,
Ареццо; видѣлъ ихъ набѣгъ удалый,
Въ турнирахъ битвы, бѣгъ коня съ конемъ,

7. Когда рога, колокола, кимвалы,
Иль съ крѣпостей дадутъ на бой сигналъ,—
Видалъ чужихъ и нашихъ войскъ сигналы.

10. Но, думаю, никто не подавалъ
Такихъ сигналовъ пѣшимъ, или коннымъ,
Иль морякамъ при видѣ звѣздъ и скалъ.—

13. Съ десяткомъ бѣсовъ шли мы къ осужденнымъ:
Ужасный строй! но—въ церкви со святымъ,
Въ гостинницѣ съ обжорой беззаконнымъ.

16. Я взоръ склонилъ къ пучинамъ смоляныымъ,
Желая знать устройство сей долины
И кто казненъ подъ кипяткомъ густымъ.

19. Какъ морякамъ изгибомъ спинъ дельфины
Даютъ намекъ, что время ужь спасать
Ихъ корабли отъ бури средь пучины:

---

5. Данте обращается здѣсь особенно къ Ареццо, потому что владѣнія этого города въ Дантовы времена всего болѣе страдали отъ военныхъ набѣговъ (gualdane). Ландино.

7. Въ средніе вѣка колокола (вечевые) служили для сигналовъ въ военное время; таковъ въ особенности былъ такъ-наз. *Martinella* (Ада X, 31—93 и пр.) во Флоренціи, при звукахъ котораго собирались вооруженные цехи. Филалетесъ.

8. Т. е. днемъ поднятіемъ знаменъ или флаговъ, ночью зажиганіемъ костровъ.

14—15. Въ подлин.: ma nella chiesa Co'santi, e in taverna co'ghiottoni — пословица, сходная съ нашей: съ волками по волчьи выть.

19—21. Здѣсь разумѣется особенная порода китовидныхъ (cetacee), часто-встрѣчающаяся въ Италіи: Delphinus Delphis L. Млекопитающее это дышетъ лёгкими, именно черезъ два носовыя отверстія, помѣщенныя на верхней части головы, а потому часто должно выплывать на поверхность моря, при чемъ выставляетъ изгибистую спину (l'arco della schiena). О немъ говоритъ Плиній: Praesagiunt et animalia. Delphini tranquillo mari lascivientes flatum, ex qua veniunt parte; item spargentes aquam turbato, tranquillitatem. Филалетесъ.

22. Такъ иногда, чтобъ злую боль унять,
Мелькнетъ спина того, другаго духа
И вдругъ исчезнетъ молніей опять.

25. И какъ лягушки, скрывъ съ ногами брюхо
Въ водѣ канавы, по краямъ сидятъ,
Просунувъ морды на песокъ, гдѣ сухо:

28. Такъ грѣшники со всѣхъ сторонъ глядятъ;
Но адскаго при видѣ караула
Всѣ подаются съ ужасомъ назадъ.

31. Одна лишь тѣнь—о страхъ!—не ускользнула,
Какъ иногда лягушка, всѣхъ смѣлѣй,
Сидитъ, когда другая ужь спрыгнула.

34. И Душеловъ, подкравшись ближе къ ней,
Крюкъ замоталъ въ кудряхъ ея смолистыхъ
И вытащилъ какъ выдру изъ зыбей.

37. Уже я зналъ всѣ имена нечистыхъ,
Замѣтивъ ихъ при выборѣ, когда
Ихъ строй пошелъ къ смолѣ съ бреговъ скалистыхъ.

40. «Эй, Красный-Чертъ! скорѣй, скорѣй сюда!
Сдери когтями кожу съ плечъ безбожной!»
Воскликнула проклятая орда.

43. А я: «О вождь! развѣдай, если можно,
Кто сей несчастный здѣсь себя сгубилъ,
Врагамъ попавшись такъ неосторожно?»

46. Ставъ близъ него, учитель мой спросилъ:
«Гдѣ ты рожденъ?»—А онъ въ отвѣтъ: «Въ Наваррѣ:
Тамъ при одномъ сеньорѣ я служилъ.

49. Отецъ же мой сгубилъ себя въ пожарѣ
Слѣпыхъ страстей и разорилъ весь домъ—
Извѣстный мотъ! Потомъ при государѣ

---

36. Выдра (Mustela Lutra L.) ловится и извлекается изъ воды крючками, какъ рыба. Ея длинная шерсть, гладко прилегающая къ ея тѣлу, когда съ него стекаетъ вода, служитъ прекраснымъ сравненіемъ для грѣшника, облитаго растопленною смолою. Филалетесъ.

52. Тебальдѣ Добромъ я служилъ рабомъ.
Тогда-то я предался гнусной страсти,
Въ чемъ мы отчетъ подъ варомъ отдаемъ.»

55. Тутъ Вепрь-Клыканъ—а у него изъ пасти,
Какъ у свиньи, торчали по бокамъ
Клыки—однимъ сталъ рвать его на части.

58. Попалъ мышенокъ въ лапы злымъ котамъ!
Но ихъ капралъ, обнявъ его руками,
Имъ крикнулъ: «Прочь, пока натѣшусь самъ!»

61. И, устремясь къ учителю глазами:
«Спроси еще» сказалъ; «но поспѣши:
Не то его мы разорвемъ баграми.»

64. Тогда мой вождь: «И такъ намъ опиши,
Кто изъ Латиновъ здѣсь покрытъ смолою?»
А онъ: «Сейчасъ ушелъ я отъ души

67. Того, кто жилъ въ сосѣдствѣ съ ихъ страною.
О, если бъ съ нимъ я скрылся въ кипятокъ,
Не слышалъ бы когтей ихъ за спиною!»

70. Тутъ Вихрь-Свирѣпый крикнулъ: «Конченъ срокъ!»
И, крюкъ ему всадивъ въ плечо, помчался,
Рванулъ и вырвалъ изъ него кусокъ.

48—55. Древніе комментаторы называютъ этого грѣшника Чіамполо, или Джіамполо (Жанъ Поль). О немъ извѣстно, что онъ былъ сынъ одного мота, разорившаго все свое имѣніе; мать Чіамполо, изъ благородной фамиліи, отдала его въ услуженіе одному барону короля Тебальдо или Тибо; вскорѣ онъ попалъ въ любимцы самого короля и, употребивъ во зло довѣріе къ себѣ государя, безсовѣстно торговалъ его милостями. Этотъ король есть, вѣроятно, Тибо II изъ Наварры, графъ Шампаньи, получившій за доброту свою прозваніе Добраго; онъ умеръ въ 1233 г. Онъ ограничилъ права и привилегіи церкви; отличался впрочемъ ревностію въ завоеваніи Святой Земли, а также своими заслугами въ поэзіи и музыкѣ.

65. Латинскій поэтъ Виргилій почти всегда называетъ Италіанцевъ Латинами.

69. Сопротивленіемъ волѣ Божіей онъ заслужилъ большее наказаніе (Ада XV, 37 и прим.). Копишъ.

73. Драконье-Жало тоже ужъ подкрался
Ужалить ногу; но десятникъ ихъ
Кругомъ, кругомъ злымъ окомъ озирался.

76. Тогда мой вождь—едва ихъ гнѣвъ притихъ—
Спросилъ того, что съ ужасомъ во взорѣ
Еще смотрѣлъ на кровь изъ ранъ своихъ:

79. «Кто жь этотъ духъ, съ кѣмъ ты разстался вскорѣ,
Не въ добрый часъ покинулъ страшный прудъ?»
—«То былъ Гомита,» отвѣчалъ онъ въ горѣ,

82. «Монахъ галлурскій, всякой лжи сосудъ:
Надъ плѣнными бывъ стражемъ у владыки,
Онъ честь себѣ снискалъ отъ нихъ за трудъ.

85. Онъ ихъ пускалъ за деньги безъ улики,
Какъ говорятъ, и въ каждомъ ремеслѣ
Былъ взяточникъ не малый, а великій.

88. Донъ логодорскій, Цанке, съ нимъ въ смолѣ;
Ихъ языки усталости не знаютъ
И все толкуютъ о родной землѣ.

91. Но посмотри, какъ тамъ глаза сверкаютъ!
Мѣшаются отъ ужаса слова....
Того и жду, что спину поласкаютъ!»

94. Тогда взглянулъ бѣсовскій голова
Туда, гдѣ Сычъ таращилъ очи злобно,
И крикнулъ: «Прочь, зловѣщая сова!»

---

73. Курчавая-Борода не можетъ сохранить никакого порядка въ своей ордѣ: общая участь начальниковъ беззаконныхъ! Штрекфуссъ.

81. Сардинія, принадлежавшая въ то время Пизѣ, состояла изъ 4 округовъ: Логодоро, Каллари, Галлура и Альбореа. Округомъ Галлура управлялъ Нино Висконти ди Пиза, коего полное довѣріе умѣлъ снискать себѣ монахъ Гомита. Пользуясь милостями своего повелителя, онъ дѣлалъ всякаго рода злоупотребленія, продавалъ мѣста, бралъ взятки, отпускалъ за деньги плѣнниковъ на волю и наконецъ былъ повѣшенъ.

88. Микеле Цанке, сенешаль короля Энціо, побочнаго сына Фридерика II, властителя Галлуры и Торре въ Сардиніи. Цанке женился по смерти Энціо на его вдовѣ Адалазіи и завладѣлъ этою областію острова. Вѣроятно, онъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Гомитою.

97.—«Хотите ль видѣть, иль узнать подробно
Тосканцевъ, иль Ломбардцевъ,» молвилъ намъ
Испуганный: «здѣсь ихъ созвать удобно.

100. Пусть Злыя-Лапы отойдутъ къ скаламъ,
Чтобъ грѣшники отъ нихъ не ждали мести;
А я, на этомъ сидя мѣстѣ, къ вамъ

103. Одинъ какъ есть вмигъ призову ихъ двѣсти,
Лишь свисну имъ: есть уговоръ у насъ
Предъ выходомъ давать другъ другу вѣсти.»

106. Борзой тутъ рыло поднялъ вверхъ, потрясъ
Башкой и молвилъ: «Онъ хитёръ! отъ муки
Задумалъ онъ въ смолѣ исчезнуть съ глазъ.»

109. Но тотъ, который былъ богатъ на штуки:
«Хитеръ?!... О, слишкомъ буду я хитеръ,
Когда предамъ товарищей вамъ въ руки!»

112. Тутъ Криволетъ другимъ на перекоръ
Сказалъ: «Попробуй прыгнуть: за тобою
Не побѣгу въ погонъ во весь опоръ;

115. Но крыльями взмахну я надъ смолою.
Каковъ-то будетъ у тебя успѣхъ,
Увидимъ мы, укрывшись за скалою.»—

118. Послушайте, какой тутъ вышелъ смѣхъ!—
Всѣ въ сторону оборотили взоры
И тотъ всѣхъ прежде, кто былъ противъ всѣхъ.

121. Мигъ улучилъ тогда Наваррецъ скорый:
Всталъ на ноги и въ смолу въ тотъ же мигъ
Прыгнулъ, вести имъ предоставивъ ссоры.

124. Такой ударъ всѣхъ озадачилъ ихъ;
Но бѣсъ, виновникъ шутки непріятной,
Помчался съ крикомъ: «Я тебя настигъ!»

---

120. Т. е. Криволетъ.

127. Напрасный трудъ! быстрѣе былъ стократно
Испугъ, чѣмъ крылья: духъ пошелъ ко дну,
А бѣсъ вернулся на лету обратно.

130. Такъ утка вмигъ ныряетъ въ глубину
Отъ сокола; а онъ, обманутъ уткой,
Разсерженный несется въ вышину.

133. Тогда Давило, разбѣшенный шуткой,
Помчался вихремъ, радъ, что есть предлогъ
Подраться съ тѣмъ, предъ кѣмъ обманщикъ чуткій

136. Исчезъ въ смолѣ, и когти рукъ и ногъ
Въ товарища впустилъ, и такъ надъ ямой
Сцѣпился съ нимъ. Но тотъ и самъ не плохъ!

139. Какъ ястребъ самъ сцѣпился съ нимъ упрямо
Когтьми и драка страшная была,
Пока не пали въ прудъ кипящій прямо.

142. Смола обоихъ тотчасъ разняла;
Но не было въ нихъ силъ взлетѣть надъ лавой:
Такъ облепила крылья имъ смола!

145. Тутъ сжалился надъ ними Чертъ-Курчавый:
На помощь имъ велитъ тащить багры,
И четверо, на лѣво и на право,

148. Спустились въ ровъ съ обрывистой горы
И, крючьями ихъ зацѣпивъ во мракѣ,
Вмигъ извлекли изъ смоляной коры.

151. И мы пошли, чертей оставивъ въ дракѣ.

---

139. Въ подлин.: Sparvier grifagno (отъ greifen); такъ называются тѣ ловчія птицы, которыя берутся не изъ гнѣздъ, но пріучаются къ охотѣ уже взрослыя. Нѣмецкіе сокольники ихъ называютъ: Wildfangsperber. Онѣ смѣлѣе всѣхъ прочихъ ловчихъ птицъ. Филалетесъ.

142. Ибо смола растоплена божественною силой—per divina arte (Ада XXI, 16 и прим.). Копишъ.

ПѢСНЬ XXIII.

Содержаніе. Пока демоны заняты спасеніемъ товарищей, поэты идутъ далѣе. Данте опасается погони демоновъ и, дѣйствительно, они гонятся за ними. Тогда Виргилій, схвативъ Данте и опрокинувшись спиною на склонъ горы, скатывается въ слѣдующій *шестой* ровъ. Здѣсь лицемѣры, окутанные въ монашескія рясы, снаружи вызолоченныя, а внутри свинцовыя, съ капишонами, свисшими надъ глазами, молча и плача ходятъ тихими шагами какъ въ процессіи. Между ними Данте встрѣчаетъ двухъ монаховъ изъ Болоньи, бывшихъ подестами во Флоренціи; съ однимъ изъ нихъ, Каталано, онъ разговариваетъ. Здѣсь же онъ видитъ пригвожденнаго къ землѣ архіерея Каіафу, тестя его Анну и весь еврейскій синедріонъ, по тѣламъ которыхъ ходятъ лицемѣры. Виргилій разспрашиваетъ Каталано о дорогѣ въ адъ и, узнавъ, что Злой-Хвостъ обманулъ его (Ада XXI, 109—111), разгнѣванный, уходитъ скорыми шагами.

---

1. Мы молча шли, одни, безъ адской свиты,—
Вождь впереди съ угрюмостью чела,
А я во слѣдъ, какъ ходятъ минориты.

4. Брань демоновъ на память привела
Мнѣ басню Езопову съ нравоученьемъ
О томъ, какъ мышь съ лягушкою плыла.

7. *Теперь* и *днесь* не такъ сходны значеньемъ,
Какъ басня съ той дракой, если въ нихъ сравнить
Внимательнѣй начало съ заключеньемъ.

---

3. Монахи францисканскаго ордена, называемые миноритами (frati minori), изъ дѣйствительнаго, или притворнаго смиренія, ходятъ обыкновенно съ поникшею головою: точно такъ идутъ теперь и поэты, задумавшись по случаю приключенія, котораго они были свидѣтелями.

4—6. Въ этой баснѣ Езопъ разсказываетъ про мышь, заключившую дружбу съ лягушкою. Лягушка, желая погубить мышь, вызвалась путешествовать съ нею вмѣстѣ и для того привязала ее къ себѣ. Прибывъ къ болоту, лягушка вынырнула въ воду и утопила мышь. Пролетавшій мимо коршунъ, замѣтивъ мертвую мышь въ водѣ, схватилъ ее; но вмѣстѣ съ нею вытащилъ и привязанную къ ней лягушку и проглотилъ обѣихъ. Послѣднее приключеніе сходно съ этою баснею тѣмъ, что два демона, желая повредить другъ

10. И какъ отъ думъ исходитъ мыслей нить,
Такъ эта мысль иную породила,
Чтобъ большій страхъ мнѣ въ сердце поселить.

13. Я думалъ такъ; за насъ происходила
У нихъ борьба на хлябяхъ смоляныхъ
И имъ она конечно досадила.

16. И если гнѣвъ сольется съ злостью ихъ,
За нами сволочь яростнѣй помчится,
Чѣмъ гонитъ зайца стая псовъ борзыхъ.

19. Я чувствовалъ, что ужь до мнѣ струится
Холодный потъ и, озираясь вспять,
Сказалъ: «Учитель, если мы укрыться

22. Не поспѣшимъ, Злыхъ-Лапъ не миновать!
Уже за нами рой ихъ устремился;
Мнѣ чудится, я слышу ихъ опять.»—

25.—«Будь я стекломъ, не такъ бы отразился,»
Онъ отвѣчалъ: «наружный образъ твой
Какъ внутренній во мнѣ изобразился.

28. Такъ мыслями я сходствую съ тобой,
Что оба мы теперь одно и тоже
Задумали въ опасности такой.

31. Но если здѣсь направо склонъ отложе,
Мы убѣжимъ отъ мстительныхъ враговъ,
Лишь бы успѣть сойдти въ другое ложе.»...

34. Не досказалъ еще учитель словъ,
Какъ я увидѣлъ ихъ отрядъ крылатый
Такъ близко къ намъ, что насъ схватить готовъ.

37. Тогда прижалъ меня къ груди вожатый,
Какъ мать, когда, услышавъ крикъ: горимъ!
И видя домъ весь пламенемъ объятый,

другу, оба попали въ кипящую смолу, которая поглотила ихъ, какъ коршунъ мышь и лягушку.

7. Въ подлин.: mo ed issa — два областныя слова, оба значущія теперь.

25. Въ подлин.: S'io fossi d'impiombato vetro — будь я стекло, обложенное свинцомъ, т. е. зеркало.

40. Хватаетъ сына и въ просоньи съ нимъ,
Въ одной сорочкѣ (помня лишь о сынѣ,
Не о себѣ), бѣжитъ въ огонь и дымъ.

43. Онъ внизъ скользилъ по каменной стремнинѣ,
Повергшись навзничь на крутой гранитъ,
Которымъ запертъ входъ къ другой долинѣ.

46. По желобу такъ быстро не бѣжитъ
Ручей въ колеса мельницы селенья,
Когда вблизи лопатокъ ужъ гремитъ,—

49. Какъ вождь скользилъ по склону чрезъ каменья,
Держа меня въ объятьяхъ какъ отецъ,
Не какъ вожатый, полный треволненья.

52. Едва стопой коснулся дна пѣвецъ,
Какъ изъ-за скалъ мелькнули ихъ станицы
Надъ нами; но тутъ страху былъ конецъ:

55. Поставивъ ихъ на стражѣ той темницы,
Святый законъ лишилъ ихъ власти всей
Переступать черезъ свои границы.

58. Тутъ зрѣлъ я сонмъ повапленныхъ тѣней,
Ходившихъ вкругъ тяжелыми шагами
И плакавшихъ въ истомѣ отъ скорбей.

61. Всѣ въ капишонахъ, свисшихъ надъ глазами,
И въ мантіяхъ, какія до сихъ поръ
Еще кроятся кёльнскими отцами.

---

43. Мостъ черезъ шестой ровъ разрушенъ землетрясеніемъ въ минуту кончины Спасителя (Ада XII, 45 и прим.); между тѣмъ поэты были увѣрены Злымъ-Хвостомъ (Ада XXI, 106—111) въ цѣлости этого моста и для того, чтобы найдти его, идутъ по внѣшней оградѣ шестаго рва. По склону этой ограды, лежащей между пятымъ и шестымъ рвами, скатывается теперь Виргилій, не найдя моста и видя близкую погоню демоновъ.

58 — 62 Смыслъ этой казни понятенъ каждому. О лицемѣрахъ сказано: «Vae vobis Scribae et Pharisei hypocritae! quia similes estis sepulcris dealbatis, quae aforis parent hominibus speciosa, intus vero plena sunt ossibus mortuorum et omni spurcitia.» Vulg. Matth. XXIII, 27.

61. Древній комментаторъ Франческо де Бути разсказываетъ, что одинъ изъ кёльнскихъ аббатовъ до того былъ высокомѣренъ, что просилъ у папы

64. Снаружи златомъ ослѣпляли взоръ;
Внутри жь—свинецъ, столь грузный, что солома
Въ сравненьи съ нимъ былъ, Фридрихъ, твой уборъ.

67. О тяжкій плащъ! о вѣчная истома!—
Мы шли съ толпой, на лѣво обратясь
И внемля плачу грѣшнаго содома.

70. Но жалкій сонмъ подъ тяжестію рясъ
Такъ тихо брелъ, что съ новымъ все народомъ
Нашъ каждый шагъ въ пути знакомилъ насъ.

73. И я: «О вождь! не замедляя ходомъ,
Окинь очами эту область мукъ:
Кто славенъ здѣсь иль подвигомъ, иль родомъ?»

76. И кто-то, словъ тосканскихъ слыша звукъ,
Кричалъ намъ вслѣдъ: «Сдержите ногъ стремленье!
Куда вы мчитесь черезъ мрачный кругъ?

79. Быть можетъ, я рѣшу твое сомнѣнье.»—
—«Такъ подожди!» сказалъ учитель мнѣ:
«И съ шагомъ ихъ соразмѣряй движенье.» —

82. И я двоихъ увидѣлъ въ сторонѣ:
Они душой, казалось, къ намъ парили;
Но замедлялъ ихъ грузъ на тѣсномъ днѣ.

85. Догнавъ меня, они, косясь, вперили
Безмолвный взоръ въ мое лице; потомъ,
Оборотясь другъ къ другу, говорили:

дозволенія братіи своего монастыря носить рясы алаго цвѣта, а шпоры и стремена имѣть серебреныя. Чтобы смирить высокомѣріе аббата, папа повелѣлъ ему и его братіи одѣваться въ черныя рясы плохаго покроя и употреблять деревянныя стремена. По другимъ, капишоны кёльнскихъ монаховъ отличались только значительною величиною. Нѣкоторые вмѣсто Кёльна читаютъ Клюньи, знаменитое бенедиктинское аббатство.

66. Согласно съ преданіемъ, императоръ Фридерикъ II приказывалъ надѣвать на государственныхъ измѣнниковъ свинцовыя рясы и въ этой одеждѣ сжигать ихъ въ котлахъ на кострѣ—фактъ, исторически недоказанный и, вѣроятно, пущенный въ народъ врагами императора, подобно многимъ баснословнымъ сказаніямъ объ этомъ замѣчательномъ мужѣ среднихъ вѣковъ. Филалетесъ.

88. «Вѣдь онъ живой! смотри, какъ дышетъ ртомъ?
А если мертвы, то, скажи, гдѣ столы
Тяжелыя не этомъ и на томъ?»

91. И мнѣ: «Тосканецъ, ты, пришедшій въ школы,
Гдѣ лицемѣры льютъ потоки слезъ,
Сказать: кто ты, въ трудъ не вмѣни тяжелый.»

94. А я въ отвѣтъ: «Родился я и взросъ
На славномъ Арно въ городѣ великомъ;
Въ сей міръ съ собою тѣло я принесъ.

97. Но кто же вы, по чьимъ печальнымъ ликамъ
Струится дождь столь горестной росы?
Къ чему сей блескъ при вашемъ горѣ дикомъ?»

100. И мнѣ одинъ: «Нашъ блескъ не для красы!
Подъ нимъ свинецъ, столь тягостный, что кости
У насъ трещатъ, какъ грузные весы.

103. — *Веселые* болонскіе мы гости;
Я Каталанъ; Лодеринго—мой сосѣдъ.
Насъ, какъ людей безъ зависти и злости,

---

88. По представленію Данта, тѣни только отраженіе души на окружающей ихъ средѣ; онѣ имѣютъ всѣ способности чувствовать, но не имѣютъ дыханія, этого существеннаго признака жизни. Потому тѣни узнаютъ въ Дантѣ живаго, видя движенія его рта (въ подлин. гортани—gola) вслѣдствіе дыханія.

89. *Стола*—богослужебное облаченіе католическихъ священниковъ.

101 — 102. Вздохи и плачъ тѣней, отягченныхъ свинцовыми мантіями, Данте сравниваетъ съ вѣсами, которыхъ коромысло трещитъ подъ тяжестію груза.

103. Въ папствованіе Урбана IV, многіе дворяне изъ Болоньи просили у папы позволеніе учредить орденъ, въ которомъ они могли бы весть жизнь благочестивую, не отрекаясь впрочемъ отъ своихъ богатствъ и не подчиняя себя монашескимъ обѣтамъ. Урбанъ далъ имъ уставъ, не дозволявшій братіи имѣть золотыя шпоры и узды, запрещавшій вступать въ какія либо гражданскія должности, развѣ только съ миротворною цѣлію, и позволявшій подымать оружіе только на невѣрныхъ и враговъ церкви. Монахи этого полусвѣтскаго ордена носили красный крестъ съ звѣздою на правомъ боку и назывались milites Mariae. Они обладали огромнымъ богатствомъ, пользовались полною свободой и вели разгульную жизнь, за что получили, въ насмѣшку отъ народа, прозваніе *веселаго братства* (frati godenti). Боккачіо.

106. Твой городъ призвалъ въ немъ блюсти совѣтъ;
Но что мы были съ нашимъ богомольемъ,
Пускай Гардинго дастъ тебѣ отвѣтъ!»

109. Я началъ: «Братья, вашимъ своевольемъ....»
И вдругъ замолкъ: глазамъ моимъ предсталъ
Во прахѣ грѣшникъ, къ тремъ прибитый кольямъ.

112. Узрѣвъ меня, онъ весь затрепеталъ,
Браду, какъ вѣтромъ, вздохами развѣявъ;
А Каталанъ, замѣтивъ то, сказалъ:

---

104. Когда графъ Гвидо Новелло и его партія (Ада X, 91—93 и прим.), послѣ паденія Манфреда, почувствовали всю шаткость своего положенія, они призвали въ подесты Флоренціи Каталано Каталани или де Малавольти и Лодеринго дель Андало, двухъ монаховъ изъ упомянутаго выше ордена, изъ которыхъ послѣдній былъ однимъ изъ его основателей. Первый изъ нихъ былъ Гвельфъ, второй Гибеллинъ; выборомъ представителей двухъ партій надѣялись водворить спокойствіе въ городѣ. Между тѣмъ Гвидо Новелло поссорился съ 26 buon'uomini изъ цеховъ города и, такъ какъ попытка его распустить эту корпорацію встрѣтила сопротивленіе со стороны народа, то онъ, по проискамъ двухъ монаховъ, вынужденъ былъ оставить городъ. Слѣдствіемъ этого было изгнаніе Гибеллиновъ и отрѣшеніе обоихъ монаховъ отъ занимаемой ими должности. Виллани говоритъ: «Народъ призвалъ этихъ двухъ людей и далъ имъ помѣщеніе во дворцѣ, въ полной увѣренности, что они, какъ обѣщала ихъ почтенная одежда, останутся честными и избавятъ общину отъ неумѣренныхъ расходовъ. Однакожъ, не смотря на то что они принадлежали различнымъ партіямъ, на дѣлѣ оказалось, что оба они подъ монашескою рясою были хитрые лицемѣры, заботившіеся болѣе о своей, нежели объ общей пользѣ.» Villani, Lib. VII, cap. 3.

108. Гардинго — часть города во Флоренціи; здѣсь находились дворцы Уберти, вождей гибеллинской партіи, сожженные этими двумя подестами, подкупленными отъ Гвельфовъ. Въ послѣдствіи тутъ находился Palazzo di Signoria (теперь Palazzo vecchio).

111. Этотъ пригвожденый къ тремъ кольямъ грѣшникъ, лежащій поперегъ дороги такъ, что по его тѣлу переходятъ прочіе лицемѣры, есть первосвященникъ іудейскій Каіафа, который говорилъ Фарисеямъ: «Vos nescitis quidquam, nec cogitatis, quia expedit vobis, ut unus moriatur homo pro populo, et non tota gens pereat.» Joan. XI, 50. Онъ помѣщенъ вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Анною (Joan. XVIII, 3) и всемъ еврейскимъ синедріономъ въ число лицемѣровъ за то, что подъ личиною усердія къ вѣрѣ скрывалъ ненависть и зависть.

«Преступникъ сей въ собраньи Фарисеевъ
Совѣтовалъ на муку принести
Единаго за весь народъ Евреевъ.

За то, ты видишь, поперегъ пути
Лежитъ нагой, да самъ онъ взвѣситъ бремя
Всѣхъ проходящихъ на своей груди.

И тесть его низринутъ въ тоже время
На туже казнь и весь синедріонъ,
Что былъ Евреямъ всѣхъ ихъ бѣдствій сѣмя.»

Тутъ видѣлъ я, какъ былъ ты изумленъ,
Виргилій, тѣмъ, который такъ позорно
Въ изгнаньѣ вѣчномъ къ плахѣ пригвожденъ.

Потомъ спросилъ учитель благотворный:
«Скажите мнѣ, коль то извѣстно вамъ,
На право нѣтъ ли здѣсь дороги горной,

Которой бы отсюда выйдти намъ
И не просить у дьявольской дружины
Проводника по горнымъ симъ мѣстамъ?»

И братъ въ отвѣтъ: «Вблизи отъ сей пучины,
Отъ главныхъ стѣнъ Злыхъ-Рвовъ отдѣлена,
Идетъ скала чрезъ лютыя долины.

Лишь здѣсь была разрушена она:
Тамъ вверхъ взойдти вамъ по обломкамъ можно,
Которыми заваленъ скатъ до дна.»

Мой вождь на мигъ потупилъ взоръ тревожно
И рекъ: «И такъ солгалъ лукавый лжецъ,
Который тамъ цѣпляетъ родъ безбожный.»

124—126. Виргилій изумляется, потому что въ первое его странствованіе по аду (Ада XII, 34 и прим.) Каіафа еще не былъ казненъ.

125. Намекъ на разрушеніе Іерусалима Титомъ.

136. О причинѣ, почему мостъ разрушенъ надъ рвомъ лицемѣровъ, сказано выше (Ада XII,45 и пр). Можетъ быть также онъ разрушенъ и потому, чтобы проходящимъ необходимо было спуститься въ самый ровъ, и, подошедъ

142.—«Въ Болоньѣ я слыхалъ» сказалъ чернецъ:
«Грѣховъ бѣсовскихъ много; между ними
Слыхалъ и то, что дьяволъ—лжи отецъ.»

145. Тогда пошелъ шагами вождь большими,
Разгнѣванный, съ смущеніемъ лица;
А я, разставшись съ грѣшниками злыми,

148. Шелъ по стопамъ безцѣннаго пѣвца.

ближе къ лицемѣрамъ, видѣть, что блестящая ихъ одежда внутри свинецъ; ибо, смотря на лицемѣровъ издали, навѣрное ошибешься. Штрекфуссъ.

142—144. Каталано вѣроятно учился въ болонскомъ университетѣ и тамъ слыхалъ эти слова Св. Евангелія (Іоан. VIII, 44).

ПѢСНЬ XXIV.

Содержаніе. Мгновенное смущеніе Виргилія устрашаетъ Данте; но онъ снова ободряется нѣжнымъ взоромъ своего учителя. Поэтамъ предстоитъ выйдти изъ седьмаго рва по страшному обвалу, произшедшему отъ паденія моста надъ этимъ рвомъ. Съ помощію Виргилія, Данте наконецъ восходитъ съ большимъ трудомъ на слѣдующій мостъ, перекинутый черезъ седьмой ровъ; а такъ какъ ровъ этотъ необыкновенно теменъ, то поэты, перейдя мостъ, восходятъ на внутреннюю ограду рва. *Седьмой* ровъ весь кипитъ змѣями, между которыми бѣгаютъ въ ужасѣ взадъ и впередъ грѣшники: это тати. Руки у нихъ связаны змѣями за спиною; змѣи впиваются имъ въ чресла, клубятся у нихъ на груди и подвергаютъ ихъ разновиднымъ превращеніямъ. Такъ, въ глазахъ Данта, змѣя кидается на одного изъ грѣшниковъ, язвитъ его въ шею, и тать, запылавъ, разсыпается пепломъ; но пепелъ собирается самъ собою и грѣшникъ опять получаетъ свой прежній видъ: это тѣнь пистойскаго святотатца изъ партіи Черныхъ Ванни Фуччи. Онъ предсказываетъ Данту будущую судьбу Бѣлыхъ и Черныхъ, причемъ, желая опечалить поэта, говоритъ въ особенности о предстоящемъ пораженіи его партіи.

---

1. Въ томъ мѣсяцѣ, какъ солнце въ Водолеѣ
Златитъ власы на пламенномъ челѣ
И снова день становится длиннѣе;

1—15. Въ послѣдней трети Января солнце вступаетъ въ созвѣздіе Водолея, въ которомъ оно и остается въ первыя двѣ трети слѣдующаго мѣсяца. И такъ время, о которомъ здѣсь говорится, есть половина Февраля, когда ночи, за исключеніемъ утреннихъ и вечернихъ сумерокъ, длятся почти 12 часовъ. Въ эту пору солнце въ Италіи пригрѣваетъ уже такъ сильно, что снѣгъ составляетъ большую рѣдкость: потому-то такъ и удивился бѣдный пастухъ, глядя на нивы, побѣлѣвшія отъ утренняго инея; но удивленіе его быстро проходитъ, ибо съ восхожденіемъ солнца исчезаетъ иней. Эта прелестная картина изъ сельской жизни отлично выражаетъ состояніе души поэта. Привыкнувъ видѣть Виргилія всегда невозмутимо-спокойнымъ, Данте вдругъ замѣчаетъ смущеніе въ его лицѣ (Ада XXIII, 146), и, полагая, что оно происходитъ отъ невозможности взойдти на страшный обвалъ горы, приходитъ въ состояніе того пастуха, который, ожидая съ нетерпѣніемъ возврата весны, вдругъ видитъ побѣлѣвшія отъ инея, какъ отъ снѣга, нивы. Но смущеніе Виргилія не продолжительнѣе существованія инея, и вскорѣ свѣтлый ликъ его успокоиваетъ тревогу Данта. Штрекфуссъ.

4. Когда, какъ снѣгъ, бѣлѣя на землѣ,
Подобится сѣдому брату иней,
Хоть краток срокъ пера въ его крылѣ:

7. Пастухъ, свой кормъ потратившій въ пустынѣ,
Встаетъ, глядитъ и, видя по полямъ
Сребристый снѣгъ, по бедрамъ бьетъ въ кручинѣ;

10. Идетъ домой, тоскуетъ здѣсь и тамъ
И, какъ несчастный, что начать, не знаетъ;
Потомъ опять выходитъ и очамъ

13. Не вѣритъ, видя, какъ лице мѣняетъ
Весь Божій міръ, и на зеленый лугъ,
Взявъ посохъ свой, овечекъ выгоняетъ.

16. Такъ мой поэтъ, въ лицѣ встревоженъ вдругъ,
Смутилъ меня; но съ той же быстротою
Уврачевалъ бальзамомъ мой недугъ:

19. Пришедъ къ мосту съ обрушенной скалою,
Ко мнѣ склонилъ онъ тотъ привѣтный взоръ,
Съ какимъ предсталъ впервые подъ горою.

22. Потомъ, подумавъ, руки распростеръ,
И, обозрѣвъ обвалъ и торопливо
Схвативъ меня, пошелъ на темя горъ.

25. И какъ мудрецъ, который терпѣливо
Обдумывать умѣетъ подвигъ свой, —
Мой вождь, поднявъ меня на верхъ обрыва,

28. Мнѣ указалъ надъ нимъ утесъ другой,
Сказавъ: «Взберись на этотъ камень голый;
Но испытай, чтобъ онъ не палъ съ тобой.»

---

5. *Сѣдому брату*, т. е. снѣгу. Въ подлин: sua sorella bianca: снѣгъ, въ италіан. женскаго рода, какъ и иней (brina).

6. Въ подлин: Ma poco dura alla sua penna tempra — слово въ слово: но мало длится раскепъ его пера.

9. Естественное движеніе человѣка въ отчаяніи. Портирелли.

18. Т. е. цѣлительнымъ бальзамомъ своего привѣтнаго взора.

21. У подошвы холма въ темномъ лѣсу (Ада I, 64).

31. Нѣтъ, то былъ путь не для одѣтыхъ въ столы!
За тѣмъ что мы — онъ тѣнь, я имъ подъятъ —
Едва тутъ шли по камнямъ въ путь тяжелый.

34. И если бъ здѣсь высокъ былъ такъ же скатъ,
Какъ съ той страны: не знаю, до вершины
Достигъ ли бъ вождь; но я бъ низвергся въ адъ.

37. Но какъ къ вратамъ колодезя въ пучины
Идетъ сей кругъ наклономъ: то одно
Окружіе у каждой въ немъ долины

40. Возвышено, другое жъ склонено. —
Мы наконецъ взошли на верхъ обвала,
Отколь послѣдній камень палъ на дно.

43. Но грудь моя такъ тяжело дышала,
Что я не могъ ужь далѣе всходить
И тутъ же сѣлъ у перваго привала.

46. А вождь: «Теперь лѣнь должно побѣдить!
Кто на пуху въ житейскомъ дремлетъ пирѣ,
Не можетъ тотъ путь къ славѣ проложить.

49. А безъ нея кто губитъ жизнь, тотъ въ мірѣ
Слабѣй оставитъ за собой слѣды,
Чѣмъ пѣна на волнахъ, чѣмъ дымъ въ эѳирѣ.

31—33. Путь этотъ до того былъ труденъ, что не только лицемѣры, одѣтые въ свинцовыя рясы, не могли бы идти по немъ; но даже мы — Виргилій, легкая тѣнь, а я, имъ влекомый и поддерживаемый — едва могли по немъ двигаться.

37—40. Осьмой кругъ (Злые-Рвы) идетъ наклоненною плоскостію къ окраинѣ колодезя; потому внѣшняя ограда каждаго рва всегда ниже, нежели ограда внутренняя (Ада XVIII, 1 и прим.). Такое устройство Злыхъ-Рвовъ имѣетъ значеніе и нравственное: путь къ худшему всегда легче, нежели путь къ лучшему (Ада I, 26—30 и прим.). Копишъ.

51. «Quoniam spes impii tamquam lanugo est, quae a vento tollitur; et tamquam spuma gracilis, quae a procella dispergitur; et tamquam fumus, qui a vento diffusus est; et tamquam memoria hospitis unius diei praetereuntis.» Vulg. Sapient. Cap. V, 15.

52. И такъ, возставъ, преодолѣй труды:
Въ комъ бодрствуетъ надъ слабостью отвага,
Тотъ побѣдитъ всѣ скорби и бѣды.

55. Не конченъ путь, хоть выйдемъ изъ оврага:
Еще длиннѣйшій намъ сужденъ въ удѣлъ;
Коль понялъ ты, послѣдуй мнѣ во благо.»

58. Тогда я всталъ и болѣ, чѣмъ имѣлъ,
Явилъ въ себѣ и твердости и воли
И говорилъ: «Идемъ, я бодръ и смѣлъ!»

61. И мы пошли; но тутъ гораздо болѣ
Былъ крутъ, утесистъ, тѣсенъ и тяжелъ
Нашъ горный путь, чѣмъ былъ онъ намъ дотолѣ:

64. Чтобъ скрыть усталость, я бесѣду велъ,
Ползя по камнямъ; вдругъ изъ ближней ямы
Исторгся крикъ—безсмысленный глаголъ.

67. Не понялъ я, что значилъ онъ, хотя мы
Шли по мосту уже надъ рвомъ седьмымъ;
Но, мнилось, былъ то гнѣва крикъ упрямый.

70. Я наклонился; но очамъ живымъ
Непроницаемъ былъ туманъ надъ бездной;
И я сказалъ: «Учитель, поспѣшимъ

73. На томъ краю сойдти съ стѣны желѣзной:
Какъ, слушая, не въ силахъ я понять;
Такъ, въ ровъ глядя, не вижу въ мглѣ беззвѣздной.»

76. — «Не иначе могу я отвѣчать,
Какъ дѣломъ: должно» возразилъ учитель:
«Прошенья мудрыхъ молча исполнять.»

79. Тогда со мной низшелъ путеводитель
Съ скалы, гдѣ мостъ примкнутъ къ осьмой стѣнѣ:
Тутъ мнѣ открылась лютая обитель.

---

55. — 57. Намекъ на будущее восхожденіе Данта отъ Люцифера (Ада XXXIV, 82) на вершину горы чистилища (Чист. XXVII, 124).

61. Поэты восходятъ на утесъ, который, образуя мостъ, ведетъ черезъ седьмой ровъ и коего продолженіе разрушено надъ шестымъ рвомъ (Ада XXIII, 136).

82. Я въ ней узрѣлъ всѣ виды змѣй на днѣ,
Крутившихся столь страшными клубами,
Что мысль о нихъ кровь леденитъ во мнѣ.

85. Да не гордится Ливія песками!
Пусть въ ней кишатъ хелидры, кенкры, тмы
И амфисбенъ и якулей съ ужами;

88. Но змѣй такихъ, столь гибельной чумы
Ни въ ней, ни тамъ, въ отчизнѣ Эѳіоповъ,
При Чермномъ морѣ, не узрѣли бъ мы.

---

82. «Въ седьмомъ рвѣ казнятся тати: одни изъ нихъ превращены въ змѣй, другіе еще носятъ человѣческій образъ; отъ взаимнаго столкновенія они подвергаются безконечно-разнообразнымъ превращеніямъ, переходятъ изъ однаго вида въ другой, сливаются въ необыкновенные образы, спутываютъ, ненавидятъ и губятъ одинъ другаго. Читая эту и слѣдующую пѣсни, съ одной стороны, изумляешься необыкновенной ясности, съ которою выражено одно изъ причудливѣйшихъ созданій воображенія; съ другой, при разсматриваніи болѣе внимательномъ, убѣждаешься, что и эта картина, дивная и вмѣстѣ ужасная, не есть пустая игра фантазіи, но что, напротивъ того, изображаетъ съ поразительною вѣрностію природу здѣсь наказуемаго порока и людей, ему преданныхъ. Кому не извѣстно, какое сильное вліяніе имѣютъ одинъ на другаго воры, дѣйствующіе за одно шайками? какъ ловко передаютъ они другъ другу свой языкъ, свои пріемы и хитрости, перемѣняютъ свои роли и, такъ сказать, превращаются одинъ въ другаго? какъ въ самыхъ тѣсныхъ взаимныхъ связахъ, необходимыхъ для своего преступленія, презираютъ, ненавидятъ и даже, въ случаѣ нужды, выдаютъ, губятъ одинъ другаго? Хитрыя змѣиныя извилины пути, на которомъ дѣйствуютъ тати, ихъ внезапное исчезаніе и потомъ столько же неожиданное появленіе, ихъ безпрестанный страхъ быть открытыми — однимъ словомъ, все, чѣмъ отличается это ремесло постыдное, представлено съ неподражаемымъ искусствомъ въ этой и въ особенности въ слѣдующей пѣсняхъ. Не менѣе глубокій смыслъ имѣетъ и то, что осужденные въ этомъ рвѣ взаимно служатъ орудіемъ своей собственной казни.» Штрекфуссъ.

86—87. Исчисленныя здѣсь породы змѣй заимствованы у Лукана и большею частію принадлежатъ баснословію: *хелидры* — водяныя змѣи; *кенкры* (cenchris) — испещренныя змѣи; *якули* — змѣи, бросающіяся на добычу въ видѣ стрѣлъ или дротиковъ; *амфисбены* (отъ ἀμφί и βαίνω) — змѣи одинаково-толстыя къ головѣ и хвосту, почему и думали въ древности, что онѣ могутъ ползать и впередъ и назадъ. Въ подлинникѣ упомянуты еще *фареи*: вѣроятно, такъ-наз. очковыя змѣи, пріучаемыя нынѣшними Индусами къ пляскѣ.

89—90. Здѣсь приведены три пустыни, окружающія Египетъ: Ливійская

91. Въ срединѣ рва, между свирѣпыхъ скоповъ,
Въ испугѣ рыскалъ рой тѣней нагихъ,
Ища норы, ища геліотроповъ.

94. Опутаны змѣями руки ихъ;
Впиваясь въ тылъ и пастью пламенѣя,
Клубятся гады на груди у нихъ.

97. И вотъ, предъ нами, въ однаго злодѣя
Метнулся змѣй и уязвилъ его
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ плечемъ слилася шея.

100. Не пишется такъ скоро I иль O,
Какъ вспыхнулъ онъ и такъ горѣлъ жестоко,
Что пепломъ весь разсыпался на дно.

103. И, по землѣ развѣянный далеко,
Собрался пепелъ самъ собой и вновь
Свой прежній видъ пріялъ въ мгновенье ока.

106. Такъ, по словамъ великихъ мудрецовъ,
Кончается и вновь изъ пепелища
Родится Фениксъ, жившій пять вѣковъ.

109. Не злакъ полей, ему цвѣтъ нарда пища;
А слезы мирры и аммомъ ему
Даютъ костеръ послѣдняго жилища.

112. И какъ больной, Богъ знаетъ, почему,
Вдругъ падаетъ, иль бѣсомъ сокрушенный,
Иль омракомъ, въ очахъ разлившимъ тьму;

на лѣво отъ Нила; Аравійская за Чермнымъ моремъ (гдѣ, по словамъ Геродота, водились летучія змѣи) и къ югу Эѳіопская. Филалетесъ.

93. *Геліотропъ*, камень изъ породы ясписовъ, темно-зеленаго цвѣта, имѣвшій, согласно съ вѣрованіемъ простаго народа въ средніе вѣка, свойство дѣлать обладателя имъ невидимымъ. Тати не надѣются уже найти какаго нибудь потаеннаго мѣста, или другаго средства, чтобы скрыться отъ змѣй.

100. Буквы самыя легкія для написанія.

106—111. Подражаніе Овидію, Metam. XV, 393—400.

115. Потомъ встаетъ, бросаетъ взоръ, смущенный
Злой немощью, отъ коей такъ страдалъ,
И переводитъ вздохъ въ груди стѣсненной:

118. Такъ грѣшникъ сей въ смятеніи возсталъ. —
О Господи! какъ строго Твой правдивый,
Предвѣчный судъ злодѣя покаралъ!

121. Мой вождь спросилъ: кто былъ онъ нечестивый?
И духъ: «Недавно, волею судебъ,
Въ сей лютый зѣвъ я палъ съ тосканской нивы.

124. Какъ звѣрь я былъ между людьми свирѣпъ;
Я Ванни Фуччи, мулъ и скотъ! Пистойя
Была межъ васъ достойный мой вертепъ.»

Non fruge, neque herbis,
Sed turis lacrimis, et succo vivit amomi.
Haec ubi quinque suae complevit saecula vitae,
Ilicis in ramis, tremulaeve cacumine palmae,
Unguibus et pando nidum sibi construit ore.
Quo simul ac casias, et nardi lenis aristas,
Quassaque cum fulva substravit cinnama myrrha;
Se super imponit, finitque in odoribus aevum.

109—111. Нардъ (andropagon nardus)—ароматное растеніе; аммомъ — ѳіопскій тминъ; мирра—смолистый сокъ душистаго дерева.

112—115. Сравненіе съ больнымъ, страждущимъ падучею болѣзнію, которую въ древности и въ средніе вѣка приписывали силѣ демона.

118. Мы неоднократно говорили, что у Данта всѣ грѣшники, согрѣшившіе непосредственно передъ Богомъ, наказуются проявленіемъ Его божественнаго свѣта. Мысли этихъ грѣшниковъ невольно обращаются къ Богу, и вмѣстѣ съ тѣмъ мучатъ, или внезапно уничтожаютъ ихъ. Послѣднее мы видимъ на этомъ святотатцѣ. Онъ похитилъ принадлежащее Богу; потому мысль о Богѣ отнимаетъ у него послѣднюю его собственность—его образъ. Мысль о Богѣ мгновенно уничтожила его въ собственномъ сознаніи: онъ сгараетъ и разсыпается пепломъ; но пепелъ опять собирается (ст. 105), грѣшникъ опять получаетъ прежній образъ, какъ Фениксъ, и получаетъ для того, чтобы снова богохульствовать (Ада XXV, 1—3). Копишъ.

119 — 120. Опять обращеніе къ правосудію Божественному, какъ при всѣхъ проявленіяхъ пламени въ аду (Ада XIX, 10 и примѣч.).

124—126. Ванни Фуччи де' Лаццери, побочный сынъ Фуччіо Лаццери изъ Пистойи (почему Данте и называетъ его *муломъ*), одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ приверженцевъ партіи Черныхъ (о происхожденіи партій Черныхъ и

127. И я: «О вождь! пусть онъ, предъ нами стоя,
Повѣдаетъ, за что̀ онъ палъ сюда,
Живъ на землѣ средь крови и разбоя?»

130. Услышавъ то̀, не скрылся онъ тогда;
Но взоръ пытливый на меня уставилъ
И покраснѣлъ отъ горькаго стыда.

133. «О томъ грущу,» онъ рѣчь ко мнѣ направилъ:
«Что въ этомъ срамѣ ты меня узрѣлъ;
А не о томъ, что я твой міръ оставилъ.

136. Такъ вѣдай же, о чемъ ты знать хотѣлъ;
Я здѣсь за то̀, что съ алтаря святаго
Прекрасную похитить утварь смѣлъ

Бѣлыхъ см. Ада VI, 64, примѣч.). Согласившись съ двумя молодыми людьми, онъ вызвался убить Фоккаччіа Канчеліери изъ бѣлой линіи; но какъ этотъ скрылся, то они умертвили рыцаря Бертино, за что̀ Фоккаччіа съ своей партіей и племянникомъ Бертино умертвилъ Детто изъ черныхъ Канчеліери. Тогда начальство Пистойи, желая положить конецъ этому душегубству, изгнало изъ города обѣ партіи, кромѣ Бертакки, отца Фоккаччія; но Фреди, одинъ изъ Черныхъ, успѣлъ пробраться въ городъ и закололъ Бертакку, послѣ чего изгнанникамъ дозволено было возвратиться. Началась явная борьба между партіями; при малѣйшемъ поводѣ происходили кровавыя драки; каждое убійство влекло за собою рядъ новыхъ. Такъ, по случаю одной такой стычки, Ванни Фуччи ограбилъ домъ Царино де' Ладзери, перешедшаго къ партіи Бѣлыхъ, и завладѣлъ его боевою лошадью. Въ другой разъ солдаты подесты города хотѣли разогнать толпу вооруженныхъ людей, собравшихся въ домъ Ладзери: узнавъ объ этомъ, Ванни Фуччи ворвался въ толпу, разогналъ солдатъ и при этомъ убилъ однаго изъ лучшихъ рыцарей подесты, который, видя невозможность обуздать неистовство партій, принужденъ былъ послѣ этого событія сложить съ себя достоинство градоначальника. Мы нарочно привели всѣ эти подробности, чтобы, съ одной стороны, показать, какими страшными смутами волновались въ то время города Италіи; а съ другой, чтобы оправдать передъ читателемъ Данта, присудавшаго такую лютую казнь человѣку, причинившему столько бѣдствій Тосканѣ. Филалетесъ.

127—129. Данте, зная Ванни Фуччи какъ человѣка кровожаднаго и грабителя, удивляется, почему онъ помѣщенъ между татями, а не въ седьмомъ кругу между насилователями ближнихъ—разбойниками (Ада XII).

133—135. Онъ стыдится не своихъ убійствъ, но того, что уличенъ въ унизительной кражѣ.

137—139. Вотъ разсказъ древнихъ комментаторовъ объ этомъ событіи:

139. И обвинилъ коварно въ томъ другаго.
А чтобъ не въ радость былъ тебѣ мой стыдъ,
Когда придешь изъ мрачныхъ странъ ты снова,

142. То эта вѣсть пусть слухъ твой изумитъ:
Сперва Пистойя Черныхъ всѣхъ разгонитъ,
Потомъ граждан̀ъ твой городъ обновитъ.

однажды, во время карнавала, послѣ шумной пирушки въ домѣ честнаго натаріуса Ванни делла Моны или Новы, Ванни Фуччи, сговорившись съ двумя товарищами, пробрался въ ризницу собора Св. Іакова, похитилъ оттуда знаменитую церковную утварь и спряталъ ее въ домѣ Ванни делла Моны. Подеста города, узнавъ о покражѣ, велѣлъ схватить многихъ молодыхъ людей, имѣвшихъ худую репутацію, хотя и невинныхъ въ этомъ дѣлѣ, и для полученія сознанія подвергнулъ ихъ столь страшной пыткѣ, что одинъ изъ истязуемыхъ, Рампино Форезе, умеръ среди истезанія. Между тѣмъ Ванни Фуччи, удалившійся въ это время изъ города, извѣстилъ письмомъ, гдѣ скрывается утварь. Ванни делла Мону схватили и безъ дальнѣйшаго суда повѣсили. Бенвенуто да Имола.

142—151. Считаемъ нужнымъ привести здѣсь краткій перечень событій, на которыя намекаетъ Данте. Когда смуты въ Пистойѣ достигли высшей степени (см. выше), одна партія, называвшаяся умѣренною (posati) и болѣе склонная къ Бѣлымъ, принудила старшинъ пистойскихъ передать управленіе городомъ Флоренціи, гдѣ въ то время перевѣсъ былъ на сторонѣ Бѣлыхъ. Присланные Флорентинцами подеста и capitano дѣйствовали сначала въ духѣ умѣренныхъ; но вскорѣ передали всѣ мѣста въ городѣ Бѣлымъ и наконецъ, въ 1301, поставили Андрея Герардини въ подесты Пистойи съ условіемъ выгнать окончательно всѣхъ Черныхъ, что̀ и успѣлъ онъ вскорѣ исполнить при содѣйствіи народа. И такъ въ это время «Пистоія разогнала всѣхъ Черныхъ» (ст. 143). Между тѣмъ въ самой Флоренціи произошелъ переворотъ въ пользу Черныхъ (Ада VI, 64, примѣч.), на что̀ намекаетъ слѣд. стихъ. Однакожъ Пистоія все еще оставалась во власти Бѣлыхъ; но вскорѣ принуждена была начать войну съ Флорентинцами, которые, соединившись съ Луккійцами, начали отнимать у нее крѣпости одну за другою. Особенно долго защищался замокъ Серравалле противъ соединенныхъ войскъ луккскихъ и флорентинскихъ подъ предводительствомъ маркиза Мороелло Маласпины. Наконецъ, въ 1305, осаждена была и самая Пистоія; Луккійцами предводительствовалъ опять маркизъ Маласпина. Послѣ долгой обороны, голодъ наконецъ заставилъ Пистойцевъ сдаться съ условіемъ, чтобъ Бѣлымъ были оставлены два замка въ горахъ (въ такъ-наз. Montagna). Вслѣдъ за тѣмъ были изгнаны всѣ Бѣлые какъ изъ Пистойи, такъ и Флоренціи; домы ихъ разрушены, а имущество конфисковано. Филалетесъ.

145. Изъ Вальдимагры, что въ туманахъ тонетъ,
Подниметъ Марсъ грозы кровавый паръ
И на полѣ Пичено вновь застонетъ

148. Бурь яростныхъ неистовый разгаръ
И весь туманъ съ полей разсѣетъ вскорѣ
И Бѣлымъ страшный нанесетъ ударъ.

151. Такъ говорю, чтобъ ты извѣдалъ горе!»—

145—146 Данте сравниваетъ маркиза Малеспину, коего владѣнія находились въ Вальдимагрѣ, съ паромъ, скопившимся въ этой долинѣ въ грозовыя тучи, разразившіяся наконецъ бурею въ полѣ Пичено около Фачеккіо, гдѣ Бѣлые окончательно были разбиты, и это пораженіе было причиною изгнанія этой партіи изъ Флоренціи (Villani, lib. VIII, cap. 44). Можетъ быть, подъ кровавымъ паромъ Данте разумѣетъ Черныхъ. Замѣчательно также, что Виллани упоминаетъ о кометѣ, явившейся въ 1301 и сопровождавшейся чернымъ дымомъ, что принимали за дурное предзнаменованіе, тѣмъ болѣе, что она явилась въ томъ мѣсяцѣ, когда Марсъ и Сатурнъ сходились въ созвѣздіи Льва. Не на это ли явленіе природы намекаетъ Данте? Филалетесъ.

ПѢСНЬ XXV.

Содержаніе. Пока Ванни Фуччи страшно богохульствуетъ, на него кидаются змѣи: одна стягиваетъ ему шею, другая скручиваетъ руки. Онъ бѣжитъ, преслѣдуемый кентавромъ Какусомъ, на спинѣ котораго распростертъ драконъ огнедышущій. Между тѣмъ передъ Дантомъ возстаютъ три другія тѣни: Аньело, Буозо и Пуччіо Шіанкато. Тѣнь перваго сливается съ шестиногимъ дракономъ, внутри котораго обитаетъ душа Чіанфы, и оба превращаются въ одно страшное чудовище. Вторая тѣнь уязвляется черною змѣею, въ коей поселенъ духъ грѣшника Кавальканте: тогда передъ глазами Данта совершается дивно-страшное событіе—человѣкъ превращается въ змѣю, змѣя въ человѣка. Третья тѣнь, Шіанкато, только одна остается непревращенною.

---

1. При сихъ словахъ, поднявши обѣ руки,
Шиши просунулъ межъ перстовъ злодѣй
И проклиналъ весь адъ и адски муки.

4. Но тутъ змѣя—съ тѣхъ поръ люблю я змѣй!—
Ему стянула будто петлей шею,
Какъ бы сказавши: продолжать не смѣй!

7. Другая, кинувшись на грудь злодѣю,
Такъ сжала руки, такъ впилась въ него,
Что двинуть онъ не могъ рукой своею.

10. Пистойя! о Пистойя! для чего
Не обратишься въ пепелъ, коль порокомъ
Ты превзошла и предка своего?

---

2. *Шишь*—fico—жестъ самый обидный въ Италіи. Sozomenes, въ своей Исторіи Пистойи, разсказываетъ, что однажды Пистойцы, въ обиду Флорентинцамъ, поставили при Карминьяно столбы съ изображеніемъ руки, указывающей на Флоренцію и имѣвшей большой палецъ просунутый между указательнымъ и среднимъ, и прибавляетъ: Nam vulgus vocat eas ficas. Филалетесъ.

4. Съ этого времени Данте, вмѣсто отвращенія къ змѣямъ, почувствовалъ уваженіе, видя, какъ онѣ наказали богохулителя.

10—12. Мы выше видѣли (Ада XXIV, 143 и примѣч.), что ожесточеніе

13. Я не встрѣчалъ во всемъ аду глубокомъ
Нигдѣ столь дерзкихъ предъ Творцемъ тѣней;
Не такъ былъ гордъ у Ѳивъ сраженный рокомъ!

16. Онъ въ ужасѣ помчался безъ рѣчей.
И видѣлъ я: Кентавръ разсвирѣпѣлый
Бѣжалъ, крича: «Гдѣ дерзкій? гдѣ злодѣй?»

19. Не думаю, чтобъ столько змѣй шипѣло
Въ Мареммѣ, сколько онъ въ хребтѣ носилъ
До плечь, гдѣ наше начиналось тѣло.

22. На раменахъ его, вцѣпившись въ тылъ,
Лежалъ драконъ съ разверстыми крылами
И полымемъ встрѣчавшихся палилъ.

25. И вождь сказалъ: «Вотъ Какусъ передъ нами!
Подъ камнями у Авентинскихъ горъ
Какъ часто кровь онъ проливалъ рѣками!

партій достигло въ Пистойѣ высшей степени; ст. 12 намекаетъ по видимому на предковъ Пистойцевъ, ибо городъ съ издавна много терпѣлъ отъ междоусобій; или, можетъ быть, на тотъ остатокъ разсѣяннаго войска Катилины, который, по разбитіи возмутителей, поселился въ Пистоpiумѣ (лат. Pistojas) и состоялъ изъ самой безнравственной сволочи. Кандегиссеръ.

15. Капаней (Ада XIV, 63 и прим.).

20. Маремма (Ада XIII,).

24. Тати вѣчно бѣгутъ какъ содомиты и трусы (Ада XV, 37 и III, 52 и д.), а потому каждый останавливающійся наказуется Какусомъ какъ сопротивникъ волѣ Божіей. Теперь онъ гонится за Ванни Фуччи.

25—27. Какусъ, сынъ Вулкановъ, жившій въ пещерѣ подъ Авентинскимъ холмомъ около Рима и занимавшійся разбоемъ, похитилъ четыре пары воловъ у Геркулеса, когда этотъ, отнявъ стада у Геріона (Ада XVII, 1 и пр.), прогонялъ ихъ по Италіи. Для того, чтобы скрыть свое похищеніе, Какусъ прибѣгнулъ къ хитрости: втащилъ воловъ въ свою пещеру за хвостъ съ тою цѣлію, чтобы направленіе слѣдовъ похищенныхъ животныхъ обмануло Геркулеса; но быки ревомъ своимъ открыли Геркулесу похителя, который за то и погибъ подъ его булавою. Данте придалъ этому разбойнику видъ Кентавра, вѣроятно не понявъ выраженія Виргиліева: semihomo; огнедышащаго же дракона онъ вѣроятно помѣстилъ на плеча Какуса потому, что Виргилій придаетъ ему способность извергать изъ себя пламя и дымъ (atros vomens ore ignos): извергая изъ себя черный дымъ, онъ затемнялъ свою пещеру. —Какусъ, сим-

28. Къ своимъ онъ братьямъ не причтенъ въ соборъ,
За тѣмъ что тамъ, въ сосѣдствѣ, свелъ изъ вида
Большое стадо какъ искусный воръ.

31. За то издохъ подъ булавой Алкида,
Который, вѣрь мнѣ, сто ударовъ далъ,
Хоть десятью отмстилася обида.»

34. Онъ говорилъ; межъ тѣмъ Кентавръ бѣжалъ.
Тогда предстали намъ три тѣни новы;
Но ихъ ни я ни вождь не замѣчалъ,

37. Пока онѣ не закричали: «Кто вы?»
И потому, разсказъ прервавши свой,
Внимать словамъ ихъ были мы готовы.

40. Я ихъ не зналъ; однакожь, какъ порой
Случается, случилось въ эту пору,
Что одпаго изъ нихъ назвалъ другой,

43. Сказавъ: «Чіанфа, гдѣ ты скрылся въ нору?»
А потому я перстъ прижалъ къ губамъ,
Чтобъ вождь прислушался къ ихъ разговору.

46. Читатель! если ты моимъ словамъ
Не вдругъ повѣришь, не дивлюсь: очами
Все видѣлъ я, но имъ не вѣрю самъ!

49. Гляжу на нихъ съ поднятыми бровями:
Вдругъ бросился на одпаго изъ трехъ,
И сросся съ нимъ драконъ съ шестью ногами.

волъ татьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и символъ казни татей, подобно Церберу, Минотавру и др., за эту хитрую кражу, отдѣленъ отъ прочихъ Кентавровъ, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ седьмаго круга (Ада XII, 56).

32—33. Прекрасная картина гнѣва: Геркулесъ, символъ силы, такъ разгнѣванъ хитростію, что въ ярости еще наноситъ удары, хотя похитель погибъ уже отъ первыхъ ударовъ. Копишъ.

43—50. Чіанфа Донати (по др. Абати), изъ партіи Черныхъ, превращенъ уже въ шестиногаго дракона (см. ниже ст. 50.). Спрашивающій о немъ—Флорентинецъ Аньелло или Анджелло Брунелески. Вѣроятно, они дѣлились кражею при жизни: по этой причинѣ они теперь сливаютъ свою по-

52. Животъ облапивъ средней парой ногъ,
Переднія онъ на руки накинулъ
И, въ щеки впившись, на него налегъ;

55. Потомъ по бедрамъ заднія раздвинулъ
И, между ногъ огромный хвостъ продѣвъ,
По чресламъ сзади вверхъ его закинулъ.

58. Такъ плотно плющъ не вьется вкругъ деревъ,
Какъ вкругъ души ужасный гадъ обвился
И наконецъ, вполнѣ разсвирѣпѣвъ,

61. Какъ съ воскомъ воскъ, съ ней членами слѣпился,
И ихъ цвѣта въ одинъ смѣшались цвѣтъ:
Тогда ихъ видъ внезапно измѣнился.

64. Такъ предъ огнемъ ложится темный слѣдъ
Въ папирусѣ, гдѣ чернаго нѣтъ цвѣта,
Но между тѣмъ и бѣлаго ужъ нѣтъ.

67. На нихъ глядятъ другіе два клеврета,
Крича: «Аньель! какъ измѣнился ты!
Ты не одинъ теперь, ни два предмета!»

70. Двѣ головы уже въ одну слиты;
Два призрака въ одинъ преобразились;
Въ одномъ лицѣ исчезли двухъ черты.

73. Изъ четырехъ двѣ лапы появились;
Животъ и грудь и бедра и глава
Въ неслыханные члены превратились.

слѣднюю принадлежность—наружный образъ—въ одно цѣлое, въ такое чудовище, что не одинъ изъ нихъ не знаетъ, что кому принадлежитъ. Оба были Флорентинцы, изъ партіи Гвельфовъ (Черныхъ); болѣе о нихъ ничего неизвѣстно. Копишъ.

64—64. По словамъ Піеръ Крешенціо, современника Дантова, въ средніе вѣка нерѣдко употребляли для свѣтиленъ въ лампадахъ и свѣчахъ волокна папируса (papyrus), особеннаго тростника, изъ котораго древніе приготовляли бумагу. Даніелло полагаетъ, что Данте употребилъ здѣсь галлицисмъ, сказавъ *papiro* (papier) вмѣсто *carta*; но это едва ли справедливо, потому что во времена Данта еще не приготовлялась наша бумага изъ тряпья.

76. Ужь видъ ихъ былъ не тотъ, что̀ былъ сперва:
И вотъ явился страшный образъ взору,
И образъ тотъ былъ ни одинъ, ни два.—

79. Какъ въ знойный день, въ каникульную пору,
Намъ прерываетъ ящерица путь,
Какъ молнія съ забора мчась къ забору:

82. Такъ бросился къ двумъ грѣшникамъ на грудь
Змѣй огненный, съ хвостомъ чернѣе перца,
Столь яростный, что страшно и взглянуть.

85. И тамъ, гдѣ мы кровь матерняго сердца
Впервые пьемъ, пронзилъ онъ одлаго
И, протянувшись, палъ къ ногамъ лжевѣрца.

88. Пронзенный зритъ злодѣя своего
И, недвижимъ, безмолствуя, зѣваетъ,
Какъ если бъ знобъ, иль сонъ томилъ его.

91. Онъ на змѣю, та на него взираетъ;
Онъ раною, она дымится ртомъ,
И черный дымъ, сшибаясь, ихъ скрываетъ.

94. Молчи теперь и ты, Луканъ, о томъ,
Какъ былъ сожженъ Сабелъ змѣей-медузой,
И выслушай, что̀ видѣлъ я потомъ.

79—81. Къ числу многочисленныхъ сравненій, вѣрно схваченныхъ Дантомъ съ природы, принадлежитъ безъ сомнѣнія и это уподобленіе. Красивое животное, о которомъ здѣсь говорится и коего быстрыя, какъ молнія, движенія въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы вѣроятно памятны каждому, бывавшему лѣтомъ въ Италіи, есть обыкновенная ящерица, Lacerta agilis L. Она живетъ подъ камнями у стѣнъ и заборовъ и, согрѣтая солнцемъ, съ поразительною быстротою кидается за жучками и др. насѣкомыми, которыми питается. Едва ли можно изобразить короче и живописнѣе движенія этого животнаго, чѣмъ въ этихъ стихахъ. Филалетесъ.

84—85. Т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ зародышъ въ утробѣ матери получаетъ кровь черезъ пуповину.

94—96. Луканъ въ своей Фарсаліи (IX, 763—804) повѣствуетъ, что во время похода Катона младшаго (Ада XIV, 15 и прим.) одинъ солдатъ изъ

97. Молчи, Назонъ, о Кадмѣ съ Аретузой:
Пусть *онъ* въ змѣю, *она* въ живой потокъ
Превращены твоей волшебной музой;

100. Но измѣнить ты никогда бъ не могъ
Такъ двухъ существъ, чтобъ оба превратились
Одно въ другое съ головы до ногъ!—

103. Змѣя и духъ такъ видомъ обмѣнились,
Что хвостъ у ней разсѣкся, раздвоясь;
А у него стопы соединились.

106. И голени, между собой слiясь,
Срослися такъ, что вскорѣ не имѣла
Ужь и слѣдовъ слiянныхъ членовъ связь.

109. Двурогiй хвостъ сталъ тою частью тѣла,
Что скрылась *тамъ*, и кожа у змѣи
Смягчалася, а у него твердѣла.

112. Я зрѣлъ, какъ руки прятались въ свои
Плеча; на сколько жъ руки уменьшались,
На столько лапы у ней росли.

115. ....
....
....

118. Пока ихъ дымъ въ цвѣтъ новый облекалъ,
Пока драконъ власами покрывался,
А раненый ихъ съ головы ронялъ, —

121. Одинъ возсталъ, другой же пресмыкался,
Другъ съ друга страшныхъ не сводя очей,
Отъ коихъ въ каждомъ образъ измѣнялся.

его войска, по имени Сабелъ, былъ уязвленъ змѣею, по прозванію seps, и тутъ же отъ внутренняго жара разсыпался пепломъ. Въ подлинникѣ упоминается и о другомъ солдатѣ, Нассидiѣ, который, по словамъ того же поэта, былъ ужаленъ въ то же время змѣею prester, и распухъ до того, что на немъ лопнули желѣзныя латы.

97—99. О превращенiи Кадма въ дракона см. Ovid. Metamph. VI, 563—602; о превращенiи Аретузы въ ручей V, 572.

124. Къ вискамъ надвинулъ ликъ возставшій змѣй;
А изъ того, что здѣсь излишнимъ стало,
Явились уши сзади челюстей;

127. И что назадъ съ лица не убѣжало,
Слилося въ носъ и, рядъ покрывъ зубовъ,
Раздулось въ губы, сколько надлежало.

130. У падшаго вытягивался клёвъ;
Ужь слѣдъ ушей въ его главѣ сокрылся,
Какъ прячутся рога у слизняковъ.

133. Языкъ, сперва столь дерзкій, раздвоился;
А у змѣи двойное лезвее
Слилось въ языкъ и—дымъ остановился.

136. Душа, пріявъ иное бытіе,
Какъ гадъ шипящій, уползла въ долину;
А тотъ съ проклятьемъ плюнулъ на нее.

139. И, новую къ ней обративши спину,
Сказалъ: «Пусть тамъ, гдѣ ползалъ я сперва,
Ползетъ Бубзо въ адскую пучину.»—

142. Такъ превращался рой седьмаго рва
Изъ вида въ видъ, и мнѣ да извинится,
Что ясностью не блещутъ здѣсь слова.

145. Хоть было тутъ чему очамъ дивиться,
Хотя мой умъ отъ страха изнемогъ:
Все жъ не могли три тѣни такъ укрыться,

148. Чтобъ распознать я Пуччіо не могъ:
Изъ трехъ тѣней, подвластныхъ чудной силѣ,
Лишь онъ одинъ свой образъ уберегъ;

---

141. Вуозо (Вуоссо) де' Донати (по Петру Данте, дельи Аббати).

149. Эти три тѣни суть Аньелло Брунелески, Буозо Донати и Пуччіо Шіанкато де' Галигаи; драконъ въ шестью ногами—Чіанфа Донати или Абати (ст. 47—50), черная змѣя—Франческо или Гвельфо Гверчіо Кавальканте: этотъ послѣдній, принявшій теперь видъ человѣка и передавшій свою змѣи-

151. Другой оплакан был тобой, Гавилле!

ную натуру Буозо Донати, был умерщвлен жителями местечка Гавилле, в Валь д' Арно ди Сопра; родственники убитаго страшно отмстили за него жителям этого города, почему и сказано, что он был оплакан Гавилле. Вообще о всех этих пяти Флорентинцах мы имеем мало сведений; известно только, что двое из них: Чіанфа Донати и Брунелески были Черные, а Буозо Абати и Кавальканте—Белые.

ПѢСНЬ XXVI.

Содержаніе. Предсказавъ Флоренціи грядущія бѣдствія за испорченность нравовъ ея жителей, Данте, поддерживаемый Виргиліемъ, восходитъ съ великимъ трудомъ съ внутренней ограды седьмаго рва на мостъ, перекинутый черезъ *осьмой* ровъ. Повиснувъ надъ бездною, поэтъ глядитъ на дно и видитъ безчисленное множество летающихъ огненныхъ купъ, въ которыхъ заключены души злыхъ совѣтниковъ. Одинъ изъ этихъ пламенниковъ къ верху раздвоенъ, и Данте, спросивъ о немъ Виргилія, узнаетъ, что въ пламени казнятся Улиссъ и Діомедъ, какъ люди, заодно дѣйствовавшіе и словомъ и дѣломъ на погибель Трои. Первый, на вопросъ Виргилія, повѣствуетъ, какъ онъ убѣдилъ товарищей проникнуть за столпы Геркулесовы; какъ, пустившись въ открытый океанъ, достигъ высокой горы (чистилища), и какъ возставшій отъ горы жестокій вихрь разрушилъ его корабль и потопилъ его со всѣми товарищами.

---

1. Гордись, Флоренція, своей державой!
Весь міръ дрожитъ подъ сѣнью крылъ твоихъ
И цѣлый адъ гремитъ твоею славой!

4. Въ числѣ татей я встрѣтилъ пять такихъ
Твоихъ гражданъ, что долженъ ихъ стыдиться;
Честь и тебѣ не велика отъ нихъ.

7. Но если намъ предъ утромъ правда снится,
Почувствуешь ты скоро то, чему
Не только міръ, самъ Пратъ возвеселится.

---

2. Въ подлин.: poi che se' sì grande, Che per mare e per terra batti l'ali. Такъ какъ Флоренція, могущественный оплотъ Гвельфовъ, не имѣла морскихъ силъ, даже въ самое цвѣтущее свое состояніе; то стихъ этотъ надобно принимать только какъ выраженіе ея могущества и славы вообще. Каннегиссеръ.

7. Утренніе сны, согласно съ древнимъ преданіемъ, бываютъ обыкновенно правдивы. Овидій говоритъ:

«Namque sub Aurora jam dormitante lucerna
Tempore quo cerni somnia vera solent.»

Одинъ старинный комментаторъ правдивость утреннихъ сновъ объясняетъ такъ: «Обманчивыя сновидѣнія зависятъ большею частію отъ внѣшнихъ

10. Теперь насталъ приличный часъ тому:
Коль быть бѣдамъ, пускай приходятъ скоро!
Позднѣй, мнѣ ихъ не вынесть самому! —

13. Тутъ мы пошли: по лѣстницѣ, съ которой,
Какъ по зубцамъ, спускались мы сперва,
Взбирался вождь и мнѣ служилъ опорой.

16. И ноги наши, по обломкамъ рва
Путемъ пустыннымъ восходя къ вершинѣ,
Безъ силы рукъ вверхъ двигались едва.

вліяній, преимущественно отъ обремененія желудка, которое къ утру обыкновенно проходитъ; но когда душа наша, отъ такихъ узъ освобожденная, какъ бы отторгается отъ своего тѣла и, такъ сказать, возвращается къ родному ей естеству божественному, тогда сны наши становятся правдивыми.» Филалетесъ.

8. Предчувствіе бѣдствій роднаго города Данте приводитъ въ формѣ сновидѣнія. Несчастія Флоренціи, на которыя намекаетъ поэтъ, были: во первыхъ, паденіе моста Carraja черезъ Арно, въ 1304, во время представленія на рѣкѣ адскихъ мученій грѣшниковъ, при чемъ погибло множество народа; во вторыхъ, страшный пожаръ, произведенный Черными и истребившій 1700 домовъ, принадлежавшихъ Бѣлымъ; наконецъ, раздоръ между Черными, раздѣлившимися на партію народа (подъ начальствомъ Россо делла Феза) и партію вельможъ (подъ начальствомъ Корсо Донати), раздоръ, кончившійся убіеніемъ послѣдняго.

9. Сосѣдніе города Италіи ненавидѣли Флоренцію за ея притѣсненія. Такъ упоминаемый здѣсь Прато, маленькая крѣпостца, принадлежавшая Флоренціи, была принуждена заплатить въ 1292 г. Флорентинцамъ 10,000 флориновъ пени за то, что не выдала имъ скрывшагося въ ней убійцу. — Смыслъ этого стиха: не только отдаленныя, но и ближайшія мѣста, каковъ Прато, желаютъ твоей погибели. Другіе разумѣютъ здѣсь кардинала Николая ди Прато, который, послѣ тщетныхъ стараній примирить враждующія партіи, вынужденъ былъ наложить въ 1304 церковное запрещеніе на Флоренцію.

10—12. Всѣ эти бѣдствія дѣйствительно заслужила Флоренція; они будутъ своевременны, если наступятъ теперь же; явясь позже, они сильно опечалили бы самаго Данта: ибо, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ старѣетъ, сильнѣе пробуждается въ немъ любовь къ отечеству. Веллутелло.

13—15. Въ предыдущей пѣснѣ (Ада XXIV, 72), поэты спустились по обрывамъ утеса на внутреннюю ограду седьмаго рва: теперь Данте, поддерживаемый Виргиліемъ, опять взбирается какъ по лѣстницѣ, по этимъ зубцамъ (въ подлин.: *borni*, собственно тѣ камни, которые въ стѣнахъ неоконченныхъ выдаются изъ

19. Смутился я; смущаюсь и донынѣ,
Лишь только вспомню, что̀ я тамъ узрѣлъ;
Но духъ сильнѣй смирилъ я въ сей пустынѣ,

22. Чтобъ мудрости не выйдти за предѣлъ
И не утратить, что̀ благой звѣздою,
Иль высшимъ благомъ мнѣ дано въ удѣлъ.

25. Какъ селянинъ, покоясь подъ горою,—
Въ томъ мѣсяцѣ, въ которомъ свѣтъ и жаръ
Свѣтило дня льетъ дольше надъ землею,

28. Въ тотъ часъ, когда смѣняетъ мухъ комаръ,—
Зритъ червячковъ свѣтящихъ рой въ долинѣ,
Гдѣ садъ его, иль нивы рыхлый паръ:

31. Столь много свѣтовъ двигалось въ пучинѣ
Осьмаго рва, какъ я увидѣлъ самъ,
Когда стоялъ на каменной стремнинѣ.

34. ....
....
....

зданія), чтобы по нимъ взойдти на мостъ, идущій черезъ осьмой ровъ. Портирелли.

22—24. Въ этой терцинѣ выражено омерзеніе, которое питаетъ поэтъ къ грѣшникамъ, здѣсь наказуемымъ (злымъ совѣтникамъ), употребившимъ разумъ, даръ божественный, на злыя дѣла.

24. Высшее благо есть божественная воля, которую Данте всегда противопоставляетъ случаю или вліянію звѣздъ (Ада XX, 46 и XXI, 72 и др.). Отъ Бога истекаетъ свѣтъ разума, который, будучи употребленъ во зло, всегда влечетъ гибель. Филалетесъ. Копишъ.

25—30. Въ этомъ уподобленіи приведены съ величайшею точностію всѣ свойства очаровательнаго италіанскаго вечера: во первыхъ, время года, изобильное свѣтящими ивановыми червячками (lucciole), именно лѣтнее солнцестояніе, когда солнце всего долѣе свѣтитъ; во вторыхъ, время дня — приближеніе ночи, когда безпокойныя дневныя мухи угомонятся и вмѣсто нихъ жужжатъ водяныя мошки и комары (zanzara). Въ это время крестьянинъ, отдыхая подъ горою, чтобы защититься отъ вечернихъ испареній плодородной, но вредной для здоровья долины, гдѣ онъ занимался сельскими работами, увеселяетъ зрѣніе безчисленнымъ множествомъ свѣтящихся насѣкомыхъ. Филалетесъ.

37. ....
....
....

40. Такъ здѣсь огни носились между скалъ,
Добычь своихъ для глазъ не обнажая;
Но понялъ я, что каждый тѣнь скрывалъ.

43. Я на мосту стоялъ, на дно взирая,
И, не держась за ближній камень, въ ровъ
Я бъ могъ упасть, не бывши столкнутъ съ края.

46. И вождь, узрѣвъ, что я упасть готовъ,
Сказалъ: «Сей огнь проклятый родъ скрываетъ;
Онъ облеченъ въ пылающій покровъ.»

49. А я: «Твое мнѣ слово подверждаетъ
Вполнѣ все то, въ чемъ былъ я убѣжденъ;
Но я желалъ бы вѣдать: кто блуждаетъ

52. Въ томъ пламени, что къ верху раздвоенъ,
Какъ столбъ огня, поднявшійся высоко
Съ костра, гдѣ съ братомъ Этеоклъ сожженъ?»

40—42. Въ этомъ рвѣ казнятся злые совѣтники, которые, будучи облечены въ пламенныя купы и, носясь въ нихъ взадъ и впередъ, вѣчно чувствуютъ жгучую его силу. — «Смыслъ этой казни слѣдующій: кто подаетъ злой совѣтъ другому, тотъ согрѣшаетъ передъ свѣтомъ (разумомъ), даннымъ ему въ избыткѣ сравнительно съ другими Богомъ: они, такъ сказать, похищаютъ его у Бога. Святые совѣтодатели обращали свѣтъ своего разума къ Богу, а потому, облеченные имъ какъ ризою, въ единеніи съ Богомъ, восходятъ на небо; напротивъ свѣтъ (разумъ) злыхъ совѣтниковъ, уклонившись отъ Бога, низводитъ ихъ въ адъ, и чѣмъ болѣе они отъ него уклоняются, тѣмъ жесточе имъ наказаніе. Они, по словамъ поэта, служатъ добычею огня, который похищаетъ ихъ души, «ut scirent, quia per quae peccat quis, per haec et torquetur.» Vulg. Sapient. Cap. XI, 17. Эти духовные тати совершенно укрыты отъ нашего взора, тогда какъ тати чужихъ имуществъ лишены только внѣшней своей принадлежности—наружнаго вида (Ада XXIV и XV).» Копишъ.

53—54. Этеоклъ и братъ его Полиникъ, дѣти Эдипа, долго спорившіе, кому должны принадлежать Ѳивы, умертвили наконецъ другъ друга въ поединкѣ. Тѣла братьевъ положили на одинъ костеръ; но поднявшееся съ ко-

55. И вождь въ отвѣтъ: «Въ немъ мучатся жестоко
Улиссъ и Діомедъ: какъ на Троянъ
Шли вмѣстѣ въ злобѣ, такъ и въ адъ глубокій

58. Низвергнуты за гнусный свой обманъ,
Отверзшій входъ коню въ врата градскіе,
Откуда вышелъ славный родъ Римлянъ;—

61. За хитрый ковъ, который Дейдаміѣ
Судилъ и мертвой горьки слезы лить;
Здѣсь за Палладій терпятъ муки злыя!»—

64.—«Коль изъ огня имъ можно говорить,
Молю тебя» сказалъ я съ состраданьемъ:
«И, вновь моля, готовъ сто разъ молить!

стра пламя раздвоилось, какъ бы въ доказательство того, что безумная ненависть братьевъ не замолкла и по смерти.

«Tremuere rogi et novus advena busto
Pellitur, exundan diviso vertice flammae.«

Statius, Theb. XII, 430.

55—63. Улиссъ и Діомедъ заключены въ одну огненную купу какъ неразлучные строители хитроумныхъ кововъ на погибель Трои. Сюда принадлежатъ: во первыхъ, похищеніе Палладія или Палладіума, статуи богини мудрости, упавшей съ Олимпа и хранившейся въ Троѣ въ храмѣ ея замка; отъ обладанія этой статуей зависѣла, согласной съ оракуломъ Аполлона, судьба Трои, почему Улиссъ и Діомедъ согласились похитить ее и дѣйствительно похитили, пробравшись въ замокъ Трои въ одеждѣ нищихъ (ст. 63). — Далѣе, по совѣту Улисса, Греки построили деревянаго коня, внутри котораго спрятались самъ Улисъ и другіе герои; Трояне, повѣривъ Синону, увѣрявшему, что конь построенъ какъ примирительное приношеніе Палладѣ, втащили громаду въ Трою и для удобнѣйшаго прохожденія ея сломали даже часть стѣны; ночью Греки вышли изъ коня, отперли ворота и впустили приближавшіяся къ тому времени войска Грековъ; тогда Эней, спасаясь изъ погибавшей Трои, бѣжалъ съ немногими Троянами и, прибывъ въ Италію, положилъ основаніе будущей Римской Имперіи.

61. Дейдамія, дочь Ликомеда, царя скиросскаго. При дворѣ Ликомеда Өетида скрыла сына своего Ахилла, переодѣвъ его въ женское платье, для того, чтобы спасти отъ опасностей, угрожавшихъ ему, согласно съ оракуломъ, при осадѣ Трои. Но Улиссъ скоро открылъ Ахилла, явившись ко двору Ликомеда купцемъ съ разными товарами, состоявшими изъ женскихъ украшеній и ратнаго доспѣха: первыя раскупили женщины, Ахиллъ же схватилъ оружіе. Тогда Улиссъ уговорилъ будущаго героя покинуть свою возлюбленную Дейдамію и идти вмѣстѣ съ нимъ подъ Трою.

67. Дозволь дождаться мнѣ, пока съ сіяньемъ
Двурогій пламень вступитъ въ устье скалъ:
Смотри, какъ я склоненъ къ нему желаньемъ!»—

70. «Твоя мольба достойна всѣхъ похвалъ,
И я согласенъ съ мыслями твоими;
Но не тебѣ,» учитель отвѣчалъ:

73. «Мнѣ надлежитъ вести бесѣду съ ними:
Быть можетъ, ихъ, какъ Грековъ, дать отвѣтъ
Ты не преклонишь просьбами своими.»

76. Когда блеснулъ предъ нами яркій свѣтъ,—
Въ приличный часъ и въ надлежащемъ мѣстѣ
Въ такихъ словахъ къ нимъ началъ мой поэтъ:

79. «О вы, вдвоемъ пылающіе вмѣстѣ!
Коль къ жизни той я заслужилъ не разъ
Хоть слабую отъ васъ награду чести,

82. Когда писалъ высокій свой разсказъ,—
Не двигайтесь и, если непротивно,
Скажите, гдѣ погибъ одинъ изъ васъ?»

85. И древній огнь, пророкотавъ уныбно,
Восколебалъ свой бóльшій рогъ тогда,
Какъ свѣточь, если дунетъ вѣтръ порывно.

88. И какъ языкъ лепечетъ отъ стыда,
Такъ, остріемъ трепещущимъ взволнованъ,
Извергъ онъ голосъ и сказалъ: «Когда

73—75. Греки не стали бы отвѣчать Данту или по своей гордости, или изъ ненависти къ Латинамъ, потомкамъ Троянъ.—Замѣчательно, что Данте нигдѣ въ своей поэмѣ не вступаетъ въ разговоръ съ лицами изъ древней греческой исторіи: не есть ли это намекъ на его незнаніе греческаго языка? Филалетесъ.

85—86. *Большій рогъ* заключаетъ въ себѣ душу болѣе разумнаго Улисса, во зло употребившаго болѣе свѣта, т. е. разума, а потому и объятаго бóльшимъ пламенемъ *Древнимъ* названъ огонь потому, что протекло много вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ заключены эти души.

88—90. Мысль глубокая! какъ трудно человѣку лжи облечь въ слово

91. Разстался я съ Цирцеей, бывъ прикованъ
Къ ней слишкомъ годъ въ Гаэтѣ, прежде чѣмъ
Энеемъ градъ былъ такъ наименованъ,—

94. Я остановленъ не былъ ужь ни кѣмъ:
Ни милымъ сыномъ, ни отцемъ почтеннымъ,
Ни доброю супругой, чей яремъ

97. Мой краткій вѣкъ содѣлать могъ блаженнымъ:
Дабы узнать добро и горе странъ,
Невѣдомыхъ народамъ современнымъ,

100. Пустился я въ открытый океанъ,
Въ одной ладьѣ, съ дружиной небольшою,
Которую совѣтъ мой ввелъ въ обманъ.

истину, которая, какъ огонь, его уничтожающій, объемлетъ его душу! Это явленіе еще разительнѣе выражено въ слѣд. пѣснѣ (Ада XXVII, 4—18). Нельзя не подивиться также глубокомыслію поэта, превратившаго этихъ людей въ огненные языки,—людей, которыхъ языкъ, по слову Апостола, былъ огнь, воспаляющій кругъ жизни. «Et lingua ignis est, universitas iniquitatis. Lingua constituitur in membris nostris, quae maculat totum corpus, et inflammat rotam nativitatis nostrae inflammata a gehenna.» Vulg. Jacob. III, 6. Копишъ. Филалетесъ.

91—93. Слѣдуя Виргилію, Данте принимаетъ мѣстопребываніе волшебницы Цирцеи, превратившей спутниковъ Улисса въ свиней, не далеко отъ мыса Монте Чирчелло, между Террачиной и Гаэтой,— городомъ, такъ названнымъ Энеемъ въ честь его кормилицы Каэты.

95 — 96. Т. е. ни нѣжностію къ сыну Телемаху, ни преданностію къ отцу моему престарѣлому Лаэрту, ни любовію къ супругѣ Пенелопѣ.

100. Этотъ неподражаемый разсказъ о гибели Улисса, ни сколько не согласный съ повѣствованіемъ Гомеровымъ, служитъ новымъ доказательствомъ тому, что Данте не зналъ греческаго языка и не читалъ «Одиссеи» въ подлинникѣ. Правда, въ его время существовалъ уже переводъ ея, сдѣланный Пиндаромъ Тебанусомъ; но такъ какъ этотъ переводъ отличался варварскимъ языкомъ, то и остался почти незамѣченнымъ современниками; только по смерти Данта, переводъ Одиссеи, исполненный подъ иждивеніемъ Боккаччіо и Петрарки Леонтіемъ Пилатомъ, вошелъ во всеобщее употребленіе. Впрочемъ, если бы даже и была извѣстна Данту Одиссея, онъ вѣроятно все-таки позволилъ бы себѣ это отступленіе, потому что, прибѣгая къ миѳологіи и самой исторіи, поэтъ, какъ мы сказали, пользовался ими по столько, по сколько онѣ могли служить ему для олицетворенія его идей. До сихъ поръ не-

103. Испанскій берегъ былъ ужъ предо мною;
Сардинію, Марокко я узрѣлъ
И острова, омытые волною.

106. Ужъ я съ своей дружиной постарѣлъ,
Когда достигъ до узкаго пролива,
Гдѣ Геркулесъ поставилъ свой предѣлъ,

109. Чтобъ въ даль никто не простиралъ порыва;
Исчезъ на право ужъ Севильи слѣдъ,
На лѣво Септа скрылась въ глубь залива.

112. «Друзья!» я рекъ: «извѣдавъ столько бѣдъ
«Въ пути своемъ на западъ отдаленный,
«Уже ли мы остатокъ ветхихъ лѣтъ

115. «Не посвятимъ на подвигъ дерзновенный?
«Во слѣдъ за солнцемъ, по равнинамъ водъ,
«Проникнемъ смѣло въ міръ ненаселенный!

извѣстно, откуда заимствовалъ Данте этотъ разсказъ объ Улиссѣ: есть ли онъ его изобрѣтеніе, или основанъ на средневѣковыхъ преданіяхъ? Объ Улиссѣ было множество преданій уже въ древности: такъ еще Плиній и Солинъ называли Улисса основателемъ Лиссабона; такъ у Тацита (De Germ. cap. III) сказано, что Улиссъ посѣщалъ берега сѣвернаго Нѣмецкаго моря, гдѣ основалъ городъ Asciburgium. Наконецъ, даже въ средніе вѣка, вѣроятно, ходило въ народѣ много сказаній какъ объ Улиссѣ, такъ и о невѣдомыхъ странахъ другаго полушарія: ибо мы знаемъ, что еще задолго до открытія Колумба отважные моряки Скандинавіи и Исландіи посѣщали уже берега нынѣшней Америки.

105. Корсика, Болеарскіе и др. острова, омываемые Тирренскимъ моремъ.

107—109. Т. е. до такъ-наз. Геркулесовыхъ столповъ (Гибралтарскаго пролива), образуемыхъ двумя горами, Абилой и Кальпой, гдѣ Геркулесъ поставилъ свой знаменитый девизъ: nec plus ultra. Другими словами: Улиссъ достигъ той границы, которая поставлена человѣку (по понятіямъ того времени) самою силою божественной; перейдти этотъ предѣлъ значитъ идти противъ воли Бога. Копишъ.

110 — 111. Севилья городъ въ Испаніи (Ада XX, 124. и пр.); Септа (Setta), древнее названіе африканскаго города Сеута.

116. По понятіямъ того времени, другая половина земнаго шара была покрыта моремъ.

118. « О вспомните свой знаменитый родъ!
«Должны ль мы жить какъ звѣри? нѣтъ! познанья
«И добродѣтель—цѣль земныхъ заботъ!»

121. И силою столь краткаго воззванья
Я такъ возжогъ на подвигъ ихъ умы,
Что самъ едва въ нихъ обуздалъ желанья.

124. И, обратя къ востоку руль кормы,
Въ безумный путь на веслахъ, какъ крылами,
Держась всё влѣво, понеслися мы.

127. Ужь ночь являлась съ чуждыми звѣздами
Другихъ небесъ, а наши каждый разъ
Все ниже, ниже зрѣлись надъ волнами.

130. Пять разъ пылалъ и столько жь снова гасъ
Исподъ луны, съ тѣхъ поръ, какъ въ океанѣ
Путь роковой манилъ все далѣ насъ.

118—120. Эти-то слова и составляютъ главное преступленіе Улисса какъ злаго совѣтника: ими онъ прикрываетъ грѣховность своего дерзкаго предпріятія, представляя его подвигомъ добродѣтели, подобно тому какъ лжепророки (Ierem. XXIII, см. выше) выдавали свои мечтанія за что-то божественное, а потому и погибли, какъ Улиссъ, отъ вихра Господня. Копишъ.

124—126. Обративъ руль къ востоку, они плыли на Ю. З. влѣво отъ прямой линіи, проведенной на западъ, пока достигли острова чистилища помѣщеннаго Дантомъ на другомъ полушаріи прямо противоположно Іерусалиму, стало быть, подъ 32° Ю. широты и 155° З. долготы по Гринвическому меридіану, или почти въ 450 нѣмец. миль отъ сѣверой оконечности Новозеландіи. Филалетесъ.

128. *Другихъ небесъ*, т. е. южнаго полюса.

130. Значитъ, они плыли 5 мѣсяцевъ. Гора чистилища отстоитъ отъ Кадикса почти на 2050 миль; если принять мѣсяцъ ровно въ 30 дней, выйдетъ, что въ день они плыли около 13 миль, что не должно казаться слишкомъ малымъ, принимая въ расчетъ несовершенство мореплаванія во времена Улисса. Филалетесъ.

131. *Исподъ луны*, т. е. ея нижняя поверхность, которою луна постоянно обращена къ землѣ.

133. Тогда гора явилась намъ въ туманѣ:
Во вѣкъ не зрѣлъ я столь высокихъ горъ!
Мы восклицаемъ въ радости заранѣ;

136. Но вмигъ померкъ отъ страха свѣтлый взоръ:
Внезапно вихрь отъ новыхъ странъ родился
И прямо въ бортъ ударилъ намъ въ отпоръ.

139. Три краты чёлнъ съ волнами закружился;
Вверхъ поднялась корма въ четвертый разъ,
И, какъ хотѣлъ Всесильный, киль сломился

142. И море съ шумомъ поглотило насъ.»

---

133. Гора Чистилища (см. 124—126, прим.).

136. «Ecce! turbo Dominicae indignationis egredietur, et tempestas erumpens super caput impiorum veniet.» Vulg Jerem. XXIII, 19.

142. «И такъ въ основѣ этого дивнаго разсказа объ Улиссѣ лежитъ порицаніе человѣческаго высокомѣрія, тѣхъ хитросплетеній ума, той изобрѣтательности и предпріимчивости, которыя устремляютъ дѣятельность человѣка за предѣлы возможнаго: такъ точно уже Горацій въ третьей Одѣ Второй Книги изобразилъ намъ мореплаваніе вообще какъ дерзкое нарушеніе воли боговъ. Потому Улисса, какъ онъ выведенъ здѣсь, можно сравнить съ древними Титанами или Кентаврами, дерзнувшими на брань съ самыми богами, или съ знаменитымъ Фаустомъ среднихъ вѣковъ, который для того, чтобы утолить жажду къ познаніямъ и удовольствіямъ, осмѣлился пожертвовать и жизнію и вѣчнымъ блаженствомъ.—Кромѣ того, повѣствованіе о гибели Улисса имѣетъ тѣсную связь и съ самою мѣстностію Divina Commedia. Гора, отъ которой возсталъ вихрь, погубившій корабль Улиссовъ, есть гора Чистилища. Къ этой цѣли Данте не могъ привести Улисса безъ того, чтобы нѣкоторымъ образомъ не нарушить единства плана своей поэмы, а еще болѣе потому, что этимъ совершенно опровергалась бы идея о недосягаемости цѣли, лежащей внѣ предѣловъ силъ человѣческихъ. Слѣдственно прекраснымъ этимъ эпизодомъ поэтъ заранѣе приготовляетъ читателя къ скорому переходу во второй отдѣлъ замогильнаго міра — Чистилище.» Каннегиссеръ.

ПѢСНЬ XXVII.

Содержаніе. Во слѣдъ за удалившимся пламенникомъ Улиса и Діомеда, является предъ очами поэтовъ другой пламень, содержащій въ себѣ душу графа Гвидо де Монтефельтро. Привлеченный ломбардскимъ нарѣчіемъ Виргилія, грѣшникъ спрашиваетъ древняго поэта о состояніи Романьи, своей родины. Данте, по приказанію Виргилія, описываетъ графу въ краткихъ, но рѣзкихъ чертахъ политическій бытъ этой области Италіи и въ награду за то проситъ грѣшника сказать: кто онъ. Тогда душа Гвидо, въ полной увѣренности, что Данте никогда уже не возвратится въ міръ и, стало быть, не разскажетъ о его безславіи, повѣствуетъ, какъ подалъ онъ злой совѣтъ папѣ Бонифацію VIII; какъ въ минуту его смерти пришелъ Св. Францискъ за его душою и какъ одинъ изъ черныхъ херувимовъ вступилъ съ Францискомъ въ споръ о томъ, кому должна принадлежать она; какъ наконецъ Миносъ осудилъ его вѣчно носиться въ огнѣ осьмаго рва. По удаленіи пламенника Монтефельтро, странники оставляютъ осьмой и приходятъ въ девятый ровъ.

---

1. Ужь пламень смолкъ и, выпрямясь, отвѣта
Не издавалъ и отлетѣлъ отъ насъ
Съ соизволенья сладкаго поэта.

4. Тогда другой, во слѣдъ за нимъ явясь,
Меня заставилъ устремиться взоромъ
Къ его вершинѣ, издававшей гласъ.

7. Какъ сицилійскій мѣдный быкъ, въ которомъ
Его творецъ впервые поднялъ вой
(Былъ онъ казненъ правдивымъ приговоромъ!),—

10. Ревѣлъ такъ сильно стономъ муки злой,
Что истуканъ, хоть вылитъ изъ металла,
Казалось, весь проникнутъ былъ тоской:

7—12. Перилла, аѳинянинъ, подарилъ Фалариду, тирану агригентскому, мѣдную статую быка, устроенную такимъ образомъ, что когда сажали въ нее человѣка и разогрѣвали ее медленнымъ огнемъ, то стоны несчастнаго совершенно походили на ревъ живаго быка. Филаридъ, принявъ подарокъ, немедленно хотѣлъ испытать свойство статуи и для того употребилъ самаго изобрѣтателя, подвергнувъ его перваго жестокой казни, имъ же изобрѣтенной. Это уподобленіе намекаетъ на то, что души, наказуемыя здѣсь пламенемъ, похищеннымъ ими у Бога, сами приготовили себѣ собственную муку.

13. Такъ скорбь души, пока не обрѣтала
Рѣчамъ своимъ пути изъ тайника,
Въ трескъ пламени свой говоръ превращала.

16. Когда же съ воплемъ прорвалась тоска
Сквозь остріе, вдругъ огнь заколыхался,
Волнуемый движеньемъ языка,

19. И началъ: «Ты, къ кому мой гласъ раздался,
Ты, по Ломбардски молвившій царю
Улиссу: 'Сгинь! съ тобой ужь я разстался!'

22. Хоть, можетъ быть, я тщетно говорю,—
Не откажись помедлить здѣсь со мною;
Смотри: я медлю, а межъ тѣмъ горю!

25. И если ты сейчасъ сведенъ судьбою
Въ сей мрачный міръ изъ сладостной страны
Римлянъ, гдѣ я въ грѣхахъ погрязъ душою,—

28. Скажи: въ Романьѣ миръ, иль громъ войны?
Я самъ изъ горъ, идущихъ отъ Урбино
До скалъ, гдѣ Тибръ бѣжитъ изъ глубины.»

13—18. Эта картина говорящаго пламени превосходно задумана какъ въ акустическомъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ. Слова говорящей души, не находя выхода изъ среды окружающаго ее пламени, сперва производятъ только трескъ и ропотъ, какой издаетъ разгарающееся пламя; но какъ скоро слова проложили себѣ дорогу сквозь остріе пламени, тогда волны звука, возбужденныя движеніемъ говорящаго языка, сообщили колебаніе острію огня и въ слѣдъ за тѣмъ послышались вразумительные звуки рѣчи (слич. также Ада XIII, 40 и д.). Филалетесъ.

21. Въ подлин.: Issa ten'va, più non t'aizzo; *issa* и *aizzo*: слова ломбардскаго нарѣчія, которымъ говоритъ Виргилій, будучи самъ ломбардскаго происхожденія (Ада I, 68 и прим.). Этими словами Виргилій дозволилъ Улиссу удалиться (ст. 3); они-то и подали поводъ явившемуся теперь духу спросить о политическомъ состояніи Романьи, страны сосѣдней съ Ломбардіею.

29—30. Духъ говорящій есть графъ Гвидо де Монтефельтро. Монтефельтро, родина графа, есть возвышенная горная страна между Романьей и Тосканою; она простирается отъ г. Урбино до Монте-Коронаро, откуда беретъ началю Тибръ.

31. Еще мой взоръ влекла къ себѣ пучина,
Когда, толкнувъ меня, сказалъ поэтъ:
«Самъ говори: ты слышишь рѣчь Латина.»

34. И я, имѣвъ готовый ужь отвѣтъ,
Не медля началъ такъ свои воззванья:
«О духъ, одѣтый въ вѣчно-жгущій свѣтъ!

37. Безъ войнъ когда жъ была твоя Романья?
Въ сердцахъ тирановъ тамъ всегда раздоръ,
Хоть явнаго и нѣтъ теперь возстанья.

40. Какъ и была, Равенна до сихъ поръ:
Орелъ Поленты въ градѣ воцарился
И къ Червіи сѣнь крылъ своихъ простеръ.

43. Но городъ твой, что такъ упорно бился
И кровь Французовъ проливалъ рѣкой,
Теперь когтямъ зеленымъ покорился.

37—39. Весною 1300 г., когда Данте предпринялъ свое поэтическое странствованіе въ замогильномъ мірѣ (Ада I, 1 и прим.), въ Италіи дѣйствительно не было войны; за то искры ея повсюду тлѣли подъ пепломъ.

40—42. Равенна находилась въ это время подъ управленіемъ Гвидо Поленты, покровителя Данта, который и умеръ при его дворѣ. Въ гербѣ фамиліи Полента былъ орелъ, въ половину бѣлый на синемъ, въ половину красный на золотомъ полѣ. Ей же принадлежала и Червія, маленькій городокъ въ 12 миляхъ отъ Равенны, гдѣ въ 1292 подестою былъ Бернардино Полента, братъ несчастной Франчески. Филалетесъ.

43—45. Этотъ городъ есть Форли, принадлежавшій нѣкогда тоже графу Гвидо де Монтефельтро, тому самому, съ которымъ разговариваетъ теперь Данте. Еще въ 1281 г. этотъ городъ неоднократно былъ осаждаемъ безъ успѣха французскимъ генераломъ какимъ-то Іоанномъ Аппіа или де Па, по повелѣнію папы Мартина IV; городъ защищалъ графъ Гвидо де Монтефельтро. Въ слѣдующемъ году Аппіа вошелъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми жителями города; но Гвидо, свѣдавъ объ этомъ, велѣлъ казнить измѣнниковъ. Между тѣмъ Аппіа подступилъ къ городу съ многочисленнымъ войскомъ, состоявшимъ большею частію изъ наемныхъ Французовъ. Чувствуя невозможность долго защищаться, Гвидо рѣшился прибѣгнуть къ военной хитрости. Утромъ 1-го Мая 1282, онъ тихомолкомъ вышелъ въ ворота (Porta Rotta) съ войскомъ и жителями; оставивъ въ городѣ только стариковъ и женщинъ. Аппіа немедленно вступилъ въ городъ и, не подозрѣвая обмана, оставилъ только слабый резервъ подъ однимъ дубомъ внѣ города. Между

46. А Псы Верруккьо, старый и младой,
Казнившіе Монтанью безпримѣрно,
Буравятъ тамъ, гдѣ зубъ вонзили свой.

тѣмъ Гвидо былъ не далеко и, воспользовавшись минутою вступленія Французовъ въ городъ, напалъ на резервъ, уничтожилъ его и сталъ на его мѣсто. Узнавъ, что Французы предались въ городѣ грабежу и пьянству, онъ ворвался въ Форлй и произвелъ страшное убійство; часть французскаго войска бѣжала къ дубу, полагая найдти тамъ своихъ; но встрѣтила резервъ, оставленный графомъ, и тутъ же была уничтожена. Однимъ словомъ: пораженіе Французовъ было всеобщее. Многіе приписывали эту военную хитрость астрологу графа Гвидо Бонатти (Ада XX, 118). Такимъ образомъ Форлй, какъ городъ преданный Гибеллинамъ, упрочилъ себѣ свободу на довольно долгое время. Филалетесъ.

45. Это гербъ фамиліи Орделаффи, членъ которой Синибальдо дельи Орделаффи управлялъ въ 1300 городомъ Форлй. Въ ея гербѣ находился зеленый левъ; верхняя половина герба была золотая, а нижняя имѣла три зеленыя и три золотыя полосы. Изъ членовъ этой фамиліи особенно былъ извѣстенъ въ свое время Скарпетта дельи Орделаффи, у котораго, согласно съ преданіемъ, жилъ нѣсколько лѣтъ Данте во время своего изгнанія и который позднѣе, въ 1302 г., предводительствовалъ Бѣлыми противъ Флоренціи. Бенвенуто да Имола.

46—48. Здѣсь разумѣются Малатеста и сынъ его Малатестино, прозванный *del occhio* (онъ былъ кривой), владѣтели замка Верруккіо, недалеко отъ г. Римини, жесточайшіе изъ мелкихъ тирановъ въ Романьѣ и потому прозванные *Псами*. Братьями Малатестино были Джіованни или Джіанчіотто хромой, супругъ несчастной Франчески, Паоло, ея возлюбленный (Ада V, 74 и прим.) и Пандольфо, къ которому въ послѣдствіи перешла власть этого дома. Малатеста былъ избранъ въ предводители гвельфской партіи города Римини, тогда какъ гибеллинская часть жителей находилась подъ управленіемъ фамиліи Парчитати, во главѣ которой стоялъ въ то время Монтанья. Обѣ партіи находились въ безпрестанной борьбѣ между собою, такъ что Парчитати наконецъ вынуждены были призвать на помощь упомянутаго выше графа Гвидо де Монтефельтро. Опасаясь Гвидо, Малатеста прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ примирился съ Монтаньей подъ тѣмъ условіемъ, чтобы обѣ партіи вывели войска изъ города, на что неосторожный Монтанья охотно согласился и даже отказался отъ помощи графа Монтефельтро. Съ своей стороны хитрый Малатеста первый нарушилъ условіе договора: часть своихъ солдатъ тайно размѣстилъ по домамъ, а другую, выведенную изъ города, въ туже ночь ввелъ въ Римини и при крикахъ: да здравствуютъ Малатеста и Гвельфы! смерть Парчитати и Гибеллинамъ! напалъ на противную партію. Парчитати были изгнаны, а Монтанья схваченъ и посаженъ въ темницу, гдѣ Малатестино, по повелѣнію отца, послѣ жестокихъ истязаній умертвилъ несчастнаго. Бенвенуто да Имола.

49. Но города Ламона и Сантерно,
Чтò годъ, то къ новой партіи ведетъ
На бѣломъ полѣ львенокъ лицемѣрный.

52. И тотъ, подъ коимъ Савіо течетъ,
Какъ прилежитъ къ горѣ онъ и долинамъ,
Такъ межь тиранствъ и вольности живетъ.

55. Теперь, кто ты, прошу тебя, скажи намъ;
Не откажись открыться, чтобъ ты могъ
Со славою предстать твоимъ Латинамъ.»—

58. И, пророптавъ опять, свой острый рогъ
Взадъ и впередъ тутъ пламя покачало
И издало въ отвѣтъ тяжелый вздохъ:

61. «Когда бъ я зналъ, что дать мнѣ надлежало
Отвѣтъ тому, кто возвратится въ свѣтъ,
Повѣрь, ничто бъ огня не взволновало.

64. Но если вѣрить, что изъ царства бѣдъ
Живой никто въ міръ не являлся прежде,
То, не страшась безславья, дамъ отвѣтъ.

67. Я воинъ былъ; потомъ въ святой одеждѣ
Отшельника мечталъ вознесться въ рай,
И обмануться я бъ не могъ въ надеждѣ,

49—51. Имола, городъ на р. Сантерно, и Фаэнца, на р. Ламоне, находились въ 1300 подъ управленіемъ Макинардо Пагани, властителя Имолы, Фаэнцы и Форли, прозваннаго Дьяволомъ. Гербъ его былъ голубой левъ на бѣломъ полѣ. Происходя отъ гибеллинской фамиліи и въ Романьѣ даже усердный поборникъ этой партіи, онъ тѣмъ не менѣе служилъ съ такой же вѣрностію и флорентинскимъ Гвельфамъ по ту сторону Аппениннъ, въ благодарность за то, что отецъ его Піетро Пагани вручилъ ему управленіе общиною Флоренціи. Въ Флоренціи, гдѣ климатъ сравнительно теплѣе, чѣмъ въ Романьѣ, онъ былъ Гвельфъ, и Гибеллинъ—въ болѣе холодной Романьѣ, потому въ подлин. сказано: che muta parte dalla state al verno.

52—54. Чезена, на р. Савіо, принадлежала то къ той, то къ другой партіи, именно то дому Малатеста, то Монтефельтро. Предмѣстіе Чезены, называвшееся *Мурата*, стояло на горѣ.

67. Въ историческомъ очеркѣ политическаго состоянія городовъ Романьи

70. Когда бъ не жрецъ верховный—покарай
Его Господь!—вовлекъ меня въ грѣхъ новый;
А какъ вовлекъ и почему, внимай.

73. Пока носилъ я бренные оковы
Костей и плоти, всѣ мои дѣла
Не львиныя, но лисьи были ковы.

въ концѣ XIII столѣтія, приложенномъ въ концѣ книги, изложены подвиги этого замѣчательнаго мужа; здѣсь мы доскажемъ его остальную исторію. Послѣ того, какъ Гвидо принужденъ былъ покориться церкви (въ 1282 или 1285), онъ удалился въ Пьемонтъ. Въ 1288 Пизанцы, угнетенные Гвельфами, по смерти Уголино въ темницѣ, призвали Монтефельтро въ Пизу и избрали его въ подесты и capitano города. Гвидо, не смотря на отлученіе его и его семейства отъ церкви, храбро оборонялъ этотъ городъ и успѣлъ заключить честный миръ (въ 1293). Вскорѣ онъ возвратился опять въ Урбино и въ 1294, при Целестинѣ V, окончательно примирился съ церковью и получилъ отпущеніе грѣховъ, при чемъ были возвращены ему права и отданы дѣти, долго содержавшіяся въ заточеніи. Наконецъ, соскучившись треволненіями бурной жизни, въ Ноябрѣ 1296, Гвидо постригся въ францисканскомъ монастырѣ въ Анконѣ, гдѣ часто видали его на площади вымаливающаго себѣ насущный хлѣбъ. Онъ умеръ въ 1298 г.—Папа Бонифацій VIII ненавидѣлъ знаменитую римскую фамилію Колонна, два члена которой, кардиналы Іакопо и Піетро, противились его избранію въ папы, а Шіарра Колонна завладѣлъ папскимъ имуществомъ. Въ 1296—1298 г. былъ объявленъ папою крестовый походъ противъ этой фамиліи; кардиналы были лишены своихъ достоинствъ, отлучены отъ церкви; дворцы ихъ, находившіеся въ Латеранскомъ кварталѣ Рима, разрушены; имущество конфисковано и часть его отдана фамиліи Орсини. Не смотря на это, кардиналы не повиновались и, по взятіи города ихъ Непи, нашли послѣднее себѣ убѣжище въ неприступной почти крѣпости Пенестрино, нынѣ Палестрино (древ. Praeneste). Бонифацій, видя невозможность одолѣть врага въ стѣнахъ его твердыни, вызвалъ Гвидо де Монтефельтро изъ монастыря, напередъ отпустилъ ему грѣхи прошедшіе и будущіе и требовалъ совѣта, какъ завладѣть крѣпостью. Монтефельтро совѣтовалъ много обѣщать и ничего не исполнить. Согласно съ этимъ, папа обѣщалъ кардиналамъ полное прощеніе и возвращеніе имъ прежнихъ ихъ достоинствъ. Бросившись къ ногамъ папы, кардиналы сдали Пенестрино; тогда Бонифацій повелѣлъ немедленно срыть до основанія ненавистную крѣпость, и на мѣстѣ ея построилъ новую, подъ именемъ *Città Papale*. Фамилія Колонна, опасаясь за жизнь свою, разсѣялась тогда по всѣмъ странамъ Европы. Одинъ лѣтописецъ присовокупляетъ къ этому, что Гвидо вскорѣ потомъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой и умеръ.

70. Бонифацій VIII.

Всѣ хитрости, всѣ козни безъ числа
Я зналъ и такъ поработилъ имъ страсти,
Что обо мнѣ повсюду вѣсть прошла.

Когда же я достигъ уже той части
Стези своей, гдѣ время намъ спускать
Ужь паруса и убирать всѣ снасти,—

Что̀ я любилъ, о томъ я сталъ рыдать
И каяться, надежду возлелѣявъ,
Что тѣмъ снищу, увы мнѣ! благодать.

Но гордый князь новѣйшихъ Фарисеевъ,
Воздвигнувшій войну на Латеранъ,
Не на войска Срацинъ, иль Іудеевъ,—

(Онъ былъ врагомъ для тѣхъ изъ христіанъ,
Кто не бралъ Акры съ скопищемъ презрѣнныхъ,
Иль торгъ не велъ среди султанскихъ странъ)—

Высокій долгъ о подвигахъ священныхъ
Забылъ въ себѣ, во мнѣ жъ унизилъ чинъ,
Смиряющій молитвой посвященныхъ.

76—78. По словамъ всѣхъ лѣтописцевъ, Гвидо отличался какъ храбростію, такъ въ особенности умѣньемъ прибѣгать въ военнымъ хитростямъ: «in consiliis calliditate et artibus, per jam gestas victorias adeptas.»

85. Бонифацій VIII. *Фарисеями* Данте называетъ тогдашнее римское духовенство по сходству его дѣйствій съ хитрыми дѣйствіями этого іудейскаго ордена.

86 Латеранъ, дворецъ и храмъ въ Римѣ, вблизи которыхъ находились дворцы фамиліи Колонна, разрушенные Бонифаціемъ VIII (см. выше).

88. Жестокая насмѣшка надъ современными событіями: за нѣсколько лѣтъ до объявленія крестоваго похода противъ Колонны, пала Акра (St. Jean d'Acre), городъ въ Сиріи, послѣдній оплотъ христіанъ на Востокѣ, при чемъ въ осадѣ города помогали Сарацинамъ христіанскіе измѣнники.

89. Торговля съ Сарацинами воспрещалась во время войны церковными законами, ослабленными впрочемъ Иннокентіемъ III. Этотъ стихъ относится къ христіанскимъ купцамъ, нарушавшимъ сказанный законъ изъ торговыхъ интересовъ.

94. И какъ призвалъ Сильвестра Константинъ,
Чтобъ излѣчить проказу, изъ пустыни;
Такъ думалъ онъ: какъ врачъ, лишь я одинъ

97. Въ немъ излѣчу горячку злой гордыни:
Безмолствуя, я слушалъ рѣчь его,
Рѣчь пьянаго, не слово благостыни.

100. Но онъ: «Въ душѣ не бойся ничего:
Я отпущу твой грѣхъ; но вмѣстѣ жду я,
Какъ взять Пренестъ, совѣта твоего.

103. Рай запирать и отпирать могу я:
Ты знаешь: два ключа въ моихъ рукахъ,
Что̀ Целестинъ отвергнулъ, слѣпотствуя.»

106. И столько истинъ изложилъ въ рѣчахъ,
Что я, сочтя за худшее молчанье,
Отвѣтилъ: 'Отче! если смоешь прахъ

109. Грѣховъ моихъ, творимыхъ безъ желанья,
То вѣдай: чтобъ престолъ возвысить свой,
Все обѣщай, не помня обѣщанья.'

112. 'Францискъ пришелъ, какъ умеръ я, за мной;
Тогда одинъ изъ херувимовъ черныхъ
Вскричалъ: 'Оставь! по всѣмъ правамъ онъ мой.

115. Принадлежитъ онъ къ сонму мнѣ покорныхъ:
Въ моихъ когтяхъ съ тѣхъ поръ его глава,
Какъ подалъ онъ совѣтъ для дѣлъ позорныхъ.

94—95. Согласно съ преданіемъ, бывшимъ въ общемъ ходу во времена Данта, императоръ Константинъ вызвалъ папу Сильверста изъ пустыни при горѣ Сиратѣ (лат. Soracte, нынѣ Sant' Oreste), недалеко отъ Рима, чтобы онъ своими молитвами очистилъ его отъ проказы. «Dicunt quidem adhuc, quod Constantinus imperator, mundatus a lepra intercessione Sylvestri, tunc summi pontificis, imperii sedem, scilicet Romam, donavit ecclesiae, cum multis aliis imperii dignitatibus.» Dante de Monarch. 3.

105. Папа Целестинъ V, по проискамъ Бонифація VIII, добровольно сложилъ съ себя папское достоинство (Ада III, 58—60 и пр.).

118. Кто хочетъ въ рай, покайся тотъ сперва;
Но, каясь, зла желать—тò несогласно
Одно съ другимъ!'—Сказавъ сіи слова,

121. Увы! схватилъ, потрясъ меня ужасно
И возопилъ: 'Ты думалъ ли, чтобъ я
Могъ разсуждать логически такъ ясно?'

124. Тогда отнесъ къ Миносу онъ меня,
И, восемь разъ вкругъ жесткихъ чреслъ свивая,
Свой хвостъ отъ злости укусилъ судья,

127. Сказавъ: 'Иди въ корысть огня, тѣнь злая!'
Съ тѣхъ поръ, какъ видишь, я объятъ огнемъ
И сѣтую, въ одеждѣ сей блуждая.»—

130. Тутъ гласъ замолкъ, и бѣдственнымъ путемъ
Помчался пламень съ ропотомъ и стономъ,
Крутясь, волнуясь зыбкимъ остріемъ.

133. Мы прочь пошли, мой вождь и я, по склонамъ
Громадъ туда, гдѣ сводъ кремнистыхъ грудъ
Лежитъ надъ ямой, въ ней же дань закономъ

136. Возложена на сѣятелей смутъ.

124—126. Миносъ, восемь разъ обвиваясь хвостомъ, опредѣляетъ мѣсто казни для грѣшника—восьмой кругъ ада (Ада V, 4 и примѣч.). «Угрызеніе совѣсти, символомъ которой служитъ Миносъ, выражено здѣсь особенно сильно, ибо духовная скорбь въ грѣшникѣ, надѣленномъ столь высокимъ духомъ, должна быть весьма мучительна.» Копишъ.

ПѢСНЬ XXVIII.

Содержаніе. Въ *девятомъ* рвѣ наказуются сѣятели расколовъ и несогласій, какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ, а также нарушители семейнаго счастія. Діаволъ, вооруженный острымъ мечемъ, наноситъ имъ безконечно-разнообразныя раны, которыя заживаютъ прежде, чѣмъ грѣшники успѣютъ обойти круглую долину; когда же опять приблизятся къ діаволу, онъ снова приводитъ раны въ ихъ прежній видъ. Данте, желая дать понятіе объ этой казни, вспоминаетъ всѣ войны, съ древнѣйшимъ временъ опустошавшія Италію. — Сперва являются виновники расколовъ религіозныхъ. Между ними Данте видитъ Магомета, разсѣченнаго отъ подбородка до ногъ: внутренность его виситъ между ногами; онъ самъ отверзаетъ грудь свою. Передъ нимъ идетъ Али съ разрубленнымъ лицемъ. Магометъ предсказываетъ скорое прибытіе въ адъ сектатора временъ Дантовыхъ Фра Дольчино. За тѣмъ являются сѣятели смутъ и несогласій политическихъ: Петръ изъ Медичины съ отсѣченными носомъ и ухомъ; Куріонъ, у котораго вырѣзанъ языкъ; наконецъ флорентинецъ Моска дельи Ламберти съ отрубленными руками, начавшій въ Тосканѣ раздоръ Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Въ послѣдней толпѣ, между нарушителями семейнаго спокойствія, является тѣнь трубадура Бертрама даль Борніо, возмутившаго юнаго принца Генриха противъ его отца: голову, отдѣленную отъ тѣла и говорящую, онъ несетъ за волосы какъ фонарь и, поднося ее къ лицу Данта, спрашиваетъ: чья казнь ужаснѣе?

---

1. О кто бы могъ, хотя бъ свободнымъ словомъ,
И много разъ вѣщая, описать
Весь ужасъ ранъ, что зрѣлъ во рву я новомъ.

4. Ни чей языкъ не можетъ то сказать,
И нашего на то не станетъ слова,
И разумъ нашъ не въ силахъ то понять.

7. И если бы собрать тѣ рати снова,
Которыя на роковыхъ поляхъ
Апуліи погибли такъ сурово

---

1. *Свободнымъ словомъ*, con parole sciolte, т. е. не стихами, а прозою.

7—18. Здѣсь Данте намекаетъ на пять великихъ войнъ, опустошавшихъ Италію со временъ Римлянъ до начала XIV вѣка, а именно:

7—9. I. Кровопролитныя войны въ Апуліи до начала пуническихъ войнъ, особенно избіеніе 2000 Апулійцевъ консуломъ П. Деціемъ Муромъ въ 455 p. u. c. (Tit. Liv. X, 15, 2).

10. Отъ рукъ Римлянъ, иль въ страшныхъ тѣхъ бояхъ,
Когда — какъ пишетъ Ливій безъ обмана—
Такъ много колецъ снялъ съ убитыхъ врагъ;

13. Собрать и тѣхъ, которыхъ сынъ Нормана
Робертъ Гвискаръ такъ грозно сокрушилъ,
И тѣхъ, чей прахъ истлѣлъ у Чеперана,

16. Гдѣ Апуліецъ долгу измѣнилъ,
И тѣхъ, чью мощь Аларъ, старикъ лукавый,
Близъ Тальякоццо, безъ меча разбилъ:

10—12. II. Вторая пуническая война, продолжавшаяся 17 лѣтъ; здѣсь намекается особенно на битву при Каннахъ, въ Апуліи, гдѣ убито до 50,000 Римлянъ, такъ, что Аннибалъ отправилъ въ Карѳагенъ 3 мѣры колецъ, взятыхъ съ убитыхъ римскихъ всадниковъ (Tit. Liv. XXIII, 12, 3).

13—14. III. Войны Роберта Гвискара. Танкредъ де Готвилль, изъ Нормандіи, имѣлъ 5 дѣтей отъ перваго и 7 отъ втораго брака. Первые, и между ними въ особенности Гунфридъ, уже въ началѣ XI вѣка прочно утвердились въ Апуліи. Въ половинѣ этого столѣтія явился въ Италію старшій сынъ отъ втораго брака, Робертъ Гвискаръ, по прозванію Хитрый, женился на Сигесгутѣ, дочери ломбардскаго принца Гуаймара салернскаго, и вскорѣ завладѣлъ властію, особенно послѣ того, какъ онъ побѣдилъ сына и наслѣдника своего тестя, юнаго Гизульфа, въ 1070, и разбилъ жителей Амальфи. Въ маѣ 1084 онъ освободилъ папу Григорія VII, осажденнаго въ крѣпости Св. Ангела войсками императора Генриха IV и, разоривъ Римъ, отправился съ Григоріемъ въ Салерно, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Гвискара не должно смѣшивать съ младшимъ его братомъ Рожеромъ, завоевавшимъ Сицилію.

15—16. IV. Война Карла Анжуйскаго съ Манфредомъ. Начало пораженія Манфреда произошло при Чеперано, на границѣ Компаньи, въ нынѣшней провинціи Терра ди Лаворо. Всѣ историки согласны въ томъ, что оборона переправы чрезъ Гарильяно при Чеперано была ввѣрена Манфредомъ графу Джіордано и графу Казератѣ: первый намѣренъ былъ защищать ее; но Казерата отказался подъ предлогомъ, что войско Карла удобнѣе уничтожить, когда часть его, перешедшая черезъ мостъ, будетъ отрѣзана. Эта измѣна Апулійцевъ повлекла за собою гибельную битву при Беневенто, гдѣ Манфредъ былъ побѣжденъ и убитъ. Кажется, Данте смѣшалъ два эти событія, ибо при Чеперано собственно битвы не было; хотя Піетро ди Данте, въ своемъ комментаріи, и говоритъ, что сраженіе произошло какъ при Беневенто, такъ и Чеперано. Далѣе онъ пишетъ, что Манфредъ, свѣдавъ объ измѣнѣ Апулійцевъ при Чеперано, заставилъ ихъ вторично принести ему присягу въ вѣрности; но они все-таки оставили его при Беневенто.

17—18. V. Война того же Карла съ Конрадиномъ. На равнинѣ при Санкт' Валентино, между Тальякоццо и Альбою, правильнѣе при Скурнола

19. И если бъ всякъ, кто въ ранахъ, кто безглавый,
Предсталъ: и то едва ль ихъ страшный видъ
Изобразитъ девятый ровъ кровавый!—

22. Утративъ дно, такъ бочка не сквозитъ,
Какъ раной здѣсь зіялъ одинъ предъ нами,
Разсѣченный отъ чреселъ до ланитъ.

25. Его кишки висѣли межъ ногами;
Открытъ желудокъ и мѣшокъ,...........
....

28. Я на него, онъ на меня взиралъ
И, грудь руками разстворивъ широко,
Сказалъ: «Смотри, какъ я себя раздралъ!

31. Смотри, какъ здѣсь увѣчатъ лже-пророка!
Вотъ предо мной въ слезахъ идетъ Али,
Разрубленный отъ бороды до ока.

(Raumer's Geschichte der Hohenstaufen, 4, 597), произошло сраженіе, въ которомъ юный Конрадинъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, чему наиболѣе содѣйствовалъ только-что возвратившійся изъ Палестины старый французскій рыцарь Аларъ де Валлери, давшій совѣтъ Карлу напасть на непріятелей въ ту минуту, когда они, разбивъ часть войскъ Анжуйскаго, займутся грабежемъ. Каннегиссеръ.

21. Отношеніе ужасной казни къ грѣху, здѣсь наказуемому, очевидно само собою. Неоспоримо также, что Данте, разсѣкая тѣла этихъ грѣшниковъ, хотѣлъ чрезъ это выразить противоположность словамъ: «Etenim in uno Spiritu omnes nos in unum corpus baptizati sumus, sive Iudaei, sive gentiles, sive servi, sive liberi; et omnes in uno Spiritu potati sumus.» Epist. Pauli ad Corinth. II, XII, 13. Копишъ.

25—27. Въ верхней части разсѣченнаго живота представляется желудокъ, внизу такъ-наз. слѣпая кишка, гдѣ совершается окончательная переработка пищи; остальныя кишки выпали изъ своей полости — картина, анатомически совершенно вѣрная.

31. Лжепророкъ Магометъ разсѣченъ отъ головы до ногъ по причинѣ важности произведеннаго имъ раскола. «Есть высокое нравственное значеніе въ этой казни, какъ и во всѣхъ другихъ: лжепророкъ какъ будто *обличенъ* тѣлесно». Шевыревъ.

32—33. Али, ученикъ магометовъ, возбудилъ расколъ между послѣдователями самаго Магомета.

34. И всѣ, кого здѣсь видишь, на земли
При жизни сѣяли расколъ и смуты;
За то и казнь достойную нашли.

37. Тамъ, позади, насъ рубитъ дьяволъ лютый
И каждаго изъ грѣшной сей толпы
Въ нашъ прежній видъ приводитъ въ тѣ минуты,

40. Когда свершимъ кругъ горестной тропы:
За тѣмъ что раны снова заживаютъ,
Когда къ нему направимъ мы стопы.

43. Но кто жъ ты самъ, чьи взоры мглу пронзаютъ?
Иль думаешь укрыться тамъ отъ золъ,
Которыя тебя здѣсь ожидаютъ!»

46.—«Не мертвый онъ, не грѣхъ его привелъ
Сюда на казнь;» рекъ вождь мой, негодуя:
«Но, чтобъ вполнѣ онъ знанье пріобрѣлъ,

49. Мнѣ суждено, да мертвый съ нимъ иду́ я
Въ бездонный адъ, сходя изъ кругъ въ кругъ,
И вѣрно то, какъ то, что говорю́ я.» —

52. Тутъ болѣе, чѣмъ сотня грѣшныхъ, вдругъ
Остановясь, въ меня вперили взоры,
Отъ дивныхъ словъ забывъ жестокость мукъ.

55. «Скажи жъ ты Фра Дольчино, ты, который,
Быть можетъ, вскорѣ узришь солнца свѣтъ,—
Чтобъ онъ, пока въ снѣгъ не одѣлись горы

---

51. Въ подлин.: E quest' è ver così com' i' ti parlo.

55—59. Еще въ 1260 г. нѣкто Герардо Сегарелли изъ Пармы основалъ секту, нѣчто въ родѣ Вальденской ереси. По смерти Сегарелли, сожженнаго на кострѣ, явился на его мѣсто другой сектаторъ, Дольчино, изъ эпархіи Новары; онъ называлъ себя Фра Дольчино (братъ Дольчино), хотя не былъ монахомъ. Дольчино воспитывался у одного монаха въ Верчелли и обнаружилъ большія дарованія, въ особенности увлекательное краснорѣчіе; но, обокравъ учителя, принужденъ былъ бѣжать въ Тридентъ, откуда началъ распространять свое

58. И если мнѣ идти не хочетъ вслѣдъ,
Запасся хлѣбомъ: а не то въ берлогу
Къ нему найдетъ Новарецъ тайный слѣдъ.»

61. Такъ, къ шествію одну поднявши ногу,
Мнѣ Магометъ сказалъ; потомъ скорѣй
Всталъ на ногу и вновь пошелъ въ дорогу.—

64. Другой, чей носъ былъ срѣзанъ до бровей,
Съ проткнутымъ горломъ, съ отсѣченнымъ ухомъ,
Глядя на насъ, стоялъ въ толпѣ тѣней,

67. Необычайнымъ изумленный слухомъ,
И, отворивъ кровавую гортань,
Проговорилъ всѣхъ прежде съ скорбнымъ духомъ:

ученіе, сходное съ ученіемъ Сегарелли (Подробности о его догматахъ см. у Филалетеса, Die Hölle, 228). Въ началѣ XIV вѣка преслѣдуемый инквизиціей, онъ со многими приверженцами бѣжалъ изъ Тридента въ горы между Новарою и Верчелли. Отсюда производилъ онъ частые набѣги на окрестныя селенія, грабилъ церкви, захватывалъ людей и бралъ за нихъ большіе выкупы. Къ этому вынуждалъ его въ особенности недостатокъ въ провіантѣ, который нерѣдко бывалъ такъ великъ, что сектаторы принуждены были ѣсть мышей, крысъ и лошадиное мясо, «etiam in quadragesima,» съ ужасомъ прибавляетъ его лѣтописецъ. Вначалѣ онъ съ успѣхомъ защищалъ свой притонъ на г. Монте Себелло, близъ Верчелли, отъ нападенія войскъ верчелльскаго епископа Раніери Педзано (1306); при помощи одной военной хитрости, онъ успѣлъ даже одержать важную побѣду надъ непріятелемъ, такъ, что Раніери принужденъ былъ требовать у папы Климента VI объявленіе крестоваго похода противъ еретика. Дольчино продолжалъ защищаться, не смотря на то, что зимою 1306—1307 нужда въ провіантѣ достигла до того, что сектаторы вынуждены были питаться мясомъ мертвыхъ; къ довершенію бѣдствія, выпалъ глубокій снѣгъ, препятствовавшій дѣлать набѣги. Наконецъ въ 1307 гора была взята штурмомъ, послѣ отчаянной обороны; Дольчино вмѣстѣ съ своей женою прекрасною Маргаритою взятъ въ плѣнъ и казненъ съ Верчелли варварскою казнію: тѣло его и жены его Маргариты медленно разрывали по частямъ раскаленными щипцами! Не смотря на это, оба съ непоколебимымъ мужествомъ вынесли казнь, продолжая излагать свое ученіе народу до самой смерти. На г. Себелло построили часовню Св. Бернарда, куда ежегодно былъ крестный ходъ, при чемъ раздавали хлѣбъ бѣднымъ. Бенвенуто да Имола.

70. «О ты, чтò здѣсь не казнь пріемлешь въ дань,
Кого видалъ я, гдѣ живутъ Латины,
Коль не обманутъ сходствомъ я,—вспомянь

73. Ты и меня: я Петръ изъ Медичины!
И если ты узришь когда нибудь
Межъ Верчелли и Маркобò равнины,—

76. Сказать двумъ лучшимъ въ Фано не забудь:
Мессеру Гвидо и мессеръ Каньяно,
Что если насъ не можетъ обмануть

79. Предвѣдѣнье, то въ бездпахъ океана,
Вблизи Каттолики, утопятъ ихъ
Измѣною коварнаго тирана.

82. Межъ Кипромъ и Маіоркой дѣлъ такихъ
Нептунъ не зрѣлъ въ владѣніи широкомъ
Отъ Грековъ, иль разбойниковъ морскихъ.

85. Предатель сей, однимъ глядящій окомъ,
Владѣлецъ стѣнъ, которыхъ спутникъ мой
Въ вѣкъ не желалъ бы видѣть вновь съ упрекомъ,—

---

73. Петръ изъ фамиліи Катанни, владѣлецъ Медичины, городка недалеко отъ Болоньи, ревностно поддерживалъ несогласіе между Гвидо Полентскимъ и Малатестою изъ Римини, такъ, что когда доходило до него, что они готовы примириться, онъ тотчасъ поселялъ сомнѣніе въ томъ или другомъ. Данте часто останавливался въ домѣ Катанни въ Медичинѣ, а потому вѣроятно былъ знакомъ съ Петромъ. Бенвенуто да Имола.

75. Маркабò, венеціанская крѣпость при устьѣ По, разрушенная Полентами. Верчелли городъ въ Пьемонтѣ. Между ними легкимъ наклономъ идетъ равнина Ломбардіи.

76—81. Малатестино, властитель Римини, жесточайшій тиранъ, названный въ предыдущей пѣснѣ псомъ Веррукkіо (Ада XXVII; 46—48 и прим.), пригласилъ однажды сеньоровъ Гвидо дель Кассеро и Анджіолелло ди Каньяно, двухъ лучшихъ гражданъ г. Фано, въ Каттолику, между Фано и Римини: по однимъ, на пиръ, по другимъ, на совѣщаніе; но на пути, матросы, подкупленные Малатестино, посадили ихъ въ мѣшокъ и утопили съ камнемъ въ морѣ: злодѣяніе, какого не слыхано между Кипромъ, на восточномъ, и Маіоркой, на западномъ концѣ Средиземнаго моря, т. е. на всемъ Средиземномъ морѣ.

84. Греки во всѣ времена славились морскими разбоями.

85. Малатестино былъ кривъ и потому прозванъ del occhio (Ада XXVII,

88. Ихъ къ договору пригласитъ съ собой
И тѣ свершитъ, что будетъ трудъ напрасенъ
Вновь заклинать Фокары вѣтеръ злой.»

91. А я ему: «Чтобъ твой разсказъ былъ ясенъ
И чтобъ на верхъ слухъ о тебѣ проникъ,
Скажи, кому видъ стѣнъ тѣхъ такъ ужасенъ?»

94. Тогда рукой онъ челюсти раздвигъ
Товарищу и ротъ раскрылъ въ мгновенье,
Вскричавъ: «Вотъ онъ, но нѣмъ его языкъ!

97. Изгнанникъ сей разсѣять смѣлъ сомнѣнье
У Цезаря, съ злымъ умысломъ сказавъ:
«Гдѣ все готово, тамъ вредитъ медленье.»

100. Какъ Куріонъ былъ страшенъ и кровавъ!
Языкъ его былъ вырванъ изъ гортани,
Языкъ, что̀ былъ такъ нѣкогда лукавъ.

103. И вотъ, поднявъ обрубленныя длани
И кровь изъ нихъ струя себѣ на грудь,
Другая тѣнь явилась намъ въ туманѣ,

106. Крича: «Увы! и Моску не забудь!
Посѣялъ я въ Тосканѣ злое сѣмя,
Сказавъ: 'Всему свое начало будь!'

46—48 и прим.). Въ подл.: che vede pur con uno, который видитъ только однимъ—сказано въ насмѣшку.

86—87. Г. Римини, въ древ. Ariminium, въ виду котораго Куріонъ (см. ниже) далъ совѣтъ Цезарю перейдти черезъ Рубиконъ, что̀ повлекло впослѣдствіи гражданскую войну.

90. Фокара, гора между Фано и Каттоликою, съ которой подымается весьма опасный для мореплаватетей вѣтеръ, почему тутъ обыкновенно дѣлали обѣты для счастливаго плаванія; была даже поговорка: Custadiat te Deus a vento Focariensi.

97—102. Куріонъ, трибунъ, изгнанный изъ Рима, явившійся къ Цезарю у Ariminium (Римини). Луканъ (Phars. I, 281) заставляетъ его сказать Цезарю, стоявшему въ раздумьѣ:

Tolle moras! semper nocuit differre paratis.

106—108. Буондельмонте де' Буондельмонти, молодой флорентинецъ, былъ обрученъ съ дочерью Амидеи изъ знаменитой фамиліи (по Дино Компаньи, отецъ ея былъ Одериго Джіантруфетти). Однажды проѣзжалъ онъ мимо дома Фор-

109.—«И тѣмъ сгубилъ» прибавилъ я: «все племя!»
Тутъ, какъ безумный, онъ пошелъ отъ насъ
И скорбію умножилъ скорби бремя.

112. Но съ душъ межъ тѣмъ не отвращалъ я глазъ,
И видѣлъ то̀, о чемъ бы не рѣшился
Безъ доказательствъ продолжать разсказъ,

115. Когда бъ я совѣстью не укрѣпился,
Подругой доброй, съ ней же каждый смѣлъ,
Кто правоты бронею облачился.

118. Досель я вижу то̀, что̀ тамъ узрѣлъ:
Безглавый трупъ я видѣлъ въ томъ соборѣ
И, ужасомъ объятый, обомлѣлъ!

121. Онъ голову съ отчаяньемъ во взорѣ
Въ рукѣ за кудри какъ фонарь носилъ,
И голова кричала мнѣ: о горе!

тегверры Донати; въ это время жена Донати, Альдруда, вышла на балконъ съ двумя дочерями и, показавъ на одну изъ нихъ, сказала: "Что за дѣвицу выбралъ ты себѣ въ жены? я прочила за тебя вотъ эту.» — Буондельмонте взглянулъ на дѣвушку и она ему понравилась; однакожъ онъ отвѣчалъ: "Не могу нарушить даннаго слова.„ — "Можешь, возразила Альдруда; «я плачу за тебя пеню.» Тогда онъ рѣшился измѣнить слову. Пылая мщеніемъ, родственники отверженной собрались и разсуждали, что̀ имъ дѣлать: убить ли Буондельмонте, или ограничиться одними побоями. Тогда Моска Ламберти (о немъ освѣдомлялся Данте у Чіакко, Ада VI, 80) выступилъ впередъ и сказалъ: "Cosa fatta capo ha»—всякое дѣло имѣетъ свое начало.—Рѣшено было убить клятвопреступника. Когда, въ первое утро Пасхи, Буондельмонте въ бѣломъ платьѣ проѣзжалъ на бѣломъ конѣ изъ Sesto oltre Arno черезъ Ponte vecchio, заговорщики напали на него и умертвили у подножія статуи Марса, языческаго патрона Флоренціи, стоявшаго на мосту черезъ Арно. Въ числѣ убійцъ находился и Моска. Съ этой минуты начинается длинный рядъ гибельныхъ раздоровъ, волновавшихъ такъ долго Флоренцію и даже всю Тоскану; отсюда же берутъ свое начало партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ во Флоренціи. Виллани (lib. V, cap. 37).

108. Кери, знаменитый англійскій переводчикъ Данта, переводитъ эти слова: The deed once done there is an end.

109. Виллани, говоря о фамиліяхъ, принадлежавшихъ къ партіямъ Бѣлыхъ и Черныхъ, вовсе не упоминаетъ о фамиліи Ламберти, принадлежавшей къ Гибеллинамъ, изъ чего заключить должно, что она вѣроятно была совершенно уничтожена во время смутъ, ею же возбужденныхъ. Филалетесъ.

124. Онъ самъ себѣ свѣтильникомъ служилъ:
Въ единомъ тѣлѣ двое терпятъ муки,
А какъ—то знаетъ тотъ, кто такъ судилъ!

127. Ставъ подъ мостомъ, высоко обѣ руки
Ко мнѣ онъ поднялъ съ головой своей,
И словъ ея ко мнѣ достигли звуки:

130. «Смотри, вотъ казнь и ужаснись предъ ней!
О ты, живой скиталецъ въ царствѣ этомъ,
Скажи: чья казнь ужаснѣе моей?

133. А чтобъ о мнѣ повѣдалъ ты предъ свѣтомъ,
Узнай: я тѣнь Даль-Борніо, пѣвца,
Кѣмъ Іоаннъ подвигнутъ злымъ совѣтомъ.

136. Въ отцѣ и сынѣ я вожжегъ сердца:
Не столько средствъ нашелъ въ Ахитофелѣ
Авессаломъ къ возстанью на отца!

134—135. Бертрамъ или Бертрандъ Борніо (де Борнъ), виконтъ Готфордскій, воинственный трубадуръ, который своими воспламеняющими сервентами вездѣ возбуждалъ войну и возмущеніе. Онъ заключилъ тѣсную дружбу съ Генрихомъ, братомъ короля Ричарда Львинаго Сердца, и побудилъ его возстать на отца своего Генриха II. По смерти своего друга (въ 1183), онъ былъ осажденъ королемъ Генрихомъ II въ своемъ замкѣ Готфордѣ и послѣ храброй защиты принужденъ былъ сдаться. Впрочемъ, онъ вскорѣ примирился съ королемъ, который возвратилъ ему всѣ его конфискованныя владѣнія. Послѣ того, скитаясь по Европѣ, въ качествѣ странствующаго рыцаря и менестреля, онъ своими пѣснями возбудилъ Аррагонцевъ противъ короля ихъ Альфонса II; сверхъ того, онъ принималъ участіе въ войнѣ Ричарда Львинаго Сердца съ Филиппомъ Августомъ. Онъ умеръ въ монастырѣ. Изъ вышесказаннаго видно, что сынъ, котораго Бертрамъ возбудилъ противъ отца , назывался не Іоанномъ, а Генрихомъ; но такъ какъ Виллани, современникъ Дантовъ, впадаетъ въ ту же ошибку (Vill. libr. V, cap. 4), то очень вѣроятно, что въ Италіи въ то время изъ Rè giovane (юнаго короля), какъ обыкновенно назывался Генрихъ, сдѣлали Rè Giovanni, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что младшій братъ Генриха назывался Іоанномъ (такъ-наз. Іоаннъ Безземельный). Филалетесъ.

137—138. Ахитофелъ, наперсникъ царя Давида, тайно поддерживалъ возмутившагося его сына Авессалома; но вскорѣ впалъ въ немилость и въ отчаяніи повѣсился.

139. Я разлучилъ столь близкихъ въ страшномъ дѣлѣ:
За то мой мозгъ, о ужасъ! отдѣленъ
Отъ своего начала въ этомъ тѣлѣ!

142. Свершенъ на мнѣ возмездія законъ.»

---

139. Бертрамъ, возбудивъ сына противъ отца, возбудилъ члены противъ главы семейства; за то у него голова отдѣлена отъ тѣла. Онъ несетъ ее въ рукѣ какъ фонарь: она служитъ ему свѣтильникомъ въ аду такъ точно, какъ бы должна была служить на землѣ, чтобы показать ему всѣ страшныя слѣдствія его преступленія. Штрекфуссъ.

142. Законъ возмездія (lex talionis), т. е. «душу за душу, око за око, зубъ за зубъ.» Кн. Исход. XXI, 23.

ПѢСНЬ XXIX.

Содержаніе. Данте, готовый плакать при видѣ ужаснаго зрѣлища, медлитъ надъ девятымъ рвомъ, замѣтивъ въ числѣ грѣшниковъ тѣнь своего родственника Джери дель Белло; но Виргилій побуждаетъ его торопиться. За тѣмъ они приходятъ къ послѣднему рву осьмаго круга. Въ *десятомъ* рвѣ, въ зловонномъ воздухѣ, совершается казнь надъ поддѣлывателями всякаго рода—надъ поддѣлывателями металловъ (алхимиками и дѣлателями фальшивой монеты), поддѣлывателями чужихъ рѣчей и личностей: они поражены безчисленными болѣзнями и язвами. Изъ числа алхимиковъ Данте видитъ двоихъ, подпирающихъ одинъ другаго и покрытыхъ струпьями. Одинъ изъ нихъ, Гриффолино, говоритъ о себѣ; другой флорентинецъ Капоккіо порицаетъ Сіенну за легкомысліе и высчитываетъ знаменитыхъ обжоръ этого города.

---

1. Видъ страшныхъ ранъ и тма тѣней подъ нами
Такъ отравили свѣтъ моихъ очей,
Что былъ готовъ залиться я слезами.

4. Тогда Виргилій: «Что въ душѣ твоей?
Въ кого вперилъ ты взоръ съ такой тревогой
Межь этихъ злыхъ, изрубленныхъ тѣней?

7. У прочихъ рвовъ не медлилъ ты такъ много.
Иль хочешь всѣхъ сосчесть ихъ? не забудь,
Что двадцать миль вкругъ рва идти дорогой.

10. Луна подъ нами ужь свершаетъ путь,
И краткокъ срокъ, намъ данный для обзору;
А намъ еще на многое взглянуть.»

---

9. Въ подлин.: двадцать двѣ мили. Здѣсь Данте въ первый разъ опредѣляетъ размѣръ одной части ада: по этому масштабу можно вычислить съ нѣкоторою вѣроятностью и другіе размѣры Злыхъ-Рвовъ и глубокаго колодезя. Впрочемъ, слишкомъ прозаичны попытки нѣкоторыхъ толкователей-архитекторовъ (Ландино, Манетти, Джіамбуллари, Веллутелло и др.), старавшихся вычислить по этому и еще другому (Ада XXX 85—86) размѣру объемъ и величину всего ада.

10. Этимъ опредѣляется полдень 6 Апрѣля, или ½ 2 часа 9 Апрѣля; для

13.—«Когда бъ ты зналъ, что моему тамъ взору
Представилось,» былъ мой ему отвѣтъ:
«Я бъ не подвергся твоему укору.»—

16. Учитель шелъ и я за нимъ во слѣдъ;
Но я, предъ нимъ желая оправдаться,
Прибавилъ: «Тамъ, въ пещерѣ лютыхъ бѣдъ,

19. Куда на дно глаза мои стремятся,
Мнѣ кровный духъ—и я то слышалъ въявь —
Оплакивалъ грѣхи, что здѣсь казнятся.»

22. А вождь: «Не думай впредь о немъ; направь
Свой умъ къ иному: онъ за злое дѣло
Наказанъ здѣсь, и ты его оставь.

25. Онъ на тебя указывалъ и смѣло
Изъ-подъ моста грозился намъ перстомъ
И называлъ себя Джери дель Белло.

28. Твой взоръ тогда прикованъ былъ на томъ,
Кто защищалъ Готфоръ съ своей дружиной,
И онъ, неузнанъ, прочь пошелъ потомъ.»

---

29 Марта это положеніе мѣсяца не имѣетъ значенія, ибо въ это число сказанное положеніе мѣсяца приходится 4 или 5 часами позже настоящаго, что несогласно съ Ада XXI, 112. Филалетесъ.—Замѣчательно, что время опредѣляется въ аду всегда положеніемъ мѣсяца, или созвѣздіями зодіака, а не солнцемъ: это потому, что грѣшникамъ въ теченіе ихъ жизни никогда не свѣтила истина (солнце); мѣсяцъ же, согласно съ Ада I, 14 и пр., есть символъ слабаго свѣта человѣческой мудрости. Беръ.

11. Имъ остается только 4 или 6 часовъ такъ, что поэту на все странствованіе по аду данъ только одинъ (астрономическій) день въ 24 часа.

27. Джери дель Белло, братъ Чіоне дельи Алигіери, кровный родственникъ Дантовъ, ибо отецъ его Белло былъ дѣдъ поэта. Онъ былъ алхимикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ безпокойнаго характера, за что и былъ убитъ однимъ изъ Саккетти. Anonimo. По другимъ, онъ былъ только дерзокъ на языкъ и убитъ однимъ изъ фам. Джеремеи.

28. Ада XXVIII, 134 и пр.—Готфоръ (Altaforte), замокъ въ Гасконіи, принадлежавшій Бертраму даль Борніо, гдѣ онъ былъ осажденъ войсками Генриха II.

31. И я: «О вождь! насильственной кончиной,
Которой срамъ изъ сродниковъ его
Не отомстилъ доселѣ ни единый, —

34. Разгнѣванъ онъ: конечно, отъ того
Онъ и ушелъ, мнѣ не сказавъ ни слова,
И тѣмъ сильнѣй скорблю я за него.»

37. Такъ говоря, мы шли до рва другаго:
Будь онъ свѣтлѣй, я могъ бы, взоръ вперя,
Въ немъ видѣть дно съ утеса вѣковаго.

40. Когда жъ я былъ у стѣнъ монастыря
Послѣдняго, въ которомъ взоръ мой смѣлый
Зрѣлъ братію подземнаго царя,—

43. Мой слухъ пронзили разныхъ воплей стрѣлы,
Заостренныя жалостью съ концовъ;
Зажавши уши, шелъ я въ тѣ предѣлы.

46. Когда бъ собрать съ сардинскихъ береговъ
Всѣ немощи во дни жаровъ гнетущихъ,
Иль изъ больницъ Вальдикіаны въ ровъ, —

49. Такъ много здѣсь я видѣлъ вопіющихъ,
И смрадъ столь гнусный восходилъ отъ всѣхъ,
Какой исходитъ лишь отъ тѣлъ гніющихъ.

---

31. Спустя 30 лѣтъ, дѣйствительно одинъ изъ родственниковъ Джери, сынъ Мессера Чіоне, отмстилъ его смерть, заколовъ одного изъ Саккетти. Ландино.

36. Данте по видимому раздѣляетъ мнѣніе своихъ современниковъ Италіанцевъ о справедливости мщенія кровь за кровь.

37—39. Поэты стоятъ теперь на высшей точкѣ моста, перекинутаго черезъ десятый ровъ: отсюда всю эту долину, если бы она была свѣтлѣе, можно было бы видѣть до самаго дна.

40. Данте сравниваетъ десятый ровъ съ кельями монастыря.

46—48. Здѣсь разумѣется въ особенности гошпиталь въ Альтопассо, въ Вальдикіанѣ, долинѣ близъ Ареццо, теперь, по словамъ Ампера, плодороднѣйшей и богатѣйшей области Тосканы; во времена Данта тутъ особенно свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки. Тоже должно сказать и о берегахъ Сардиніи, гдѣ воздухъ весьма вреденъ для здоровья, особенно въ лѣтнюю пору, tra 'l luglio e'l settembre, какъ сказано въ подлинникѣ. Въ оригиналѣ еще упомянута Маремма, около Сіенны (есть еще Маремма около Рима, Ада XIII, 9 и XXV, 20).

52. Тутъ мы спустились на послѣдній брегъ
Скалы огромной, всё идя на лѣво,
И я яснѣй увидѣлъ въ ямахъ тѣхъ,

55. Какъ праведный служитель Божья гнѣва —
Ужасный судъ—обманщиковъ казнитъ,
Погрязшихъ въ мглу отчаяннаго зѣва.

58. Не думаю, чтобъ былъ печальнѣй видъ
Людей, въ Эгинѣ язвою гнетомыхъ,
Гдѣ дó того былъ воздухъ ядовитъ,

61. Что твари всѣ до малыхъ насѣкомыхъ
Погибли вдругъ и, по словамъ пѣвцовъ,
Весь родъ людей съ стадами и скотóмъ ихъ

64. Зевсъ возродилъ изъ кучи муравьевъ:
Какъ было грустно видѣть въ мракѣ круга
На грудахъ груды страждущихъ духовъ.

67. Кто на груди, кто бокомъ другъ близъ друга,
Кто на спинѣ валялся на земли,
Кто ползъ ползкомъ подъ бременемъ недуга.

70. Мы съ грустью молча шагъ за шагомъ шли
И созерцали сонмъ больныхъ стонавшихъ,
Которые подняться не могли.

---

53. Огромная скала есть утесъ, идущій отъ стѣны восьмаго круга въ видѣ мостовъ черезъ рвы и разбитый только надъ рвомъ лицемѣровъ (Ада XVIII, 14—18).

58—64. Язва, истребившая на остр. Эгинѣ всѣхъ жителей въ царствованіе Эака, сына Юпитера, и баснословное происхожденіе Мирмидоновъ (отъ μύρμηξ) изъ оставшихся вживѣ муравьевъ прекрасно описана у Овидія, Metamor. VII, 118 et seq.

68—69. Тутъ совершается проклятіе, произнесенное Моисеемъ надъ тѣми, кто не исполняютъ закона: «Percutiat te Dominus egestate, febri et frigore, ardore et aestu, et aëre corrupto ac rubigine.... amentia, et caecitate ac furore mentis.... augebit Dominus plagas tuas, et plagas seminis tui, plagas magnas, et perseverantes, infirmitates pessimas et perpetuas.» Vulg. Deuteron. XXVIII. Копишъ.

73. Тамъ зрѣлъ я двухъ, другъ друга подпиравшихъ,
Какъ два горшка у печнаго огня,
И струпьями съ главы до ногъ страдавшихъ.

76. Не чиститъ конюхъ щеткою коня,
Чтобъ весть его скорѣе къ господину;
Безсонный такъ не чешется, стеня,

79. Какъ эти два скребли ногтями спину
И съ бѣшенствомъ сдирали струпья съ ней;
Но не могли тѣмъ утолить кручину.

82. И струпья сыпались изъ-подъ ногтей,
Какъ чешую дерутъ со щукъ ножами,
Иль съ рыбъ другихъ съ широкой чешуей.

85. «О ты, скребущій гной съ себя ногтями,»
Такъ одному мой вождь сказалъ тогда:
«И рвущій ими тѣло какъ клещами!

88. Кто изъ Латиновъ, о скажи, сюда
Низринулся? тебѣ жъ да служатъ пальцы
Во вѣкъ вѣковъ для этого труда!»

91—«Ахъ! оба мы Латины, мы, страдальцы!»
Въ слезахъ, одинъ отвѣтилъ на вопросъ:
«Но кто жъ вы сами, чудные скитальцы?» —

94. И вождь: «Я, духъ, спускаюсь въ царство слезъ,
Чтобъ показать вашъ адъ сему живому,
И съ нимъ иду съ утеса на утесъ.»

97. Тутъ, переставъ служить одинъ другому,
Они, дрожа, взглянули на меня:
До всѣхъ достигла вѣсть подобно грому.

100. Тогда учитель, взоръ ко мнѣ склоня,
Сказалъ: «Бесѣдуй съ ними съ сожалѣньемъ!»
И, какъ желалъ онъ, тотчасъ началъ я:

85—86. Этими словами дорисовывается картина болѣзни, извѣстной въ патологіи подъ именемъ ichtyosis. Люди, одержимые этою болѣзнію, бываютъ покрыты широкими пластинками на подобіе рыбьей чешуи и, страдая невыносимымъ зудомъ, чешутъ и даже до крови рвутъ ногтями тѣло какъ щипцами.

103. «Коль ваше имя не должно забвеньемъ
Изгладиться изъ памяти людской,
Но да живетъ въ ней съ каждымъ поколѣньемъ,—

106. Скажите: кто вы? изъ страны какой?
Откройте мнѣ, почто всѣ ваши члены
Истерзаны болѣзнію такой?»

109—«Я, Аретинецъ, Альберомъ изъ Сьенны»
Сказалъ одинъ: «сожженъ былъ; но тому
Виной не грѣхъ, ведущій въ эти стѣны.

112. Однажды въ шутку я сказалъ ему:
По воздуху умѣю я носиться;
А онъ, дитя по смыслу и уму,

115. Тому искусству вздумалъ поучиться,
И жжечь меня отца онъ убѣдилъ,
Силъ не имѣвъ въ Дедала превратиться.

118. Но въ ровъ меня десятый осудилъ
Миносъ правдивый, потому что свѣту
Я какъ алхимикъ много повредилъ.»

121. «О былъ ли въ мірѣ» я сказалъ поэту:
«Народъ пустѣй Сіеннцевъ? даже имъ
И Франція уступитъ славу эту.»

---

109. Этотъ грѣшникъ есть алхимикъ Гриффолино изъ Ареццо. Однажды онъ сказалъ глуповатому Альберо, незаконнорожденному сыну епископа сіеннскаго: «Если захочу, могу летать какъ птица.» Альберо просилъ научить его этому искусству Дедала; но узнавъ, что Гриффолино подшутилъ надъ нимъ, предалъ его суду инквизиціи какъ патаринца (весьма распространенной въ то время секты) и заклинателя, за что Гриффолино и былъ сожженъ на кострѣ. Anonimo.

121—125. «Всему міру извѣстно, что нѣтъ народа суетнѣе Французовъ: они изобрѣтатели пустыхъ и разорительныхъ модъ по суетности своего характера и недостатку въ постоянствѣ и добродѣтели. Потому-то поэтъ и сравниваетъ Сіеннцевъ съ Французами: ибо Polycrates говоритъ, что первые произошли отъ послѣднихъ и что Сіенна построена Французами; вотъ и причина почему Сіеннцы похожи на Французовъ.» Боккаччіо.

124. Тогда другой проказный, вняв моимъ
Словамъ, прибавилъ «Исключи лишь Стрикка:
Онъ жить умѣлъ доходомъ небольшимъ;

127. И Никколò, кѣмъ введена гвоздика,
Обжорства роскошь, въ тотъ веселый садъ,
Гдѣ это сѣмя принялось такъ дико,

130. И клубъ, въ которомъ отдалъ на развратъ
Свой виноградникъ съ замкомъ д'Ашіано
И былъ душой веселья Аббальятъ.

133. А хочешь знать, кто такъ съ тобою рьяно
Клянетъ Сіенцевъ, загляни въ провалъ
И разсмотри мой образъ въ мглѣ тумана:

---

125. Очевидно иронія. Стрикка, о которомъ ничего неизвѣстно, былъ вѣроятно членомъ знаменитаго сіеннскаго клуба гастрономовъ, о которомъ будетъ сказано ниже (ст. 130).

127—129. Никколò де Буонсеньори, сіеннецъ, ввелъ въ обыкновеніе жарить фазановъ на угольяхъ гвоздики: способъ этотъ назывался *богатымъ обычаемъ* (la costuma ricca). Кромѣ того, въ Сіеннѣ введены были и другія весьма разорительныя блюда, почему Данте и называетъ этотъ городъ *веселымъ садомъ*. Бенвенуто да Имола.

130. Двѣнадцать молодыхъ сіеннцевъ, сложившись по 18,000 флориновъ, купили дворецъ, въ которомъ каждый изъ нихъ имѣлъ роскошные покои и гдѣ они два раза въ мѣсяцъ задавали пиры, и притомъ такъ, что всегда накрывались три стола: одинъ столъ со всею посудою и блюдами выкидывали за окно, за вторымъ они пировали, за третьимъ мыли руки. Въ 10 мѣсяцевъ они промотались до того, что нѣкоторые изъ нихъ умерли въ гошпиталѣ. Бенвенуто да Имола.—До сихъ поръ сохранилась цѣпь сонетовъ, обращенная вѣроятно къ этому клубу: поэтъ придумываетъ для каждаго мѣсяца особое удовольствіе и упоминаетъ о Никколò, вѣроятно Буонсеньори:

jn questo regno Nicolo corono,
Perch' egl' è fior della città Siennese. Филалетесъ.

131. Каччіа д'Ашіано промоталъ въ этомъ клубѣ свои богатые сады и замокъ.

132. Аббальято былъ вѣроятно душою этого общества.

136. *Я* тѣнь Капоккво; въ мірѣ *я* сплавлялъ
Алхиміей составъ металловъ ковкій,
И вспомни, *если* ты меня узналъ:

139. *Я* былъ природы обезьяной ловкой.»

---

136. Капоккіо, флорентинецъ, или, по другимъ, сіеннецъ, согласно съ преданіемъ, изучалъ вмѣстѣ съ Дантомъ натуральную философію, что очень вѣроятно, ибо онъ узнаетъ поэта. Онъ занимался тоже алхиміей, поддѣлывалъ металлы и за то былъ сожженъ въ Сіеннѣ: потому-то такъ и нападаетъ онъ съ поэтомъ на Сіеннцевъ.

ПѢСНЬ XXX.

Содержаніе. Далѣе Данте видитъ тѣни двухъ поддѣлывателей чужой личности, людей, разыгравшихъ чужую роль съ цѣлію обмана: они одержимы изступленіемъ. Одна изъ нихъ, тѣнь древней Мирры, пробѣгаетъ мимо; другая, Джіанни Скикки, набѣгаетъ на алхимика Капоккіо, хватаетъ его за горло зубами и волочитъ по дну рва. За тѣмъ очамъ поэта представляется тѣнь мастера Адама, дѣлателя фальшивой монеты, страждущаго жестокой водяной. Онъ повѣствуетъ Данту о своемъ преступленіи и называетъ по имени двухъ рядомъ съ нимъ лежащихъ грѣшниковъ, одержимыхъ гнилой горячкой: жену Пентефрія, оклеветавшую Іосифа, и грека Синона. Послѣдній, оскорбленный обиднымъ намекомъ мастера Адама, бьетъ его по животу, а этотъ отвѣчаетъ ему по уху, отъ чего возникаютъ у нихъ ссора и взаимныя обвиненія въ томъ, кто кого грѣшнѣе. Данте, заслушавшійся ихъ рѣчей, получаетъ строгій выговоръ отъ Виргилія и со стыдомъ удаляется оттуда.

---

1. Въ тотъ вѣкъ, когда, прогнѣвана Семелой
 На племя Ѳивъ, Юнона столько разъ
 Его губила въ злобѣ закоснѣлой,—

4. Такъ обезумѣлъ лютый Атамасъ,
 Что, чадъ своихъ узрѣвъ въ рукахъ супруги,
 Вскричалъ рабамъ, отъ бѣшенства ярясь:

7. «Разставимъ сѣти здѣсь у брода, други,
 Чтобъ львицу съ львятами поймать въ сѣтахъ!»
 Потомъ, Леарха вырвавъ у подруги,

1—3. Кадмъ имѣлъ четырехъ дочерей отъ Герміоны: Семелу, Агаву, Автоною и Ино. Отъ Юпитера родила Семела Бахуса. Юнона, раздраженная невѣрностію Зевса, возненавидѣла все кадмово племя въ Ѳивахъ до того, что многократно изливала на него свое мщеніе. Прежде всего она погубила Семелу, побудивъ ее просить Юпитера явиться къ ней въ громѣ и молніи. На пиршенствѣ Бахуса она навела такое изступленіе на прочихъ дочерей Кадма, что онѣ, принявъ сына Агавы за вепря, умертвили его. Она выслала къ Ино и мужу ея Атамасу фурію Тизифону, которая до того помрачила въ нихъ разсудокъ, что Атамасъ однаго изъ своихъ сыновей, Леарха, раздробилъ о камень, а съ другимъ, Меликертомъ, Ино кинулась въ море, гдѣ, по просьбѣ Венеры, Нептунъ превратилъ ихъ въ морскихъ боговъ: Ино въ

10. И, злобно сжавъ въ безжалостныхъ когтяхъ,
Разбилъ его о груду скалъ съ размаха;
Съ другой же ношей мать спаслась въ волнахъ.

13. Или когда унизилъ рокъ до праха
Величье Трои въ брани роковой
И съ царствомъ царь погибъ въ годину страха,—

16. Гекуба, мать, убитая тоской,
Вотще съ врагомъ за Поликсену споря
И Полидоровъ видя трупъ нагой,

19. Повергнутый на шумномъ брегѣ моря,
Вдругъ обезумѣла, какъ песъ завывъ:
Такъ умъ ея разстроился отъ горя!

22. Но никого ни въ Троѣ, ни средь Өивъ,
Во время оно до такого гнѣва
Не доводилъ безумія порывъ,

25. Какъ здѣсь, я видѣлъ, двѣ души на лѣво,
Нагія, мчались, грѣшниковъ грызя,
Какъ двѣ свиньи, бѣжавшія изъ хлѣва.

28. Одна изъ нихъ, въ Капоккіо вонзя
Подъ горломъ зубы, повлекла злодѣя,
По камнямъ дна терзая и разя.

Левкатею, Меликерта въ Палемона. Наконецъ и самъ Кадмъ съ своей женою былъ превращенъ въ змѣй.

4—12. Подражаніе Овидію. Metam. IV, 371 et seq.

13—20. Когда, по взятіи Трои, суда Грековъ стояли на якорѣ у береговъ өракійскихъ, тѣнь Ахиллеса потребовала принесенія ему въ жертву Поликсены, дочери Пріама и Гекубы; по совершеніи жертвоприношенія, трупъ ея отдали несчастной матери. Но это было только началомъ ея бѣдствій: въ то время, когда она шла къ морскому берегу за водою для омовенія ранъ дочери, внезапно увидѣла она трупъ Полидора, единаго оставшагося у ней сына: желая спасти Полидора, она поручила его Полимнестору, царю өракійскому; но коварный царь, подкупленный Греками, умертвилъ Полидора и бросилъ трупъ его на взморьѣ. Тогда Гекуба, вдругъ обезумѣвъ, кинулась съ толпою Троянокъ на Полимнестора и, превращенная въ псицу, вырвала у него глаза. Ovid. Metam. XIII, 400 et seq.

31. Тутъ Аретинецъ, въ ужасѣ блѣднѣя,
Сказалъ: «Тò Скикки! золъ, неукротимъ,
Онъ насъ грызетъ, безумной тѣнью вѣя.»

34 —«О если хочешь, чтобъ бѣгущій съ нимъ
Въ тебя не могъ» я рекъ «зубами впиться,
Скажи: кто онъ, пока еще онъ зримъ?»—

37. Я онъ въ отвѣтъ: «Тò духъ преступный мчится,
Духъ Мирры древней, вздумавшей съ отцемъ
Не должною любовью насладиться.

40. Къ отцу явившись въ образѣ чужомъ,
Съ нимъ предалась она любви грѣховной!
Бѣгущій съ ней подобенъ ей во всемъ:

43. Честь табуна пріявъ цѣной условной,
Онъ роль Донати взялся разыграть
И приложилъ печать къ его духовной.»

46. Когда умчались два безумца вспять,
Я отвратилъ отъ нихъ глаза со смутой
И сталъ другихъ проклятыхъ созерцать.

---

31. Другой алхимикъ—Гриффолино изъ Ареццо (Ада XXIX, 109 и прим.).

32. Флорентинецъ Джіанни Скикки славился умѣньемъ измѣнять черты своего лица и принимать желаемую физіогномію. Комментаторы разсказываютъ, что Симоне Донати убилъ своего дядю Буозо Донати (того самаго, котораго мы видѣли выше Ада XXV, 141 и пр.), за то, что этотъ завѣщалъ не въ его пользу свое огромное имѣніе, нажитое самыми беззаконными средствами. Симоне уговорился съ Скикки составить подложное завѣщаніе: для того спрятали трупъ Буозо, и въ постель на его мѣсто положили Скикки, который такъ хорошо разыгралъ роль покойника и подражалъ его голосу, что совершенно обманулъ свидѣтелей и нотаріуса. Такимъ образомъ была составлена и подписана духовная вмѣсто настоящей, отдававшей все имущество Буозо въ пользу монастырей. За это Скикки получилъ кобылицу, стоявшую 10,000 флориновъ. Піетро ди Данте.

38—41. Мирра, дочь Цинира, царя паоосскаго. О преступной ея любви см. въ Миоологіи. Проклятая отцемъ своимъ, она бѣжала въ Аравію, родила тамъ Адониса и такъ долго оплакивала свое преступленіе, что наконецъ боги, сострадая ей, превратили ея въ бальзамическое дерево—мирру.

49. Гляжу: одинъ сидитъ, какъ лютня, вздутый,
Когда бъ отнять у грѣшника долой
Ту часть, гдѣ бедра у людей примкнуты.

52. Отъ тягостной болѣзни водяной —
Которая, членъ искажая каждый,
Ликъ изсушаетъ, вздувъ животъ горой, —

55. Не могъ онъ губъ сомкнуть хотя бъ однажды,
Какъ чахнущій, котораго уста
Изсохшія разверзлися отъ жажды.

58. «О вы, которыхъ въ страшныя мѣста
Ведетъ не казнь (а почему, не знаю!)»
Сказалъ онъ намъ: «взгляните вы сюда!

61. Маэстръ Адамъ, какъ я томлюсь, страдаю!
Живой имѣлъ я все, чего желалъ,
Ахъ! здѣсь одной лишь капли водъ желаю!

64. Ручьи, что въ Арно катятся со скалъ
По зелени пригорковъ Казентина,
Гдѣ такъ игривъ, такъ свѣтелъ ихъ кристаллъ,—

49—51. Этотъ грѣшникъ страдаетъ водяною: животъ его, необыкновенно растянутый жидкостію въ сравненіе съ верхней частью тѣла, придаетъ ему видъ лютни (инструмента, имѣющаго тонкую шейку и толстый корпусъ), если вообразимъ, что у грѣшника отняты бедра.

52—54. Въ водяной болѣзни водянистая часть крови, отъ неправильнаго ея обращенія, выдѣляется какъ подъ кожу, такъ и въ различныя полости, преимущественно въ животъ: отъ потери воды изъ крови происходитъ сильная жажда, а отъ дурнаго питанія—худоба тѣла, особенно лица.

61. Мастеръ (маэстро) Адамъ изъ Брешіи, чеканщикъ монеты, по наущенію графовъ Ромены: Гвидо, Алессандро и Агинольфо (см. ст. 76 — 77), поддѣлывалъ флорентинскія монеты флорины. Подлогъ вскорѣ былъ открытъ, и мастера Адама сожгли живаго на дорогѣ между Флоренціей и Роменой. Еще до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ это случилось: его называютъ *Macia del uomo morto* (костеръ мертваго человѣка), куда каждый прохожій обыкновенно кидаетъ камень. Троia (Veltro allegorico, p. 25).

65. Казентино, верхняя долина Арно, выше Ареццо, орошаемая множествомъ горныхъ ручьевъ.

67. Всегда передо мной, и вотъ причина,
Почто мнѣ ликъ, сильнѣй недуговъ всѣхъ,
Такъ изсушаетъ тѣхъ ручьевъ картина.

70. Судъ праведный, карающій мой грѣхъ,
Край, гдѣ грѣшилъ я, мнѣ затѣмъ представилъ,
Чтобъ безпрестанно я вздыхалъ какъ мѣхъ.

73. Вонъ тамъ Ромена, градъ, гдѣ я подбавилъ
Худой составъ въ крестителеву смѣсь:
За то въ огнѣ я тѣло тамъ оставилъ.

76. Но если бъ Гвидъ, иль Александръ былъ здѣсь,
Или ихъ братъ: чтобъ знать, какъ онъ наказанъ,
Я отдалъ бы источникъ Бранды весь.

79. Одинъ ужъ здѣсь, коль вѣрить я обязанъ
Тому, что̀ Скикки мнѣ твердилъ въ бреду;
Но что̀ мнѣ въ томъ? я по ногамъ здѣсь связанъ!

82. Будь легокъ я хоть столько на ходу,
Что во сто лѣтъ прошелъ бы дюймъ, не болѣ,
То и тогда бъ пошелъ я въ путь въ аду

---

70. Воспоминаніе о прекрасной Италіи, въ которой онъ грѣшилъ такъ позорно, увеличиваетъ его мученіе; богатства, пріобрѣтенныя подлогомъ, исчезли; душа его вѣчно томится и жаждетъ, хотя и кажется пресыщенною нечистыми соками. Копишъ.

74. Во Флоренціи чеканились съ 1252 г. превосходныя золотыя монеты флорины (впослѣдствіе называвшіяся zecchini) съ изображеніемъ, съ одной стороны, головы Іоанна Крестителя, съ другой—лиліи. Вѣсъ ихъ равнялся $^1/_8$ унціи, а проба 24 каратамъ (см. ниже), т. е. онѣ были безъ всякой примѣси. Флорентинцы такъ гордились ими, что всякую ихъ поддѣлку наказывали какъ величайшее преступленіе. Филалетесъ.

77. Братья Гвидо, Алессандро и Агинольфо, упомянутые выше графы Ромены, были дѣти графа Гвидо, внука добродѣтельной Гвальдрады (Ада XVI, 37—39 и прим.). Нѣкоторые вмѣсто Агинольфо принимаютъ четвертаго ихъ брата: епископа Бандино или Альдобрандино изъ Ареццо.

78. Фонте Бранда—такъ называется прекрасно украшенный и обильный водою источникъ около Сіенны.

85. Въ толпѣ больныхъ искать его на волѣ,
Хотя кругомъ въ двѣнадцать миль большихъ
И поперегъ въ полмилю это поле.

88. Въ семью такую я попалъ за нихъ;
По просьбѣ ихъ, я мѣди три карата
Вмѣшалъ въ составъ флориновъ золотыхъ.»

91. И я: «Кто жъ эти два твои собрата
Лежатъ на право близъ тебя, дымясь,
Какъ мокрая рука, въ морозъ подъята?

94.—«Я ихъ нашелъ, низвергшись въ эту грязь;»
Онъ отвѣчалъ: «съ тѣхъ поръ лежатъ безгласно
И будутъ въ вѣкъ лежать, не шевелясь.

97. Одной Іосифъ обвиненъ напрасно;
Другой изъ Трои лживый грекъ Синонъ:
Въ гнилой горячкѣ такъ смердятъ ужасно.»—

100. Тутъ гордый грекъ—былъ видно оскорбленъ
Постыднымъ именемъ—въ тугое брюхо
Его ударилъ кулакомъ, и звонъ

---

86. Въ подлин.: одиннадцать миль. Это мѣсто, а также другое выше (Ада XXIX, 8), послужили, какъ было сказано, данными для вычисленія размѣровъ колодезя и всего 8 круга вообще и каждаго рва въ отдѣльности. См. Филалетеса Die Hölle, p. 251.

89. Каратъ означаетъ 24 долю: потому флорины, выбитые мастеромъ Адамомъ, содержали въ себѣ только 21 долю золота и 3 примѣси.

91—93. Эти два горячечные такъ же пластично изображены, какъ и больной, одержимый водянкою: они такъ-будто сейчасъ взяты изъ италіанскихъ гошпиталей, которые вѣроятно часто посѣщалъ Данте. Когда освѣжаютъ постель, въ которой, обливаясь потомъ, лежитъ больной лихорадкою: тогда чѣмъ сильнѣе былъ пароксизмъ, тѣмъ обильнѣе подымается съ больнаго паръ, обыкновенно противнаго запаха: эту картину нельзя ни съ чѣмъ сравнить такъ хорошо, какъ съ паромъ, сгущающимся около мокрой руки, поднятой въ сильный морозъ на воздухъ. Филалетесъ.

97. Жена египетскаго царедворца Пентефрія.

98. Синонъ, бѣглый грекъ, убѣдилъ Троянъ ввесть деревянаго коня въ Трою (Ада XXVI, 55—64 и пр.).

103. Какъ барабанъ оно издало глухо;
А мастръ Адамъ, ожесточась отъ мукъ,
Хватилъ его рукой не легче въ ухо,

106. Сказавъ: «Пускай лишилъ меня недугъ
Движенья ногъ; но знай, на службу эту
Еще никто не приковалъ мнѣ рукъ.»

109.—«Не такъ проворенъ ты казался свѣту,
Идя въ огонь;» сказалъ Синонъ въ отвѣтъ:
«За то проворнѣй выбивалъ монету.»

112. А тотъ ему: «Ты правъ, въ томъ слова нѣтъ;
Но такъ ли правъ ты былъ, когда Трояне
Тебя просили имъ подать совѣтъ?»

115.—«Я лгалъ въ словахъ, а ты солгалъ въ чеканѣ;»
Сказалъ Синонъ: «одинъ лишь грѣхъ на мнѣ;
Съ тобой же врядъ сравнится бѣсъ въ обманѣ.»—

118. «Эй, вѣроломецъ! вспомни о конѣ!
Весь міръ узналъ обманъ твой преславутый;»
Сказалъ брюханъ: «казнись за то вдвойнѣ!»

121. Но грекъ: «А ты казнися жаждой лютой,
Пока языкъ твой треснетъ и животъ,
Водою тухлой какъ гора раздутый!»

124. Тогда монетчикъ: «Разорви жъ ты ротъ
За злую рѣчь! пусть я раздутъ водою,
Пусть жаждою томлюсь я круглый годъ,

127. За то въ жару съ больной ты головою!
А чтобъ лизнуть Нарциссова стекла
Врядъ остановка будетъ за тобою.»—

---

110. Т. е. на костеръ, на которомъ былъ сожженъ мастеръ Адамъ (см. выше 61 и прим.)

128. Самолюбивый Нарциссъ, безпрестанно любовавшійся своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ воды, былъ превращенъ въ ручей. Стало быть, стекломъ (зеркаломъ) Нарцисса названъ здѣсь въ насмѣшку ручей, изъ котораго вѣрно бы не отказался напиться Синонъ, если бы его позвали.

130. Ихъ злая брань весь умъ мой завлекла;
Но тутъ поэтъ: «Смотри, еще не много—
И между насъ посѣется вражда.»

133. И я, услышавъ гласъ поэта строгій,
Спѣшилъ къ нему съ такимъ въ лицѣ стыдомъ,
Что и досель смущаюсь думъ тревогой.

136. Какъ человѣкъ, томимый страшнымъ сномъ,
Во снѣ желаетъ, чтобы сномъ остался
Внезапный страхъ, смутившій сердце въ немъ:

139. Такъ безъ рѣчей въ смущеньи я терялся,
Желая извиниться, и, того
Не замѣчая, молча извинялся.

142. Но вождь: «Проступокъ бо̀льшій твоего
И меньшею стыдливостью смываютъ:
Смири жъ тревогу сердца своего.

145. Но помни: всюду на тебя взираютъ
Глаза мои, когда придемъ туда,
Гдѣ споръ подобный люди затѣваютъ:

148. Внимать ему не должно безъ стыда.»

---

141. Т. е. моимъ смущеніемъ.

148. Въ подлин.: Che voler ciò udire è bassa voglia. Можетъ быть, Данте влагаетъ эти слова въ уста Виргилія съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы напомнить, что творецъ Энеиды, «авторъ, наставникъ въ пѣснопѣньи» Дантовъ (Ада I, 85), никогда не изображалъ ничего низкаго и неблагороднаго. Впрочемъ этотъ эпизодъ такъ вѣрно схваченъ съ природы, что читатель конечно не упрекнетъ великаго поэта за уклоненіе отъ возвышеннаго тона его элегантнаго учителя.

ПѢСНЬ XXXI.

Содержаніе. Обозрѣвъ десятый послѣдній ровъ осьмаго круга, поэты приближаются къ краю глубокаго колодезя, составляющаго послѣдній девятый кругъ ада. Страшный звукъ рога оглушаетъ Данта: поэтъ смотритъ въ ту сторону, откуда несутся эти звуки, и думаетъ видѣть башни, возвышающіяся вдали; но Виргилій заранѣе говоритъ ему, что это великаны. Данте благодаритъ природу за истребленіе столь ужасныхъ палачей брани. Между тѣмъ путники приближаются къ одному изъ нихъ—Немвроду, виновнику смѣшенія языковъ на земли; онъ въ бѣшенствѣ обращается къ странникамъ на непонятномъ нарѣчіи, но Виргилій укрощаетъ его ярость. Далѣе поэты видятъ Эфіальта, пять разъ опутаннаго цѣпями: потрясеніемъ своего тѣла онъ едва не колеблетъ земли. Наконецъ они подходятъ къ третьему нескованному великану Антею, который, по просьбѣ Виргилія, схватываетъ поэтовъ, и, поспѣшно опустивъ ихъ на дно колодезя, поднимается какъ мачта на кораблѣ.

---

1. Языкъ, меня такъ сильно уязвившій,
Что отъ стыда весь ликъ мой запылалъ,
Былъ мнѣ и врачъ, боль сердца утолившій.

4. Такъ Ахилессъ—я нѣкогда слыхалъ—
Сперва разилъ копьемъ своимъ нещадно,
А послѣ имъ же раны исцѣлялъ.

7. Разставшись съ сей долиной безотрадной,
Мы въ гробовомъ молчаньи перешли
Лежавшій вкругъ нея оплотъ громадный.

1—3. Виргилій сперва престыдилъ Данта строгимъ выговоромъ; но потомъ тотчасъ же успокоилъ его своимъ прощеніемъ.

8—6. Телефъ, царь Мизіи, союзникъ Троянъ, получилъ рану отъ копья Ахиллова, принадлежавшаго прежде Пелею; согласно съ приговоромъ оракула, эта рана ни чѣмъ не могла быть излѣчена, какъ только ржавчиной съ того самаго копья, которымъ она нанесена Телефу. Овидій говоритъ (Rem. amor. 46—48):

Vulnus in Herculeo quae quondam fecerat hoste,
Vulneris auxilium Pelias hasta tulit.

7—9. Поэты уже вышли изъ осьмаго круга съ его десятью отдѣленіями, въ которыхъ казнится обманъ безъ довѣрія; теперь они переходятъ скалистую ограду того колодезя, о которомъ сказано Ада XVIII, 4 и д.

10. Былъ сумракъ здѣсь, ни день, ни ночь земли,
И взоръ не могъ проникнуть въ воздухъ сжатый;
Но слышалъ я столь громкій рогъ вдали,

13. Что передъ нимъ ничто громовъ раскаты,
И я, на встрѣчу звуку, поспѣшилъ
Направить очи, ужасомъ объятый.

16. По страшной битвѣ, гдѣ не довершилъ
Великій Карлъ священнаго обѣта,
Не такъ ужасно въ рогъ Орландъ трубилъ.

19. Я вверхъ взглянулъ и въ воздухѣ безъ свѣта,
Казалось, зрѣлъ высокихъ башенъ рядъ
И рекъ: «Учитель, что̀ за крѣпость эта?»

22. А онъ: «За то, что въ адскій мракъ и смрадъ
Ты слишкомъ вдаль глядишь, воображенье
Густою мглой твой обмануло взглядъ.

25. Пришедъ туда, поймешь, какъ отдаленье
Обманчиво для вашихъ чувствъ порой;
Но нѣсколько ускорь свое теченье.»

16—18. Архіепископъ Тюрпинъ, баснословный историкъ Карла Великаго, повѣствуетъ, что императоръ, завоевъ Испанію, находившуюся подъ владычествомъ враговъ христіанства Мавровъ и возстановивъ епископство компостелльское, самъ удалился за Пиренеи, оставивъ резервъ въ 20,000 человѣкъ въ Ронсевалѣ (Ronceveaux) подъ начальствомъ Орланда. Сарацины въ числѣ 50,000 подъ предводительствомъ Марсиція и Белингерда, предательски напали на это войско императора. Первый отрядъ невѣрныхъ въ 20,000 былъ избитъ христіанами; но второй изъ 30,000 человѣкъ умертвилъ всѣхъ христіанъ, кромѣ Орланда и другихъ пяти рыцарей. Тогда Орландъ затрубилъ въ рогъ и собралъ еще сто христіанскихъ рыцарей, съ которыми напалъ на Сарацинъ и убилъ Марсиція. Но вскорѣ, тяжело раненый, упалъ въ Ронсевалѣ подъ деревомъ и, раздробивъ свой мечъ непобѣдимый Дуранда о камень, еще разъ затрубилъ въ рогъ такъ сильно, что рогъ лопнулъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разорвались жилы у него на шеѣ. За восемь миль Карлъ услышалъ звукъ рога, но былъ удержанъ измѣнникомъ Ганнелономъ Майнцскимъ; подоспѣли на помощь только Балдуинъ и Теодорихъ: первый спасъ коня орландова Баярда, и на рукахъ послѣдняго испустилъ духъ Орландъ. **Филалетесъ.**

28. И, длань мою взявъ ласково рукой,
Сказалъ: «Пока достигнемъ той стремнины,
Чтобъ менѣе смущался разумъ твой,

31. Узнай: не башни то̀, но исполины
Надъ кладеземъ возносятъ грозный станъ,
Погружены по поясъ въ глубь пучины.»

34. Какъ взоръ, когда разсвется туманъ,
Распознаетъ предметы по немногу
Сквозь паръ, которымъ воздухъ былъ затканъ:

37. Такъ, подаваясь далѣе въ дорогу
И взоръ вперяя въ мракъ густой, я вдругъ
Прогналъ мечту и въ грудь вселилъ тревогу.

40. Какъ на горѣ, занявши полный кругъ,
Въ вѣнцѣ бойницъ стоитъ Монтереджіоне:
Такъ высятся надъ кладеземъ вокругъ,

43. Таясь до чреслъ въ его глубокомъ лонѣ,
Гиганты, имъ же олимпійскій богъ
Еще грозитъ, когда гремитъ на тронѣ.

46. Ликъ одного ужь разсмотрѣть я могъ,
Рамёна, грудь, вдоль ребръ висящи длани
И весь животъ почти до самыхъ ногъ.

40—41. Монтереджіоне, крѣпкій замокъ, стоявшій на возвышенной горѣ не далеко отъ Сіенны, былъ обставленъ, по словамъ комментаторовъ, по всей оградѣ, имѣвшей форму правильнаго круга, высокими башнями, на разстояніи 50 браччій одна отъ другой, но не имѣлъ ни одной въ срединѣ. Еще и въ нынѣшнемъ разрушенномъ состояніи онъ совершенно соотвѣтствуетъ этимъ стихамъ Данта. Амперъ.

44—45. Не безъ основанія, глубокій колодезь ада, мѣста казни величайшаго грѣха—измѣны, обставленъ гигантами, этими явными возмутителями противъ воли неба. «Ecce! gigantes gemunt sub aquis, et qui habitant cum eis.» Vulg. Iob. XXVI, 5. Копишъ.

46. Намекъ на баснословную войну гигантовъ съ Зевсомъ, который, поразивъ громами, свергнулъ ихъ на дно Орка.

49. Пресѣкши родъ чудовищныхъ созданій,
Природа, сколь была добра ты къ намъ,
Отнявъ столь лютыхъ палачей у брани.

52. И если жизнь даруешь ты слонамъ,
Или китамъ, то всякъ съ разсудкомъ яснымъ
Пойметъ твою премудрость: ибо тамъ,

55. Гдѣ злая воля связана съ ужаснымъ
Избыткомъ силъ, гдѣ разумъ золъ и дикъ,
Тамъ болѣе защиты нѣтъ несчастнымъ.

58. Огроменъ, толстъ казался страшный ликъ,
Какъ въ Римѣ шаръ съ гробницы Адріана,
И соразмѣрно съ нимъ былъ ростъ великъ.

61. Отъ скалъ, служившихъ запономъ для стана,
На столько вверхъ вздымался призракъ сей,
Что тщетно бъ три Фригійца великана

64. Достичь пытались до его кудрей:
Пальмъ тридцать было до той части тѣла,
Гдѣ пряжкой плащъ застегнутъ у людей.

49—57. Данте благодаритъ природу за то, что она не дозволила, чтобъ война производилась существами, которыя, обладая разумомъ, въ тоже время надѣлены чрезмѣрною силой и злостью, каковы были древніе гиганты.

59. Бронзовый шаръ, имѣющій форму сосновой шишки (pina), украшалъ нѣкогда мавзолей императора Адріана; но потомъ, по повелѣнію папы Симмаха, былъ снятъ и поставленъ на древнемъ храмѣ Св. Петра въ Римѣ. Этотъ шаръ и понынѣ находится въ ватиканскомъ саду въ Бельведерѣ, на ступеняхъ около змѣи Браманте. По измѣренію Филалетеса, онъ равняется 10 пальмамъ. Такъ какъ лице составляетъ девятую часть всей длины человѣческаго роста, то выходитъ, что длина гиганта равняется 90 пальмамъ или 30 браччіямъ (въ браччіи 3 пальмы); а такъ какъ пальма къ парижскому футу относится какъ 6 : 10, то значитъ длина его равна 54 футамъ. Филалетесъ.

63—64. Фризы (Фридландцы) считались во времена Данта людьми самаго высокаго роста. Стало быть, три человѣка самаго высокаго роста, поставленные другъ на друга, едва могли бы достать до его волосъ.

65. Замѣчательно, что эта мѣра совпадаетъ съ величиною гигантовъ (Эфіальта) у Гомера (Одисс. XI, 311), который даетъ имъ ростъ въ 9 оргій: оргія равняется 6 футамъ, а это составляетъ 54 фута. Филалетесъ

67. «*Mai amech zabi almi rafela!*»
Тутъ завопила бѣшеная пасть,
Чтò никогда иныхъ псалмовъ не пѣла.

70. Но вождь: «Глупецъ! твоя ничтожна власть;
Возмись за рогъ и рѣчью непонятной
Излей свой гнѣвъ, или другую страсть.

73. Сыщи ремень у выи, духъ развратный!
Помѣшанный! на немъ твой рогъ виситъ;
Смотри, вотъ онъ у груди необъятной.»

76. И мнѣ потомъ: «Онъ самъ себя винитъ;
Онъ былъ причиной, онъ— Немвродъ ужасный,
Что міръ нарѣчьемъ разнымъ говоритъ.

79. Оставь его; съ нимъ говорить напрасно:
Какъ для него невнятна рѣчь людей,
Такъ и его нарѣчье всѣмъ неясно.»

---

67. Эти слова, коихъ порядокъ мною нѣсколько измѣненъ (Rafel mai amech zabi almi), по видимому, не имѣютъ никакого смысла, какъ явствуетъ изъ ст. 81; тѣмъ не менѣе много было сдѣлано попытокъ комментаторами, чтобъ найдти смыслъ этихъ словъ. Между прочимъ, въ новѣйшее время Др. Аммонъ въ Дрезденѣ доказалъ, что слова эти арабскія. «Гиганская тѣнь Немврода (согласно съ Іов. С. XXVI, 5) пребываетъ въ подземномъ мірѣ. Вотъ чтò повѣствуютъ о немъ поэты Востока: Немвротъ пустилъ стрѣлу въ небо, откуда она упала окровавленная: вообразивъ, что онъ ранилъ ангела, онъ въ дерзкомъ высокомѣріи сталъ строить башню еще выше, нежели прежде; но, ужаленный мухою, низвергся въ *шеолъ;* здѣсь на берегу стигійскихъ водъ (Stygios lacus, Aen. VI, 134) видитъ онъ смѣло идущаго юнаго поэта (insano juvat indulgere labori, Aen. VI, 135) и восклицаетъ: Rafel mai amek zabi al' mi, или, въ латинск. переводѣ:

«Quam stulte incedit flumina Orci puer mundi mei.» Филалетесъ.

77—78. Согласно съ вышеприведеннымъ восточнымъ преданіемъ, Немвродъ представленъ здѣсь какъ основатель вавилонской башни: тоже самое принимаетъ и учитель Дантовъ Брунетто Латини; онъ говоритъ: «Этотъ Немвродъ построилъ вавилонскую башню, въ слѣдствіе чего произошло смѣшеніе языковъ. Онъ самъ перемѣнилъ свой языкъ еврейскій на халдейскій.» (Tesoro, Lib. I, cap. XIV). Можетъ быть, это преданіе побудило Данта заставить Немврода говорить по Арабски. Филалетесъ.

82. Тутъ мы пошли и встрѣтили лѣвѣй,
На перелетъ стрѣлы изъ самострѣла,
Другую тѣнь огромнѣй и страшнѣй.

85. Не знаю, кто сковалъ ее такъ смѣло;
Но спереди на шуйцу ей легла,
А на руку деснуюю сзади тѣла

88. Стальная цѣпь, которая была
Протянута отъ плечь до края бездны
И тѣнь пять разъ спиралью обвила.

91. «Надмѣнный сей, потрясшій своды звѣздны,
Дерзнулъ вступить съ державнымъ Зевсомъ въ брань,»
Сказалъ поэтъ: «здѣсь судъ ему возмездный.

94. То Эфіальтъ, съ боговъ сбиравшій дань,
Когда гиганты ихъ смутили споромъ;
Теперь во вѣкъ его недвижна длань.»

97. А я: «Скажи, гдѣ Бріарей, въ которомъ
Такая мощь? желалъ бы я, поэтъ,
Громадный ростъ его измѣрить взоромъ.»

---

82. Поэты огибаютъ часть окраины колодезя.

83. Т. е. на такомъ разстояніи, на которое можно пустить стрѣлу изъ самострѣла (balestro). По вычисленію Филалетеса, основанному на ст. Ада XXIX, 9 и XXX, 86—87, окружность колодезя равняется 1¾ мили или 16,000 браччіямъ (браччіа=3 пальмамъ); если принять выстрѣлъ изъ самострѣла въ 400 браччій то выходитъ, что вокругъ колодезя помѣщено 40 гигантовъ.

91—96. Объ Эфіальтѣ и Отосѣ, дѣтяхъ Посейдона и Ифимедеи, говоритъ Гомеръ:

«Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ
Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволнуютъ;
Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пеліонъ многолѣсный
Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо
Взять, и угрозу бъ они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чѣмъ младости пухъ оттѣнилъ ихъ ланиты и первый
Волосъ пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ ихъ обоихъ.»

Жуковскій, Одиссея XI, 313 и д.

97. Бріарей, сторукій гигантъ, сынъ Урана и Земли.

100.—«Вблизи отъ насъ Антей,» онъ мнѣ въ отвѣтъ:
«Онъ говоритъ и не закованъ въ цѣпи;
Онъ опуститъ насъ въ пучину лютыхъ бѣдъ.

103. Но Бріарей тамъ далѣе въ вертепѣ:
Онъ столь же дикъ и скованъ навсегда;
Но страшный видъ его еще свирѣпѣй.»

106. Съ подобнымъ трескомъ башню никогда
Не рушила землетрясенья сила,
Съ какимъ потрясся Эфіальтъ тогда.

109. О! никогда такъ смерть мнѣ не грозила,
И если бъ я не зрѣлъ на немъ цѣпей,—
Одна боязнь меня бы умертвила.

112. Тогда пошли мы дальше, гдѣ Антей
Изъ пропасти поднялъ чело въ гордынѣ,
До головы имѣя пять локтей.

115. «О ты, губитель львовъ на той долинѣ,
Гдѣ Сципіонъ такую честь стяжалъ,
А врагъ его бѣжалъ во слѣдъ дружинѣ!

118. О! если бъ ты съ гигантами бросалъ,
Какъ съ братьями, на небо громъ оружій,
То, вѣрно бъ, рокъ побѣдой васъ вѣнчалъ,

121. Сыны земли, воинственные мужи!
Въ трудъ не вмѣни насъ опустить въ тотъ край,
Гдѣ весь Коцитъ оледенѣлъ отъ стужи.

---

100. Антей, сынъ Земли; она придавала ему новыя силы каждый разъ, когда онъ къ ней прикасался. Потому Геркулесъ, въ жестокой борьбѣ съ этимъ великаномъ, для того, чтобы окончательно одолѣть сильнаго противника, былъ принужденъ поднять его на воздухъ и задушить въ своихъ объятіяхъ (ст. 132). Антей не воевалъ противъ боговъ вмѣстѣ съ братьями: потому не скованъ и не утратилъ способности говорить (ст. 118—121).

114. Въ подлин.: cinqu' alle. *Alla*, италіанская мѣра, равняется 6 пальмамъ: стало быть, Антей до головы имѣлъ 30 пальмъ, или былъ равенъ Немвроду до шеи. Филалетесъ.

115—117. Луканъ (Phar. V, 566) помѣщаетъ пещеру Антея въ плодоносной долинѣ, орошаемой рѣкою Баградой, не далеко отъ Утики, гдѣ на по-

124. Идти къ Тифею насъ не принуждай;
Тебѣ за все воздать мой спутникъ можетъ;
О! наклонись и глазъ не отвращай.

127. Твою онъ славу въ мiръ томъ умножитъ:
Онъ живъ и ждетъ жизнь долгую себѣ,
Коль раннiй срокъ ей Благость не положитъ.

130. Такъ вождь молилъ и, внявъ его мольбѣ,
Антей огромныя раздвигъ объятья,
Которыхъ мощь Алкидъ позналъ въ борьбѣ.

133. «Скорѣй ко мнѣ, чтобъ могъ тебя обнять я!»
Вскричалъ поэтъ, когда былъ схваченъ имъ:
И мы другъ друга обняли какъ братья.

136. Какъ Карисенда, —если взоръ вперимъ
На склонъ ея, когда надъ ней промчится
Тѣнь облака,—склоняется предъ нимъ:

139. Такъ онъ спѣшилъ всѣмъ тѣломъ наклониться,
И въ ужасѣ въ ту бездну въ хладъ и мракъ
Инымъ путемъ желалъ бы я спуститься.

142. Онъ насъ спустилъ туда, гдѣ вѣчный врагъ
Съ Iудой стынетъ въ безднѣ подземельной,
И, наклоненъ, самъ не остался такъ,

145. Но вдругъ поднялся мачтой корабельной.

лахъ Замы Публiй Корнелiй Сципiонъ Африканскiй старшiй одержалъ побѣду надъ Аннибаломъ.

124. Тифей—одинъ изъ гигантовъ.

137—138. Въ Болоньѣ находятся двѣ наклоненныя башни: Torre degli Asinelli и Torre Carisenda. Если облако пробѣгаетъ по небу противъ этой башни, то зрителю, стоящему подъ ея наклономъ, кажется, что башня наклоняется—сравненiе, необыкновенно вѣрно выражающее наклоненiе гиганта.

ПѢСНЬ XXXII.

Содержаніе. Данте призываетъ музъ на помощь, приступая къ изображенію средоточія вселенной, послѣдняго девятаго круга, этого краеугольнаго камня ада, гдѣ наказуется величайшій грѣхъ—измѣна, и гдѣ въ вѣчныхъ льдахъ Коцита погруженъ Люциферъ, родоначальникъ грѣха. Дно этой бездны представляетъ огромное замерзшее озеро, образованное рѣкою Коцитомъ; оно состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: *Каины*, гдѣ казнятся измѣнники родственникамъ; *Антеноры*, заключающей въ себѣ измѣнниковъ отечеству и граду; *Птоломеи*—измѣнниковъ друзьямъ и *Джіудекки*—измѣнниковъ благодѣтелямъ и Богу.—Данте вступаетъ въ Каину и видитъ тѣни измѣнниковъ, замерзшія до ланитъ, гдѣ зеркало стыда: всѣ онѣ поникли головами; онѣ плачутъ, но слезы замерзаютъ между вѣками. Тутъ видитъ онъ тѣни двухъ братьевъ изъ фамиліи Альберти да Мангоне: онѣ погружены въ озеро такъ близко одинъ къ другому, что волосы перепутались на ихъ головахъ. Другой измѣнникъ, Камиччіонъ деи Падзи, предательски называетъ ему какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ грѣшниковъ—своихъ товарищей и предсказываетъ скорое прибытіе Карлино, еще живаго во время замогильнаго странствованія поэта.—За тѣмъ путники вступаютъ во второе отдѣленіе этого круга — Антенору. Проходя между головами грѣшниковъ, Данте нечаянно ударяетъ ногою въ лобъ одного изъ нихъ; грѣшникъ горько жалуется, но не хочетъ сказать своего имени: тогда Данте, выведенный изъ терпѣнія его упорствомъ, вырываетъ съ головы его волосы. Въ это время, другой грѣшникъ выдаетъ упорнаго измѣнника, назвавъ его по имени Боккой. Выданный измѣнникъ, въ отмщеніе, называетъ Данту какъ этого, такъ и многихъ другихъ предателей. — Наконецъ, на рубежѣ Антеноры и слѣдующаго отдѣленія — Птоломеи, Данте видитъ двухъ грѣшниковъ, замерзшихъ въ одной ямѣ: одинъ изъ нихъ грызетъ голову другаго. Поэтъ вопрошаетъ грызущаго о причинѣ такой ненависти, обѣщаясь въ случаѣ его правоты пересказать о немъ на землѣ.

---

1. Будь стихъ мой грубъ, будь риѳмы хриплы, дики,
   Приличныя проклятой безднѣ сей,
   Всѣхъ прочихъ скалъ несущей гнетъ великій, —

---

1. Приступая къ описанію конечной пропасти ада, заключающей въ себѣ зло вселенной, величайшій грѣхъ по дантовой системѣ — измѣну, поэтъ ищетъ риѳмъ дикихъ и хриплыхъ (le rime e aspre e chiocce).

3. Всѣ утесы верхняго ада и въ особенности скалы, составляющія ось-

4. Изъ думъ моихъ я бъ выжалъ сокъ полнѣй;
Но гдѣ стихи, чтобъ выразить ту яму,
И кто безъ страха вымолвитъ о ней?

7. Да будетъ же тотъ вѣчно преданъ сраму,
Кто бъ вздумалъ дно вселенной описать
На языкѣ, зовущемъ *папу*, *маму*.

10. Но да послужатъ дѣвы мнѣ опять,
Помогшія пѣвцу воздвигнуть Ѳивы,
Чтобъ истину могъ стихъ мой передать!

13. О чернь! о родъ предъ всѣми злочестивый!
И вспомнить страшно, гдѣ гнѣздишься ты!
О лучше, если бъ родились звѣрьми вы!

16. Когда гигантъ въ глубь вѣчной темноты
Къ ногамъ своимъ спустилъ насъ изъ объятій
И я еще взиралъ на высоты,—

19. Вдругъ, возлѣ насъ, раздался крикъ проклятій:
«Гляди же подъ ноги и такъ пятой
Не попирай головъ несчастныхъ братій!»

мой кругъ, упираются во внѣшнюю ограду глубокаго колодезя (Ада XVIII, 4 и д.)

8. По системѣ птоломеевой, небо со всѣми своими планетами и звѣздами вращается вокругъ земли; потому центръ земли (дно ада) долженъ быть и средоточіемъ вселенной (Ада I, 127 и пр.)

10 — 11. Дѣвы, т. е. музы. Амфіонъ, древній греческій пѣвецъ, подвигалъ съ мѣста деревья и скалы звуками лиры. Камни, такимъ образомъ подвигнутые, сложились въ стѣны и положили первое основаніе Ѳивъ. Не безъ значенія Данте упоминаетъ здѣсь о Ѳивахъ, этомъ гнѣздѣ ужаснѣйшихъ измѣнъ и преступленій, совершенныхъ въ древности (Ада XXX, 9 и примѣч. и XXXIII, 88 и прим.) Копишъ.

17. Отъ подножія, на которомъ стоятъ гиганты, есть еще уступъ, ведущій къ краю ледянаго озера.

19. Это голосъ одного изъ замерзшихъ во льдахъ девятаго круга.

22. И, обратясь, узрѣлъ я предъ собой
Дно озера, которое съ кристалломъ
Имѣло больше сходства, чѣмъ съ водой.

25. Самъ Танаисъ въ стремленьи одичаломъ,
Иль въ Австріи Дунай среди снѣговъ
Не отягченъ столь толстымъ покрываломъ,

28. Какъ здѣсь Коцитъ, и пусть въ сей мрачный ровъ
Вдругъ съ Пьетропаной Таверникъ свалится,—
Не затрещитъ подъ ними ледъ съ краевъ.

31. И какъ лягушка, квакая, стремится
Изъ лужи мордой въ тѣ часы, когда
Колосьевъ сборъ порой крестьянкѣ снится:

34. Такъ до ланитъ, гдѣ зеркало стыда,
Замерзли тѣни, щелкая зубами,
Какъ аисты, и посинѣвъ средь льда.

---

22 — 24. Это озеро образовано Коцитомъ, берущимъ свое начало, вѣроятно, изъ волнъ кипящаго Флегетона, охлажденнаго вслѣдствіе своего паденія изъ седьмаго въ осьмой кругъ (Ада XIV, 114—119) и во время подземнаго своего теченія подъ осьмымъ кругомъ (Злыми-Рвами); окончательно же замерзаетъ Коцитъ, какъ увидимъ ниже, отъ взмаховъ крылъ Люцифера. Филалетесъ.

28. «Сія-то бездна окончательно воспринимаетъ въ себѣ грѣховный потокъ, возникающій отъ порчи человѣчества (Ада XIV, 94—120 и прим.); здѣсь замерзаетъ онъ въ видѣ озера отъ чуждаго любви божественной, лишеннаго свѣта, сатанинскаго холода, холода, объемлющаго представителей высшаго эгоисма человѣческаго — измѣнниковъ. Сюда тяготѣетъ все тяжелое міра; здѣсь, какъ въ мрачной, нелюбящей душѣ эгоиста, вѣчная мгла, вѣчный холодъ, вѣчная ненависть со всей своей мукой и ужасами муки.» Копишъ.

29. Таверникъ—вѣроятно одиноко-стоящая гора въ Славоніи, въ области Таверникко, называемая *Фруста Гора*.—Піетропана, высокая гора въ Гарфаньянѣ, не далеко отъ г. Лукки.

31—33. Въ этой терцинѣ въ противоположность ужасающей воображеніе вѣчной зимѣ приведенъ теплый лѣтній вечеръ Италіи, когда жатва окончена и бѣдная сельская дѣвушка, весь день подбиравшая оброненныя колосья, продолжаетъ думать о нихъ и во снѣ. Въ своихъ сравненіяхъ Данте часто уподобляется Гомеру, рисуя, подобно ему, самыя очаровательныя сельскія картины среди ужасовъ ада. Копишъ.

34. У грѣшниковъ, наполняющихъ Каину, въ которую теперь вступаетъ Данте, еще осталось чувства стыда, чего нѣтъ уже у грѣшниковъ слѣд. отдѣленій девятаго круга.

37. Всѣ грѣшники поникли головами;
Скорбь ихъ сердецъ является въ очахъ,
О холодѣ твердятъ они устами.

40. Я внизъ взглянулъ и подъ собой въ ногахъ
Увидѣлъ двухъ, которыхъ льды такъ смяли,
Что кудри спутались на ихъ главахъ.

43. «Скажите, вы, что̀ грудь такъ съ грудью сжали,»
Спросилъ я: «кто̀ вы?»—И на мой вопросъ,
Закинувъ выи, взоръ они подняли.

46. Изъ глазъ, когда-то влажныхъ, капли слезъ
До самыхъ губъ они струили оба,
И новымъ льдомъ имъ губы сжалъ морозъ:

49. Такъ плотно брусьевъ не скрѣпляетъ скоба̀!
Они же лбами грянулись сильнѣй,
Чѣмъ два козла: такъ ихъ объяла злоба.

52. И вотъ, одинъ, лишившійся ушей
Отъ холода, лицемъ прильнувши къ льдинѣ,
Сказалъ: «За чѣмъ глазѣешь на тѣней?

55. Иль хочешь знать, кто эти два? въ долинѣ,
Гдѣ съ горъ бѣжитъ Бизенціо ручьемъ,
Отецъ ихъ, Альбертъ, съ ними жилъ донынѣ.

58. Они два брата: обойди кругомъ
Каи́ну всю, не встрѣтишь предъ собою,
Кто бъ съ большимъ правомъ стынулъ подо льдомъ:

---

39. Т. е. стучаніемъ и скрежетомъ зубовъ.

52—55. Этотъ говорящій есть Мессеръ Альберто Камичіоне де' Пацци ди Вальдарно, предательски убившій своего родственника Убертино (ст. 68). Піетро ди Данте.

55—57. Это—два брата: Алессандро и Наполеоне дельи Альберти, дѣти графа Альберто дельи Альберти да Мангона, древней фамиліи, владѣвшей верхней долиной Бизенціо. Комментаторы разсказываютъ, что по смерти своего отца они тиранствовали въ окрестностяхъ Фальтероны (въ Тосканѣ), чрезъ которую протекаетъ рѣка Бизенціо, впадающая въ Арно, и наконецъ, поссорившись, умертвили другъ друга. «Nota,» прибавляетъ Anonimo, «che questa casa di Mangona l'ha innato il tradimento sempre uccidendo l'un l'altro.» Рикордано Малеспина. (Hist. Flor. Cap. 160. Murator. Rer. Ital. scrip. Vol. VIII).

58. Они были братья-близнецы: «erano nati ad un parto.» Боккаччіо.

59. Первое отдѣленіе этого круга, названное по первому братоубійцѣ—Каину (см. содержаніе этой пѣсни).

61. Ни тотъ, чью грудь и тѣнь своей рукою
Пронзилъ Артуръ, ниже Фокаччья самъ,
Ни даже сей, который головою

64. Мѣшаетъ въ даль смотрѣть моимъ очамъ, —
Предатель Сассоль: если ты Тосканецъ,
То ты о немъ слыхалъ конечно тамъ.

67. Но чтобъ скорѣй намъ кончить, чужестранецъ,
Узнай: я Падзи; я Карлино жду,
Предъ чьимъ грѣхомъ мой грѣхъ утратитъ глянецъ.» —

---

61. Артуръ, согласно съ романомъ о Кругломъ Столѣ (de la Table Ronde), ввѣрилъ управленіе королевствомъ, свои богатства и супругу Женевру незаконному сыну своему Мордреку, а самъ отплылъ во Францію воевать съ Ланселотомъ. Въ его отсутствіи Мордрекъ влюбился въ Женевру и для того, чтобы получить ея руку, показалъ королевѣ сочиненное имъ письмо какъ будто отъ Артура, который извѣщалъ, что онъ смертельно раненъ и, умирая, просилъ Женевру, чтобы она отдала корону и руку Мордреку. Вассалы Артура, частію обманутые, частію подкупленные Мордрекомъ, избрали его въ короли и требовали, чтобы Женевра шла за него за мужъ. Она просила нѣсколько дней на размышленіе; между тѣмъ, тайно запасшись съѣстными припасами, заперлась съ вѣрною дружиной въ лондонской башнѣ. Въ тоже время она отправила гонца во Францію къ королю Артуру, а если онъ дѣйствительно умеръ, то къ Ланселоту. Узнавъ объ измѣнѣ Мордрека, Артуръ немедленно возвратился въ Англію, вступилъ въ кровопролитную битву съ сыномъ и, встрѣтившись съ нимъ, убилъ его, пронзивъ ему грудь копьемъ своимъ такъ, что лучъ солнца прошелъ чрезъ его тѣло (почему у Данта сказано: грудь и тѣнь), какъ это видѣлъ Жирфле (одинъ изъ рыцарей круглаго стола): «Et dit l' ystoire que appres l' ouverture de la lance passa parmy la playe ung ray de soleil si evidamment que Girflet le veit bien.» Умирая, Мордрекъ нанесъ отцу мечемъ своимъ рану, отъ которой онъ и умеръ (Lancelot du lac, dernière partie de la table ronde, Cap. XXI). Филалетесъ.

62. Фокаччіа Канчелліери, изъ Пистойи, одинъ изъ Бѣлыхъ, о которомъ уже было упомянуто выше (Ада XXIV, 124—126 и пр.). Спасшись постыднымъ бѣгствомъ отъ Черныхъ, согласившихся умертвить его, онъ отвѣчалъ упрекавшимъ его въ трусости: «Пусть лучше скажутъ: отсюда бѣжалъ Фокаччіа, нежели: тутъ былъ онъ убитъ.» Когда въ послѣдствіи бѣлые Канчелліери задумали отмстить смерть рыцаря Бертино (см. тамъ же), избравъ въ жертвы М. Детто изъ черныхъ Канчелліери, то для исполненія этого замысла избрали Фокаччію и Фредуччіо, племянника Бертино. Скрытые въ засадѣ, они убили Детто на Piazza de' Lazzari, куда часто хаживалъ Детто

70. Потомъ я зрѣлъ тму песьихъ лицъ во льду
И я дрожалъ и въ вѣкъ дрожать я буду,
Лишь вѣчный ледъ на память приведу.

73. Пока мы шли къ срединѣ, гдѣ отвсюду
Стремится тяжесть къ центру своему,
И съ трепетомъ я зрѣлъ льдяную груду,—

76. Судилъ ли рокъ, иль случай велъ къ тому,
Не знаю; но, идя межъ черепами,
Ногой я въ лобъ ударилъ одному.

79. «За что жъ ты бьешь?» вскричалъ онъ со слезами:
«Коль не пришелъ ты месть усугубить
За Монт' Аперти, что гнетешь ногами?»

«не ожидавшій», говоритъ лѣтописецъ, «чтобы родственники его Канчельіери рѣшились отмстить кровью родственника смерть чужаго.» За это-то преимущественно злодѣяніе Данте помѣстилъ Фокаччію въ Каину и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ совершенное безпристрастіе, ибо человѣку своей партіи присудилъ болѣе жестокую казнь, нежели черному Ванни Фуччи, (Ада XXIV, 124—126 и пр.). (Stor. Pist. Murator. Rer. Ital. Vol, XI, 371). Филалетесъ.

65—66. Сассоль Маскерони, изъ фам. Тоски, умертвилъ своего племянника, чтобъ завладѣть его наслѣдствомъ: за это его прибитаго гвоздями къ бочкѣ (clavatus in una vegete) катали по улицамъ Флоренціи и потомъ обезглавили. Эта ужасная казнь сдѣлалась извѣстною во всей Тосканѣ. Бенвенуто да Имола.

69. Карлино де' Падзи, одинъ изъ изгнанныхъ бѣлыхъ Флорентинцевъ. Въ то время, когда Черные изъ Флоренціи осаждали Пистойю, находившуюся еще во власти Бѣлыхъ (Ада XXIV, 142—151 и прим.), Карлино оборонялъ крѣпость Піано ди Фравиньо въ Вальдарно съ 60 рыцарями и множествомъ пѣхоты. Не смотря на всѣ средства къ защитѣ, Карлино вскорѣ сдалъ измѣннически эту важную крѣпость Флорентинцамъ. При этомъ многія весьма важныя лица изъ партіи Бѣлыхъ были взяты въ плѣнъ: одни изъ нихъ выкупились за большія деньги; другіе были убиты: въ числѣ послѣднихъ находились Бенвенуто, дядя, и еще другой родственникъ Карлино. Такъ какъ это случилось въ 1302, то Камичіоне долженъ еще дожидаться прибытія Карлино въ адъ. Онъ хочетъ сказать: предъ его измѣной мое преступленіе покажется неважнымъ (Dino Camp. Giov. Villani VIII, 52). Филалетесъ.

73. Т. е. ко дну ада, къ центру земли и вселенной.

76. Здѣсь опять различіе между судьбою и случаемъ (Ада XXVI, 24 и пр.). Данте намекаетъ, что такъ судила сама судьба.

81. Монт' Аперти см. ниже (106 и прим).

82. А я: «О вождь! позволь мнѣ здѣсь побыть,
Чтобъ выпвдать, кто этотъ грѣшникъ новый?
Потомъ вели, какъ хочешь, мнѣ спѣшить.»

85. Учитель сталъ; а я направилъ слово
Къ тому, который мнѣ еще грозилъ:
«Скажи, кто ты, хулитель мой суровый?»

88—«А кто ты самъ?» мнѣ грѣшникъ возразилъ:
«Ты въ Антенорѣ такъ разишь намъ лицы,
Что и живой не такъ бы поразилъ.»—

91. «Я живъ и, выйдя изъ льдяной темницы,»
Былъ мой отвѣтъ: «я и тебя включу,
Коль славы ждешь, къ другимъ въ свои страницы.»

94. А онъ на то: «Противнаго хочу;
Прочь отъ меня! не досаждай мнѣ долѣ:
Въ сей пропасти за лесть я не плачу.»

97.—«О! если такъ, отвѣтишь по неволѣ,»
Вскричалъ я, въ выю уцѣпясь ногтьми:
«Иль волоска я не оставлю болѣ!»—

---

88. Антенора, второе отдѣленіе девятаго круга, гдѣ наказуются измѣнники отечеству и куда входятъ теперь поэты. Такъ названа эта яма по имени Антенора, троянскаго вождя, помогавшаго Грекамъ въ похищеніи Палладіума и давшаго имъ совѣтъ построить деревяннаго коня (Ада XXVI, 55—63 и прим.). Уже Ливій подозрѣвалъ, что Антеноръ и Эней потому только спаслись одни при разрушеніи Трои, что тайно находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ Греками (Tit. Liv. Lib I, cap. 1).

90. Онъ принимаетъ Данта за тѣнь.

94—96. Эти грѣшники не желаютъ уже, чтобы вѣсть о нихъ приходила въ міръ: за то они находятъ какое-то сатанинское наслажденіе называть по имени своихъ товарищей по аду и, какъ закоренѣлые измѣнники, безпрестанно выдаютъ другъ друга. Потому и Камичіоне де' Падзи, называя себя, клеймитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ сосѣдовъ. Филалетесъ.

98. «Видъ грѣха и мукъ ожесточило сердце поэта, но мысль объ измѣнѣ еще болѣе; къ предателямъ онъ не чувствуетъ никакого состраданія: бьетъ однаго, чтобы вынудить у него имя; давъ обѣщаніе другому снять у него ледяныя цѣпи съ очей, выманиваетъ у него названіе, но нарушаетъ слово

100. А онъ: «Пожалуй, все себѣ возьми;
Но не скажу, кто я, и не открою,
Хоть бей меня, хоть черепъ проломи.»

103. Ужь въ волосы вцѣпился я рукою
И много космъ съ измѣнника сорвалъ,
А онъ завылъ съ пониклой головою;

106. Вдругъ слышу вопль: «Чтò, Бокка, закричалъ?
Аль челюстью стучать не надоѣло,
Что лаешь такъ? кой чортъ къ тебѣ присталъ?»

109—«Молчи жъ,» я рекъ: «измѣнникъ закоснѣлый!
Тебѣ упорство не могло помочь:
Позоръ твой въ мірѣ возвѣщу я смѣло.»—

112. «Болтай, чтò хочешь! убирайся прочь!
Но и о томъ, чтò такъ языкъ торопитъ,
Не умолчи, покинувъ адску ночь.

115. О золотѣ Французовъ здѣсь онъ вопитъ;
Скажи: Дуэру видѣлъ я во рву
На холодкѣ, гдѣ бѣсъ измѣну топитъ.

(Ада XXXIII, 149); обмануть измѣнника ему кажется позволительнымъ.» Шевыревъ.

106. Бокка дельи Аббати, во время похода Флорентинскихъ Гвельфовъ противъ Сіенны (Ада X, 31—93 и прим.), служилъ въ отрядѣ рыцарей, коими предводительствовалъ Джіакопо или Джіакомо Вакка ди Падзи изъ Флоренціи (были еще Падзи изъ Вальдарно). Въ сраженіи при Монт' Аперти или Арбіи, Бокка, находясь въ тайныхъ сношеніяхъ съ Гибеллянами, обрубилъ руку Джіакопо, несшаго знамя Флорентинцевъ: внезапное паденіе знамени лишило духу войско и содѣйствовало окончательному его пораженію. Здѣсь въ замѣнъ (ст. 116) выдаетъ онъ гибеллина—Дуэру.

116. Буозо ди Доаріа или Дуэра, одинъ изъ вождей гибеллинской партіи въ Кремонѣ, управлялъ вмѣстѣ съ маркизомъ Оберто 16 лѣтъ этимъ городомъ. Когда французскія войска шли подъ предводительствомъ Роберта де Бетюнъ (Bethunes) и Гвидо Монфорскаго черезъ Ломбардію на помощь Карлу Анжуйскому, Оберто и Буозо Дуэра стали на р. Ольо въ провинціи Сончино съ цѣлію воспрепятствовать непріятелю. Французамъ удалось однакожъ—неизвѣстно обманомъ, или вслѣдствіе измѣны Дуэры—перейдти черезъ Ольо при Palazzuolo (въ 1265) и соединиться съ Гвельфами, имѣя въ тылу

118. Съ нимъ и другихъ тебѣ я назову:
Вотъ Беккерія близъ тебя, сложившій
Въ Флоренціи подъ топоромъ главу.

121. Тамъ, думаю, дель Сольданьеръ, застывшій
Съ злымъ Ганпелономъ; далѣ—Трибальделъ,
Въ Фаэнцу ночью двери отворившій.»—

гибеллинское войско подъ предводительствомъ Обидзо Эсте (Ада XII, 111 и прим.), который тоже способствовалъ этому переходу черезъ р. Ольо, столь гибельному для Монфреда. Современники сильно подозрѣвали Дуэру, взявшаго будто бы деньги съ Французовъ; за то Кремонцы искоренили всю его фамилію (Chron. Fra Pip. Murator. Rer. It. scr. Vol. IX, p. 709). Филалетесъ.

117. Въ подлин.: Là dove i peccatori stanno freschi—каламбуръ непереводимый.

119. Тезауро, изъ дома Беккерія изъ Павія, аббатъ Валломброзы, легатъ папы Александра IV въ Флоренціи послѣ перваго изгнанія Гибеллиновъ изъ этого города, былъ обвиненъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ послѣдними; ему отрубили голову (1258). Виллани, вполнѣ его оправдывая, приписываетъ пораженіе Флорентинцевъ при Монт' Аперти суду Божіему за это преступленіе своихъ соотечественниковъ (Villan. VI, 66). Филалетесъ.

121. Джіанни дель Сольданіеръ, гибеллинъ, желая возвыситься (per montare in stato), сдѣлался предводителемъ цеховъ, возставшихъ противъ Гвидо Новелло и гибеллинскихъ фамилій (АдаX, 31—93 и пр.). Виллани, (Lib. VII, 14).

122. Карлъ Великій, по возвращеніи своемъ изъ Кампостеллы, отправилъ Гана или Ганнелона Майнцскаго къ Марсилію и Белингерду, предводителямъ Сарацинъ, съ требованіемъ или уплаты подати, или принятія Св. Крещенія. Подкупленный ими Ганнелонъ, привезя отъ нихъ богатую дань, убѣдилъ Карла удалиться съ войскомъ за Пиренеи, оставивъ только незначительный арьергардъ подъ предводительствомъ Орланда, который и былъ разбитъ при Ронсевалѣ (Ада XXXI, 16—18 и пр.). Тюрпинъ (Vita Caroli Magni, Cap. XXI).

123. Когда партія Ламбертацци (такъ назывались болонскіе Гибеллины), изгнанная изъ Болоньи, бѣжала къ своимъ родичамъ, Акаризи, въ Фаэнцу (см. историческій очеркъ событій въ Романьи въ концѣ книги): тогда Трибальделло Самбрази, поссорившись съ своими единомышленниками (одинъ изъ Ламбертацци убилъ его свинью!) изъ мщенія отправилъ противной партіи—Джеремеямъ (Гвельфамъ) болонскимъ восковой слѣпокъ ключа отъ воротъ Фаэнцы (Porta Emilia); Джеремеи сдѣлали по этому слѣпку ключъ и ночью, отперши ворота, вошли въ городъ (Annal. Cesenates. Murat. Rer. It. scr. Vol. XIV, 1105). Трибальделло палъ при взятіи Форлі Іоанномъ Аппіа (Ада XXVII, 43—45 и пр.). Филалетесъ.—Отсюда беретъ свое начало болонская народная игра, il giuoco del porco (Manzi, «Spettacoli» p. 35—41.) Каннегиссеръ

124. Мы прочь пошли, и въ ямѣ я узрѣлъ
Двоихъ замерзшихъ такъ, что покрываетъ
Глава главу—мученія предѣлъ!

127. И какъ голодный жадно хлѣбъ съѣдаетъ,
Такъ верхній зубы въ нижняго вонзалъ
У выи тамъ, гдѣ въ черепъ мозгъ вступаетъ.

130. Какъ Меналипповы виски глодалъ
Тидей, безумнымъ ослѣпленъ раздоромъ:
Такъ этотъ грѣшникъ черепъ раздиралъ.

133. «О ты, который съ столь свирѣпымъ взоромъ
Грызешь главу сосѣду своему,
Скажи, за что?» спросилъ я: «съ уговоромъ,

136. Что если ты по праву мстишь ему,
То я, узнавъ о васъ, о вашей долѣ,
Предамъ его отзорному клейму,

139. Коль не отсохнетъ мой языкъ дотолѣ.»—

125—126. Должно думать, что одинъ помѣщенъ во льду ниже другаго, при чемъ весьма вѣроятно, что между обоими находится граница, отдѣляющая Антенору, ровъ измѣнниковъ отечеству, отъ Птоломеи, гдѣ казнится измѣна друзьямъ. Филалетесъ.

130—131. Тидей, одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Ѳивы, былъ смертельно раненъ Меналиппомъ, которому онъ тоже нанесъ смертельную рану. Истекая кровь, Тидей просилъ принесть трупъ своего врага, и когда его желаніе было исполнено, онъ приказалъ отрубить ему голову и съ бѣшенствомъ началъ ее грызть. Паллада, вымолившая Тидею у Зевса безсмертіе, увидѣвъ это звѣрство, удалилась отъ него съ содраганіемъ. Statius, Thebais, Lib. III, 717—767.

138. Въ верхнихъ кругахъ ада Данте склонялъ грѣшниковъ на бесѣду съ собой обѣщаніемъ даровать имъ славу на землѣ; въ девятомъ кругу онъ склоняетъ ихъ къ тому обѣщаніемъ позора ихъ врагамъ. Филалетесъ.

ПѢСНЬ XXXIII.

Содержаніе. Поднявъ голову и отерѣвъ уста о волосы изгрызенной головы, грѣшникъ повѣствуетъ Данту, что онъ, графъ Уголино, вмѣстѣ съ дѣтьми и внуками, предательски былъ схваченъ архіепископомъ Руджіери, голову котораго онъ теперь грызетъ, посаженъ въ тюрьму и въ ней уморенъ голодомъ. Данте, по окончаніи страшнаго разсказа, изливается въ сильной рѣчи противъ Пизы, родины графа, и за тѣмъ, покинувъ грѣшника, вступаетъ за Виргиліемъ въ третье отдѣленіе девятаго круга—Птоломею, гдѣ совершается казнь надъ предателями друзей своихъ. Они обращены лицемъ къ верху, вѣчно плачутъ, но слезы тотчасъ замерзаютъ передъ ихъ глазами, и скорбь, не находя исхода изъ глазъ, съ удвоеннымъ бременемъ упадаетъ имъ на сердце. Одинъ изъ этихъ предателей, монахъ Альбериго, умоляетъ Данте снять съ него куски замерзшихъ слезъ: поэтъ обѣщается и тѣмъ заставляетъ грѣшника открыть свое имя; при этомъ, грѣшникъ объявляетъ ему, что Птоломея имѣетъ тò преимущество передъ другими мѣстами ада, что души измѣнниковъ упадаютъ въ нее прежде, чѣмъ кончится срокъ ихъ жизни, и въ примѣръ приводитъ душу своего сосѣда по мукѣ Бранки д' Орія. Не исполнивъ обѣщанія, Данте удаляется отъ грѣшника, кончая пѣснь сильнымъ порицаніемъ жителей Генуи.

---

1. Уста подъялъ отъ мерзостнаго брашна
Сей грѣшникъ, кровь отеръ съ нихъ по власамъ
Главы, имъ въ тылъ изгрызенной такъ страшно,

4. И началъ онъ: «Ты хочешь, чтобъ я самъ
Раскрылъ ту скорбь, чтò грудь томитъ какъ бремя,
Лишь вспомню тò, о чемъ я передамъ.

7. Но коль слова мои должны быть сѣмя,
Чтобъ плодъ его злодѣю въ срамъ возникъ,—
И рѣчь и плачъ услышишь въ то же время.

10. Не знаю, кто ты, какъ сюда проникъ;
Но убѣжденъ, что слышу гражданина
Флоренціи: такъ звученъ твой языкъ!

---

4. Къ поясненію этого знаменитаго разсказа служитъ историческій очеркъ политическихъ событій въ Пизѣ, составленный Филалетесомъ по подлиннымъ документамъ и приложенный въ концѣ книги.

13. Ты долженъ знать, что графъ я Уголино,
А онъ—архіепископъ Руджіеръ,
И почему сосѣдъ мой, вотъ причина.

16. Не говорю, какъ въ силу подлыхъ мѣръ
Довѣрчиво я вдался въ обольщенье
И какъ сгубилъ меня онъ лицемѣръ.

19. Но, выслушавъ, разсѣй свое сомнѣнье,
О томъ, какъ страшно я окончилъ дни;
Потомъ суди: то̀ было ль оскорбленье!

22. Печальное отверстье западни—
По мнѣ ей имя *Башня Глада* стало:
Погибли въ мукахъ въ ней не мы одни!—

25. Семь разъ луны рожденье мнѣ являло
Сквозь щель свою, какъ вдругъ зловѣщій сонъ
Съ грядущаго сорвалъ мнѣ покрывало.

28. Приснилось мнѣ: какъ вождь охоты, онъ
Гналъ волка и волчатъ къ горѣ, которой
Для Пизы видъ на Лукку загражденъ.

31. Со стаей псицъ, голодной, чуткой, скорой,
Гваландъ, Сисмонди и Ланфранкъ неслись
Предъ бѣшенымъ ловцемъ, въ погонѣ спорой.

---

22. Въ подлин.: dalla muda. *Muda* собственно клѣтка, куда сажаютъ соколовъ, когда они линяютъ.

23. Мѣстность этой башни опредѣлена теперь довольно вѣрно: остатки ея и понынѣ еще видны въ одномъ зданіи, принадлежащемъ ордену Св. Стефано, въ Пизѣ. Въ дарственной записи этого зданія ордену изъ временъ Медичи сказано: Donamus turrim olim dictam *della fame*.

25. Уголино оставался въ башнѣ Гваланди, названной съ того времени Башнею Голода, съ Августа 1288 по Мартъ 1289, стало быть: около семи мѣсяцевъ.

28—33. Этотъ сонъ Уголино есть предзнаменованіе близкой его смерти. Руджіери очень глубокомысленно представляется въ этомъ сновидѣніи какъ вождь и глава охоты; Сисмонди, Гваланди, и Ланфранки, прочіе вожди гибеллинской партіи, суть ловчіе, управляющіе псицами—чернью Пизы; волкъ съ волчатами очевидно Уголино съ дѣтьми.

31. Monte San Giuliano, гора между двумя городами, въ 12 миль отъ каждаго.

34. По малой гонкѣ—мнѣ потомъ приснись—
Отецъ съ дѣтьми попалъ усталый въ сѣти
И псы клыками въ ребра имъ впились.

37. Проснулся я и слышу на разсвѣтѣ:
Мучительнымъ встревоженныя сномъ,
Рыдая громко, просятъ хлѣба дѣти.

40. Жестокъ же ты, когда ужь мысль о томъ,
Что̀ мнѣ грозило, въ скорбь тебя не вводитъ!
Не плачешь здѣсь—ты плакалъ ли о комъ?

43. Ужь мы проснулись; вотъ и часъ приходитъ,
Когда намъ въ башню приносили хлѣбъ,
Но страшный сонъ въ сомнѣнье всѣхъ приводитъ.

46. Вдругъ слышу: сверху забиваютъ склепъ
Ужасной башни! Я взглянулъ съ тоскою
Въ лице дѣтей, безмолвенъ и свирѣпъ.

49. Не плакалъ я, окаменѣвъ душою;
Они жъ рыдали, и Ансельмій мой:
«Что̀ смотришь такъ, отецъ мой? что̀ съ тобою?»

52. Я не рыдалъ, молчалъ я какъ нѣмой
Весь день, всю ночь, доколѣ свѣтъ денницы
Не проблеснулъ на тверди голубой.

---

50. Ансельмій (Anselmuccio, ласкательное отъ Anselmo), одинъ изъ внуковъ Уголино.

51. Во всей этой сценѣ ужаса сыновья и внуки графа Уголино представляются намъ юношами и дѣтьми, а ниже въ ст. 88 прямо сказано, что они по молодости лѣтъ своихъ не могли быть причастны преступленію, въ которомъ обвиняли ихъ отца и дѣда. Между тѣмъ теперь доказано, что младшій изъ нихъ былъ женатъ уже во время этого событія. Но кто же упрекнетъ великаго художника въ томъ, что онъ пожертвовалъ историческою вѣрностью поэтической цѣли, которая только тогда и могла быть достигнута, когда мы убѣждены, что дѣйствующія лица не только невинны, но̀ и не способны къ преступленію? Штрекфуссъ.

56—57. Взглянувъ на искаженныя лица дѣтей своихъ, Уголино узнаетъ въ нихъ страшное изображеніе своего лица.

55. Чуть слабый лучъ проникъ во мглу темницы,—
Свое лице, ужасное отъ мукъ,
Я вмигъ узналъ, узрѣвъ ихъ страшны лицы,

58. И укусилъ я съ горя пальцы рукъ;
Они жъ, мечтавъ, что голода терзанье
Меня томитъ, сказали, вставши вдругъ:

61.«Отецъ! насыться нами: тѣмъ страданье
Намъ утолишь; одѣвъ дѣтей своихъ
Въ плоть бѣдную, сними съ нихъ одѣянье.»

64. Я горе скрылъ, чтобъ вновь не мучить ихъ;
Два дня молчали мы въ темницѣ мертвой:
Что жъ не разверзлась, мать-земля, въ тотъ мигъ!

67. Но только день лишь наступилъ четвертый,
Мой Гаддо палъ къ ногамъ моимъ, стеня:
«Да помоги жъ, отецъ мой!» и, простертый,

70. Тутъ умеръ онъ, и какъ ты зришь меня,
Такъ видѣлъ я: всѣ другъ за другомъ вскорѣ
Отъ пятаго и до шестаго дня

73. Попадали. Ослѣпнувъ, на просторѣ
Бродилъ я три дни, мертвыхъ звалъ дѣтей....
Потомъ.... но голодъ былъ сильнѣй, чѣмъ горе!»

---

68. Гаддо (сокращен. Gherardo), одинъ изъ сыновьевъ Уголино.

74. И такъ Уголино умеръ на девятый день. Франческо де Бути повѣствуетъ, что двери башни отворили черезъ 8 дней (dopo le otto giorni).

75. Нѣкоторые комментаторы новѣйшаго времени (Розини, Карминьяно) старались объяснить этотъ стихъ въ томъ смыслѣ, что будто бы голодъ заставилъ наконецъ Уголино питаться трупами своихъ дѣтей. Куда ни заводитъ людей сильное желаніе блиснуть своимъ остроуміемъ! Съ какимъ изумительнымъ искусствомъ умѣлъ великій поэтъ остаться въ крайнихъ границахъ между ужаснымъ и отвратительнымъ: и вотъ теперь въ послѣднемъ стихѣ однимъ ударомъ онъ уничтожаетъ въ насъ все участіе, которое до сего времени мы питали къ несчастному старцу! Въ грандіозномъ этомъ разсказѣ мы видимъ престарѣлаго отца, который, чтобъ не печалить дѣтей своихъ, великодушно скрываетъ въ сердцѣ мучительнѣйшую скорбь и молча сноситъ муки голода;—старца, который не прежде, какъ по смерти всѣхъ дѣтей своихъ и внуковъ, начинаетъ оглашать воздухъ темницы ихъ именами, — который,

76. Сказавъ, схватилъ съ сверканіемъ очей
Несчастный черепъ острыми зубами,
Чтò какъ у пса окрѣпли для костей.—

79. О Пиза! срамъ предъ всѣми племенами
Прекрасныхъ странъ, гдѣ сладко *sì* звучитъ!
Когда сосѣдъ не мститъ тебѣ громами,

82. То пусть Капрайя двинетъ свой гранитъ,
Чтобъ устье Арно грудой скалъ заставитъ,
И всѣхъ гражданъ волнами истребитъ!

ослѣпнувъ отъ потери силъ, еще бродитъ по тѣламъ своихъ возлюбленныхъ: эта великодушная твердость, эта безпредѣльная любовь торжественно возстаютъ передъ нашими глазами и наполняютъ сердце наше чувствомъ неизъяснимаго умиленія, чувствомъ, уравновѣшивающимъ до нѣкоторой степени всѣ ужасы голодной смерти. Представьте же теперь, что отецъ рѣшается утолить свой голодъ трупами дѣтей своихъ, что старикъ вынужденъ голодомъ къ тому, чтò не входило въ голову даже его дѣтямъ, не смотря на то, что муки голода несравненно сильнѣе въ дѣтскомъ возрастѣ; представьте всю омерзительность такого поступка, и вы навѣрное съ отвращеніемъ и негодованіемъ закроете книгу. Штрекфуссъ.

76—78. Смыслъ этой группы слѣдующій: въ воображеніи Руджіери, какъ скоро пробудилась въ немъ совѣсть, безпрестанно рисуется ужасный образъ, голоднаго Уголино; такъ равно и графъ Уголино вѣчно видитъ предъ очами ненавистную тѣнь своего предателя и вѣчно питаетъ къ ней только одно чувство: ненависть и жажду мести. Копишъ.

80. Т. е. Италіи, гдѣ употребляется утвердительная частица *sì*. Романскіе языки въ то время раздѣлялись по частицѣ утвержденія на langue de sì (италіанскій), langue d'oc (испанскій), langue d'oui (французскій). Вотъ чтò говоритъ объ этомъ Данте въ своемъ трактатѣ De vulgari eloquentia: «На всемъ пространствѣ отъ устья Дуная или Palus Maeotis на западъ до предѣловъ Англіи, Италіи и Франціи употребителенъ одинъ языкъ, хотя у Славянъ, Венгровъ, Нѣмцевъ, Саксонцевъ и Англичанъ распадается на различныя нарѣчія (vulgari): отличительнымъ признакомъ всѣхъ этихъ нарѣчій служитъ то, что всѣ упомянутые народы для утвержденія употребляютъ частицу «*Ja*». Далѣе, идя отъ устья Дуная на востокъ, т. е. отъ границъ Венгріи, начинается другой языкъ. Наконецъ вся остальная часть земли въ Европѣ имѣетъ третій языкъ, хотя и раздѣленный въ настоящее время на три нарѣчія: ибо одни народы, утверждая, говорятъ «*ос*», другіе «*oui*», третьи «*sì*», именно Испанцы, Французы и Италіанцы.» (Данте, De vulgari eloquentia, Cap. VIII). Отсюда видно, что Данте правильно различаетъ два главнѣйшие языка въ Европѣ, хотя несправедливо отнесъ Венгровъ и Славянъ къ Нѣмцамъ.

82. Капрайя, островъ при впаденія Арно въ море. Въ подлин. упомянутъ еще др. островъ Горгона.

85. Коль Уголинъ себя могъ обезславить
Позорной сдачей стѣнъ твоихъ врагамъ,
За что жъ на казнь съ нимъ и дѣтей оставить?

88. Вѣкъ новыхъ Ѳивъ! ужь по своимъ лѣтамъ
Невинны были Угуччьонъ съ Бригатой
И тѣ, которыхъ назвалъ грѣшникъ намъ.—

91. Мы прочь пошли туда, гдѣ, весь объятый
Тяжелымъ льдомъ, лежитъ не вверхъ спиной,
Но опрокинутъ навзничь родъ проклятый.

94. У нихъ слеза задержана слезой,
И скорбь, преграду встрѣтивъ предъ очами,
Стремится внутрь съ удвоенной тоской:

97. За тѣмъ что слезы смерзлись въ нихъ кусками
И, какъ забраломъ изъ кристалла, льдомъ
Наполнили глазницы подъ бровями.

---

88. Древніе Ѳивы съ самаго своего основанія были театромъ величайшихъ преступленій и убійствъ; о многихъ изъ нихъ упомянуто выше (Ада XXX, 1—3 и пр.); къ нимъ нужно прибавить то, что первоначальные Ѳивяне, возникшіе изъ зубовъ, посѣянныхъ Кадмомъ, истребили другъ друга. Наконецъ въ Ѳивахъ два брата Этеоклъ и Полиникъ умертвили другъ друга въ поединкѣ; мать ихъ Іокаста повѣсилась, а сестра Антигона погребена живая.

89. Угуччіонъ (другая форма Ugo), сынъ Уголино. Бригата, прозваніе внука уголинова Нино.

91. Поэты вступаютъ теперь въ третье отдѣленіе девятаго круга — въ Птоломею (ст. 124), названную по имени Птоломея, сына Авувова, умертвившаго Симона Маккавея съ его сыновьями Іудою и Маттафіемъ и множество друзей ихъ во время пира (Кн. I Маккав. гл. XVI, 15 и 16). Поэтому Піетро ди Данте полагаетъ, что здѣсь наказуются души только тѣхъ грѣшниковъ, которые измѣннически погубили своихъ друзей во время пира, сгало быть души нарушителей гостепріимства.

94—99. Грѣшники въ Птоломеѣ лежатъ на спинѣ; они вѣчно плачутъ, но слезы, начиная отъ глазницъ, замерзаютъ въ тяжелыя льдины и потому, не находя выхода, ложатся тяжелою скорбію на сердце. Измѣнившій другу оскорбляетъ сокровенныя нѣдра самаго себя, потому что другъ есть, такъ сказать, часть нашего сердца. Потому скорбь объ измѣнѣ другу должна сильнѣе тяготить сердце, нежели всякое другое горе. Копишъ.

100. Хотя въ сей мигъ въ вертепѣ ледяномъ
Всѣ чувства холодъ истребилъ въ мгновенье,
Какъ бы въ мозоли, на лицѣ моемъ;

103. Однакожъ я почуялъ дуновенье
И рекъ: «О вождь! кто вѣтръ вздымаетъ къ намъ?
Не всякое ль тутъ стынетъ испаренье?»

106. А вождь въ отвѣтъ: «Сейчасъ ты будешь тамъ,
Гдѣ бури сей истокъ первоначальный:
Тогда вопросъ твой разрѣшится самъ.»

109. И вотъ, одинъ изъ мерзлыхъ, духъ печальный
Вскричалъ во льду: «О души злыхъ тѣней,—
Столь злыхъ, что край сужденъ вамъ самый дальный!

112. Снимите твердый мой покровъ съ очей,
Чтобъ могъ излить изъ сердца я кручину,
Пока опять замерзнетъ слезъ ручей.»

115. А я: «Коль хочешь, чтобъ я сбросилъ льдину,
Скажи: кто ты? и пусть сойду въ сей мигъ
Къ льдяномъ дну, коль узъ съ тебя не скину.»

118. И онъ тогда: «Монахъ я Альберигъ!
Въ глухомъ саду я прозябалъ въ зломъ тѣлѣ:
Здѣсь финики вкушаю вмѣсто фигъ.»

---

105. Т. е. можетъ ли возникнуть вѣтеръ, когда лучи солнца не извлекаютъ здѣсь паровъ и когда, стало быть, ничто не нарушаетъ равновѣсія въ атмосферѣ? Филалетесъ.

107. Она возникаетъ отъ взмаховъ крылъ Люцифера (Ада XXXIV, 50—52).

111. Тѣнь эта принимаетъ Данта и Виргилія за грѣшниковъ, которые по важности совершенной ими измѣны идутъ занять мѣсто въ послѣднемъ отдѣлѣ этого круга—въ Джіудеккѣ.

118. Альбериго де' Манфреди, монахъ изъ Веселой Братіи (Ада XXIII, 103 и пр.), членъ могущественнаго дома Манфреди, въ Фаэнцѣ, дома, стоявшаго во главѣ гвельфской партіи. Однажды, поссорившись съ родственникомъ своимъ Манфреди де' Манфреди, Альбериго получилъ отъ него пощечину. Пылая мщеніемъ, онъ скрылъ однакожъ свою злобу и, повидимому, примирился съ Манфреди. Для заключенія окончательнаго примиренія онъ пригласилъ Ман-

121. «Какъ!» я вскричалъ: «ты умеръ въ самомъ дѣлѣ?»
А онъ въ отвѣтъ: «Что съ плотію моей
Тамъ на землѣ, не вѣдаю доселѣ.

124. Та выгода быть въ Птоломеѣ сей,
Что часто шлетъ къ ней души рокъ суровый,
Хотя бъ имъ Парка не пресѣкла дней.

127. Но чтобъ охотнѣй сбросилъ ты оковы
Остекленѣвшихъ слезъ съ моихъ ланитъ,
Узнай: едва душа составитъ ковы,

130. Какъ сдѣлалъ я, ужь въ тѣло въ ней спѣшитъ
Вселиться бѣсъ и тѣломъ управляетъ,
Доколь она срокъ жизни совершитъ.

133. Душа межъ тѣмъ въ сей кладезь упадаетъ
И, можетъ быть, живъ тѣломъ и поднесь
Тотъ духъ, что здѣсь за мною холодаетъ.

136. Его ты зналъ, коль ты недавно здѣсь:
То Бранка д' Орья; онъ въ странѣ проклятья
Ужь много лѣтъ, какъ льдомъ окованъ весь.»

фреди съ его сыномъ Альбергетто, еще почти ребенкомъ, къ себѣ на пиръ. Въ концѣ обѣда онъ закричалъ: принесите фрукты! на этотъ условленный знакъ прибѣжали Уголино и Франческо де' Манфреди и убили несчастнаго отца съ сыномъ. Филалетесъ.

120. Mathaeus de Griffonibus говоритъ, что фрукты брата Альбериго вошли въ пословицу; Данте дѣлаетъ по видимому намекъ на эту поговорку, а также и на то, что убійство, согласно съ преданіемъ, совершено въ саду. Смыслъ этой пословицы: за худое получаю худшее, или изъ огня да въ полымя.

126. Въ подлин. Атропосъ, парка, перерывающая нить жизни, смерть.

129—132. «Какъ скоро душа измѣнитъ другу, тотчасъ вся любовь ея исчезаетъ, душа цѣпенѣетъ во льду вѣчной ненависти, она утратила жизнь и всѣ ея удовольствія; она умерла заживо и всѣ ея дѣйствія устремлены къ одной цѣли — дѣлать зло.» Копишъ.

137. Серъ Бранка д'Оріа, генуезецъ, изъ гибеллинской фамиліи д' Оріа, въ союзѣ съ своимъ племянникомъ, измѣннически умертвилъ во время дружеской трапезы своего тестя Микеле Цанке (Ада XXII, 88 и пр.), чтобъ завладѣть его помѣстьями въ Сардиніи. Подробнѣе о д' Оріа и Спинола, двухъ фамиліяхъ, управлявшихъ въ то время Генуей, см. у Филалетеса, Die Hölle p. 282.

139. А я ему: «Могу ли довѣрять я?
Вѣдь д' Оріа еще не умиралъ:
Онъ ѣстъ и пьетъ и спитъ и носитъ платья.»

142—«Къ Злымъ-Лапамъ въ ровъ,» монахъ мнѣ отвѣчалъ:
«Гдѣ липкая смола вздымаетъ пѣну,
Еще Микеле Цанке не бывалъ,

145. Какъ въ тѣло Бранки бѣсъ вступилъ на смѣну
И въ хитраго племянника его,
Съ которымъ вмѣстѣ онъ свершилъ измѣну.

148. Простри жъ персты и съ лика моего
Сними кристаллъ.»—Но я его оставилъ,
Почтя за счастье обмануть его.

151. О Генуезцы, родъ безъ всякихъ правилъ!
Родъ полный лжи, предательскій и злой,—
Когда бъ Господь нашъ міръ отъ васъ избавилъ!

---

150. Данте измѣняетъ данному слову. «Этотъ поступокъ ставили въ упрекъ поэту; но на землѣ онъ конечно бы такъ не поступилъ. Могъ ли онъ представить намъ свой адъ ужаснѣе, какъ изобразивъ его такимъ мѣстомъ, гдѣ исчезаютъ всѣ человѣческія чувства и гдѣ нарушаются всѣ понятія о долгѣ? Выше онъ выказывалъ болѣе человѣколюбія, но здѣсь — онъ на днѣ ада.» Каннегиссеръ.

151—153. Этой выходкѣ Данта противъ Генуезцевъ можетъ служить оправданіемъ слѣдующее мѣсто изъ собственнаго ихъ лѣтописца Іакопо д' Оріа. Изобразивъ цвѣтущее состояніе, торговлю и богатство Генуи, онъ прибавляетъ: «Но хотя Генуя и стояла тогда на такой степени могущества славы и богатства, однакожъ, не смотря на то, стали появляться все чаще и чаще убійцы, злодѣи и всякаго рода нарушители правосудія какъ внутри, такъ и внѣ города; ибо эти злодѣи въ правленіе упомянутаго подесты день и ночь ранили и убивали другъ друга мечами и копьями. Поэтому мудрые (sapientes, buon' uomi, prud' hommes) положили на общемъ совѣтѣ избрать изъ среды своей 18 предусмотрительныхъ и умныхъ людей, предоставивъ имъ на мѣсяцъ полную свободу и власть дѣлать все, что найдутъ они необходимымъ для водворенія спокойствія въ городѣ (bonum statum civitatis).» (Annal. Genues. Mur. Sc. rer. It. Vol. VI, 608). Замѣчательно, что Данте въ одной и той же пѣснѣ безпощадно порицаетъ два соперничествовавшіе между собою города—Геную и Пизу. Филалетесъ.

154. Съ подлѣйшею романскою душой
Я зрѣлъ изъ васъ такого, что за дѣло,
Какъ духъ, въ Коцитѣ стынетъ подъ волной,

157. Хоть, кажется, и здравствуетъ какъ тѣло.

154—155. Душа изъ Романьи есть Альбериго, родомъ изъ Фаэнцы въ Романьѣ; другая же тѣнь есть генуезецъ Бранка д'Орія.

ПѢСНЬ XXXIV.

Содержаніе. Наконецъ поэты вступаютъ въ послѣдній четвертый отдѣлъ девятаго круга—въ Джіудекку, названную такъ по имени Іуды Искаріотскаго; здѣсь совершается казнь надъ величайшими грѣшниками—измѣнниками своимъ благодѣтелямъ и Богу. Въ различныхъ положеніяхъ совершенно затертые льдомъ, они просвѣчиваютъ какъ пузырьки въ стеклѣ. Виргилій указываетъ Данту на твореніе, имѣвшее когда-то прекрасный ликъ—на Люцифера, который въ сумракѣ воздуха представляется поэту вдали какъ мельница, движущая крыльями. Сильный вѣтръ заставляетъ Данта укрыться за Виргиліемъ. Межъ тѣмъ гигантскій образъ Люцифера становится явственнѣе: онъ до полугруди возстаетъ надъ ледяной пещерой; на головѣ его три лица: красное, черное и блѣдно-желтое, и подъ каждымъ лицемъ по парѣ крылъ безперыхъ какъ у нетопыря: изъ-подъ нихъ дуютъ три вѣтра и замораживаютъ Коцитъ. Въ каждой пасти у него по грѣшнику: въ красной Іуда, въ черной Брутъ, въ блѣдной-желтой Кассій. — Наступаетъ ночь, и поэты, обозрѣвъ преисподнюю, готовятся въ выходу изъ ада. Данте обхатываетъ руками шею Виргилія и въ ту минуту, когда распахнулись крылья Люцифера, Виргилій хватается за шерсть его тѣла: такимъ образомъ онъ спускается сверху внизъ до бедръ чудовища. Достигнувъ этой точки, соотвѣтствующей центру земли и вселенной, Виргилій опрокидывается головою туда, гдѣ были его ноги, и отсюда какъ отъ центра тяжести начинаетъ восходить снизу вверхъ къ другому полушарію, хватаясь за клочья шерсти чудовища и идя по нимъ какъ по лѣстницѣ. Выйдя сквозь отверстіе скалъ въ цилиндрическій узкій ходъ, ведущій на южное полушаріе, Виргилій сажаетъ ученика на уступъ скалы; Данте поднимаетъ очи и съ изумленіемъ видитъ ноги Люцифера, поднятыя къ верху. Виргилій объясняетъ ему это явленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ космологію земнаго шара, замѣчая, что солнце уже взошло. Потомъ начинаютъ они свое восхожденіе къ южному полушарію по направленію потока, бѣгущаго по цилиндрическому подземному ходу спирально въ адъ и оглушающаго этотъ ходъ своимъ ропотомъ. Наконецъ Данте видитъ сквозь круглое отверстіе бездны прекрасныя свѣтила, украшающія небо, и предъ разсвѣтомъ выходитъ къ подножію горы Чистилища и созерцаетъ звѣзды.

---

1. «*Vexilla regis prodeunt inferni*
На встрѣчу къ намъ!» сказалъ учитель мой:
«Направь же взоръ къ нему сквозь мракъ вечерній.»

---

1. *Vexilla regis prodeunt inferni*—начало нѣсколько измѣненнаго Дантомъ

4. Какъ въ часъ, когда нашъ міръ задернутъ мглой,
Являются въ дали туманной взору
Размахи крыльевъ мельницы большой:

7. Такое зданье я узрѣлъ въ ту пору.
Тогда я сталъ, отъ вѣтра, за вождемъ,
За тѣмъ что въ немъ имѣлъ одну опору.

10. Страшусь сказать: я былъ ужь тамъ, гдѣ льдомъ
Со всѣхъ сторонъ затерты духи злые,
Какъ пузырьки мелкая подъ стекломъ.

13. Лежатъ одни, приподняты другіе;
Кто внизъ ногами, кто главой поникъ;
Кто, согнутъ въ лукъ, прижатъ ногами къ выѣ.

16. Какъ скоро вождь въ тѣ области проникъ,
Гдѣ онъ желалъ мнѣ указать творенье,
Имѣвшее когда-то дивный ликъ, —

католическаго гимна; слова эти значатъ въ переводѣ: знамена ада приближаются къ намъ.

4—6. Не безъ умысла сравненъ Люциферъ съ мельницею, если вспомнимъ, что онъ зубами дробитъ по грѣшнику въ каждомъ изъ трехъ своихъ зѣвовъ. Копишъ.

8. «Адскій вѣтръ, волновавшій, какъ мы видѣли, сперва море житейское (Ада I, 22—24), потомъ укрощенный блескомъ божественной молніи, (Ада III, 133—134) и наконецъ явленіемъ божественнаго посла (Ада IX, 64—72), теперь съ большею яростію повѣялъ на поэта; но онъ беретъ въ защитники Виргилія, разумъ человѣческій, и смѣло идетъ ему на встрѣчу.» Копишъ.

10—13. Поэты вступаютъ въ послѣднее отдѣленіе Коцита, въ такъ-наз. Джіудекку (ст. 117), гдѣ казнится грѣхъ высочайшаго эгоисма—измѣна благодѣтелямъ и Богу. «Здѣсь полнѣйшая замкнутость души самой въ себѣ: все горе здѣсь тяготѣетъ прямо на сердце; здѣсь грѣшники вполнѣ оцѣпенѣли во льду своихъ грѣховъ; здѣсь никакое человѣческое движеніе не имѣетъ уже мѣста: все тутъ окаменѣло какъ отъ окаменяющаго взгляда Медузы (Ада IX, 56—61 и примич.) Копишъ.

17—18. Это созданіе, когда-то прекраснѣйшее и свѣтлѣйшее изъ Ангеловъ, теперь безобразнѣйшее чудовище, есть самъ Люциферъ, Вельзевулъ, Дисъ (имена у Данта однозначущія); возмутившись противъ своего Создателя, онъ вмѣстѣ съ своимъ воинствомъ былъ свергнутъ въ эту пропасть Архангеломъ Михаиломъ (Ада VII, 12).

19. Стать предъ собой онъ далъ мнѣ повелѣнье,
Сказавъ: «Вотъ Дисъ и вотъ страна, гдѣ вновь
Вооружись отвагой на мгновенье.»

22. Какъ я нѣмѣлъ, какъ леденѣла кровь,
Тебѣ, читатель, я сказать не въ силахъ:
Тò выразить ни чьихъ не станетъ словъ.

25. Не умеръ я, но жизнь застыла въ жилахъ:
Вообрази жъ, чѣмъ въ ужасѣ я сталъ,
И жизнь и смерть утративъ въ сихъ могилахъ.

28. Владыка царства вѣчныхъ слезъ вòзсталъ
До полу-груди надъ льдяной пещерой,
И предъ гигантомъ я не такъ былъ малъ,

31. Какъ малъ гигантъ предъ дланью Люцифера:
Представь же самъ, каковъ былъ ростъ его,
Коль члены въ немъ столь страшнаго размѣра.

34. И если онъ, вòзставъ на своего
Творца, такъ гнусенъ сталъ, какъ былъ прекрасенъ,
То онъ отецъ конечно зла всего.

37. О, дивный видъ! какъ былъ мнѣ Дисъ ужасенъ,
Когда узрѣлъ я три лица на немъ:
Одинъ передній—былъ какъ пламя красенъ;

30—33. Принявъ величину гигантовъ, по вышепреведенному расчисленію (Ада XXXI, 59 и пр.), въ 54 париж. фута, а длину человѣка обыкновеннаго роста въ 72 дюйма или 6 футовъ, найдемъ, что рука Люцифера по малой мѣрѣ должна равняться $\frac{54 \times 54}{6}$ или 486 пар. футамъ, а какъ рука составляетъ $^1/_3$ длины тѣла, то выходитъ, что весь ростъ Люцифера равняется 1458 париж. футамъ, или 810 браччіямъ. Филалетесъ.

35. Въ подлин.: S' ei fu si bel, com' egli è ora brutto; простой народъ въ Неаполѣ и до сихъ поръ называетъ Сатану *brutto fatto*.

38—44. Древніе комментаторы видѣли въ красномъ лицѣ символъ гнѣва, въ блѣдно-желтомъ символъ зависти, въ черномъ символъ праздности и лѣнива По толкованію Ломбарди, различные цвѣта лицъ обозначаютъ три тогда единственно извѣстныя страны стараго свѣта, на которыя жадными глазами смотритъ Люциферъ: красное сооотвѣтствуетъ розовому цвѣту лица Европейцевъ, блѣд-

40. Другія жъ два сливались съ тѣмъ лицемъ
Въ срединѣ плечь и, сросшись у вершины,
Вздымались гребнемъ надъ его челомъ.

43. Былъ блѣдно-желтъ ликъ правой половины;
Но тотъ, что̀ слѣва, цвѣтъ имѣлъ людей,
Живущихъ тамъ, гдѣ Нилъ падетъ въ долины.

46. Шесть грозныхъ крылъ, приличныхъ птицѣ сей,
Подъ каждымъ ликомъ по-два выходили:
Такихъ вѣтрилъ не зрѣлъ я средь морей!

49. Безперыя, на крылья походили
Нетопыря: такъ ими онъ махалъ,
Что изъ-подъ нихъ три вѣтра бурей выли,

52. Коцитъ же весь отъ стужи замерзалъ.
Шестью очами плакалъ онъ и токомъ
Кровавыхъ слезъ три груди орошалъ.

55. Какъ мялами, онъ въ каждомъ ртѣ глубокомъ
Дробилъ въ зубахъ по грѣшнику, заразъ
Казня троихъ въ мученіи жестокомъ.

но-желтый цвѣту азіатскаго или монгольскаго племени, черный цвѣту Мавровъ и Негровъ. Если допустить, что поэты спустились въ адскую бездну изъ Италіи, обратившись лицемъ къ Іерусалиму (черезъ который, по представленію Данта, проходитъ продальная ось ада), и теперь, описавъ почти полную спираль (какъ можно заключить изъ Ада XIV, 127), опять идутъ въ прежнемъ своемъ направленіи, т. е. обратившись лицемъ къ Іерусалиму, то лице Люцифера, обращенное къ Азіи, направлено на право, а лице, обращенное къ Африкѣ,—на лѣво. Ф и л а л е т е с ъ.

45. Т. е. было черно, какъ у народовъ, обитающихъ у водопадовъ Нила.

55. *Мяло* (maciulla), орудіе, которымъ мнутъ ленъ, или пеньку.

37—64. «Чудовищный образъ Люцифера задуманъ по идеѣ весьма глубокомысленной. Вооруженный безперыми крыльями, свойственными только птицамъ ночи, чѣмъ болѣе усиливается онъ взлетѣть на нихъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ вѣчную свою неволю; ибо потокъ грѣховный, имъ же возбуждаемый (Ада XIV, 112 и прим.), обратно устремляетъ къ нему свои волны, которыя и замерзаютъ въ мертвый ледъ отъ вѣянія крылъ его—прямая противоположность тому потоку блаженства, который, исходя свыше, животворитъ вселенную (Рая XXX, 61). Какъ прекрасенъ былъ нѣкогда Люци-

58. Но мощь зубовъ переднему сто разъ
Сноснѣе лапъ, которыми по кожѣ
Спины его онъ проводилъ подъ часъ.

61. И вождь сказалъ: «Вонъ тотъ, казнимый строже,
Съ главой внутри, съ ногами внѣ зубовъ,—
Искаріотъ на раскаленномъ ложѣ!

64. Изъ двухъ другихъ висящихъ внизъ духовъ —
Вотъ Брутъ торчитъ главой изъ пасти темной:
Смотри, какъ тамъ крутится онъ безъ словъ!

67. А тотъ плечистый—Кассій вѣроломный:—
Но сходитъ ночь: уже пора намъ въ путь;
Все видѣли мы въ безднѣ сей огромной.»—

феръ, такъ теперь онъ гнусенъ. Безобразно-страшнымъ чудовищемъ воздымается онъ въ средоточіи вселенной, въ центрѣ тяжести амфитеатра адскихъ круговъ—исполинскій символъ самой черной совѣсти. Въ каждомъ изъ трехъ своихъ зѣвовъ онъ терзаетъ по одному грѣшнику; но, самъ мучитель, плачетъ, на себѣ испытуя жесточайшую муку, плачетъ кровавыми слезами, орошающими три соединенныя вмѣстѣ лица его! Мудрость божественная уже не свѣтитъ ему, мысль о Божіемъ всемогуществѣ есть его огненная мука, а отъ святой любви божественной онъ самъ отложился: такимъ образомъ испытуетъ онъ самъ на себѣ всѣ казни своего тройственнаго царства—тьму, жаръ и холодъ (Ада III, 87 и пр.). Изъ очей его чернаго лица льются слезы его *чувственнаго ослѣпленія*; слезами кроваво-огненнаго лица онъ оплакиваетъ свое дерзновенное *насиліе;* блѣдно-желтый заливается слезами его *обмана*. Этимъ тремъ грѣховнымъ побужденіямъ соотвѣтствуютъ и три бури, возбуждаемыя его крылами; имъ же соотвѣтствуютъ и три чудовища первой пѣсни: обезумливающій сладострастіемъ Барсъ, угрожающій насиліемъ Левъ и, мать обмана, губительная своею скупостью Волчица. Три грѣшника испытываютъ злѣйшую муку въ тройственной пасти Люцифера: въ передней—Іуда, предатель своего Божественнаго Благодѣтеля и царствія Божія: за то и казнь ему изъ всѣхъ жесточайшая; другіе два виновны передъ свѣтскою властію Римской Имперіи, какъ измѣнники своей верховной главѣ и благодѣтелю Цезарю; они висятъ внизъ головами: увлеченный страстями Брутъ изъ черной, дѣйствовавшій по холодному расчету Кассій изъ блѣдно-желтой пасти. Такъ на самомъ днѣ ада Данте является въ одно время и христіаниномъ и гибеллиномъ.» Копишъ.

68. И такъ время теперь между 5 и 6 часомъ вечера 26 Марта, 6 или 9 Апрѣля; слѣд. теперь опять ночь, какъ и въ началѣ замогильнаго стран-

70. Онъ мнѣ велѣлъ припасть къ нему на грудь
И, выждавъ мигъ, чтобъ распахнулись крылья,
Къ косматымъ ребрамъ поспѣшилъ прильнуть.

73. И въ слѣдъ за тѣмъ, усугубивъ усилья,
По клочьямъ шерсти и корѣ льданой,
Какъ съ лѣстницы, спускалась тѣнь Виргилья.

76. Когда же мы достигли точки той,
Гдѣ толща чреслъ вращаетъ бедръ громаду,—
Вождь опрокинулся туда главой,

79. Гдѣ онъ стоялъ ногами, и по гаду,
За шерсть цѣпляясь, сталъ всходить въ жерло:
Я думалъ, вновь онъ возвращался къ аду.

82. «Держись, мой сынъ!» сказалъ онъ, тяжело
Переводя свой духъ отъ утомленья:
«Вотъ путь, которымъ мы покинемъ зло.»

ствованія, изъ чего заключить должно, что Данте находился въ аду 24 часа, изъ которыхъ 12 употреблено на прохожденіе шести верхнихъ и 12 на прохожденіе трехъ нижнихъ круговъ (Ада II и XI). Филалетесъ.

76—77. Т. е. до бедреннаго сочлененія, которое положеніемъ своимъ соотвѣтствуетъ почти срединѣ тѣла.

78—80. Если вообразимъ себя въ центрѣ земли, то для того, чтобы перейдти на другое полушаріе, мы дѣйствительно не можемъ представить себѣ другаго средства, кромѣ того, къ которому прибѣгаетъ теперь Виргилій, т. е. мы должны перевернуться такъ, чтобы голова была тамъ, гдѣ прежде были ноги. Потому очень естественно, что Виргилій опускался внизъ до тѣхъ поръ пока не достигъ центра земли; а потомъ, перекувырнувшись, и миновавъ эту точку, долженъ былъ подыматься вверхъ, хотя и въ томъ и въ другомъ случаѣ двигался все по одной линіи. Столько же естественно и то, что такъ какъ средина Люцифера совершенно соотвѣтствуетъ центру земли, и такъ какъ верхняя половина его тѣла находится внутри нашего, а нижняя внутри другаго полушарія, то путники, перешедши этотъ пунктъ, должны видѣть ноги Люцифера поднятыми вверхъ. Впрочемъ все это имѣетъ и нравственный смыслъ. Средоточіе земли, по представленію поэта, есть не только центръ тяжести физической, но и духовной,—центръ, къ которому тяготѣетъ все матеріальное, грѣховное, тогда какъ все очищенное отъ грѣха, все чистое и духовное, представителемъ коему самъ Данте, стремится къ небу и притомъ дорогой діаметрально противоположно той, которая ведетъ къ началу грѣха — Люциферу.

85. Тутъ въ щель скалы пролѣзъ онъ, на каменья
Меня осадилъ у бездны и въ виду
Сталъ предо мною полнъ благоволенья.

88. Я поднялъ взоръ и думалъ, что найду,
Какъ прежде, Диса; но увидѣлъ ноги,
Стопами вверхъ поднятыя во льду.

91. Какъ изумился я тогда въ тревогѣ,
Пусть судитъ чернь, которая не зритъ,
Какую грань я миновалъ въ дорогѣ.

94. «Встань на ноги,» заговорилъ піитъ:
«Нашъ дальный путь тяжелъ и дня свѣтило
Ужь третій часъ какъ на небѣ горитъ.»

97. Не во дворцѣ идти намъ должно было,
Но подъ землей въ естественной тюрьмѣ,
Гдѣ рыхло дно, гдѣ солнце не свѣтило.

100. «Пока въ сей безднѣ мы идемъ во тьмѣ,»
Сказалъ я, вставъ: «премудрыми рѣчами
Свѣтъ истины разлей въ моемъ умѣ.

103. Скажи, гдѣ ледъ? какъ погруженъ ногами
Вверхъ Люциферъ? какъ къ утру царь планетъ
Въ столь краткій срокъ достигъ уже надъ нами?»

Это двѣ духовныя силы центробѣжная и центростремительная господствуютъ во всей поэмѣ. Штрекфуссъ.

93. Т. е. центръ тяготѣнія всего міра (по представленію поэта).

96. *Третій часъ* (въ подлин.: a mezza terza), т. е. $2^1/_2$ часа по восхожденіи солнца (т. е. уже утро), смотря потому, въ какомъ мѣсяцѣ примемъ начало странствія Данта—въ Мартѣ или Апрѣлѣ: если въ Мартѣ, то теперь на южномъ полушаріи $^1/_2$ 9 часа утра, а на нашемъ $^1/_2$ 11 часа вечера; а если въ Апрѣлѣ, то теперь 8 часовъ утра на южномъ и 10 часовъ вечера на нашемъ полушаріи. Филалетесъ.

105. Поэты употребили только $2^1/_2$ часа на путешествіе по клочьямъ шер-

106. «Ты думаешь,» учитель мнѣ въ отвѣтъ:
«Что ты еще за центромъ, гдѣ вцѣпился
Я въ шерсть червя, что̀ точитъ цѣлый свѣтъ.

109. Ты былъ за нимъ, пока я внизъ стремился;
Когда жъ всходилъ я, центръ ты миновалъ,
Куда весь грузъ отсюду устремился.

112. И ты теперь подъ эмисѳерой сталъ,
Напротивъ той, что̀ облеклась когда-то
Великой сушей, гдѣ на выси скалъ

115. Былъ распятъ Тотъ, кто жилъ и умеръ свято.
Ты здѣсь стоишь на сѳерѣ небольшой,—
Другомъ лицѣ Джудекки, льдомъ объятой.

118. Въ странѣ сей день, какъ скоро ночь на той;
А тотъ, чья шерсть намъ лѣстницей служила,
Какъ и сперва, повергнутъ внизъ главой.

сти Люцифера, а между тѣмъ солнце перешло уже отъ вечера къ утру: это удивляетъ Данта; но Виргилій (ст. 118) объясняетъ ему, что если на одномъ полушаріи ночь, то на другомъ день, особенно у антиподовъ. Такъ какъ поэты вышли на южное полушаріе въ точкѣ совершенно противоположной той, въ которой они вошли въ адъ на нашемъ полушаріи, то очевидно, что на сколько впередъ подвинулся день на одной сторонѣ земли, на столько подвинулась ночь на другой.

108. Грѣшную землю Данте представляетъ яблокомъ, котораго сердцевину точитъ червь,—отецъ грѣха. Копишъ.

114. По представленію поэта, Іерусалимъ съ горою Голгоѳою составляетъ средоточіе и вышую точку, нашего (европейскаго) полушарія, тогда какъ противоположное олушаріе, согласно съ мнѣніемъ тогдашнихъ географовъ, покрыто моремъ. «Ista est Jerusalem, in medio gentium posui eam et in circuitu ejus terram.» Vulg. Ezech. V, 5. Антиподомъ Іерусалиму служитъ гора Чистилища.

115. Имя Христа ни разу не упоминается во всемъ дантовомъ Адѣ. Ломбарди.

116—117. Центръ земли помѣщенъ, съ одной стороны, между Коцитомъ или Джіудеккою, а съ другой — между тѣмъ мѣстомъ, куда вышли поэты,

121. Сюда онъ палъ предъ громомъ Михаила,
И та земля, что прежде здѣсь была,
Отъ ужаса свой ликъ подъ моремъ скрыла

124. И къ эмисферѣ нашей отошла;
А часть земли изъ бездны сокровенной
Надъ нимъ въ испугѣ гору вознесла.»

127. Есть ходъ въ землѣ, на столько удаленный
Отъ Вельзевула, сколько адъ глубокъ.
Незримый, въ немъ журчитъ во мглѣ сгущенной

130. Сквозь щель скалы бѣгущій ручеекъ:
Прорывъ скалу извивистой волною,
Онъ въ бездну мчитъ по склону бурный токъ.

миновавъ центръ (ст. 85): это-то мѣсто и называетъ Данте другимъ лицемъ Джіуденки, ибо оно имѣетъ тоже положеніе, туже величину и на столько же отстоитъ отъ центра земли, какъ и самая Джіудекка.

121—126. Различное отношеніе двухъ полушарій произошло, по представленію Данта, слѣдующимъ образомъ: Люциферъ свергнутъ съ неба на полушаріе, противоположное европейскому, при чемъ онъ погрузился въ землю, какъ стрѣла, головою внизъ, такъ, что голова его обращена къ европейскому, а ноги къ южному полушарію. Часть суши, покрывавшей до его паденія южную половину земнаго шара, въ ужасѣ устремилась къ нашему полушарію и на немъ поднялась въ гору Сіонъ; большая же часть суши покрылась моремъ. Но часть земли, вытѣсненная Сатаною, отхлынула въ вышину позади падшаго, образовавъ въ землѣ цилиндрическій ходъ, въ которомъ теперь поэты, а на южномъ полушаріи, обращенномъ къ поэтамъ, поднявшись въ гору Чистилища.

127—128. Отъ Люцифера ведетъ на другое полушаріе цилиндрическій ходъ, коего длина равняется длинѣ всего ада, или, другими словами, отдаленіе отъ поверхности земли нашего полушарія до средины Люцифера равняется отдаленію средины Люцифера до поверхности другаго полушарія, именно и то и другое равно радіусу земли, или половинѣ ея діаметра.

130. Какъ слезы статуи Времени съ горы Иды на ос. Критѣ (Ада XIV, 94—120 и пр.) текутъ съ нашего полушарія въ адъ, гдѣ сливаются въ четыре адскія рѣки: такъ точно и съ южнаго полушарія происходитъ ручей съ горы Чистилища и течетъ въ адъ до его центра. Этотъ ручей означаетъ, по объясненію комментаторовъ, слезы раскаянія, текущія въ мракъ забвенія и замерзающія у ногъ Вельзевула, отца грѣховъ.

133. Мой вождь и я сей тайною тропою
Спѣшили снова выйдти въ Божій свѣтъ,
И, не предавшись ни на мигъ покою,

136. Взбирались вверхъ, онъ первый, я во слѣдъ,
Пока узрѣлъ я въ круглый выходъ бездны
Лазурь небесъ и дивный блескъ планетъ

139. И вышли мы, да узримъ своды звѣздны.

---

139. Такъ какъ время, когда вышли поэты изъ ада, близко къ восходу солнца, какъ показываетъ первая пѣснь Чистилища, то значитъ, что теперь 27 Марта, 7 или 10 Апрѣля (рано утромъ на южномъ полушаріи, или вечеръ въ Іерусалимѣ), смотря потому, какое примемъ изъ трехъ мнѣній касательно перваго дня замогильнаго странствованія Данта. Изъ этого далѣе видно, что Данте употребилъ еще 24 часа для восхожденія отъ центра земли къ южному полушарію: медленность эта объясняется трудностію восхожденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ и глубокій нравственный смыслъ. «Lata porta, et spatiosa via est, quae ducit ad perditionem, et multi sunt, qui intrant per eam. Quam angusta porta, et arcta via est, quae ducit ad vitam; et pauci sunt, qui inveniunt eam!» Vulg. Evang. sc. Matth. Cap. VII. 13—14.

19 Марта 1844
Москва.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прилагаемые здѣсь три историческіе очерка заимствованы безъ измѣненія изъ перевода Филалетеса (нынѣ Короля Саксонскаго Іоанна) «Divina Commedia.» Собственно это комментаріи къ XIX, XXVII (а равно и къ XIV пѣснѣ Чистилища) и XXXIII пѣснямъ Ада, и если бы не были такъ обширны, могли бы быть напечатаны въ сноскахъ къ моему переводу. Я перевелъ ихъ безъ сокращенія, полагая, что для любителя Дантовой поэзіи они могутъ показаться весьма интересными поясненіями упомянутыхъ мѣстъ поэмы, тѣмъ болѣе, что всѣ три составлены знаменитымъ нѣмецкимъ переводчикомъ и комментаторомъ Данта по весьма рѣдкимъ подлиннымъ документамъ историческимъ.

I.

БОНИФАЦІЙ VIII.

(Къ XIX пѣснѣ Ада).

Папа Бонифацій VIII умеръ въ 1303 г., *слѣд.* въ 1300, въ годъ замогильнаго странствованія Данта, не могъ быть помѣщенъ въ аду. Однакожъ поэтъ, не желая оставить заклятаго своего врага ненаказаннымъ, влагаетъ въ уста Николая III будущее его осужденіе. Краткій перечень событій въ папствованіе Бонифація VIII покажетъ, что Данте имѣлъ полное право произнесть столь строгій приговоръ надъ этою замѣчательною личностію среднихъ вѣковъ.

Послѣ двухлѣтняго междуцарствія, кардиналы избрали въ папы благочестиваго пустынника Піетро ди Мороне, подъ именемъ Целестина V (въ 1294). *) Этотъ добрый, но слабодушный человѣкъ вскорѣ такъ сильно покорился вліянію Карла II Анжуйскаго, что, по его настоянію, возвелъ двѣнадцать иноземцевъ въ кардинальское достоинство. Честолюбивый кардиналъ Каэтанъ Ананьи (будущій Бонифацій VIII), изъ гибеллинской фамиліи, пользуясь неспособностію Целестина, употребилъ всѣ средства, чтобы возложить на свою голову папскую тіару, и *для* того, съ одной стороны, вооружалъ про-

*) Ада III, 58—60 и прим. и XXVII, 105 и прим.

тивъ Целестина кардиналовъ, а съ другой—дѣйствовалъ на его тревожную совѣсть; говорятъ даже, что онъ черезъ рупоръ намекалъ слабодушному папѣ, что само небо повелѣваетъ ему сложить съ себя папское достоинство. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съумѣлъ снискать себѣ благосклонность прежняго своего врага Карла II Анжуйскаго обѣщаніемъ содѣйствовать ему во всемъ, если Анжуйскій доставитъ въ пользу его избранія голоса 12 преданныхъ ему кардиналовъ. Целестинъ, издавъ напередъ буллу, въ силу которой дозволялось папѣ слагать съ себя тіару ради спасенія души своей, отказался отъ папскаго престола, и Бонифацій былъ единодушно избранъ на его мѣсто (въ 1294).

Но какъ многіе сомнѣвались въ законности такого выбора и продолжали считать Целестина истиннымъ папою, то Бонифацій повелѣлъ содержать несчастнаго старца, укрывшагося въ своей пустыни, въ Фумонѣ (въ Кампаньи), до самой его смерти въ столь тѣсномъ заключеніи, что ночью онъ преклонялъ голову на ступени того самаго алтаря, на которомъ днемъ служилъ литургію.

Едва вступивъ на престолъ, Бонифацій предался душею и тѣломъ партіи Гвельфовъ, стараясь всѣми средствами дать Карлу II возможность завладѣть Сициліей и льстивыми обѣщаніями приманилъ Карла Валуа въ Италію, гдѣ онъ и принялъ столь сильное участіе въ дѣлахъ Флоренціи. *)

Вскорѣ Бонифацій обнаружилъ всю необузданность своего характера. Узнавъ, что Альбрехтъ Австрійскій избранъ въ императоры римскіе, Бонифацій самъ возложилъ на свою голову императорскую корону, сказавъ: «Я цезарь, я императоръ; мнѣ подобаетъ право управлять имперіей.» — Однажды, въ день освященія пепла, онъ кинулъ освященную золу въ лице генуезскому архіепископу Поркетто Спинола и воскликнулъ: «Помни, гибеллинъ, ты прахъ и вмѣстѣ съ гибеллинами, тебѣ подобными, разсѣешься прахомъ!»

Но всего разительнѣе обнаружилъ Бонифацій бурную неукротимость страстей въ борьбѣ съ могущественнымъ домомъ Колонна. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Шіарра Колонна, похитилъ часть папскихъ сокровищъ во время переѣзда папскаго двора изъ Анапьи въ Римъ; а кардиналы Іакопо и Піетро Колонна явно противились избранію Бонифація въ папы. Раздраженный этимъ,

*) Ада VI, 64 и прим.

Бонифацій издалъ въ 1297 буллу съ жесточайшими упреками противъ знаменитой фамиліи: ею лишалъ онъ обоихъ кардиналовъ ихъ достоинства и всего имѣнія, объявивъ весь домъ ихъ до четвертаго колѣна недостойнымъ ни для какой духовной должности. Противъ непокорныхъ былъ объявленъ крестовый походъ, при чемъ Бонифацій хитростію и силою завладѣлъ ихъ замками въ Компаньи ди Рома. *)

Избѣгая преслѣдованій, многіе члены дома Колонна нашли убѣжище при дворѣ Филиппа Прекраснаго, короля французскаго. Этотъ монархъ, прежній другъ Бонифація, теперь, нарушивъ неприкосновенность правъ духовенства отнятіемъ ихъ доходовъ, поссорился съ папою, будучи поддерживаемъ въ этой борьбѣ не только чинами, но и духовенствомъ своего королевства. Вскорѣ вражда ихъ дошла до того, что адвокатъ королевскій, Вильгельмъ Ногаретъ, подалъ королю обвинительную грамоту, въ которой уличалъ Бонифація во всевозможныхъ преступленіяхъ: святокупствѣ, волшебствѣ и ереси. Тогда Бонифацій призвалъ французское духовенство на соборъ въ Римъ для обузданія Франціи въ ея злоупотребленіяхъ по управленіямъ духовному и гражданскому; узнавъ же, что король запретилъ своему духовенству присутствовать на этомъ соборѣ, отлучилъ Филиппа и всѣхъ его соумышленниковъ отъ церкви. Это заставило короля прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Ногаретъ, Шіарра Колонна и др. враги папы прибыли въ Италію и, сдѣлавъ десантъ въ Стаджіи, между Флоренціей и Сіенной, напали на папу въ Ананьи. Въ эту критическую минуту Бонифацій обнаружилъ необыкновенное присутствіе духа: въ полномъ папскомъ облаченіи, колѣнопреклоненный предъ алтаремъ, 86-лѣтній старецъ спокойно ожидалъ заговорщиковъ; они же, будучи поражены невольнымъ благоговѣніемъ, не осмѣлились наложить на него руку, а только требовали, чтобы онъ явился на соборъ ліонскій. Послѣ трехсуточнаго грабежа, произведеннаго ими въ Ананьи, народъ, образумившись отъ страха, наконецъ освободилъ папу. Но гнѣвъ и страхъ до того потрясли его душу, что въ Римѣ, куда онъ послѣ того прибылъ, вообразилось ему, что его держатъ въ заключеніи въ домѣ Орсини: послѣ неудавшейся попытки къ бѣгству, Бонифацій со всѣми признаками по-

*) Ада XXVII, 67 и прим.

мѣшательства заперся въ своей комнатѣ, гдѣ и найденъ на другой день мертвымъ (11 Октября 1303).

Гвельфскій историкъ, Виллани, слѣдующими чертами изображаетъ его характеръ: «Папа Бонифацій былъ весьма начитанъ въ Св. Писаніи, имѣлъ природный умъ, славился великою мудростію и опытностію, обладая обширными свѣдѣніями и прекрасною памятью; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ гордъ, высокомѣренъ и жестокъ къ своимъ врагамъ и противникамъ. Отличаясь необыкновенною смѣлостью, онъ внушалъ во всѣхъ страхъ своего имени, возвысилъ значительно и увеличилъ доходы святой церкви. По его повелѣнію, кардиналы мессеръ Гюильельмо да Бергамо и мессеръ Риккардо да Сіенна, великіе знатоки правъ и декреталій, издали, подъ его собственнымъ иждивеніемъ (ибо и онъ былъ отличнымъ знатокомъ каноническаго права), шестую книгу декреталій, служащую нѣкоторымъ образомъ свѣтомъ для всѣхъ прочихъ законовъ и канона. Онъ щедро награждалъ людей храбрыхъ и ему преданныхъ, сильно домогался свѣтскаго великолѣпія и былъ весьма алченъ до золота, не совѣстясь пользоваться всякаго рода пріобрѣтеніями для обогащенія церкви, или своихъ племянниковъ. Въ свое папствованіе онъ избралъ многихъ ему преданныхъ людей въ кардиналы, въ томъ числѣ двухъ своихъ племянниковъ, которые въ то время были еще очень молоды, и одного дядю по матери, а также 20 епископовъ и архіепископовъ изъ своихъ родственниковъ и друзей въ небольшомъ городкѣ Ананьи; другимъ своимъ племянникамъ и ихъ сыновьямъ, имѣвшимъ титулъ графовъ, онъ оставилъ огромныя богатства.» Giov. Villani, Hist. Fior. Libr. VIII. Cap. 64.

Знать эти подробности о Бонифаціѣ потому необходимо, что объ этомъ человѣкѣ, равно какъ и о многихъ событіяхъ его жизни, очень часто упоминается въ Дантовой поэмѣ *). Филалетесъ.

---

*) Ада XIX, 53; XXVII, 70—85. Чистил. XX, 87. Рая IX, 132; XII, 90; XVII, 49; XXVII, 22; XXX, 148.

II.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ГОРОДОВЪ РОМАНЬИ ВЪ 1274—1302.

(Къ XXVII пѣснѣ Ада и XIV Чистилища).

Романья украшалась въ это время цѣлымъ рядомъ городовъ большихъ и малыхъ. Между первыми отличались: Болонья, Имола, Фаэнца, Форли, Чезена, Равенна, Римини; между вторыми: Берттиноро, Червіа, Форлимпополи и др. Кромѣ того, между мѣстнымъ дворянствомъ славились могущественныя фамиліи графовъ Кастракаро, Коніо, Баньякавалло, Каттани да Медичина, Кальболези, Траверсара, Пагани и др., которыя впрочемъ всѣ вошли въ связь съ какой нибудь изъ городскихъ общинъ.

Въ Романьѣ, какъ и во всей Италіи, имѣло мѣсто гибельное раздѣленіе на партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ, распространившихся въ особенности изъ Болоньи по всей привинціи подъ названіемъ *Джеремеевъ* и *Ламбертадзи*.

1274 г. Іюня 2-го, партія Ламбертадзіевъ или Гибеллиновъ, въ числѣ 12,000,—а по показанію Гирардаччи, основанному на архивныхъ документахъ, въ числѣ 15,000 человѣкъ,—была изгнана ея противниками Джеремеями изъ Болоньи. Послужило ли поводомъ въ этому изгнанію романтическое приключеніе съ Имельдою Ламбертадзи, которой возлюбленный, Бонофаціо Джеремеи, былъ у нея застигнутъ и убитъ ея братомъ, какъ разсказываетъ Гирардаччи,—это такой вопросъ, который я не берусь рѣшить. Въ подлинныхъ документахъ я нашелъ только то, что Джеремеи успѣли склонить народъ къ войнѣ съ г. Форли, вопреки желанію партіи Ламбертадзіевъ, бывшихъ въ пріязни съ жителями этого города и желавшихъ начать войну съ Моденою, отказавшейся принять ихъ изгнанниковъ: отсюда произошла въ городѣ ссора, кончившаяся изгнаніемъ Гибеллиновъ.

Изгнанники искали и нашли покровительство и защиту въ пріязненныхъ имъ городахъ, и въ то время, какъ Болонцы склонили на свою сторону Имолу и Баньякавалло, составился въ отпоръ имъ могущественный союзъ, преимущественно изъ общинъ городовъ Форли и Фаэнцы, къ которымъ присоединились изгнанники изъ Чезены, Равенны и Римини. Въ двухъ послѣднихъ горо-

дахъ господствовали въ то время Полента и Малатеста, двѣ фамиліи, которыя хотя и причисляли себя къ Гвельфамъ, однакожъ, когда дѣло касалось обезпеченія ихъ могущества, легко перемѣняли цвѣтъ своей партіи.

Во главѣ союза Ламбертадзіевъ стоялъ храбрый и опытный въ ратномъ дѣлѣ графъ Гвидо да Монтефельтро, который у Данта не даромъ называетъ Романью *своею*. *)

Въ слѣдующемъ году (въ Іюнѣ 1275), графъ Гвидо одержалъ великую побѣду при Ponte S. Procolo, между Фаэнцей и Имолой, надъ Джеремеями, при чемъ Фаэнтинцы отняли г. Карроччіо у Болоньи. Въ слѣдъ за тѣмъ въ томъ же году Ламбертадзи взяли города Червію и Чезену. Изъ послѣдняго они изгнали Малатесту да Римини и возвратили изгнанныхъ Мацолини.

Но на слѣдующій годъ Форлй чуть было не перешла въ другія руки. Въ ней были двѣ значительныя фамиліи: Орделаффи и Аргульози. Два члена этихъ фамилій, по взятіи Чезены, были поставлены въ ней подестами, и къ концу этого періода мы уже видимъ эти два дома стоящими во главѣ гибеллинской партіи въ Форлй. Паганино дельи Аргульози и Гюильельмо дельи Орделаффи составили заговоръ противъ Гвидо да Монтефельтро; но предпріятіе не удалось и они, бѣжавъ во Флоренцію, заключили съ господствовавшими въ ней Гвельфами и господствовавшими въ Болоньѣ Джеремеями союзъ съ намѣреніемъ передать Форлй папской партіи. Условлено было дѣйствовать за одно. Въ то время, какъ Болонцы подступали къ Фаэнцѣ, Флорентинцы, подъ предводительствомъ графа Гвидо Сальватико ди Довадоло и Баскіеры Тосинги, будущаго главы Бѣлыхъ, перейдя Аппенины, подошли къ Форлй. Здѣсь они были подкрѣплены Реньеромъ ди Кальболи и Люціемъ изъ Вальбоны, двумя гражданами форлійскими, принадлежавшими къ мѣстному дворянству страны, и завладѣли крѣпостію Чивителла и многими замками въ горахъ. Но Гвидо да Монтефельтро устремилъ всѣ свои силы въ эту сторону, отнялъ Чивителлу и взялъ въ плѣнъ обоихъ старшинъ изгнанниковъ, при чемъ флорентинское войско бѣжало за Аппенины, а Болонцы отступили безъ успѣха. Паганино и Гюильельмо были заперты въ императорской башнѣ въ Чезенѣ и потомъ тайно умерщвлены (1276).

---

*) Ада XXVII, 29—30 и прим.

Спустя годъ, Гвидо отмстилъ и Реньеру ди Кальболи: онъ осадилъ его замокъ Кальболи и громилъ его день и ночь семью стѣнобитными машинами, такъ что замокъ, не смотря на помощь Болонцевъ, давшихъ Реньеру значительное денежное вспомоществованіе *для* обороны стѣнъ, наконецъ вынужденъ былъ сдаться, послѣ чего Гвидо разорилъ его до основанія (1277).

Въ такомъ положеніи находились дѣла Романьи, когда Николай III взошелъ на папскій престолъ *) и, заключивъ выгодный договоръ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ, произвелъ важную реформу въ состояніи этой провинціи. Давно уже папы имѣли виды на Романью; Николай получилъ отъ Рудольфа, неохотно вмѣшивавшагося въ дѣла Италіи, формальное признаніе этихъ правъ, такъ что прежнія права императора въ Романьѣ перешли теперь къ папѣ, а города и дворянство были вынуждены дать ему клятву въ вѣрности.

Для опезпеченія своихъ правъ папы съ того времени стали избирать намѣстника въ провинцію подъ именемъ *графа Романьи*. Къ нему присоединялся легатъ *для* управленія духовными дѣлами; иногда же обѣ эти должности соединялись въ одномъ лицѣ. Сверхъ того, существовалъ, кажется, при графѣ родъ особаго судилища подъ именемъ «*Judices generales*.» Въ случаѣ надобности собираемъ былъ парламентъ или сеймъ изъ представителей городовъ и дворянства подъ предсѣдательствомъ графа. Но эти отдѣльныя общины оставались столько же независимыми, какъ и прежде, съ тою только разницею, что мѣсто отдаленнаго императора теперь заступилъ болѣе близкій, а потому и болѣе важный по своему вліянію папа. Что же касается до графовъ, то вліяніе ихъ большею частію было незначительно, если только они не были предводителями земскаго войска, или не имѣли опоры въ одной изъ преобладающихъ партій. За то вліяніе графовъ большею частію было употребляемо на поддержаніе мира и соглашеніе партій, хотя и то и другое обыкновенно удавалось только на весьма короткое время.

Въ 1278 г., Бертольдо Орсини **), племянникъ папы, является первымъ графомъ Романьи, а кардиналъ Латино, тоже папскій пле-

---

*) Ада XIX, 52, и прим.

**) Хотя Гирардаччи и приводитъ извѣстіе, что будто бы уже во времена Иннокентія IV нѣкто Thomasius былъ графомъ Романьи; однакожъ это достоинство является постояннымъ только со временъ Бертольдо.

маниикъ, первымъ легатомъ въ области, успѣвшимъ подчинить церкви всѣ общины.

Въ слѣдующемъ году (1279), эти люди примирили партіи въ Имолѣ, Фаэнцѣ, Болоньѣ и Равеннѣ, а также содѣйствовали возвращенію многихъ изгнанниковъ, именно: дома Манфреди въ Фаэнцѣ, Траверсара въ Равеннѣ и партіи *Ламбертадзіевъ* въ Болоньѣ, гдѣ самъ Бертольдо избранъ былъ подестою.

Но это согласіе партій было непродолжительно. *Ламбертадзи* — ихъ сильно упрекаетъ Matthaeus de Griffonibus, очень благосклонный Джеремеямъ — не довольствовались тѣмъ, что возвратились на родину, но потребовали себѣ половину должностей. Поднялась тревога, окончившаяся 21 Декабря того же года новымъ изгнаніемъ.

Тогда Бертольдо призвалъ къ отвѣту общину Болоньи, партію Джеремеевъ и многія общества и отдѣльныя личности изъ Болоньи; но какъ Syndicus Bartholomaeus di Chiara, явившійся отъ лица всѣхъ приглашенныхъ, не имѣлъ достаточнаго уполномоченія и притомъ отказался принесть присягу въ покорности римской церкви, а графъ требовалъ личнаго присутствія всѣхъ приглашенныхъ, то всѣ обвиняемые объявлены были виновными: графъ присудилъ ихъ къ денежной пенѣ, давъ имъ впрочемъ 14 дней срока, и взялъ заложниковъ отъ каждой партіи.

Около этого же времени случилось происшествіе благопріятное Джеремеямъ. Бѣжавшіе *Ламбертадзи* удалились частію въ Форли, частію въ Фаэнцу и въ послѣднемъ городѣ возбудили Тебальделло Самбрази къ мести, въ слѣдствіе которой онъ измѣннически предалъ Фаэнцу въ руки Болонцевъ (24 Августа 1280). *) Но гораздо хуже было для пар. Ламбертадзіевъ то, что по смерти Николая III (1280) на папскій престолъ взошелъ Мартинъ IV, **) природный французъ (8 Марта 1281), который, дѣйствуя въ интересахъ гвельфской партіи, рѣшительно объявилъ себя противъ Ламбертадзіевъ.

Бертольдо, уже болѣе не удерживаемый въ своемъ неутральномъ положеніи, оставилъ провинцію, выдавъ Джеремеямъ ихъ заложниковъ, а заложниковъ парт. Ламбертадзіевъ, съ которыми не былъ въ единодушіи, увелъ съ собою въ Римъ.

Посланный отъ этихъ послѣднихъ въ резиденцію папы, въ Урбино, получилъ неблагопріятное рѣшеніе ихъ дѣла; а Іоаннъ Аппіа

*) Ада XXXII, 123 и прим.

**) Чистил. XXIV, 22.

(другіе называютъ его Эппа или Па), тоже французъ по рожденію, назначенный въ графы провинціи, тотчасъ же потребовалъ у Форлійцевъ изгнанія пар. Ламбертадзеівъ, а отъ Гвидо да Монтефельтро очищенія Романьи. Требованіе свое онъ подкрѣплялъ многочисленнымъ наемнымъ войскомъ, большею частію французскимъ. Но всѣми признанныя воинскія способности Гвидо давали ему важный перевѣсъ передъ его противникомъ.

Въ теченіе 1281 г. Іоаннъ два раза предпринималъ безуспѣшный походъ противъ Форлй. Столько же неудачно было его нападеніе и на крѣпость Траверсаря, родовой замокъ вновь-изгнанныхъ въ то время предводителей Гвельфовъ въ Равеннѣ, изъ фамиліи которыхъ Гюльельмо Траверсара былъ тогда избранъ подестою въ Форлй. Гвидо нанесъ 1 Мая 1282 значительное пораженіе Іоанну при нападеніи его на г. Форлй. *)

Между тѣмъ, въ противоположность значительному могуществу Джеремеевъ, стали, какъ кажется, изнемогать Ламбертадзи. Уже въ Августѣ 1282 г. графы Кастракаро передались церкви и сдали графу Романьи свой замокъ, который былъ потомъ въ теченіи многихъ лѣтъ главною опорой папскаго могущества въ Романьѣ. Въ слѣдующемъ 1283 г., Червія отдана была измѣною въ руки графа, а за нею сдались церкви Чезена и Форлй. Кардиналы фра Джіакоммо д'Асколи и Іакопо Колонна, посланные папою, приказали разрушить ихъ стѣны, и Гибеллины были изгнаны отвсюду. Не извѣстно, тогда ли покорился церкви Гвидо Монтефельтро, какъ утверждаетъ лѣтописецъ форлійскій и чезенскій, или это воспослѣдовало въ 1285 въ папствованіе Гонорія IV, какъ говоритъ Виллани **).

Такимъ образомъ папская власть и торжество папской партіи, казалось, были упрочены; но вліяніе близкаго папы вскорѣ сдѣлалось для нѣкоторыхъ властителей болѣе тягостнымъ, нежели власть отдаленнаго императора, и это тѣмъ болѣе, что по смерти Мартина IV (1285) послѣдующіе папы по видимому стали настойчивѣе принимать на себя прежнюю свою роль посредниковъ.

Прежде всего Малатеста старшій, властитель Римини, заключилъ союзъ съ городами Форлй и Фаэнцею противъ графа Романьи. Въ обоихъ этихъ городахъ вражда между господствовавшими фамиліями обнаружилась пролитіемъ крови. Въ Форлй умерщвленіе

*) Ада XXVII, 43—45 и прим.
**) Ада XXVII, 67 и прим.

Альдоврандини дельи Аргульіози поссорило съ фамиліей Кальболези родственниковъ убитаго, которые стало быть тогда не принадлежали еще гибеллинской партіи. Тоже самое произвело между домами Манфреди и Коніо убійство Манфреди де' Манфреди вмѣстѣ съ сыномъ его Альбергетто, предательски совершенное монахомъ Альбериго де' Манфреди. *) Беатриче была въ замужествѣ за Альберигомъ Коніо, сыномъ Бернардино. Малатеста примирилъ партіи и присоединилъ ихъ къ упомянутому союзу.

Впрочемъ графъ Романьи **) напалъ на Малатесту, шедшаго на Римини (27 Іюня 1287), полонилъ его сына Джіованни Малатесту, супруга несчастной Франчески, ***) и такимъ образомъ принудилъ союзниковъ къ миру и къ взносу значительнаго выкупа за Джіованни.

Вскорѣ за тѣмъ и самъ Малатеста нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи графа, ибо его изгнали изъ Римини, при чемъ замокъ Monte Scotolo, находившійся во власти его сына Малатестино, былъ взятъ Риминійцами (1288).

Въ 1289 Стефано Колонна, посланный Николаемъ IV, явился въ Романью въ санѣ графа и пытался способствовать возврату Малатесты. Во время своего пребыванія въ Римини онъ примирилъ партіи; однакожъ, какъ дѣлывалось обыкновенно въ этихъ случаяхъ, оставилъ Малатесту и его сына еще на нѣкоторое время въ изгнаніи.

Вскорѣ послѣ того, произошла ссора между слугами подесты Орсо и слугами маршала графа, его сына. Мартино Катальдо, предводитель народной партіи, велѣлъ звонить въ вечевой колоколъ: собравшіяся толпы кинулись на дворецъ общины, гдѣ жилъ графъ, и непремѣнно захватили бы графа, если бы Монтанья де' Парчитати— Парчитати были предводителями Гвельфовъ въ Римини—не выступилъ посредникомъ и не уговорилъ народа разойтись. Этимъ перемиріемъ воспользовался графъ: онъ ввелъ Малатестовъ съ ихъ тѣлохранителями въ городъ задними воротами и такимъ образомъ одолѣлъ партію народа, коей вождь, Мартино Катальдо, захваченный при этомъ въ плѣнъ и сознавшійся подъ пыткою въ измѣнѣ графу, былъ казненъ. Тогда городъ объявили лишеннымъ всѣхъ правъ и судо-

*) Ада XXXIII, 118 и прим.

**) Былъ ли графомъ Романьи въ это время Іоаннъ Аппіа, мнѣ неизвѣстно: между нимъ и Стефано Колонна историки не упоминаютъ ни объ одномъ графѣ.

***) Ада V, 74 и прим.

производства; подестою же и ректоромъ поставили Андреа делла Монтанья, коего лѣтописецъ форлійскій называетъ *vir nobilis et prudens* и коего не должно смѣшивать съ вышеупомянутымъ Монтаньею де' Парчитати (24 Іюня 1290).

Изъ Римини Стефано пошелъ на Равенну и потребовалъ сдачи города и городской цитадели у братьевъ Остазіо и Рамберто Поленты, изъ которыхъ первый былъ тамъ подестою. Но они, опасаясь подвергнуться участи, постигшей господствующую партію въ Римини, предупредили графа и, возбудивъ въ городѣ возстаніе, захватили въ плѣнъ какъ самого графа, такъ и сына его маршала (13 Ноябр. 1290).

Въ тотъ же день поссорились между собою въ Имолѣ Алидозіо, глава Гибеллиновъ, и фам. Нордоли, главы Гвельфовъ этого города. Болонцы пришли на помощь послѣднимъ, изгнали Алидозіо съ его приверженцами и разорили укрѣпленія Имолы.

Между тѣмъ взятіе Стефано въ плѣнъ дало дѣламъ въ Романьѣ иной оборотъ. Въ Фаэнцѣ при этомъ извѣстіи тоже произошло возстаніе. Манфреди, вожди фаэнтинскихъ Гвельфовъ, хотя вначалѣ и выгнали своихъ противниковъ, Аккаризи и Самбрази, къ которымъ— вѣроятно по памяти объ умерщвленіи ихъ родственника — примкнули на этотъ разъ сыновья Бернардино да Коніо; однакожъ эта послѣдняя партія вскорѣ возвратилась, и, поддерживаемая Маинардомъ Пагани да Созенана и Ромбертомъ Полентою, изгнала Манфреди.

Въ то же время удалось и Малатестѣ удалить Андреа делла Монтанью и сдѣлаться властителемъ города, а вѣроятно также изгнать и своихъ противниковъ Парчитати.[1]) Онъ хотя и получилъ отъ Стефано Колонны позволеніе возвратиться, однакожъ не удовольствовался, какъ кажется, простымъ равенствомъ правъ, и присталъ къ партіи противной графу.

Въ свою очередь и Чезена перешла въ руки этой партіи. Только г. Форлй, прежній оплотъ Гибеллиновъ, держался еще церкви и принялъ къ себѣ бѣжавшихъ изъ Чезены главныхъ судей, а также и легата Піетро Сараченo, который началъ отсюда проповѣдывать крестовый походъ на враговъ папскаго владычества. Однакожъ 20 Дек. того же года сдалась наконецъ и Форлй соединеннымъ си-

[1]) Ада XXVII, 46—48 и прим.

ламъ Маинардо Пагани, Поленты и Малатесты, и Гвидо Полента былъ поставленъ въ ней подестою.

Тогда Римскій дворъ, начавъ затрогивать струны болѣе нѣжныя, послалъ епископа равеннскаго Альдобрандини въ качествѣ графа и легата въ провинцію. Въ Августѣ 1291, Альдобрандини прибылъ въ Кастракаро, по видимому единственное укрѣпленное мѣсто, еще державшее сторону папъ, и вступилъ въ мирные переговоры съ противною партіей, въ силу чего Стефано Колонна былъ уволенъ, а противникамъ церкви дарована полная амнистія. Вскорѣ Альдобрандини созвалъ большой парламентъ въ Форли и употребилъ всѣ мѣры, чтобы возвратить изгнанниковъ. Это дѣйствительно удалось ему въ Имолѣ, которую хотя онъ и отдалъ во владѣніе Болонцевъ, однакожъ требовалъ отъ нихъ возстановленія фам. Алидозіо и ея партіи.

Напротивъ Фаэнца заперла для него ворота изъ опасенія, чтобы онъ не потребовалъ возвращенія изъ ссылки дома Манфреди, и тогда же грозная туча разразилась надъ его головою: въ отпоръ ему соединились могущественныя фамиліи и города подъ именемъ *союза Романьи*. Къ нимъ принадлежали Малатеста старшій изъ Римини, двое Поленты, подесты Червіи и Равенны, и Маинардо Пагани съ Фаэнтинцами. Вскорѣ союзникамъ удалось вытѣснить графа изъ Форли, тѣмъ удобнѣе, что властвовавшіе тамъ Кальболези, хотя прежде и считавшіеся вождями Гвельфовъ, тоже присоединились къ этому союзу. Вслѣдъ за тѣмъ графъ былъ изгнанъ изъ Чезены (17 Іюля 1292) и Малатестино поставленъ подестою какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Берттиноро, а вслѣдствіе этого папская власть опять сосредоточилась только въ одномъ Кастракаро.

Главнымъ вождемъ этого союза былъ Бернардино ди Монтильяна.

Напрасно старались Болонцы дѣйствовать какъ посредники. Вмѣсто того, чтобы внимать ихъ представленіямъ, Маинадро Пагани укрѣпилъ Фаэнцу при помощи союза и когда Болонцы потребовали срыть вновь возведенныя укрѣпленія, то получили рѣшительный отказъ.

Накопецъ, въ 1294, былъ заключенъ миръ между графомъ Альдобрандини и союзомъ Романьи (въ Форли 19 Мая). Съ Фаэнцевъ снято церковное отлученіе, а Маинардо Пагани оказалъ графу даже нѣкоторыя услуги. Въ Форли возвратились Аргульози, которые,

пе смотря на примиреніе въ 1286, оставались противниками фам. Кальболези.

Впрочемъ этотъ миръ пичего не измѣнилъ въ положеніи партій, и былъ только новымъ доказательствомъ слабости папскаго вліянія на Романью—вліянія, которое Альдобрандини пе могъ усилить въ теченіе своего трехлѣтняго управленія, также какъ и его наслѣдникъ Петръ де Согпау, отправленный въ Романью слабодушнымъ Целестипомъ V (въ Октябрѣ 1294).

Не за долго до прибытія Петра де Согпау была изгнапа изъ Форли фамиліями Орделаффи и Аргульісзи фамилія Кальболези, а также Гвидо Полента, подеста, и за тѣмъ Маинардо Пагани былъ поставленъ подестою и капитано.

Гораздо болѣе силы получили графы Романьи съ того времени, какъ на папскомъ престолѣ воцарился Бонифацій VIII (въ Декабрѣ 1294). Въ Маѣ 1295 явился въ Романью, въ качествѣ графа Піетро, архіепископъ мопреальскій, и началъ съ того, что потребовалъ отъ двухъ главпыхъ вождей союза: Маинардо Пагани и Малатестино, сложить съ себя званіе капитановъ въ Фаэнцѣ и подесты въ Чезенѣ. Потомъ онъ вездѣ хлопоталъ о возвратѣ изгпанниковъ и о примиреніи партій. Такъ графы Коніо, и между пими особенно Бернардино, жаловались на Маинардо Пагани и требовали срытія укрѣпленій Фаэнцы. Піетро изгналъ вождей противныхъ партій: графовъ Коніо, Маипардо и Бандино ди Мондильяна, и принудилъ избрать себя въ capitano. За тѣмъ онъ отправилъ заложниковъ партіи Манфреди въ Кастракаро, а заложпиковъ партіи Аккаризи въ Чезену. Въ числѣ послѣднихъ находился сынъ Альбериго Коніо, который слѣдовательно все еще держался партіи Аккаризи.

За этимъ начались мирные переговоры между изгнанными вождями партій въ замкѣ Оріоли и, по счастливомъ ихъ окончаніи, торжественно заключенъ миръ на площади въ Фаэнцѣ. Здѣсь же воспослѣдовало примиреніе Альбериго Коніо отъ его имени и отъ имени его жены съ монахомъ Альберигомъ де' Манфреди (въ іюпѣ).

Тѣхъ же результатовъ достигъ Піетро и въ Равеннѣ, гдѣ велѣлъ разрушить домы Гвидо и Рамберто Поленты, а наконецъ и въ Римини.

Но и это примиреніе было не продолжительнѣе предшествовавшихъ.

Въ Фаэнцѣ раздались крики: «Форлійцы; Форлійцы идутъ!»—

20*

На этотъ крикъ, съ одной стороны, Манфреди и Коніо, а съ другой — Маинардо и его партія выступили съ оружіемъ въ рукахъ на площадь. Однакожъ графъ Романьи, въ качествѣ capitano, явился между ними и розпялъ сражавшихся, послѣ чего каждая партія укрѣпила улицы своей части города цѣпями (seragli). Между тѣмъ Манфреди начали съ своей стороны срывать окопы города, чтобы открыть дорогу друзьямъ своимъ изъ Болоньи, достигшимъ уже до Имолы. Свѣдавъ объ этомъ, Маинардо стремительно ударилъ на своихъ противниковъ и вытѣснилъ ихъ изъ города, сдѣлавъ это, какъ кажется, не безъ согласія графа Романьи. Тоже случилось и въ Равеннѣ съ противниками Поленты и въ Берттиноро съ гибеллинскою партіею, во главѣ которой стоялъ Бальдинето де' Манарди.

При папскомъ дворѣ, казалось, были недовольны дѣйствіями Піетро монреальскаго, благопріятствовавшаго Гибеллинамъ: онъ былъ отозванъ и мѣсто его заступилъ Гюильельмо Дуранте, епископъ самицiатскій.

Съ его прибытіемъ, партіи по видимому пришли опять въ свое старинное естественное состояніе: папа объявилъ себя въ пользу Гвельфовъ, которые, съ своей стороны, тоже примкнули къ нему. Такъ поступили Поленты, можетъ быть, раздраженные своимъ изгнаніемъ изъ Форли, или, можетъ быть какъ враги фамиліи Колонны, злѣйшей ненавистницы Бонифація VIII. Такъ поступили и Малатесты, изгнавшіе въ Декабрѣ 1295 фамилію Парчитати и ихъ партію изъ Римини. Напротивъ, Фаэнтинцы, Форлійцы и Чезенцы крѣпко держались между собою. Во главѣ ихъ, какъ предводители, стояли Маинардо Пагани и Галассіо да Мантефельтро, капитано чезенскій. Военное счастіе благопріятствовало послѣднимъ: Маинардо Пагани завладѣлъ Имолою, одержалъ побѣду надъ Болонцами 30 Марта 1296, изгналъ партію Нордоли и возвратилъ Алидозіо и его приверженцевъ. Вслѣдъ за этимъ союзъ помогъ графамъ Кастракаро завладѣть ихъ родовымъ замкомъ (18 Мая).

Вскорѣ союзники предприняли осаду Кастронуово, занятаго соединенными Кальболези. Во время осады, Кальболези, поддерживаемые Равенцами, Риминійцами и Берттинорцами, дѣлали попытку на Форли, ворвались въ городъ и убили между прочимъ Теодериго делья Орделаффи и Джіованни делья Аргульіози. Маинардо, Галассіо и Скарпетта дельи Орделаффи, свѣдавъ объ этомъ, поспѣ-

шили изъ Кастроново въ Форли и завладѣли городомъ, при чемъ были убиты Рейнеро и Джіованни Кальболо (15 Іюля).

Около этого времени союзъ соединился съ Адзо д' Эсте [1]) противъ Болонцевъ, избравъ себѣ главнымъ вождемъ знаменитаго Угуччіоне делла Фаджіола. [2])

За нимъ въ этомъ званіи послѣдовалъ избранный въ сентябрѣ того же года Губертъ, графъ Гіацоли, сынъ Паоло Малатесты Прекраснаго, измѣнившій своей партіи, вѣроятно, изъ мщенія за убіеніе своего отца, совершенное Джіованни Хромымъ, супругомъ несчастной Франчески.

Военныя предпріятія 1298 г. не столь были важны. Въ это время сдѣлано нѣсколько попытокъ къ мирнымъ переговорамъ, которые однако же только въ началѣ 1299 г. приняли болѣе благопріятный оборотъ. Прежде всего маркграфъ Адзо отдѣлился отъ союза и при содѣйствіи Флорентинцевъ сошелся съ Болонцами въ томъ, что обѣ стороны рѣшились представить свое дѣло на рѣшеніе папы.

Въ Мартѣ начались переговоры о мирѣ, съ одной стороны, между Болонцами и ихъ романскими друзьями, а съ другой—между городами и дворянствомъ, соединенными съ партіею Ламбертадзіевъ, и начались при содѣйствіи фра Анджело, пріора доминиканскаго монастыря въ Фаэнцѣ, въ Кастель С. Піетро. Въ одно время съ этимъ сближеніемъ начались переговоры между общиною Болоньи и изгнанными Ламбертадзи, при чемъ обѣ партіи рѣшились наконецъ представить свое дѣло на судъ Матео Висконти, капитано медіоланскаго, и Альберто делла Скала, капитано веронскаго. Впрочемъ въ переговорахъ первыхъ главнѣйшее затрудненіе составлялъ вопросъ: кому должна принадлежать Имола, которую Маинардо Пагани не хотѣлъ уступить, тогда какъ Болонцы настоятельно того требовали. Не смотря однакожъ на это, обѣ воюющія партіи наконецъ заключили миръ 4 мая 1299 въ мѣстечкѣ Кроче Пеллегрина, не далеко отъ Кастель С. Піетро.

Кромѣ возвращенія изгнанниковъ во всѣхъ городахъ, постановлено еще было относительно Имолы то, чтобы этотъ городъ отдать подъ покровительство Матео Висконти и Альберто делла Ска-

[1]) Ада XII, 3 и прим.
[2]) Ада I, прим. къ ст. 102.

ла до тѣхъ поръ, пока партіи сообща найдутъ это болѣе не нужнымъ. Не смотря однакожь на все это, Маинардо Пагани, какъ видно изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, все-таки оставался полнымъ обладателемъ Имолы до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1302 г.

Подсудимыми при этихъ переговорахъ явились, со стороны Джеремеевъ, Болонцы съ своимъ подестою Оттеллино Манделло изъ Медіолана и съ капитаномъ Блазіо де' Толомеи во главѣ ихъ; потомъ Гвидо Полента съ общиною равеннскою, Бернардино Полента съ общиною червійскою, Малатеста съ общиною риминійскою и община Берттиноро; далѣе графы Коніо; изгнанные изъ Фаэнцы Манфреди, также какъ и Кальболези, изгнанники Имолы и наконецъ дворяне вальбонскіе. Со стороны же Ламбертадзіевъ подсудимыми были главный предводитель Заплатино дельи Убертини, общины Чезены, Форлѝ, Фаэнцы, Имолы и Кастракаро; Маинардо Пагани, капитано фаэнцскій и имольскій; Галассіо да Монтефельтро, капитано чезенскій; Уберто Малатестино, графъ Гіацоли и графы Кастракаро.

Изъ всего этого видно, что картина политическаго состоянія Романьи тѣмъ превосходнѣе начерчена Дантомъ, что и въ послѣдующіе годы вооруженія и мѣстныя тревоги не прекращались, хотя и не тотчасъ превратились въ настоящую войну.

(Annales Forliv. pag. 133—274. Murat. XXII. Annales Cesenates pag. 1104—1117. Mur. XIV. Math. de Griffonibus, pag. 123—131. Mur. XVII. Cronica di Bol. pag. 285—301. Mur. ib. Ghirardacci, historia di Bologna, lib. VIII—XII.) Филалетесъ.

III.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СОБЫТІИ ВЪ ПИЗѢ ВО ВРЕМЕНА УГОЛИНО.

(Къ XXXIII пѣснѣ Ада).

Партіи Гибеллиновъ и Гвельфовъ въ Пизѣ носили наименованія партій *Конти* и *Висконти*. Во главѣ послѣднихъ стояли Висконти пизанскіе, которыхъ не должно смѣшивать съ Висконти медіоланскими; а во главѣ первыхъ графы (*conti*) делла Герардеска. Слѣдующее обстоятельство заставило Висконти присоединиться къ папской партіи. По завоеваніи Сардиніи Пизанцами, могущественныя фамиліи Пизы раздѣлили этотъ островъ между собою. Въ непродолжительномъ времени возникли между ними важныя несогласія: тогда слабѣйшія стали искать и дѣйствительно нашли защиту у папскаго двора, который вскорѣ объявилъ свои права на обладаніе этимъ островомъ. Убальдо Висконти, долго противившійся такимъ притязаніямъ, наконецъ убѣдился, что ему легче будетъ достигнуть своей цѣли, если онъ женится на Адельгейдѣ, родственницѣ Григорія IX, владѣтельницѣ Галлуры и Торре, и получитъ эти владѣнія отъ папы, какъ ленный вассалъ его (1239). Послѣ этой сдѣлки, на которую Пизанцы смотрѣли очень неблагосклонно, какъ на мѣру, ограничивающую ихъ права, Висконти стали судьями Галлуры и вождями гвельфской партіи въ Пизѣ.

Въ концѣ XIII столѣтія, во главѣ противной партіи находился *Уголино делла Герардеска*, графъ *Доноратико*. Онъ сблизился съ Гвельфами тѣмъ, что выдалъ сестру свою за Джіованни Висконти. Вслѣдствіе этого Пизанцы, всегда ревностные Гибеллины, выгнали вождей обѣихъ партій изъ города. Но послѣдніе, прибѣгнувъ къ помощи гвельфскихъ городовъ Тосканы, старались получить право возврата въ отечество и достигли до того, что въ условіяхъ мира, заключеннаго въ 1267, выговорено было между прочимъ это право для изгнанниковъ. Такимъ образомъ Уголино и Нино Висконти (Джіованни въ это время уже умеръ) возвратились на родину. Но, не взирая на все это, отношеніе, въ которомъ Уголино находился къ

обѣимъ враждующимъ партіямъ, придавало всѣмъ его политическимъ дѣйствіямъ характеръ нерѣшительности и порождало то недовѣріе, которое, по видимому, питали къ нему обѣ партіи.

Около этого времени возгорѣлась продолжительная морская война между Генуей и Пизой. Послѣ многихъ незначительныхъ стычекъ, произошло наконецъ, 6 Августа 1284, большое сраженіе при Мелоріи, въ которомъ обѣ республики измѣрили свои силы. Это произошло такимъ образомъ: Генуезцы подъ предводительствомъ Оберто Доріи явились съ 130 галлерами передъ гаванью Пизы. Изъ этого числа судовъ Оберто укрылъ 30 галлеръ подъ командою Бенедетто Закаріи за островомъ Мелорія въ томъ предположеніи, что Пизанцы, имѣя только 103 галеры, не рѣшатся сдѣлать на него нападеніе, если увидятъ его превосходство въ силахъ. Расчетъ его удался какъ нельзя лучше: Пизанцы, горя нетерпѣніемъ удовлетворить рѣшительнымъ ударомъ давнишней своей ненависти къ Генуезцамъ, поспѣшно посадили на суда войско. При этомъ не обошлось безъ дурныхъ предзнаменованій: такъ лѣтописцы разсказываютъ между прочимъ, что при самомъ отплытіи войска, у епископа, благословлявшаго флотъ съ Ponte Vecchio, выпалъ изъ рукъ крестъ въ Арно (*Uberto Folietta, Genuensium hist.*)

Пизанцы вышли въ море тремя эскадрами: первую велъ Оберто Морозини изъ Венеціи, подеста пизанскій, незадолго передъ тѣмъ избранный Пизанцами въ capitano generale della guerra; вторюю предводительствовалъ Андреотто Сарачино, а третьею графъ Уголино. Какъ только эти эскадры приблизились на такое разстояніе, что имъ уже невозможно было избѣгнуть сраженія, то Бенедетто Закаріа показался съ своими галерами изъ засады. Бой былъ упорный и кровопролитный. Корабль, на которомъ развивалось пизанское знамя, сдался; адмиральскій корабль, гдѣ находился Морозини, не выдержалъ соединеннаго нападенія генуезскаго адмиральскаго корабля и галеръ Бенедетто Закаріи; но, не взирая на это, оставалось еще многое, чтобъ совершенно одолѣть Пизанцевъ. Въ эту критическую минуту графъ съ своей эскадрою обратился въ бѣгство въ надеждѣ, что при помощи друзей своихъ, Флорентинцевъ и Луккійцевъ, успѣетъ покорить своей власти ослабленный этимъ пораженіемъ городъ. Впрочемъ этого обвиненія (самаго важнаго) не возводилъ на него ни одинъ изъ современныхъ писателей; это говоритъ только пизанская лѣтопись, составленная въ XVI столѣтіи, впрочемъ по весьма хорошимъ источникамъ. (*Cronica di Pisa, Rer. It.*

Scr. Tartinio, Vol. I., pag. 564). Замѣчательно, что въ лѣтописи при этомъ сказано: «*Secondo che recita Dante,*» т. е. какъ повѣствуетъ Данте (который впрочемъ объ этомъ обстоятельствѣ совсѣмъ не упоминаетъ). Эта ссылка естественно рождаетъ въ насъ недовѣріе къ составителю лѣтописи, не смотря на то, что онъ тотчасъ послѣ нея ссылается и на другихъ историковъ.

Пораженіе Пизанцевъ было совершенное и нанесло ихъ морской силѣ такой ударъ, что они уже никогда не могли вполнѣ отъ него оправиться. Въ то время на это бѣдствіе смотрѣли какъ на возмездіе за то, что Пизанцы при этомъ же самомъ островѣ Мелоріи захватили въ плѣнъ епископовъ, плывшихъ на генуэзскихъ судахъ въ Римъ на соборъ, созванный противъ императора Фридерика II.

Пизанцы потеряли 36 галлеръ и до 16000 человѣкъ убитыми и плѣнными, такъ что тогда говаривали въ шутку: «Кто хочетъ видѣть Пизу, пусть идетъ въ Геную.»

Касательно участи плѣнныхъ, принадлежавшихъ отчасти къ благороднѣйшимъ фамиліямъ, немедленно сдѣлано было не совсѣмъ великодушное рѣшеніе, именно: постановлено сколько можно долѣе держать ихъ въ неволѣ для того, чтобы женамъ ихъ не дозволить вступить во второй бракъ и такимъ образомъ еще болѣе ослабить и безъ того уже упавшую духомъ Пизу (*Chron. di Pisa*). Дѣйствительно, только по истеченіи 18 лѣтъ 1000 изъ нихъ получили свободу и возвратились на родину. Надъ Пизой, казалось, разразились всѣ бѣдствія: въ первые мѣсяцы послѣ упомянутаго пораженія, гвельфскіе города, въ главѣ которыхъ были Флоренція и Лукка, заключили съ Генуей наступательный союзъ для уничиженія Пизы. Тогда Пизанцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ броситься въ объятія графа Уголино, въ надеждѣ, что связи съ Гвельфами дадутъ ему способъ начать переговоры съ ними. По этому еще въ Октябрѣ 1284 его избрали въ капитано и подесты на одинъ годъ, а въ Февралѣ 1285 еще на десять лѣтъ. Къ счастію, военныя дѣйствія Генуэзцевъ противъ Пизы были отложены до весны. Уголино воспользовался этимъ временемъ, чтобы войдти въ переговоры отдѣльно съ каждою изъ непріятельскихъ сторонъ. Прежде всего онъ отдѣлилъ отъ союза Флорентинцевъ, обѣщавъ имъ изгнать Гибеллиновъ, что̀ дѣйствительно и исполнилъ, изгнавъ десять значительнѣйшихъ гражданъ этой партіи. Преданіе однакоже говоритъ, что важнѣйшимъ поводомъ къ заключенію этого отдѣльнаго мира съ Флоренціей послужило то, что онъ отправилъ многимъ изъ главнѣйшихъ вельможъ

ея бутылки, наполненныя не виномъ, *vernaccia*, а золотомъ. Не такъ счастливъ былъ онъ въ веденіи переговоровъ съ Генуей и Луккой. Генуезцамъ онъ предложилъ важную крѣпость *Кастро* въ Сардиніи въ замѣнъ плѣнныхъ; но эти послѣдніе сами воспротивились такому рѣшенію и объявили, что если имъ удасться возвратиться въ отечество, они сочтутъ своимъ врагомъ каждаго, кто подавалъ совѣты на столь безчестное предложеніе. Гражданамъ Лукки онъ сдалъ, по ихъ собственному требованію, Рипафратту и Віареджіо (въ Февралѣ 1285); но это не помѣшало Луккійцамъ продолжить войну такъ, что они захватили крѣпости Куозу и Аванѐ почти въ ту самую минуту, какъ Генуезцы завладѣли сторожевою башнею пизанской гавани (18 Іюля 1285). Пиза неминуемо должна была бы погибнуть, если бы Флорентинцы не отстали отъ союзниковъ; безъ ихъ же содѣйствія окончательная гибель этого города была отдалена.

Вскорѣ послѣ этого Уголино, могущество котораго поддерживалось только партіею Гвельфовъ, принужденъ былъ принять себѣ въ товарищи по управленію республикою племянника своего Нино Висконти, достигшаго въ то время совершеннолѣтія (*Framm. hist. Pis. Mur. Rer. It. Scr. Vol. XXIV.*) Понятно, что между ними полнаго согласія не могло существовать, особенно съ той поры, какъ Нино началъ видимо склоняться къ Гибеллинамъ; но раздоръ обнаружился только тогда, какъ Ганно Скорниджіано, приверженецъ Висконти, былъ умерщвленъ на Lung' Arno внукомъ графа, Нино, прозваннымъ il Brigata, и его товарищами. Пылая мщеніемъ, Висконти пытался произвесть возстаніе въ народѣ, заставивъ своихъ приверженцевъ кричать по городу: «Смерть всѣмъ, кто не хочетъ мира «съ Генуей!» но какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ желаетъ не мира, а только паденія графа Уголино, то и не нашелъ никакого къ себѣ сочувствія. Тогда Нино Висконти обратился къ консуламъ моря и къ старшинамъ цеховъ, которые и принудили Уголино удалиться изъ Palazzo del Popolo и передать санъ капитано Гвидоччино де Бонджи, уже бывшему подестою города (въ Декабрѣ 1287. *)

Вожди обѣихъ партій вскорѣ увидѣли, что власть ихъ ослабѣваетъ и потому немедленно условились дѣйствовать за одно, чтобъ

---

*) *Podesteria*, собственно обязанность судебная, не давала большаго вліянія; она большею частью возлагалась на иноземцевъ, какъ на людей чуждыхъ духу партій. Нерѣдко властители республикъ передавали ее лицамъ совершенно второстепеннымъ, какъ, по видимому, было и въ этомъ случаѣ.

возвратить утраченное могущество. Случай къ этому вскорѣ представился: по повелѣнію Гвидоччино, одинъ изъ прежнихъ служителей графскихъ, былъ арестованъ. Уголино, тщетно старавшійся освободить его, принялъ это за личное себѣ оскорбленіе и потому, договорившись съ Нино, вмѣстѣ съ нимъ и своими приверженцами завладѣлъ ночью Palazzo del Popolo и такимъ образомъ удалилъ изъ города Гвидоччино, выплативъ ему то, что стоило его содержаніе (въ Мартѣ 1288).

За тѣмъ Уголино поселился самъ въ Palazzo del Popolo, а Нино избралъ себѣ мѣстопребываніемъ Palazzo del Commune — жилище подесты.

Въ эту-то эпоху Уголино спросилъ умнаго Марко Ломбарди на пиру, данномъ имъ въ день своего рожденія:—«Что скажешь, Марко, о моемъ положеніи?» Марко отвѣчалъ: «Тебѣ, графъ, недостаетъ только гнѣва Божьяго!»

Гнѣвъ Божій, однакоже, не замедлилъ надъ нимъ разразиться.

Съ возстановленіемъ прежней власти, снова пробудились несогласія. Въ то время (въ Апрѣлѣ 1288) находились въ Пизѣ довѣренные отъ пизанскихъ плѣнниковъ, прибывшіе для переговоровъ къ заключенію мира съ Генуей, о которомъ хлопотали сами плѣнники. Уголино былъ противъ мира, потому ли, что боялся возвращенія плѣнниковъ, или, можетъ быть, потому, что считалъ его для себя невыгоднымъ; Нино напротивъ сильно стоялъ за миръ. Наконецъ первый долженъ былъ уступить общему голосу и Раміери Зампанте былъ отправленъ съ полномочіемъ въ Геную. Графъ и тутъ еще пытался разстроить переговоры и, не смотря на перемиріе, заключенное въ Сардиніи, гдѣ находился сынъ его Гвельфо, позволилъ корсарамъ тревожить Генуезцевъ (Май 1288). *)

Около этого времени возникла между ссорившимися властителями третья партія, партія старыхъ, истыхъ Гибеллиновъ, къ которымъ принадлежали могущественныя фамиліи Гваланди, Сисмонди и Ланфранки. Во главѣ ихъ стоялъ архіепископъ пизскій, Руджіери, дельи Убальдини, родомъ гибеллинъ изъ Ареццо. Уголино искалъ союза съ этой партіей, чтобы при ея помощи отдѣлаться отъ Нино. Между тѣмъ одно происшествіе едва не прервало начатые перего-

*) Хотя генуезскіе писатели приписываютъ этотъ поступокъ Уголино и Нино обоимъ вмѣстѣ; однакожъ часто приводимая нами лѣтопись Пизы называетъ виновникомъ всего дѣла одного Уголино, что и вѣроятно по всему ходу дѣлъ.

воры. Дороговизна припасовъ возбудила неудовольствіе въ народѣ, который—какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ—всю вину дороговизны слагалъ на дурное управленіе графа. Одному изъ внуковъ графа Уголино далъ знать объ этомъ настроеніи умовъ тесть его Гвидо капронскій; а этотъ передалъ о томъ графу и предложилъ ему понизить цѣну на необходимѣйшія жизненныя потребности. Уголино при этомъ предложеніи пришелъ въ такую ярость, что, выхвативъ кинжалъ, поранилъ ему руку, говоря: «Измѣнникъ, ты хочешь лишить меня моей власти!» Другой его родственникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ племянникъ архіепископа выставилъ ему на видъ всю необдуманность этого поступка; но Уголино, внѣ себя отъ бѣшенства, ударилъ его въ голову и тотъ упалъ мертвый. Трупъ принесли къ дядѣ и сказали: «Вотъ твой племянникъ; его убилъ графъ Уголино!» Но Руджіери, находившійся въ это время въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ, отвѣчалъ: «Унесите трупъ! это не племянникъ мой. Я не знаю, имѣлъ ли графъ какую нибудь причину умертвить моего племянника; мнѣ напротивъ извѣстно, что онъ всегда обращался съ нимъ какъ съ родственникомъ. Не говорите болѣе объ этомъ.» Мщеніе свое Руджіери приберегъ для другаго болѣе удобнаго времени. До сихъ поръ непонятно, какъ Уголино, нанесши такое оскорбленіе Руджіери, рѣшился оставаться съ нимъ въ пріязни: это можно объяснить только высокомѣріемъ счастливаго тирана, или собственными не совсѣмъ честными намѣреніями. [1]) Какъ бы то ни случилось, союзъ между ними былъ заключенъ. Уголино, вѣроятно для того, чтобы не вовсе потерять довѣріе Гвельфовъ, остался въ своемъ помѣстьѣ Settimo въ день, назначенный для возстанія, т. е. 30 іюля 1288, когда гибеллинская партія поднялась на Нино. Этотъ послѣд-

---

[1]) Изъ Пизанской Лѣтописи кажется слѣдуетъ заключить, что это произшествіе случилось въ эпоху между изгнаніемъ Нино и паденіемъ Уголино. Но какъ *Framm. Hist. Pis.* прямо говорятъ, что паденіе Уголино воспослѣдовало на другой день послѣ изгнанія Нино (*l' autre die*); а другой тоже современный отрывокъ (*Murat.*, *Rer. Ital. Scr.* Vol. XXIV, p. 695), очень точный въ хронологіи, говоритъ объ этомъ произшествія какъ о случившемся *die sequenti*: то, принявъ эти неопровержимыя свидѣтельства, найдемъ, что для совершенія убійства племянника Руджіери не остается времени: слѣдовательно, нужно допустить, если принять это происшествіе за историческій фактъ, что оно совпадаетъ съ эпохою переговоровъ, веденныхъ съ Уголино, что̀ подтверждаетъ и самый образъ дѣйствія архіепископа. Само собою понятно, что отношеніе обоихъ людей одного къ другому и въ особенности образъ дѣйствій Руджіери, представляется намъ чрезъ это совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, подтверждающемъ болѣе приговоръ поэта.

вій, чувствуя невозможность сопротивляться и догадавшись объ измѣнѣ графа, отказавшаго ему въ помощи, покинулъ въ полдень городъ со всей своей партіей и удалился въ свои замки. Между тѣмъ отсутствіе Уголино, какъ и всякія полумѣры, повредило его же собственному дѣлу. Гибеллины осадили Palazzo del Commune; а Гаддо, сынъ Уголино, также какъ и Бригата, внукъ его, вѣроятно не совершенно знавшіе его намѣренія, рѣшились, вопреки приглашенію къ сдачѣ, защищать дворецъ. Наконецъ къ вечеру прибылъ Уголино; но тогда Гибеллины стали предлагать требованія болѣе рѣшительныя: они настаивали, чтобы Уголино взялъ въ товарищи своей власти архіепископа или кого другаго изъ ихъ вождей. Это было весьма непріятно графу. Обѣщаніе, принесенное имъ на другое утро въ церкви Bastiano, не повело ни къ какимъ результатамъ, ибо въ это самое время архіепископъ (*Scr. rer. Ital. Vol. XXIV, p. 652*) неожиданно получилъ извѣстіе, что Бригата, внукъ графа, намѣренъ ввести въ городъ отрядъ изъ 1000 человѣкъ воиновъ черезъ Porte alla Spina на Арно. Тотчасъ велѣлъ онъ ударить въ набатный колоколъ на дворцѣ общины при крикахъ народа: «Къ оружію!» Уголино, съ своей стороны, тоже велѣлъ бить въ набатъ на дворцѣ народа: въ городѣ произошла битва. Партія послѣдняго, смятая и оттѣсненная, принуждена была защищаться въ Palazzo del Popolo который скоро былъ взятъ приступомъ и зажженъ. Уголино съ своими сыновьями Гаддо и Угиччьоне и внуками Нино, по прозванію Бригата, и Ансельмуччіо (нѣкоторые упоминаютъ еще о третьемъ, Энрико) взяты въ плѣнъ. Сперва ихъ заключили на 20 дней въ Palazzo del Commune, а потомъ содержали въ башнѣ Гваланди, прозванной *alle Settevie* (ибо къ ней вели семь дорогъ), на площади dei Anziani, гдѣ они и оставались до Марта слѣдующаго года (1289).

Въ Мартѣ Пизанцы, не смотря на отчаянные крики заключенныхъ, громко умолявшихъ о помилованіи, велѣли запереть башню, а ключи бросить въ Арно, не дозволивъ несчастнымъ даже духовнаго утѣшенія, о которомъ они тщетно просили. По прошествіи 8 дней отворили башню и умершихъ голодною смертію похоронили съ оковами на ногахъ въ францисканскомъ монастырѣ. О послѣднемъ обстоятельствѣ упоминаетъ пизанскій комментаторъ Данта, Франческо ди Бути, видѣвшій эти цѣпи, когда были вырыты скелеты несчастныхъ.

Данта упрекали въ томъ, что онъ будто бы безъ основанія приписалъ это злодѣяніе архіепископу. Даже Troja въ своемъ *Veltro*

allegorico обвиняетъ его за то, что онъ только одинъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ утверждаетъ это, и присовокупляетъ, что Руджіери поставленъ былъ въ сеньоры Пизы только на пять мѣсяцевъ (слѣд. только до Ноября 1288), что мѣсто подесты послѣ него занялъ Вальтеръ де Брунефорте и что уже по прибытіи Гвидо да Монтефельтро (въ Маѣ 1290) Уголино уморили голодомъ. Но вина ни сколько не падаетъ на послѣдняго. Это вполнѣ доказывается тѣмъ, что по стариннымъ отрывкамъ Пизанской Исторіи, обнародаваннымъ Муратори (*Vol. XXIV Scr. rer. Itl.*), видно, что башню заперли за нѣсколько дней до его прибытія, что Гаддо и Угуччіоне уже погибли и что остальные умерли на той же недѣлѣ. По этому скорѣе можно думать, что если бы Гвидо прибылъ нѣсколько раньше, то онъ вѣроятно воспрепятствовалъ бы совершенію такаго страшнаго дѣла. Злодѣянія этого нельзя приписать и Вальтеру ди Брунефорте, ибо подесты подобные ему во времена бурныя имѣли обыкновенно очень мало вліянія, тѣмъ болѣе, что и Руджіери, какъ кажется, не уступилъ синьоріи своего политическаго могущества. Это можно заключить изъ того, что въ упоминаемой лѣтописи есть слѣдующее мѣсто: «Въ Пизу призвали графа Гвидо да Монтефельтро, потому что во время этихъ военныхъ смутъ казалось вреднымъ имѣть во главѣ республики человѣка духовнаго сана.» Во всякомъ случаѣ, Руджіери, какъ глава господствующей партіи, долженъ былъ имѣть сильное вліяніе на образъ ея дѣйствій и мы дѣйствительно находимъ въ одной старинной лѣтописи, *Cronica di Pisa* (Mur. Sc. rer. Ital. Vol. XV p. 979), писанной вѣроятно въ концѣ XIV столѣтія и слѣдовательно почти современной, что смерть графа приписывается архіепископу и другимъ вождямъ гибеллинской партіи. Наконецъ Уберто Фоліетта, основательный, хотя несравненно позднѣйшій генуезскій историкъ, говоритъ утвердительно, что Руджіери для того избралъ такой страшный родъ смерти, чтобы буквально исполнить правила церкви, запрещающія духовнымъ всякое пролитіе крови. Еще можно почти съ вѣроятностію заключить, что Уголино обреченъ былъ этой казни съ тѣмъ, чтобы вынудить у него уплату 5000 флориновъ пени.

(Muratori, Rer. It. Scr. Vol. XV и XXIV; Cronica di Pisa, Fragment. histor. Pisan.; Uberto Folietta, Genues. hist. Libr. X; Cronica di Pisa, Rer. It. Sc. di Iuseppe Tartinius Vol. I.) Филалетесъ.

IV.

КОСМОЛОГІЯ ДАНТОВОЙ ПОЭМЫ *).

Ни въ чемъ не проявляются въ такой полнотѣ творческая сила и самостоятельность пѣвца Божественной Комедіи, какъ въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя имѣлъ онъ о мірѣ и которыя развилъ такъ подробно въ своей великой поэмѣ. Знать космологическую систему Данта необходимо тому, кто желаетъ имѣть ясное понятіе о мѣстодѣйствіи замогильнаго его странствованія, почему и считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о *Космологіи* Дантовой поэмы.

Мысль о загробной жизни сильно занимала умы въ средніе вѣка: поэтому еще задолго до временъ Дантовыхъ ходило въ народѣ множество поэтическихъ сказаній и легендъ о странствованіяхъ по аду, чистилищу и раю [1]). Но изъ предшественниковъ Данта только немногіе проникали въ одно время во всѣ три области невидимаго міра; обыкновенно ограничивались они адомъ и раемъ, адомъ и чистилищемъ, всего же чаще однимъ только адомъ. Данте едва-ли не первый обозрѣлъ одно за другимъ всѣ три царства и притомъ въ обратномъ порядкѣ—снизу вверхъ. Этого требовало отчасти и теоретическое воззрѣніе на замогильныя странствованія, составившееся въ средніе вѣка. «Кто хочетъ вознестся до созерцанія величія Божія, говоритъ Бернардъ де Клерво, да очиститъ сердце отъ грѣховъ, а этого всего лучше достигнетъ онъ видѣніемъ Божьяго суда.» [2]) Созерцать величіе Божіе во всей его полнотѣ можно только на небѣ, очистить сердце отъ грѣховъ (по понятіямъ католической церкви) въ чистилищѣ, судъ же Божій всего ужаснѣе является въ аду. Вотъ путь, который долженствовала совершить фантазія поэта. Вѣрный этой идеѣ, Данте, для изображенія сценъ своего во-

---

*) Источниками для этой статьи служили: Dr. F. Wegele, Dante's Leben und Werke. Jena. 1852. Dr. E. Ruth, Studien über Dante Allighieri. Tübingen. 1853. Philaletes, Ueber Kosmologie und Kosmogenie nach den Ansichten der Scholastiker in Dante's Zeit, zu Gesang I des Paradieses.

[1]) Ниже мы будемъ говорить подробнѣе объ этихъ легендахъ и покажемъ, какое вліяніе имѣли онѣ на творца Божественной Комедіи.

[2]) St. Bernardus, De Consideratione, Lib. V въ концѣ.

сторженнаго видѣнія, прибѣгаетъ къ даннымъ тогдашней науки и ко всѣмъ вымысламъ, бывшимъ въ ходу касательно видимаго и невидимаго міра; но, ничего не создавая, а только пользуясь тѣмъ, что до него существовало, онъ переработываетъ весь этотъ богатый матеріалъ поэтическій въ одну систему, въ одно великое цѣлое.

Въ основаніи Космологіи Данта, какъ и во всемъ міросозерцаніи среднихъ вѣковъ, *лежитъ единство религіи съ физикой*. Только при такомъ условіи возможна поэма, подобная Божественной Комедіи: какъ скоро это единство нарушилось вслѣдствіе успѣховъ науки, вслѣдствіе великихъ открытій въ области естествознанія, тотчасъ поэзія невидимаго міра утратила прочную основу, на которой дотолѣ зиждилась. Вотъ причина, почему поэмы Мильтона и Клопштока не могли имѣть успѣха; она же составляетъ и ту необъятную выгоду, которой пользовался Данте и которая скоро сдѣлала его поэму недоступною ни для какого подражанія.

Данте, помѣщая *землю* въ средоточіи вселенной, представляетъ ее себѣ, подобно Гомеру, въ видѣ острова, омываемаго моремъ, [1]) и придаетъ ей шарообразный видъ. Въ ея нѣдрахъ онъ помѣщаетъ адъ согласно съ господствовавшимъ тогда мнѣніемъ; но, вопреки любимымъ легендамъ среднихъ вѣковъ, отдѣляетъ отъ него чистилище [2]). Помѣщая адъ въ нѣдрахъ земли, онъ слѣдуетъ отчасти вѣрованіямъ древняго міра, полагавшаго обитель мертвыхъ подъ землей, ибо еврейскій *Scheol*, infernum, какъ и Гадесъ древнихъ, надобно искать тамъ же [3]); частію вынужденъ къ тому необходимостію, потому что, принявъ землю, по системѣ птоломеевой, за сре-

---

[1]) Ада XXXIV, 106—124. Тоже мнѣніе высказываетъ и его учитель Брунетто Латини въ своемъ Tesoro.

[2]) Сюда принадлежитъ въ особенности чистилище Св. Патриція. L e g e n d a A u r e a, cap. 50. ed. Graesse, p. 213.—Особенно любили помѣщать адъ и чистилище въ вулканическихъ странахъ.

[3]) «Sed ut Deos esse natura opinamur, qualesque sint ratione cognoscimus, sic permanere animos arbitramur consensu nationum omnium; qua in sede maneant, qualesque sint, ratione discendum est. Cujus ignoratio finxit inferos, easque formidines, quas tu contemnere non sine causa videbare. In terram enim cadentibus corporibus, hisque humo tectis, e quo dictum est humari, sub terra censebant reliquam vitam agi mortuorum. Quam eorum opinionem magni errores consecuti sunt; quos auxerunt poetae.» C i c. Tusc. Quaest. I, 16.

доточіе вселенной, онъ не имѣлъ другаго мѣста *для* ада, ибо то, что окружаетъ землю, есть уже небо.

Въ самомъ нижнемъ углу ада, достигающаго до центра земли, стало быть въ самомъ центрѣ вселенной, онъ назначаетъ мѣсто Люциферу, матеріальному началу зла, и притомъ помѣщаетъ его такъ, что средина тѣла его составляетъ центръ, къ которому тяготѣетъ со всѣхъ сторонъ все тяжелое.[1]) Космологическое воззрѣніе тутъ очевидно подчинено ученію нравственному. Какъ къ центру земли, по закону тяготѣнія, стремятся всѣ тяжести, такъ къ Люциферу, злому, тяжелому началу въ нравственномъ мірѣ, тяготѣетъ все то, что въ ущербъ духу прилѣпилось къ грѣховному, земному, что не озарено свѣтомъ познанія и религіи, и притомъ тяготѣетъ такъ, что чѣмъ болѣе выраженъ въ немъ характеръ этой матеріальности, этого эгоистическаго отчужденія отъ неба, тѣмъ ближе оно къ страшному средоточію.

Далѣе, по понятіямъ Данта и географовъ его времени, обитаема только наша половина земли, другая же покрыта моремъ. Средину, а вмѣстѣ съ тѣмъ высшую точку на нашемъ полушаріи составляетъ Іерусалимъ, именно гора Голгоѳа: мнѣніе общее *для* среднихъ вѣковъ, основанное на словахъ библейскихъ.[2]) Такъ обозначалось и на картахъ того времени, опредѣлявшихъ всегда мѣсто и аду и чистилищу и земному раю.[3]) Впрочемъ это мнѣніе о центральной точкѣ на землѣ принадлежитъ не однимъ среднимъ вѣкамъ: уже Халдеи принимали Вавилонъ, а Греки Дельфы за средоточіе или пупъ земли.

Но моремъ полушаріе, противоположное нашему, не всегда было покрыто. Переворотъ въ распредѣленіи суши земнаго шара Данте приписываетъ *паденію ангеловъ*. По его представленію, Люциферъ, свергнутый съ неба, палъ на полушаріе, противоположное Іерусалиму, и тамъ вонзился какъ стрѣла въ толщу земли, такъ что срединою своего тѣла, по закону тяготѣнія, остановился въ центрѣ земли, обратясь при этомъ головою къ европейскому, а ногами къ противоположному полушарію.[4]) Суша, покрывавшая до того времени

---

[1]) Ада XXXIV, 109.

[2]) «Haec dicit Dominus Deus: ista est Ierusalem, in medio gentium posui eam, et in circuitu ejus terras.» Ezech. V, 5.

[3]) Santarem, Essai sur la geographie et cartographie en moyên age. Paris. 1848. T I.

[4]) Ада XXXIV, 121—126.

противоположное полушаріе, въ ужасѣ отъ этой катастрофы покрылась волнами океана; часть же земли, составлявшей эту великую сушу, отошла къ нашему полушарію и тутъ, поднявшись вверхъ, образовала самую высокую точку на земномъ шарѣ — Іерусалимъ съ горою Голгоѳою. Между тѣмъ та земля, которую Люциферъ вытѣснилъ изъ глубины своимъ паденіемъ, выскользнула изъ-за ногъ его и, устремившись вверхъ изъ средины моря, поднялась на противоположномъ намъ полушаріи въ гору чистилища. Какъ *гора примиренія* Голгоѳа, такъ и *гора очищенія* чистилище, находясь на противоположныхъ полушаріяхъ, обѣ лежатъ на одной умственной линіи такъ, что продольная ось, проведенная вдоль тѣла Люциферова и продолженная до поверхностей обоихъ полушарій, пройдетъ, съ одной стороны, чрезъ Іерусалимъ, а съ другой чрезъ гору чистилища (см. таб. II, fig. V). Такимъ образомъ гора Голгоѳа и гора чистилища, обѣ имѣя одно космологическое происхожденіе, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящіе антиподы.

Здѣсь опять космологическое воззрѣніе подчинено нравственному. Паденіе Люцифера подало поводъ къ грѣху [1]), но въ то же время послужило образованію той горы, на которой, согласно съ ученіемъ католической церкви, очищаются покаяніемъ слабости и грѣхи человѣческіе; а съ другой стороны и той, гдѣ вѣчная любовь принесеніемъ неизрѣченно-великой жертвы дала человѣку возможность примириться съ небомъ. Такимъ образомъ Данте согрѣваетъ всю свою систему мірозданія свѣтомъ и духомъ, почему и можно разсматривать всю его поэму какъ одушевленіе вселенной. [2])

Сколько до сихъ поръ извѣстно, поэтическая мысль эта о происхожденіи горы Голгоѳы и чистилища принадлежитъ исключительно одному Данту: по крайней мѣрѣ во множествѣ средневѣковыхъ легендъ, изображающихъ замогильныя царства, чистилище помѣщалось обыкновенно въ нѣдрахъ земли и въ сосѣдствѣ съ адомъ. [3]) Въ противоположность всѣмъ этимъ мрачнымъ сказаніямъ, Данте только одинъ изъ своихъ современниковъ помѣщаетъ гору чистилища подъ открытымъ небомъ. Западный Океанъ, по срединѣ котора-

---

[1]) Ада XXXIV, 34—36.

[2]) Abeken, Beiträge für das Studium der Göttlichen Comödie Dante Allighieri's. Berlin und Stettin. 1826, p. 300.

[3]) St. Patrick's Purgatory; an Essay on the Legends of Purgatory, Hell and Paradise current during the middle age. By Thomas Wright. London. 1844.

го Данте назначаетъ мѣсто этой горѣ, въ то время былъ не только неизвѣстенъ, но и всѣ попытки изслѣдовать его считались нарушеніемъ воли Божіей, высшимъ нечестіемъ. Тогда столпы Геркулесовы (нынѣшній Гибралтарскій проливъ) почитались крайнимъ предѣломъ, за который не должень выходить никто изъ смертныхъ (nec plus ultra). Согласно съ преданіемъ, Улиссъ, влекомый пагубнымъ любопытствомъ, переступалъ эту заповѣданную грань и достигъ чистилища; но за то буря, поднявшаяся отъ таинственной горы, потопила какъ его, такъ и всѣхъ его спутниковъ. [1]) На этой-то горѣ Данте помѣстилъ свой *земной рай*: соединеніе новое и прекрасное, подавшее поводъ Колумбу, какъ нѣкоторые, впрочемъ ошибочно, полагали, открыть новый свѣтъ. Идея о земномъ раѣ есть, какъ извѣстно, идея весьма древняя, берущая свое начало изъ Библіи. [2]) Люди всегда мечтали о томъ, гдѣ найти мѣсто совершеннаго блаженства, и эта мечта принадлежала какъ христіанскимъ, такъ и самымъ древнимъ до-христіанскимъ народамъ. Представленія о библейскомъ эдемѣ напоминаютъ сады геспéридскіе Грековъ, которые всегда помѣщали ихъ въ отдаленнѣйшихъ точкахъ извѣстнаго имъ міра. Чѣмъ болѣе расширялись свѣдѣнія географическія, тѣмъ далѣе отодвигались гесперидскіе сады. Такъ было время, когда помѣщали ихъ въ великомъ оазисѣ Аравіи, потомъ на границѣ Великихъ Сиртовъ, вблизи Атласа; отсюда перенесли ихъ на Канарскіе острова, названные потому Блаженными или Гесперидскими. [3]) Тоже самое было и съ вѣрованіемъ о христіанскомъ эдемѣ. Едва-ли что либо занимало средніе вѣка такъ сильно, какъ желаніе опредѣлить мѣсто, гдѣ находится земной рай: онъ долго былъ предметомъ тщательнѣйшихъ изслѣдованій, надъ которыми ломали головы ученѣйшіе географы и богословы того времени. Всѣ ихъ изслѣдованія по этому предмету можно раздѣлить на двѣ группы: одни ученые помѣщали земной рай на твердой землѣ, другіе на островѣ, первые въ Азіи, вторые на востокѣ отъ Азіи. Всѣ впрочемъ соглашались въ томъ, что земной рай находится на высокой горѣ, ближе къ мѣсяцу, чѣмъ къ землѣ, и совершенно недоступенъ для смертныхъ. Первые назначали ему мѣсто въ Палестинѣ, Месопотаміи, на ос. Цейлонѣ, или далѣе на востокъ; другіе на морѣ, омывающемъ восточный берегъ

[1]) Ада XXVI.

[2]) Кн. Бытія I.

[3]) Washington Irving, History of Christ. Colomb. IV. Appendix.

Азіи. Смотря по тому, какому придерживались изъ этихъ мнѣній, составители картъ въ средніе вѣка всегда означали на своихъ ландкартахъ мѣсто земнаго рая. Господствующимъ мнѣніемъ однакожъ было по видимому то, что земной рай лежитъ на самомъ дальнемъ востокѣ отъ Азіи, и мы знаемъ, что Колумбъ, достигнувъ береговъ Паріи, при видѣ роскоши и плодородія этихъ странъ, дѣйствительно думалъ, что онъ недалекъ отъ земнаго рая. [1]) И такъ смѣлое нововведеніе Данта въ географическихъ воззрѣніяхъ того времени состоитъ только въ томъ, что онъ перенесъ земной рай съ востока далѣе на западъ [2]) и глубокомысленно помѣстилъ его на вершинѣ горы чистилища.

Много было споровъ между толкователями Данта о томъ, не имѣлъ ли онъ дѣйствительно нѣкоторыхъ свѣдѣній о противоположномъ полушаріи. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили четыре звѣзды, которыя Данте видитъ отъ подошвъ горы чистилища на небѣ южнаго полюса.

Io mi volsi a man destra, e posi mente
All' altro polo,e vidi quattro stelle
Non viste mai fuor che alla prima gente [3]).

Это созвѣздіе Креста на южномъ небѣ. Одни думаютъ, что Данте могъ предчувствовать, догадываться о его существованіи; по мнѣнію же другихъ, онъ дѣйствительно имѣлъ объ немъ надлежащія свѣдѣнія. [4]) Одни полагаютъ, что италіанскіе мореплаватели могли слышать въ Египтѣ объ индійскихъ наблюденіяхъ надъ этимъ созвѣздіемъ и принесть первую вѣсть объ немъ въ Италію; другіе напротивъ приписываютъ первыя свѣдѣнія о Южномъ Крестѣ Арабамъ и въ доказательство своего мнѣнія приводятъ арабскій глобусъ неба, сдѣланный въ 1215, на которомъ нельзя не узнать изображенія Южнаго Креста. Какъ бы то ни было, почти не возможно сомнѣваться въ томъ, чтобы Данте не имѣлъ ясныхъ свѣдѣній о существованіи этого созвѣздія.

---

[1]) Wash. Irving L. cit. T. II, 355.

[2]) Ада XXVI, 124 — 129 и прим.

[3]) Purgat. I, 22—24.

[4]) Kritische Untersuchungen über die historische Entwickelung der geographischen Kenntnisse von der Neuen Welt u. s. w. von Alex. v. Humboldt. Aus dem Französischen von Ideler. II. Bd. 3. Lief. S. 517.—Santarem, Essai sur la cosmographie et cartographie etc. II. 102.

Третій актъ Дантовой трилогіи совершается на *небѣ*. Въ изображеніи этой послѣдней области невидимаго міра Данте уже не слѣдуетъ народнымъ сказаніямъ и легендамъ, а излагаетъ цѣлую систему—систему схоластиковъ, основанную преимущественно на космологическихъ воззрѣніяхъ Аристотеля.

Ученіе Аристотеля о природѣ сдѣлалось достояніемъ среднихъ вѣковъ преимущественно чрезъ Арабовъ, отъ которыхъ перешло къ нимъ не въ первоначальной чистой своей формѣ, а смѣшенное со множествомъ идей платоническихъ и неоплатоническихъ. Особенно важную роль играла въ этомъ отношеніи книга, приписываемая неоплатонику Проклу (род. 412 по Р. Х.): «О причинахъ», «*De causis*», называвшаяся также «*Elevatio theologica*»; эта книга впрочемъ была извѣстна въ средніе вѣка только въ арабскомъ переводѣ. Альбертъ Великій (Albertus Magnus) посвятилъ ея толкованію цѣлое сочиненіе: «*De causa et processu universitatis*», а Ѳома Аквинскій написалъ объ ней свой собственный трактъ (expositio), въ которомъ указалъ на многія мѣста, гдѣ воззрѣнія Прокла совпадаютъ, или гдѣ не совпадаютъ съ христіанскимъ ученіемъ. [1]) Кромѣ этихъ твареній, схоластики, а по слѣдамъ ихъ и Данте, въ ученіи объ интеллигенціяхъ или ангелахъ слѣдовали въ особенности книгѣ: «*De coelesti hierarchia*», приписываемой Діонисію Ареопагитѣ.

Небо, согласно съ ученіемъ схоластисковъ, состоитъ изъ благородныхъ небесныхъ тѣлъ, или изъ первичной (нерожденной) или неразрушимой небесной матеріи. [2]) Съ этой первичной матеріей неразрывно связана первичная сила, какъ душа съ человѣческимъ тѣломъ. Сила эта истекаетъ изъ интеллигенцій и есть животворное начало неба. [3]) Ея бытіе и сущность (то, что она есть) исходитъ прямо отъ Бога. Небо, относительно своей причины, существовало до времени, ибо и самое время произошло отъ его движенія; но въ отношеніи періода своего существованія небо современно времени, ибо движеніе неба началось въ моментъ его созданія. Движеніе это есть движеніе круговращательное, приличествующее небу какъ движеніе наиполнѣйшее. Оно не есть передвиженіе съ мѣста, но только относительное, именно въ отношеніи къ землѣ, которая неподвижно утверждена въ центрѣ вселенной.

---

[1]) Summa Theologiae Pars I.

[2]) Parad. VII, 66 — 69.

[3]) Parad. II, 139 — 141.

Въ небесномъ пространствѣ, сообразно съ системой птоломеевой, единственной въ средніе вѣка, вращаются планеты и другія свѣтила. Сверхъ того Данте принимаетъ четыре стихіи: огонь, воздухъ, воду и землю. Стихія земли составляетъ нашу планету, которая, какъ твердое, неподвижное тѣло, помѣщено въ срединѣ всего міра. По ней разливается вода, покрывающая, какъ мы видѣли, почти все противоположное намъ полушаріе. Землю окружаетъ воздухъ, не образующій впрочемъ настоящей сферы. Надъ этимъ воздушнымъ пространствомъ возносится огонь, какъ стихія легчайшая; онъ примыкаетъ къ небу или сферѣ луны, служа мѣстомъ рожденія для грома и молніи, откуда она, вопреки натурѣ своей, иногда низвергается на землю. [1]) Надъ сферой огня распростерты девять небесныхъ круговъ или собственно девять прозрачныхъ, полыхъ, одна въ другой помѣщенныхъ сферъ.[2]) Семь низшихъ круговъ принадлежатъ семи (тогда извѣстнымъ) планетамъ. Самый внутренній или ближайшій къ землѣ кругъ есть кругъ Луны, за которымъ слѣдуетъ кругъ или сфера Меркурія, за ней сфера Венеры и Солнца; далѣе сферы Марса, Юпитера и Сатурна и наконецъ небо неподвижныхъ звѣздъ. Надъ небомъ неподвижныхъ звѣздъ, согласно съ астрологическимъ ученіемъ среднихъ вѣковъ, движется кристалльное небо, *primum mobile* [3]), надъ которымъ покоится такъ-наз. огненное небо или *эмпирей*, истинный престолъ божественной славы, обитель ангеловъ и блаженныхъ (см. таб. II, fig. V). Эмпирей не есть тѣло, но внѣ всякаго пространства объемлетъ вселенную и простирается въ безконечность. Онъ въ вѣчномъ покоѣ и состоитъ изъ чистѣйшаго свѣта. Напротивъ primum mobile есть уже тѣло, но тѣло величайшее въ мірѣ [4]), движущееся изъ всѣхъ небесъ съ величайшей быстротою. Всѣ части его возвышены, полны жизни и всѣ совершенно одинаковы. [5]) Небо неподвижныхъ звѣздъ содержитъ въ себѣ безчисленное множество свѣтилъ; напротивъ остальные семь круговъ имѣютъ каждый по одной планетѣ. Самыя же звѣзды составляютъ существо неба; онѣ заключены въ немъ, образованы изъ небесной матеріи, одарены величайшей воспріимчивостію къ

---

[1]) Parad. I, 79 — 81, 92, 114, 133.
[2]) Purgat. III, 29.
[3]) Convito II, 4.
[4]) Parad. XXX, 38.
[5]) Parad. XXVII, 99 — 102.

вліянію высшихъ силъ и только этимъ и отличаются вообще отъ своего неба [1]).

Круговращеніе неба и его свѣтилъ есть причина возникновенія и бытія низшаго міра. Образъ (форма) всѣхъ вещей лежитъ въ звѣздахъ, какъ въ мастерскихъ великаго художника міра. [2]) Звѣзды обусловливаютъ преимущественно безостановочно-совершающуюся періодичность и послѣдовательность рожденія и разрушенія. Для этого необходимы многоразличныя и разнообразныя движенія небесныхъ тѣлъ, косвенное къ экватору направленіе зодіака, на которомъ вращаются планеты, періодическое удаленіе и приближеніе солнца, кривая линія имъ описываемая, различная высота стоянія звѣздъ, зависящее тоже отъ наклоненія экватора и эклиптики однаго къ другой. [3]) Каждый изъ девяти небесныхъ круговъ, какъ прозрачная полая сфера, имѣетъ два полюса и экваторъ и всѣ вращаются съ различной скоростію на своей оси, проходящей черезъ землю какъ центръ міра. Primum mobile и небо неподвижныхъ звѣздъ сообщаютъ свое движеніе прочимъ, въ нихъ заключеннымъ кругамъ. Но кромѣ этого движенія, сферы планетъ имѣютъ еще свое собственное, зависящее отъ разнообразнаго ихъ положенія. Планеты, какъ благороднѣйшія части неба, утверждены на экваторѣ своего небеснаго круга: по крайней мѣрѣ такъ думаетъ Данте относительно солнца. Совсѣмъ иное мнѣніе имѣетъ онъ о планетѣ Венерѣ. На экваторѣ круга Венеры укрѣплена не самая планета, а невидимый центръ столько же невидимаго круга, который естественно не концентриченъ съ кругами другихъ сферъ. Этотъ невидимый кругъ называется *эпицикломъ* Венеры. Онъ обращается въ 348 дней вокругъ своего центра, вмѣстѣ съ планетой Венерой, которая сверхъ того вращается и вокругъ своей оси. Но какъ центръ эпицикла постоянно обращенъ къ солнцу, то ясно, что планета, находящаяся у периферіи, въ одну половину періода своего обращенія должна находиться съ одной, а въ другую половину съ другой стороны солнца, а потому и является то утренней, то вечерней звѣздой. [4]) Это пересѣченіе зодіака планетъ съ экваторомъ неба неподвижныхъ звѣздъ необходимо для жизненнаго развитія низшаго міра; ибо «если бы путь планетъ не былъ

[1]) Parad. II, 115—120.
[2]) Convito II, 4.
[3]) Parad. II, 127, X, 7.
[4]) Karl Witte zu Dante's lyr. Gedichten, S. 64. Convito II, 4.

косвеннымъ, многія бы силы въ небѣ остались тщетными и почти всѣ потенціи на землѣ не перешли бы въ дѣйствительность, и если бы ходъ ихъ уклонился болѣе или менѣе отъ надлежащаго, то въ мірѣ, какъ вверху, такъ и внизу, нарушился бы всякій порядокъ»,[1]) т. е. если бы напр. солнце ходило параллельно экватору, то лѣто не смѣнялось бы зимою и жизнь органическая могла бы развиться только при экваторѣ.

По различному вліянію небесныхъ круговъ на возникновеніе и поддержаніе жизни въ мірѣ, Данте раздѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Первый двигатель, *эмпирей*, какъ орудіе, чрезъ которое небесная сила можетъ передаваться низшимъ тѣламъ. Эмпирей есть самое высшее небо, объемлетъ всѣ тѣла, но самъ ни чѣмъ не объемлется. Исполненный вѣчнаго огня и свѣта, онъ цѣль вѣчныхъ желаній для всѣхъ прочихъ небесныхъ сферъ и всего міра. [2]) Въ немъ движутся всѣ тѣла, самъ же онъ пребываетъ въ вѣчномъ покоѣ, ибо во всѣхъ частяхъ своихъ совершенно доволенъ. Онъ кругъ чистѣйшаго свѣта и любви, не воспріемлющій ни отъ какой тѣлесной субстанціи своей силы (вліянія, впечатлѣнія), кругъ, на который непосредственно ничто не дѣйствуетъ, кромѣ Бога. [3]) Онъ называется эмпиреемъ, огненнымъ небомъ, не потому, чтобы состоялъ изъ матеріальнаго огня, но потому, что исполненъ огня духовнаго, святой любви: онъ воспринимаетъ наиболѣе свѣта и величія Божія, ибо содержитъ все, самъ же ни въ чемъ не содержится. [4]) Въ немъ престолъ Божій, безмятежный и мирный, queto e pacifico; въ немъ обитель блаженныхъ.

2) Primum mobile вращается съ непостижимой быстротой внутри эмпирея, ибо каждая чистица его имѣетъ пламенное стремленіе соединиться съ каждою же частицею эмпирея. [5]) Primum mobile составляетъ границу природы, ибо отъ него начинается каждое движеніе, вслѣдствіе котораго низшіе круги могутъ оказывать свое дѣйствіе на стихійный міръ. Оно служитъ мѣриломъ для движенія всѣхъ низшихъ круговъ. Въ немъ время имѣетъ свой корень, въ другихъ же кругахъ свои вѣтви, т. е. внѣ его нѣтъ времени; вообще

[1]) Parad. X, 7 — 21.
[2]) Parad. I, 76.
[3]) Parad. XXVII, 112—114. Purgat. XXVI, 61. Parad. XXX, 38.
[4]) Convito II, 4. Письмо къ Кану Великому §. 24—27.
[5]) Convito II, 4. Parad. I, 76; XXVII, 90.

отъ него зависитъ время. Меньшія дѣленія времени на годы, мѣсяцы, дни и ночи и проч. совершаются при посредствѣ другихъ круговъ. [1]) И такъ изъ этой сферы неба исходитъ каждое движеніе въ мірѣ во всемъ его пространствѣ, начиная отъ неподвижнаго центра вселенной—земли до столько же неподвижнаго, въ вѣчномъ покоѣ пребывающаго эмпирея. Движеніемъ этого primum mobile высшій двигатель міра управляетъ всѣми прочими небесами во всѣхъ ихъ частяхъ, всѣми ихъ двигателями и движеніями. [2]) Слѣдовательно отъ силы его зависитъ бытіе всѣхъ вещей въ мірѣ, который онъ собой объемлетъ. [3]) Потому-то Данте и называетъ его царственной мантіей надъ всѣми покровами вселенной, оживленной и согрѣтой наиболѣе дыханіемъ и творческой силой Божества. [4])

3) Небо неподвижныхъ звѣздъ съ безчисленнымъ множествомъ свѣтилъ и созвѣздій должно раздроблять общую сущность вещей, зависящую отъ силы предыдущаго круга, primum mobile, на множество отдѣльныхъ существъ и чрезъ то содѣйствовать общему, проявляющемуся изъ божественной идеи въ primum mobile, стремленію развиваться въ безконечное число недѣлимыхъ. [5]) Потому это небо имѣетъ только одно движеніе отъ востока къ западу, но за то заключаетъ въ себѣ множество звѣздъ, отъ него отличныхъ, но въ немъ содержащихся.

4) Семь планетныхъ небесъ или сферъ различными своими отношеніями и вліяніемъ направляютъ отдѣльныя существа, изъ общей сущности происшедшія, къ опредѣленной имъ цѣли и содѣйствуютъ жизненному развитію зародышевыхъ силъ (rationes seminales схоластиковъ) въ стихійномъ мірѣ. [6]) Каждое планетное небо имѣетъ по одной только звѣздѣ, но движенія совершаетъ различныя. Отъ этихъ движеній каждое небо приходитъ въ различную связь съ различными созвѣздіями неба неподвижныхъ звѣздъ, а эта перемѣна положеній обусловливаетъ различное его вліяніе на стихійный міръ. [7]) Таковъ напр. Марсъ, когда онъ возвращается къ своему Льву, для того, чтобы подъ его ногами зажечься новымъ пламенемъ. [8]) Марсъ

---

1) Parad. XXVII, 115—120.
2) Monarch. I, 11.
3) Parad. II, 112.
4) Parad. XXIII, 112.
5) Parad. II, 115—117.
6) Parad. II, 118—120. 7) Parad. XX, 13. XXX, 109.
7) Parad. XVI, 38. Parad. XIV, 85.

высылаетъ изъ себя огненные метеоры, предвозвѣстники бѣдствій. Потому болѣе или менѣе блестящій красный цвѣтъ его и большая или меньшая густота воспламенныхъ паровъ, за нимъ слѣдующихъ, суть болѣе или менѣе важные признаки его силы. [1]) Потому же самому и стояніе солнца въ созвѣздіи Близнецовъ въ минуту рожденія Данта имѣло столь великое значеніе для его духовнаго развитія. [2]) Но изъ всѣхъ планетъ Данте называетъ съ особеннымъ уваженіемъ солнце. Оно величайшій служитель природы, запечатлѣвающій силой неба всю вселенную, освѣщающій всѣ небеса и неподвижныя звѣзды [3]) и дѣлящій свѣтомъ своимъ время. [4]) Солнце отецъ всей земной жизни, [5]) отецъ человѣческаго рода. [6]) Соединенные съ сокомъ гроздій лучи его образуетъ вино [7]) и проч.

Такимъ образомъ всѣ эти органы міра размѣщены ступенями такъ, что, воспринимая отъ высшихъ ступеней, передаютъ свою силу низшимъ. [8]) Чѣмъ совершеннѣе матерія, чѣмъ благороднѣе форма, чѣмъ полнѣе соединились онѣ между собою, тѣмъ благороднѣе, прочнѣе продуктъ этого соединенія. Многія формы такъ глубоко погрязли въ матерію, что свѣтъ разума является въ нихъ какъ бы помраченнымъ. Въ такомъ случаѣ уже не образуются души, но возникаютъ простыя формы природы, формы веществъ неорганическихъ. Если матерія и форма нѣсколько благороднѣе и если совершеннѣе ихъ взаимное соединеніе, то лучъ и движеніе свѣтилъ образуютъ изъ нихъ животныхъ и растенія съ ихъ душою [9]) и т. д.

И такъ круговращеніе неба и его свѣтилъ есть причина возникновенія и бытія низшаго міра. Но движенія небесныхъ тѣлъ и ихъ вліяніе не есть нѣчто случайное, напротивъ управляется внутренней необходимостью, началомъ, которое ихъ оживляетъ, передаетъ имъ свою силу и сообщаетъ различный объемъ и блескъ свѣтиламъ. Это начало суть интеллигенціи или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, ангелы. Каждое небо, каждое движеніе имѣетъ свою интеллигенцію. [10]) Интеллигенціи суть только идеи или субстанціи, отдѣленныя отъ матеріи. [11]) Число ихъ превосходитъ всякое число и всякое пониманіе. [12]) Однѣ изъ нихъ созерцаютъ, другія осуществляютъ величіе Божіе: потому есть интеллигенціи созерцательныя и активныя. Данте

---

[1]) Convito II, 14, Inf. XXIV, 145. Purgat. II, 13. Parad. XIV, 85.
[2]) Parad. XXII, 112—117. [3]) Parad. XX, 6. XXIII, 30. [4]) Parad. X, 28—30.
[5]) Parad. XXII, 116. [6]) Parad. XXVII, 137. [7]) Purgat. XXV, 77. [8]) Parad. II, 21. [9]) Parad. VII, 139—141. [10]) Parad. XXIX, 52. [11]) Convito II, 5. [12]) Parad. XXIX, 130; Parad. XXVIII, 92.

принимаетъ девять ангельскихъ чиновъ, подраздѣленныхъ на три іерархіи, какъ принимаетъ церковь со временъ Діонисія Ареопагиты. Интеллигенціи приводятъ въ движеніе планеты не непосредственно своимъ присутствіемъ, но волею и мышленіемъ, не тѣлесно, но изліяніемъ силы. [1]) Все это воззрѣніе принадлежитъ не одному Данту, но было тогда господствующимъ и въ видѣ науки изложено величайшими богословами среднихъ вѣковъ: Ѳомою Аквинскимъ, Альбертомъ Великимъ и др. Данте въ своей дивной картинѣ неба допускаетъ и гармонію сферъ,[2])—теорію, созданную воображеніемъ Платона, которую хотя и опровергъ Аристотель, однакожъ Данте, ревностный его послѣдователь, принялъ ученіе Академика по причинѣ ея поэтичности.

Далѣе все,что движется во вселенной, движется къ предназначенной отъ Бога цѣли. Богъ самъ есть конечная причина каждаго движенія, Онъ же и цѣль онаго. Онъ есть предметъ желаній исполняющихъ всѣ органы міра и дающихъ имъ существованіе. Форма же въ которой успокоивается это желаніе, чрезъ которую міръ становится богоподобнымъ, есть установленный отъ Бога порядокъ, ему же подчиняются всѣ вещи. [3])

Великое же начало, сохраняющее весь этотъ порядокъ, сообщающее движеніе всему міру и дающее ему вѣчное бытіе, есть врожденное каждой вещи стремленіе (appetitus), желаніе слиться съ высшими и совершеннѣйшими вещами, однимъ словомъ—любовь. [4]) Любовь есть первое и послѣднее слово въ системѣ міра; она все исполняетъ, все приводитъ въ порядокъ и движетъ. Предметъ этой любви есть самъ Богъ. Онъ разливаетъ любовь Свою по всему міру и всѣмъ созданіямъ: интеллигенціямъ, человѣку, животнымъ, растеніямъ и веществамъ неорганическимъ, даетъ ее столько, сколько каждое по своей природѣ воспринять можетъ, смотря потому, какъ близко или какъ далеко оно къ своему первоначальному источнику.—Величіе Божіе проникаетъ всю вселенную, но издаетъ въ одномъ мѣстѣ большій, въ другомъ меньшій блескъ, такъ точно, какъ и солнце изливаетъ свѣтъ для различныхъ тварей, но воспринимается каждой изъ нихъ различно. [5]) Величіе Божіе отражается въ общемъ дивномъ порядкѣ, составляющемъ внѣшнюю форму вселенной; слѣды его за-

---

[1]) «I movitori solo intendendo muovono.» Convito II, 5. Parad. VIII, 37. См. также Piper, Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst. Bd. I, Abth. 2. S. 210. [2]) Purg. XXX, 92. Parad. I, 78. [3]) Parad. I, 103. [4]) Parad. I, 109. [5]) Parad. I, 1. Convito III, 7. Purgat. XV, 67—75. Parad. XXXI, 22.

печатлены на всѣхъ существахъ, ибо всѣ они, смотря по степени своего совершенства, одарены въ большей или меньшей степени стремленіемъ содѣйствовать по мѣрѣ средствъ своихъ общему порядку. Это стремленіе побуждаетъ огонь возноситься до предѣломъ луннаго неба [1]); оно уплотняетъ землю и сжимаетъ ее у центра; оно заставляетъ сердца биться и души исполняетъ желаніемъ высшаго. Любовію исполненъ вѣчно-мирный эмпирей, любовь составляетъ его блаженство; любовь и желаніе побуждаютъ кристалльное небо вращаться съ непостижимой быстротой. [2])

Такова Космологія и Космогонія Дантовой поэмы. Очевидно, что міръ Данта есть дѣйствительный *космосъ*, есть отпечатокъ своего первообраза—Бога. Космологія Данта слагается изъ разнородныхъ элементовъ: въ ней мы встрѣчаемъ и мнѣнія отдаленной древности и ученіе Арабовъ, всего же болѣе воззрѣніе отцевъ католической церкви, схоластиковъ и мистиковъ—однимъ словомъ встрѣчаемъ богатый матеріалъ, переработанный пламенною фантазіей поэта-мыслителя въ одно цѣлое, исполненное единства и дивной гармоніи. По его системѣ, весь видимый и невидимый міръ подчиненъ одной идеѣ: идеѣ объ отношеніи Божества къ человѣку и о спасеніи человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что вся средневѣковая система Космологіи имѣла характеръ чисто-поэтическій; но въ Дантѣ, въ его Божественной Комедіи, она нашла свое послѣднее поэтическое просвѣтлѣніе, такъ точно, какъ самыя раннія степени развитія идеи о формѣ земли нашли въ Гомерѣ своего перваго поэтическаго глашатая. Конечно, воззрѣніе Гомера на форму земли есть чисто-географическое: земля, по его понятію, ничто иное какъ плоскость, небо—кристалльный сводъ, на ней покоющійся; напротивъ воззрѣніе Данта на міръ есть уже воззрѣніе философа-астронома: земля для него уже не плоскость, а шаръ, небо не простой сводъ, а полая, отсюду замкнутая сфера, составленная изъ вложенныхъ одна въ другую полыхъ сферъ: слѣдовательно здѣсь уже зодчество неба, чего нѣтъ еще у Гомера. Но, не смотря на эти различія, оба воззрѣнія—древнее болѣе грубое и средневѣковое уже значительно выработанное—суть воззрѣнія чисто-поэтическія. Потому-то и Гомеръ и Данте оба стоятъ одинъ въ началѣ, другой въ концѣ одной и той же эпохи космологической; одинъ вноситъ ее въ міръ, другой поетъ ей прощальную пѣснь.

Вотъ точка, гдѣ Іоніецъ соприкасается съ Флорентинцемъ.

---

[1]) Parad. IV, 77—78. [2]) Parad. I, 109—126.

V.

ДАНТОВЪ АДЪ КАКЪ МѢСТО НАКАЗАНІЯ ГРѢШНИКОВЪ, ЕГО АРХИТЕКТУРНОЕ ПОСТРОЕНІЕ, ДѢЛЕНІЕ и РАЗМѢЩЕНІЕ ВЪ НЕМЪ ОСУЖДЕННЫХЪ. *)

По представленію поэта, согласному, какъ мы видѣли, съ вѣрованіемъ среднихъ вѣковъ, адъ находится въ нѣдрахъ земли. Въ разрѣзѣ онъ имѣетъ форму воронки или обращенной кратеромъ внизъ огнедышущей горы: сверху, къ земной поверхности, эта воронка широка, къ низу узка и оканчивается глубокимъ колодеземъ (*pozzo*) (см. таб. I, fig. 2). Сверху зѣвъ адской бездны прикрытъ корою обитаемаго нами восточнаго полушарія, тремя частями стараго свѣта: Европою, Азіею и Африкою, среди которыхъ Іерусалимъ съ горою Голгоѳою лежитъ въ самомъ центрѣ; верхушка воронки или дно ада составляетъ центръ земли и всего міра, ту точку, гдѣ погруженъ въ вѣчныхъ льдахъ Люциферъ; отъ центра земли ведетъ на противоположное полушаріе подземный узкій ходъ, открывающійся у подошвы горы чистилища (таб. II, fig. 1). Такимъ образомъ адъ помѣщенъ въ толщѣ одного только полушарія и длина его равняется длинѣ радіуса земнаго шара; напротивъ, другое полушаріе, за исключеніемъ сказаннаго узкаго хода, все состоитъ изъ одной сплошной массы земли. Адъ въ срединѣ своей представляетъ пустое, ничѣмъ ненаполненное пространство, покрытое вѣчнымъ мракомъ и только мѣстами озаренное адскимъ пламенемъ; стѣна же или окружность адской воронки образуетъ девять горизонтально-лежащихъ концентрическихъ круговъ, опускающихся на подобіе ступеней или сѣдалищъ въ амфитеатрѣ, одинъ ниже другаго, но не въ правильной послѣдовательности, а съ тремя болѣе или менѣе значительными промежутками, состоящими изъ обрывистыхъ утесовъ или каменныхъ громадъ. Чѣмъ ближе опускаются круги ко дну ада, тѣмъ уже они становится, такъ, что самый низшій девятый кругъ имѣетъ форму цилиндрическаго колодезя.

---

*) Почти безъ перемѣны заимствовано изъ вышеупомянутаго сочиненія Др. Рута, стр. 76.

Адъ есть обиталище душъ тѣхъ людей, которые постоянно уклонялись отъ Бога и Его заповѣдей въ теченіе всей земной своей жизни и въ этомъ закоснѣломъ состояніи пребывали до самой минуты своей кончины. Они упорно отвергали всѣ дары благости Господней, всѣ средства къ исправленію и слѣдственно по смерти подпали дѣйствію правосудія. Сіе-то божественное правосудіе и подстрекаетъ теперь (gli sprona) души умершихъ грѣшниковъ, подстрекаетъ ихъ такъ сильно, что не смотря на весь ужасъ, охватывающій ихъ при мысли о мукахъ адскихъ, онѣ въ страшной борьбѣ съ совѣстью тѣснятся передъ входомъ ада. Но непродолжительна эта борьба совѣсти съ ихъ естественнымъ побужденіемъ. Совѣсть ихъ олицетворена въ ужасномъ образѣ Харона: удары весла его, которыми онъ гонитъ медлющихъ, превращаютъ, подобно угрызенію совѣсти, самый страхъ ихъ въ желаніе.[1]) Если Харонъ есть олицетвореніе угрызеній виновной совѣсти, то Миносъ, вслѣдъ за нимъ встрѣчающій грѣшниковъ, служитъ символомъ сознанія заслуженной ими казни.[2]) Миносъ есть зеркало, въ которомъ порокъ узнаетъ себя во всей наготѣ своей, при видѣ котораго, увлекаемый собственною тяжестію, онъ низпадаетъ въ указанное ему въ аду мѣсто. Потому-то Миносъ и снабженъ хвостомъ дракона, въ знаменованіе того, что грѣшникъ самъ запутываетъ себя въ сѣтяхъ своего преступленія; Миносъ скрежещетъ зубами, обозначая тѣмъ угрызеніе нечистой совѣсти. Какъ скоро душа, явившись предъ нимъ, повѣдаетъ ему свое преступленіе, Миносъ столько разъ опоясывается хвостомъ своимъ, на сколько ступеней онъ хочетъ низринуть ее.[3])

Злые утратили высочайшее благо—благо познанія Бога, познанія высочайшей истины.[4]) Они не созерцали въ Богѣ, какъ созерцаютъ души праведниковъ: потому-то и познанія ихъ о мірѣ вообще слабы и невѣрны. Они не знаютъ ничего отдѣльно-существующаго, матеріальнаго, имъ неизвѣстно настоящее; за то они знаютъ о будущемъ.[5]) Такъ обжорливый Чіакко[6]) и еретикъ Фарината[7]) предсказываютъ Данту многое въ общихъ чертахъ касательно будущей несчастной судьбы его, но сами не имѣютъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о ходѣ политическихъ дѣлъ въ настоящемъ, о судьбѣ друзей своихъ и своей

---

¹) Ада III 100—126. ²) Ibid. XXVIII, 44—45. ³) Ibid. V, 1—15.
⁴) Ibid. III, 17.
⁵) Ада. X, 100—108.
⁶) Ада VI, 64. ⁷) Ibid. X, 79—81.

родины. Но и эту слабую познавательную способность даруетъ имъ Высшій Вождь только до дня страшнаго суда. Съ той минуты, когда не будетъ ни времени, ни будущаго, они навсегда утратятъ всякую способность познаванія. [1]) Они знаютъ также, въ которомъ кругу ада наказуются другіе грѣшники: такъ Чіакко говоритъ Данту, гдѣ найдетъ онъ души нѣкоторыхъ государственныхъ людей Флоренціи. [2]) Тоже самое чувство, которое побуждаетъ ихъ предстать къ Миносу, чувство правосудія, даетъ имъ знаніе о казни другихъ. Но въ той мѣрѣ, какъ смущается ихъ духъ, темнѣетъ и тѣлесная оболочка ихъ души, такъ точно какъ внутренняя радость выражается на землѣ улыбкою, а въ раю усиленнымъ изліяніемъ свѣта. [3]) Въ этомъ состояніи пребудутъ они безъ измѣненія до дня страшнаго суда; съ этого же времени каждая душа облечется снова въ земную плоть свою, восприметъ свой прежній образъ и чрезъ то получитъ большее совершенство. Но тѣмъ самымъ грѣшники лучше поймутъ правдивость своей казни и тѣмъ полнѣе возчувствуютъ жестокость наказанія. [4])

По ученію Данта, употребленіе нашего духа можетъ быть двоякое: практическое (активное, operativo, воля) и спекулятивное (speculativo, разумъ). Цѣль разума спекулятивнаго созерцаніе и изысканіе, управляемое философіею; цѣль практическаго разума — творить и создавать. Сообразно съ этимъ, человѣкъ въ земной жизни долженъ стремиться къ осуществленію двоякаго счастія, къ которому ведутъ двѣ различныя дороги: жизнь активная и жизнь созерцательная. Первая ведетъ къ счастію въ земной жизни, состоящему въ подвигахъ добродѣтели; вторая къ блаженству вѣчной жизни, къ созерцанію Божества, къ чему наши собственныя добродѣтели могутъ достигнуть только при содѣйствіи божественнаго свѣта. Къ этимъ двумъ цѣлямъ человѣчество должно стремиться двумя средствами: къ первому философскимъ развитіемъ, ко второму развитіемъ духовнымъ; первое указываетъ намъ философія, второе божественное откровеніе. [5]) Это великое дѣленіе жизни на жизнь активную и созерцательную соблюдается и въ распредѣленіи грѣшниковъ въ аду; по крайней мѣрѣ

[1]) Ibid, 100—101. [2]) Ibid. VI, 78—87.
[3]) Рая IX, 70—72. [4]) Ада VI, 84—111.
[5] Это ученіе о двоякости жизни, о двоякой цѣли и двоякомъ блаженствѣ человѣчества—земномъ и небесномъ—есть одно изъ важнѣйшихъ ученій Божественной Комедіи. Оно проведено во всѣхъ трехъ частяхъ поэмы и

во многихъ кругахъ ада осужденные распредѣлены очевидно по этому двоякому отношенію, такъ на пр. содомиты, злые совѣтники, сѣятели несогласій. Самыя же казни грѣшниковъ проявляются болѣе или менѣе явственно въ формѣ пробудившейся и вѣчно-терзающей совѣсти, сознающей утраченное навсегда благо. Этотъ внутренній духовный адъ, совершающійся въ грѣшникахъ различными путями, олицетворенъ въ поэмѣ Дантовой различнымъ образомъ и есть какъ бы продолженіе ихъ злобной земной жизни. Особенно рѣзко обнаружено это въ верхнихъ кругахъ.

Предъ самымъ вступленіемъ въ обитель осужденныхъ, тотчасъ подъ корой земли, мы находимъ два пространства, не составляющія впрочемъ истиннаго ада и лежащія внѣ его предѣловъ.

Въ первомъ изъ этихъ двухъ пространствъ, такъ сказать въ преддверіи ада, помѣщены печальныя души тѣхъ, кои жили безъ хулы и славы, та пошлая толпа людей обыкновенныхъ, та темная чернь, которую такъ хорошо обрисовалъ Виргилій однимъ стихомъ: Non ragionam di lor, ma guarda e passa. Въ ихъ сообществѣ находятся и нѣкоторые ангелы, опозорившіе себя своею безхарактерностію. [2]) Эти несчастные навсегда останутся въ своемъ двусмысленномъ состояніи. Небо изгнало ихъ, чтобъ не оскверниться ихъ присутствіемъ, даже для ада преисподняго они слишкомъ низки, а потому онъ и не принялъ ихъ, не принялъ для того, чтобъ осужденные, сравнивая себя съ ними, не утѣшали себя нѣкоторою славою; земная же жизнь уничтожила всякое объ нихъ воспоминаніе. Темная жизнь эта до того унизительна для нихъ самихъ, что они завидуютъ всякой другой участи. Не имѣя въ жизни никакого характера, отличаясь только одною трусостію, они теперь слѣдуютъ за знаменемъ, вѣчно бѣгущимъ, вѣчно волнующимся отъ дуновенія каждаго вѣтра. Ихъ мел-

---

составляетъ главнѣйшую сущность всей системы Дантовой: отсюда два вождя въ замогильномъ странствованіи Данта: Виргилій — практическая философія и Беатриче—богословіе; отсюда дѣленіе язычниковъ въ Лимбѣ на активныхъ и созерцательныхъ; тоже самое можно видѣть и между грѣшниками въ аду и чистилищѣ. См. Ruth, lib. cit 38 etc. Также Philaletes, Psychol. Skizze zu Purgator. XVIII.

²) «Vovit enim, говоритъ Климентъ Александрійскій VIII, aliquos quoque ex Angelis propter socordiam humi esse lapsos, quod nondum perfecte ex illa in utramque partem proclivitate, in simplicem illum atque unum expediissent se habitum». Edit. Oxford. 1715.

кія заботы и страданія, ежедневно въ нихъ возбуждаемыя трусостію, нерѣшительностію, недѣятельностію, теперь преслѣдуютъ и язвятъ ихъ въ образѣ мухъ и осъ, и кровь, текущая изъ ранъ, причиняемыхъ уязвленіемъ ничтожнѣйшихъ насѣкомыхъ, смѣшенная съ слезами скорби, служитъ у ногъ ихъ въ пищу червямъ отвратительнымъ. [1])

Второе пространство внѣ предѣловъ истиннаго ада есть *Лимбъ* католической церкви, та обитель, гдѣ пребываютъ дѣти, умершія прежде крещенія[2]), а равно и души добродѣтельныхъ мужей древности дохристіанской: всѣ они, сообразно съ сущностію земной своей жизни, обитаютъ въ большемъ или меньшемъ блескѣ и страдаютъ только тѣмъ, что вѣчно изнываютъ въ томленіи о томъ благѣ, которое не могли познать въ теченіе своей жизни.

Хотя Лимбъ составляетъ первый кругъ ада — primo cerchio che l'abisso cigne; однакожъ истинный адъ начинается собственно со втораго круга. Согласно съ общимъ дѣленіемъ грѣшниковъ на два большіе класса: на грѣшниковъ отъ невоздержанія и слабости воли и грѣшниковъ вслѣдствіе злобы души, весь адъ раздѣленъ на двѣ весьма неравныя части: на *верхній* адъ, занимающій все пространство между Лимбомъ и стѣною города Диса съ кругами невоздержныхъ, т. е. сладострастныхъ, обжоръ, скупыхъ и расточителей, гнѣвныхъ и завистливыхъ, и на *нижній* адъ, начинающійся отъ стѣнъ города Диса (Сатаны или Люцифера) и кончающійся у средоточія земли и вселенной. Какъ въ первой пѣснѣ говоритъ Виргилій объ Эмпиреѣ: «тамъ градъ и высшій престолъ, гдѣ обитаетъ царь вселенной»: такъ на самомъ днѣ ада, въ центрѣ земли и всего міра, властвуетъ владыка царства слезъ. Далѣе, какъ круги и сферы небесныя, начиная отъ земли, все болѣе и болѣе расширяются, чѣмъ болѣе приближаются къ Эмпирею, который, какъ кругъ величайшій

[1]) Ада III, 64—69.

[2]) «Tertius (locus inferni) est Limbus puerorum tam fidelium, quam infidelium, hinc sine baptismatis sacramento exeuntium, qui omnes pari sorte judicantur, qui quidem sine poena sensibili perpetue ibi victuri sunt, sed facie Dei privabuntur, ex quo pro originali solo puniuntur poena damni, nec alia actualia peccata addiderunt; quorum corpora non debent in cimiteriis sacris post mortem sepeliri.» J a c o b u s d e P a r a d i s o (род. 1385), Tractatus de animabus exutis a corporibus.

въ небѣ, объемлетъ собою вселенную: такъ точно и круги, изъ которыхъ слагается царство Люциферово, начиная отъ земной поверхности и низходя до самаго престола адскаго владыки, все болѣе и болѣе сжимаются вплоть до самаго дна ада, которое есть самое тѣсное мѣсто во вселенной. Какъ міръ во всѣхъ частяхъ своихъ управляется помощію интеллигенцій, движущихъ силъ, такъ и царство Сатаны имѣетъ своихъ служителей: Цербера, Плутуса, Фурій, демоновъ и т. д. Нижній адъ названъ у Данта городомъ Диса потому именно, что въ немъ наказуются грѣхи, изъ злой воли исходящіе, грѣхи вслѣдствіе насилія и злобы, тогда какъ въ верхнихъ кругахъ, внѣ адскаго города, дано мѣсто грѣхамъ, проистекающимъ отъ человѣческихъ слабостей. [1]). Грѣхи, изъ этого источника происходящіе, какъ грѣхи легчайшіе, очевидно менѣе принадлежатъ къ области Сатаны, чѣмъ грѣхи изъ другаго источника, потому и наказаны легче.

Великая толпа грѣшниковъ, наполняющихъ нижній адъ, въ свою очередь дробится опять на два отдѣла: на насилователей и обманщиковъ съ измѣнниками. Какъ тѣ, такъ и другіе равно ненавистны небу, ибо цѣль и тѣхъ и другихъ одна—обида; но обманъ, измѣна суть грѣхи свойственные только человѣку, суть слѣдствіе злобы его духа и воли, потому и наказаны въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ въ нижнемъ пространствѣ ада. [2])

Такимъ образомъ весь адъ состоитъ изъ трехъ большихъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое окружено особенною адскою рѣкою и каждое характеризовано своею стихіею. Первые три стиха надписи надъ вратами ада обозначаютъ эти три отдѣленія. [3])

Изъ нихъ самое верхнее ограничено печальнымъ Ахерономъ и характеризуется мутною мглою, вихремъ, дождемъ и снѣгомъ. Въ немъ въ трехъ отдѣльныхъ кругахъ наказуются легчайшіе грѣшники, тѣ слабые волею люди, которые, предавшись чувственности и сильно прилѣпившись къ земному, тѣмъ самымъ были побуждены отпасть отъ Бога. Изъ нихъ прежде всего намъ являются сладострастные, помѣщенные во второмъ кругѣ. Они образуютъ три строя, коихъ представительницы, Семирамида, Дидона и Клеопатра, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ олицетвореніемъ и тѣхъ грѣховъ, въ которые увлекаетъ любовь чувственная. Они все еще носятся въ бурѣ чув-

---

[1]) Ада VIII, 67 — 69, 75.
[2]) Ада XI, 22—28. [3]) Ibid. III. 1. — 3.

ственныхъ желаній, подобно тому, какъ и въ земной жизни она не давала имъ ни на минуту спокойствія и потемняла ихъ разумъ. [1]).

Въ третьемъ кругѣ помѣщены обжоры. Ихъ представителемъ служитъ прожорливый Церберъ, чудовище съ тремя зѣвами, съ огромнымъ толстымъ чревомъ и грязной бородой. Обжоры валяются въ грязи, въ этомъ символѣ ихъ низкой земной жизни; грязь эта такъ сильно смѣшалась съ ихъ призракомъ, что невозможно отличить ее отъ мнимаго ихъ тѣла: ponevam le piante sopra lor vanità che par persona. Поражаемые холоднымъ дождемъ, градомъ и снѣгомъ, они безпрестанно повертываются съ бока на бокъ, но ни сколько не облегчаютъ тѣмъ жестокихъ страданій. [2])

Представителемъ третьему кругу служитъ Плутусъ, языческій богъ богатства, превращенный у Данта въ алчнаго волка. Въ этомъ кругѣ наказаны скупые и расточители. Земное богатство, къ которому такъ сильно они прилѣпились, или которымъ такъ дурно управляли въ жизни, теперь навсегда остается предъ ихъ глазами; какъ въ жизни оно было для нихъ мертвою тяжестію, такъ и здѣсь вѣчно будетъ служить имъ мучительнымъ бременемъ. Они уже не могутъ отрѣшиться отъ него и съ воемъ катаютъ взадъ и впередъ камни, взаимно упрекая другъ друга въ ничтожествѣ земныхъ своихъ стремленій. Каждому изъ двухъ противоположныхъ видовъ грѣшниковъ опредѣлено полкруга для безплодной и безсмысленной роботы, а потому и тѣ и другіе сталкиваются въ двухъ противоположныхъ точкахъ одного круга. Столкнувшись, они упрекаютъ одинъ другаго въ противоположномъ грѣхѣ; расточили кричатъ: зачѣмъ вы удерживаете!—а вы что кидаете! отвѣчаютъ скупые. Затѣмъ и тѣ и другіе катятъ обратно свои тяжести по пути, уже пройденному, для того, чтобъ на противоположномъ концѣ круга съ новымъ ожесточеніемъ упрекать одинъ другаго. Данте желаетъ узнать имя кого нибуть изъ этихъ грѣшниковъ. «Напрасныя питаешь надежды!» отвѣчаетъ Виргилій. Темная жизнь, ихъ загрязнившая, до того ихъ затемнила, что невозможно узнатъ ни однаго изъ нихъ. Вѣчно суждено имъ сходиться для жестокихъ столкновеній. Въ день судный одни изъ нихъ возстанутъ изъ могилы съ кулаками сжатыми, какъ подабаетъ скупымъ; другіе, какъ расточители, предстанутъ съ жидкими волосами. Неумѣнье какъ давать и какъ удерживать

[1]) Ада V. [2]) Ibid. VI, 7 — 37.

отняло у них прекрасный міръ и предало их этому дикому безсмысленному спору. [1]

Въ архитектурномъ отношеніи круги второй, третій и четвертый имѣютъ одинаковое устройство, съ тою только разницей, что діаметръ ихъ постепенно уменьшается. Спускъ изъ одного круга въ другой не представляетъ трудностей, ибо Данте вездѣ говоритъ здѣсь просто: «мы спустились», изъ чего должно заключить, что границею между этими кругами служитъ отлогій откосъ адскихъ скалъ.

Переходъ въ слѣдующему второму отдѣленію ада составляетъ пятый кругъ гнѣвныхъ и завистливыхъ, подобно предыдущимъ тоже находящійся внѣ истиннаго города Сатаны. Кругъ этотъ образованъ топью болотистаго Стикса, источникъ котораго начинается уже въ четвертомъ кругѣ. [2]) Къ внутренней окружности пятаго круга примыкаютъ глубокіе рвы, [3]) отдѣленные, по мнѣнію Веллутелло, каменною оградою отъ Стикса съ отверстіемъ или воротами, чрезъ которые воды Стикса вливаются въ эти рвы. На внѣшнемъ берегу Стикса возвышается сторожевая башня, съ которой помощію огоньковъ даютъ знать лодочнику этихъ болотъ Флегіасу о прибытіи душъ; съ башни на другомъ берегу отвѣчаютъ на этотъ сигналъ тѣмъ же. [4]) Въ стигійское болото погружены души гнѣвныхъ, куда привозитъ ихъ символъ гнѣва и сварливости Флегіасъ: въ немощной злобѣ, онѣ бьютъ и грызутъ другъ друга. [5]) Глубоко подъ ними, увязли въ тинѣ горячаго болота завистливые, тѣ люди, которые, «скрывая съ себѣ дымъ зависти, были злы въ сладостной жизни, веселящейся солнцемъ.» Ихъ печальное существованіе обнаруживается однимъ только клокотаніемъ болотныхъ водъ, волнуемыхъ ихъ вздохами и прерывистымъ ропотомъ. [6])

Второе и третье отдѣленія ада составляютъ уже истинное царство Сатаны, обитель злобы. Они отлучены отъ перваго отдѣла ада огненными стѣнами съ возвышающимися на нихъ въ видѣ мусульманскихъ мечетей башнями. Это городъ Диса (la città di Dite). По мнѣнію Ломбарди, имя города Диса принадлежитъ не одному шестому кругу, за его стѣнами непосредственно лежащему, но и всѣмъ послѣдующимъ кругамъ до самаго дна ада. Стѣны этого города охра-

---

[1]) Ада VII, 1— 9.

[2]) Ада VII, 100 и д. [3]) Ibid. VIII, 76. [4]) Ibid. VIII, 1 — 6. [5]) Ibid. VII, 112—115. [6]) Ibid. VII, 118—129.

няются тысячами демоновъ, прогнанныхъ нѣкогда отъ внѣшнихъ (верхнихъ) воротъ ада.

Цѣль всякой злобы есть обида, а средство къ нанесанію оной двоякое: насиліе или обманъ. По этому во второмъ (среднемъ) отдѣленіи ада наказуются менѣе виновные (сравнительно съ обманщиками) насилователи, въ третьемъ же или глубокомъ адѣ обманщики. Отдѣльно отъ первыхъ, а также отдѣльно и отъ аристотелевой системы грѣховъ, коей слѣдуетъ Данте, помѣщены еретики въ пятомъ кругѣ.[1] Кругъ этотъ представляетъ необозримое поле, все изрытое безчисленнымъ множествомъ могилъ съ поднятыми на нихъ крышами: какъ внутри могилъ, такъ и на землѣ между ними пылаетъ вѣчный пламень. Въ этихъ-то огненныхъ печахъ наказуются еретики и атеисты за свое дерзкое сомнѣніе, за свое невѣріе въ догматы святой церкви. Крыши, теперь поднятыя надъ могилами, должны закрыться на вѣкъ въ день страшнаго суда. Такимъ образомъ еретики составляютъ, такъ сказать, переходъ отъ невоздержныхъ къ насилователямъ. Господствующею стихіею перваго отдѣленія ада была мутная мгла, волнуемая бурею; во второмъ же отдѣлѣ, въ странѣ холерическихъ насилователей, господствуетъ палящій жаръ, проявляющійся то въ образѣ горячихъ песковъ, то изсохшаго тернія, то въ образѣ рѣки клокочущей крови.[2]

Насиліе можетъ быть направлено или противъ личности, или противъ ея собственности. На этомъ основаніи насиліе раздѣляется:

1) На насиліе, направленное противъ ближнихъ, а именно: а) противъ ихъ личности, куда принадлежатъ убійцы и тираны, и б) противъ ихъ имущества, куда относятся разбойники и грабители.

---

[1] Ада X.

[2] По ученію Данта, Люциферъ, представитель эгоизма, есть абсолютный холодъ, а божественная любовь абсолютная теплота и свѣтъ: потому во всемъ его Аду нигдѣ нѣтъ огня во власти демоновъ. Огонь проявляется въ Аду Дантовомъ только въ присутствіи такихъ грѣшниковъ, кои согрѣшили непосредственно предъ лицемъ господнимъ: такъ онъ является въ области еретиковъ, богохулителей, содомитовъ, ростовщиковъ, святокупцевъ и въ блестящей одеждѣ лицемѣровъ, на святотатцахъ и похитителяхъ свѣта разума — въ злыхъ совѣтникахъ и въ среднемъ лицѣ Люцифера. Какъ для чистыхъ обитателей неба огонь составляетъ источникъ неисчерпаемаго блаженства, такъ для нечистыхъ онъ служитъ вѣчною карой. См. Ада VIII, 73 и прим.; IX, 12; и прим.; XIV, 29 и пр.; XV, 19 и пр.; XIX, 1 и пр.; XXI, 16 и пр.; XXIV, 118 и пр.; XXVI, 40—42 и пр.; XXXIV, 37—64 и прим.

Тѣ и другіе погружены въ потокъ кипящей крови и при томъ болѣе или менѣе глубоко, смотря по степени своей грѣховности. Одни совсѣмъ потонули въ крови, другіе погружены въ нее по шею, у нѣкоторыхъ кровь едва достигаетъ до лалыжекъ. Кентавры, охраняющіе этотъ ровъ, пускаютъ стрѣлы въ каждаго, кто выйдетъ изъ крови больше, нежели сколько дозволитъ ему собственное сознаніе своей вины. [1])

2) Насилователи противъ самихъ себя и притомъ: а) противъ своей личности: самоубійцы, и б) противъ своего имущества: азартные игроки и моты. Самоубійцы сами лишили себя собственнаго своего тѣла, а потому и по смерти лишены тѣлесной своей оболочки. Души ихъ, покаявшись предъ Миносомъ, упадаютъ, по волѣ случая, въ тернистый лѣсъ: тутъ, прозябая какъ колосья проса, пускаютъ онѣ безобразные отпрыски и растутъ колючими кустами терновника. На ихъ вѣтвяхъ вьютъ гнѣзда отвратительныя Гарпіи, кормятся ихъ листьями, и, обрывая ихъ, причиняютъ боль грѣшникамъ, заключеннымъ въ растеніяхъ. Пока раны еще свѣжи, изъ нихъ изливается кровь, и доколѣ раны не закроются, души заключенныхъ самоубійцъ имѣютъ возможность утолять свою скорбь жалобами и стономъ. Въ день страшнаго суда пойдутъ и самоубійцы за своими тѣлесами, но не облекутся въ тѣла, а повлекутъ ихъ за собою въ засохшій лѣсъ и каждый повѣситъ собственное тѣло на колючихъ иглахъ своей злочестивой тѣни. Среди этого лѣса колючихъ терновниковъ черныя псицы преслѣдуютъ и рвутъ на части насилователей своего достоянія — мотовъ и азартныхъ игроковъ. Тутъ нѣтъ уже никакаго уваженія къ человѣческому достоинству, человѣческому образу. Моты разрываютъ свое тѣло объ иглы терновниковъ, въ которыя заключены самоубійцы, и за то въ бѣгствѣ своемъ ломаютъ съ послѣднихъ цѣлыя вѣтви, укрываются за ними, прячутся въ ихъ кустахъ и въ борьбѣ со псицами разрываютъ ихъ на части. [2])

3) Насиліе, направленное противъ Божескихъ законовъ, а именно: а) противъ лица, естества Божія: богохулители и б) противъ достоянія Бога—природы и искусства: содомиты и ростовщики. Они наказуются вѣчно-палящимъ огненнымъ дождемъ, раска-

---

[1]) Ада XII, 46—139.

[2]) Ада XIII, 109—151.

ляющимъ песчаную степь, которую они населяютъ. Огонь въ пробужденной въ нихъ совѣсти указуетъ на божественную силу и ту любовь, которую такъ упорно отвергали они въ теченіе своей жизни. Богохулителей казнитъ ихъ же собственная ничѣмъ не укращенная гордыня; садомиты вѣчно бѣгутъ отъ чистаго огня; ростовщики же, непрестанно сбрасывая съ себя пламя, судорожно сжимаютъ пустые мѣшки свои. Послѣдніе составляютъ уже переходъ къ обманщикамъ, помѣщеннымъ въ нижнемъ аду: потому-то и сидятъ они на окраинѣ втораго отдѣленія, у самой пропасти, ведущей къ обманщикамъ; потому-то и образъ Обмана выплываетъ изъ бездны предъ глазами поэтовъ гораздо прежде, чѣмъ Данте отправился взглянуть на ростовщиковъ. [1])

И такъ обитель насилователей не образуетъ отдѣльныхъ ступеней, раздѣленныхъ спусками; но состоитъ изъ трехъ колецъ (gironi), объемлющихъ одно другое на одной плоскости, имѣющей незначительное наклоненіе къ третьему отдѣлу ада. Такимъ образомъ эти три кольца, взятыя вмѣстѣ, образуютъ одинъ седьмой кругъ. Изъ нихъ самое внѣшнее есть кровавая рѣка, въ которой погружены насилователи ближнихъ; кровавая рѣка опоясываетъ второе кольце—печальный лѣсъ, жилище насилователей самихъ себя; лѣсъ же окружаетъ на подобіе гирлянды третье кольце, окраину адской бездны, мѣсто казни насилія противъ законовъ божественныхъ. Во всѣхъ трехъ кольцахъ седьмаго круга казнь одному и тому же грѣху, но въ различныхъ проявленіяхъ.

Согласно Ада XII, 49 ст., [2]) насиліе происходитъ отъ двухъ корней—алчности и гнѣва. Какъ алчность, такъ и гнѣвъ, взятые отдѣльно, казнятся въ четырехъ кругахъ перваго отдѣленія: въ кругахъ сладострастныхъ, обжоръ, скупыхъ и расточителей и въ кругѣ гнѣвныхъ съ завистливыми. Но въ особенности гнѣвъ ведетъ къ насилію: потому и въ Аду Дантовомъ Стиксъ, въ которомъ погружены гнѣвные, есть путь, а гнѣвный Флегіасъ—перевозщикъ, ведущій къ отдѣлу насилователей. Напротивъ съ обманомъ находится въ связи не столько гнѣвъ, сколько алчность: поэтому алчность нака-

---

[1]) Ада XIV, XV, XIV и XVII.

[2]) O cieca cupidigia, o ira folle,
Che sì ci sproni nella vita corta,
E nell' eterna pur sì mal c'immolle!

зана у Данта на самомъ крайнемъ предѣлѣ отдѣленія насилователей, на границѣ съ обителью обманщиковъ, въ лицѣ сидящихъ на краю пропасти ростовщиковъ.

Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ, весьма глубокомысленно избраны и символическія фигуры во всемъ отдѣленіи насилователей. Вверху, при самомъ входѣ въ второй отдѣлъ ада, распростертъ позоръ Крита чудовищный Минотавръ, родившійся, какъ извѣстно, отъ противоестественной любви Пасифаи. Какъ представитель въ особенности средняго отдѣленія ада, онъ въ то же время служитъ выраженіемъ и всѣхъ трехъ его отдѣловъ вмѣстѣ: онъ возникъ отъ *невоздержанія* (грѣха наказуемаго въ верхнемъ адѣ) и провелъ всю жизнь свою въ дѣлахъ *насилія*, какъ убійца и пожиратель тѣхъ, коихъ завлекалъ въ свои сѣти *измѣною.* [1]) Но, служа выраженіемъ трехъ главныхъ отдѣловъ, онъ имѣетъ сверхъ того особенное отношеніе къ тремъ классамъ насилователей: къ насилователямъ *противъ ближнихъ* тѣмъ, что пожиралъ Аоинянъ; къ насилователямъ *противъ себя* тѣмъ, что неистовство свое обращаетъ на самаго себя и къ насилію *противъ законовъ божескихъ* по причинѣ противоестественнаго происхожденія, опозорившаго природу, достояніе Божіе. Какъ этотъ Минотавръ, полу-быкъ, полу-человѣкъ, какъ и Кентавры съ своимъ конскимъ образомъ, а равно и Гарпіи съ птичьимъ тѣломъ суть символы перехода къ животности (bestialitade), наказуемой въ среднемъ аду. Кентавры особенно удачно выведены здѣсь какъ представители двухъ главныхъ источниковъ насилія — гнѣва и алчности: они внуки гнѣвнаго Флегіаса и дѣти алчнаго Иксіона, дерзнувшаго въ опьянѣломъ состояніи напесть насиліе Юнонѣ. [2]) Въ этомъ отношеніи весьма многознаменательны три Кентавра, выведенные въ XII пѣснѣ. Изъ трехъ чудовищъ, встрѣчающихъ поэтовъ на берегу кровавой рѣки, мы видимъ съ одной стороны Несса, извѣстнаго чувственнаго похитителя Деяниры; съ другой, Фола, «который былъ такъ полонъ гнѣва»; въ срединѣ между ними, между алчностію и гнѣвомъ, видимъ Хирона, который конечно получилъ отъ древности характеръ достоинства, однакожъ тѣмъ не менѣе помогалъ другимъ удовлетворять страстямъ своимъ. Онъ научилъ Бахуса оргіямъ, помогъ Пелею въ его тайныхъ сношеніяхъ

---

[1]) Ада XII, 11—27.

[2]) Ада XII, 64—66. и прим.

съ Өетидою и воспиталъ Геркулеса, Язона и въ особенности Ахиллеса, такъ прославившагося своею алчностію и гнѣвомъ, обстоятельство, на которое у Данта особенно указано. [1])

Тутъ всего приличнѣе сказать нѣсколько словъ о значеніи адскихъ рѣкъ. Всѣ четыре рѣки ада собственно говоря представляютъ одинъ и тотъ же потокъ, только съ различными именами и свойствами. Потокъ этотъ возникъ изъ слезъ, проливаемыхъ надъ порчею времени и человѣчества старцемъ, стоящимъ на горѣ Идѣ въ Критѣ. Тамъ, гдѣ слезы старца впервые сливаются въ одинъ потокъ подъ землею, образуется Ахеронъ, рѣка мутная и темная, какъ и первый отдѣлъ ада, ею омываемый. [2]) Черезъ три круга перваго отдѣленія течетъ этотъ потокъ подъ землей и выходитъ на верхъ не прежде, какъ уже въ обители скупыхъ въ видѣ темнаго клокочущаго источника, льющаго свои воды по глубокому руслу и образующаго горячее болото, называемое Стиксомъ.[3]) Болото Стиксъ омываетъ своими волнами второе отдѣленіе ада, обитель грѣшниковъ съ горячею кровью, гнѣвныхъ и насилователей. Далѣе Стиксъ смѣшивается съ кровью, пролитою тиранами и убійцами, образуя кровавую рѣку; онъ не видѣнъ въ лѣсу самоубійцъ, стало быть протекаетъ подъ нимъ въ землѣ; но въ опушкѣ лѣса снова выходитъ наружу и отсюда пробѣгаетъ черезъ всю степь насилователей законовъ божескихъ въ берегахъ узкаго канала, надъ которымъ гаснутъ падающія сверху клочья огня и коего набережная мощена камнемъ. [4]) Этотъ каналъ называется уже Флегетономъ. На границѣ круга насилователей онъ низвергается въ бездну, на днѣ которой заключены въ узкихъ рвахъ обманщики. Въ жилищѣ ихъ онъ опять не видѣнъ, слѣдовательно имѣетъ тутъ подземное теченіе и выходитъ наружу не прежде, какъ уже въ девятомъ кругѣ измѣнниковъ, на самомъ днѣ ада, гдѣ и образуетъ ледяное болото, называемое Коцитомъ. [5]) И такъ Коцитъ беретъ свое начало вѣроятно изъ волнъ кипящаго Флегетона, охлажденнаго вслѣдствіе паденія изъ седьмаго въ осьмой кругъ и во время подземнаго своего теченія подъ осьмымъ кругомъ обманщиковъ; Флегетонъ же въ свою очередь есть продолженіе Стикса, который, протекая подъ раскаленными стѣнами города Диса, нагрѣвается до

---

[1]) Ада III, 65 — 75 и прим.

[2]) Ада III, 70—78. [3]) Ibid. VII, 100—108. [4]) Ibid. XIV 76—84 и 130—135. [5]) Ibid. XXXII, 22—24.

точки кипѣнія; равномѣрно и Стиксъ есть продолженіе Ахерона, который, образовавшись изъ слезъ статуи Времени, невидимо протекаетъ въ трехъ верхнихъ кругахъ ада подъ землею.

Приближаясь къ третьему отдѣлу ада—къ отдѣлу обманщиковъ, мы уже напередъ чувствуемъ, къ какому мѣсту приближаемся. [1]) Переходъ къ нему составляютъ ростовщики, по роду грѣха своего принадлежащіе въ половину къ обманщикамъ. Поэты дѣлаютъ десять шаговъ въ знаменованіе того, что первая часть этого круга раздѣлена на десять рвовъ (bolge). [2]) Путь, ведущій ихъ къ обману, не прямой, а извилистый, ибо Виргилій говоритъ своему ученику: «теперь нашъ путь долженъ идти поворотомъ»; также и вервь, повергаемая Дантомъ въ бездну обманщиковъ, предварительно свертывается въ клубъ. [3])

Въ символы нижняго отдѣла ада избранъ Геріонъ, лице весьма характеристическое для Дантовой цѣли. Подобно символамъ насилія, онъ тоже въ половину человѣкъ, въ половину звѣрь; но животная натура въ немъ стоитъ еще ниже, нежели въ другихъ символахъ. Кентавры имѣли еще натуру благороднаго коня, Гарпіи были въ половину женщины, въ половину птицы; но образъ Обмана принадлежитъ уже къ натурамъ самыхъ низкихъ, ползающихъ животныхъ, извивающихся скрытно—къ натурамъ змѣи и скорпіона. Лице у него какъ у честнаго человѣка, для того, чтобы удобнѣе завлекать въ свои сѣти; тѣло змѣиное, ибо змѣя, согласно съ Св. Писаніемъ, хитрѣйшее изъ всѣхъ животныхъ. Далѣе, кожа его туловища прикрыта множествомъ пестрыхъ тканей, привлекательныхъ для взора по своему блеску, но вмѣстѣ съ тѣмъ составленныхъ изъ петлей, въ коихъ запутываются неосторожные. Весь этотъ образъ очевидно заимствованъ изъ народныхъ поговоровъ, которыхъ такъ много у Италіанцевъ въ этомъ родѣ: tramare inganni, intrecciare или ordire insidie, tessere frodi. Лапы Геріона покрыты сверхъ того шерстью, какъ у кошки, очевидно съ цѣлію прикрыть ихъ острые когти. Наконецъ хвостъ кончается извивистымъ остріемъ. Хвостъ этотъ безпрестанно крутится въ туманномъ воздухѣ для того, чтобъ всегда быть на готовѣ для уязвленія пойманнаго. Однимъ словомъ вся эта фигура представляетъ цѣлую исторію, начало, средину и конецъ обмана. Спер-

---

[1]) Ада XVII, 28—30.

[2]) Ibid. ст. 32. «E dieci passi femmo in su lostremo». Къ сожалѣнію, это въ моемъ переводѣ невыражено.

[3]) Ада XVI, 106—111.

ва обманщикъ старается внушить довѣріе, потомъ привлекаетъ дружественною наружностію, а между тѣмъ незамѣтно затягиваетъ свои петли и наконецъ наноситъ постыдный ударъ. Уподобленія, приведенныя поэтомъ для изображенія отдѣльныхъ частей его, избраны съ необыкновеннымъ искусствомъ и всѣ имѣютъ смыслъ глубокій. Особенно многознаменательно сравненіе кожи Геріона съ пестрыми тканями Арахны. Эта знаменитая ткачиха древности олицетворяетъ въ себѣ высокомѣріе, а въ тоже время и неблагодарность, ибо дерзнула превзойдти своимъ искусствомъ наставницу свою Минерву, а потому и погибла, подобно тому, какъ отъ своего же высокомѣрія погибъ Люциферъ, вокругъ котораго гнѣздятся самые гнусные изъ грѣшниковъ—неблагодарные измѣнники. Являясь, подобно Минотавру, въ началѣ однаго изъ десяти отдѣловъ этого круга, Геріонъ по видимому избранъ здѣсь въ особенности потому, что его фигура имѣетъ тройственное значеніе, напоминающее три главные отдѣла ада. Какъ въ миѳологіи придавали Геріону три туловища, такъ и Данте въ поэтическомъ его изображеніи различаетъ въ немъ три части: голову, гдѣ возникаютъ алчныя мысли, алчность же есть источникъ грѣховъ перваго отдѣла; туловище съ мохнатыми лапами, напоминающее насилователей, и ядовитый измѣническій хвостъ. [1])

Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщаются истинно-злые. Для ихъ воспринятія нижнее пространство адской бездны углубляется въ видѣ обрывистой жерлообразной пропасти, отдѣленной отъ верхняго ада высокой стѣною скалъ. Эта пропасть заключаетъ въ себѣ обманщиковъ двоякаго рода, разобщенныхъ между собою обрывистымъ скатомъ, именно: обманщиковъ, завлекавшихъ въ свои сѣти тѣхъ, кои не довѣряли имъ, и обманщиковъ противъ людей, имѣвшихъ къ нимъ довѣріе. Первые помѣщены въ осьмомъ кругу, распадающемся на десять рвовъ и называемомъ *Malebolge* (Злые-Рвы). Это мѣсто есть обширное круговидное поле, состоящее изъ однаго цѣльнаго камня и занимающее все пространство между обрывомъ, съ котораго свергается Флегетонъ, и глубокимъ колодяземъ ада (pozzo). Поле это, идущее нѣсколько наклонно къ сказанному колодцу, прорыто десятью глубокими концентрическими рвами, изъ которыхъ каждый отдѣленъ отъ другаго своей стѣною изъ каменныхъ глыбъ.

[1]) Ада XVII, 1—27.

Такимъ образомъ если холодязь, находящійся въ срединѣ этого поля, представимъ себѣ феодальнымъ замкомъ, то десять рвовъ, лежащихъ вокругъ него, будутъ окружать его въ видѣ крѣпостныхъ окоповъ, а возвышающіяся между ними стѣны будутъ представлять бастіоны крѣпости. Черезъ всѣ десять рвовъ тянутся въ извѣстныхъ мѣстахъ громадные утесы, образующіе мостъ, а внизу вороты для каждаго рва. Въ каждомъ изъ десяти рвовъ содержится особый родъ обманщиковъ. Не безъ значенія поэтъ назначаетъ имъ такое мѣсто наказанія. Насилователи совершаютъ свое преступленіе открыто, потому и наказуются на открытомъ полѣ. Но обманщики, какъ грѣшники тайные, погружены въ глубокіе рвы, которые, смотря по степени потаенности грѣха, имѣютъ и глубину болѣе или менѣе различную. Далѣе, чѣмъ злѣе грѣшники, тѣмъ тверже ихъ сердце; обманъ же злѣе насилія: потому рѣка, лѣсъ и сухіе пески составляютъ обитель насилователей; жилищемъ же обманщиковъ служитъ масса твердаго, какъ желѣзо, камня, въ коемъ высѣчены рвы. [1])

Разсмотримъ по порядку десять родовъ обманщиковъ, наказуемыхъ въ этихъ рвахъ.

1) *Люди, пользовавшіеся слабостію обоихъ половъ* (ruffiani) и *обольстители*. Двумя строями, изъ коихъ каждый занимаетъ одну сторону однаго и того же рва, они двужутся въ противоположномъ направленіи, гонимые бичами демоновъ. Они напоминаютъ сладострастныхъ въ первомъ кругѣ ада, бичуемыхъ и носимыхъ вихремъ. [2])

2) *Льстецы*. Ровъ, ими занимаемый, несравненно глубже рва первыхъ, ибо лесть есть порокъ болѣе скрытный. Этотъ ровъ до того глубокъ, что поэтъ, чтобы увидѣть въ немъ грѣшниковъ, долженъ взойдти на самую высшую точку моста, и не безъ основанія: лесть господствуетъ всего сильнѣе въ высшихъ слояхъ общества и тамъ-то она всего опаснѣе. Въ этомъ рвѣ льстецы погружены по самый ротъ въ зловонную жидкость, въ ту среду, которую они такъ усердно выхваляли въ своей низкой жизни въ каждомъ великомъ земли; сами унизивъ себя въ мнѣніи людей, они сами бьютъ кулаками свои пустыя головы (тыквы, zucca, какъ сказано у Данта). Какъ ruffiani и обольстители своей казнію и качествомъ своего грѣ-

---

1) Ада XVIII, 1—18.
2) Ibid. XVIII, 25—39.

ха напоминают сладострастных во втором кругѣ ада, так льстецы напоминают обжор в третьем кругѣ. Племя паразитов, готовых за хорошій обѣд выхвалять в своем патронѣ все, даже самое гнусное, было как бы наслѣдственным у Италіянцев, перейдя к ним от Римлян и составляя во всѣ періоды италіянской общественной жизни весьма значительный класс. В всѣх италіянских комедіях, начиная от XV столѣтія до времен Гольдони, паразиты всегда играли очень важную роль. Но как rufliani и обольстители, обманывавшіе других, хуже сладострастных, виновных только перед собою, то и степень казни их различна: сладострастных носит буря, обольстителей бичуют демоны. Так точно и казнь паразитов и льстецев, погруженных в зловонную жидкость, несноснѣе казни обжор, валяющихся в грязи под дождем и снѣгом: зловонная среда первых поражает обоняніе поэтов гораздо прежде, чѣм они увидѣли грѣшников. [1])

3) *Святокупцы* уткнуты головами в дыры, пробитыя в твердом камнѣ, составляющем дно рва этих грѣшников; симонисты одного и того же рода уткнуты в одну и туже дыру, при чѣм каждый новый пришлец заступает мѣсто своего предшественника, котораго гнетет головою глубже вниз. Из каждаго отверстія торчат ноги грѣшника и, пылая пламенем, сжигающим их подошвы, дрягают от жестокой боли. Святокупцы опозорили своею алчностію самыя священныя обязанности — свой духовный сан, они как бы попрали его ногами и все, что ни есть высокаго в мірѣ, превратили в самое низкое—в орудіе для пріобрѣтенія золота. Потому-то они и погружены теперь головою в землю, и огонь, их наказующій, сжигает самую нижную часть их тѣла— ноги. [2]) Уподобленія в изображеніи их казни выбраны с глубоким смыслом и проникнуты жестокою сатирою над злоупотребленіем духовных обязанностей. Дыры в каменном днѣ рва святокупцев такой же величины и формы, как и каменныя купели в крестильницѣ флорентинской; а ноги грѣшников, подобно тѣлам, пропитанным в елеѣ, пылают только с поверхности— очевидные намеки на попраніе святокупцами священнѣйших обязанностей своего сана. Святокупцы напоминают своей казнію третій круг верхняго ада. Скупые, ростовщики и святокупцы всѣ согрѣшили вслѣдствіе слишком сильной привязанности к земным со-

[1]) Ада XVIII, 100—114. [2]) Ibid. XIX, 1—30.

кровинцамъ: потому и казнь ихъ состоитъ въ насильственномъ склоненіи къ земному и притомъ въ восходящей прогрессіи. Скупые, наклонившись тѣломъ своимъ надъ землею, съ великими усиліями катятъ передъ грудью огромныя тяжести — символъ богатства, къ пріобрѣтенію котораго такъ сильно стремились въ жизни: это легчайшая казнь. Жесточе казнь ростовщиковъ, которые сидятъ скорчившись на землѣ съ повѣшенными на шеѣ мѣшками золота. Наконецъ святокупцы совершенно погружены въ земное, будучи уткнуты головою, жилищемъ духа, въ твердый камень въ знаменованіе того, что изъ всѣхъ трехъ родовъ грѣшниковъ они самые закоснѣлые. Ростовщики сжигаются отдѣльными клочьями огня, падающаго въ извѣстные промежутки; святокупцевъ же снѣдаетъ пламень никогда неугасающій.

4) *Прорицатели*, хотѣвшіе проникнуть въ будущее не вѣрою, какъ святые и пророки, а средствами преступными, теперь вѣчно ходятъ въ кругъ медленными стопами, плачутъ и хранятъ глубокое молчаніе, потому что на землѣ хотѣли открыть болѣе, чѣмъ сколько дозволено. Видѣть впередъ они не могутъ, потому что все ихъ туловище, начиная отъ груди, повернуто назадъ. [1])

5) *Продажные чиновники гражданскіе*, *взяточники* или *свѣтскіе святокупцы* (barratieri), какъ люди, занимавшіеся продажнымъ ремесломъ своимъ весьма скрытно, погружены за то и въ ровъ необыкновенно темный. Воспоминаніе о нечистыхъ дѣлахъ земныхъ теперь мучитъ взяточниковъ въ образѣ кипящей липкой смолы; каждый разъ, когда дерзнутъ изъ нее выплыть, они достаются на терзаніе демонамъ, коихъ безсовѣстные, коварные, кривые поступки служатъ олицетвореніемъ беззаконнаго лихоимства и происходящей отсюда гибельной безурядицы въ государствѣ. Эти лихоимцы или продавцы правосудія въ смолѣ напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ казнь тирановъ въ кипящей кровяной рѣкѣ; только первые, какъ обманщики, наказаны еще строже. Тираны пронзаются стрѣлами Кентавровъ, если осмѣлятся выйдти слишкомъ много изъ кровавой среды своей; эти же подвергаются за подобную смѣлость ужаснѣйшимъ истязаніямъ отъ самыхъ низкихъ, самыхъ безсовѣстныхъ демоновъ, веселящихся съ дьявольскою насмѣшкою надъ ихъ страданіемъ. [2])

---

[1]) Ада XX, 1—24. [2]) Ibid. XXI и XXII.

6) *Лицемѣры*, «сей повапленный родъ», ходятъ медленно, какъ бы въ благочестивой процессіи, изнемогая подъ тяжестію свинцовыхъ, снаружи вызолоченныхъ одеждъ, которыя, подобно злой ихъ совѣсти, пригнетаютъ тѣло ихъ чуть не до самой земли. [1]) Подъ ногами ихъ, пригвожденный тремя острыми кольями къ каменному дну, лежитъ архіерей Каіафа, изрекшій съ Фарисеями свой лицемѣрный судъ подъ предлогомъ религіозной ревности. За то, что въ жизни своей хотѣлъ преградить путь праведному, онъ теперь распростертъ поперегъ дороги и, содѣлавъ величайшій грѣхъ лицемѣрія, долженъ испытать на самомъ себѣ тяжесть всѣхъ лицемѣровъ. На туже казнь обреченъ и тесть его Анна, равно и всѣ прочіе Фарисеи, засѣдавшіе на беззаконномъ судилищѣ, названномъ у Данта «concilio». [2]) Неправедный приговоръ, изрѣченный лицемѣрами, былъ неправедно свершенъ насилователями: потому-то въ минуту кончины Спасителя утесы въ аду обрушились въ двухъ мѣстахъ — въ кругу насилователей и ниже во рву лицемѣровъ. [3])

7) *Тати* казнятся на днѣ весьма темнаго рва; гонимые вѣчнымъ страхомъ, они тщетно надѣются стать невидимками, или найдти скрытое убѣжище отъ страшныхъ змѣй и гадовъ всѣхъ породъ, этихъ символовъ ихъ тайнаго ремесла, ихъ преступныхъ козней и путей извивистыхъ. Безпрестанно представляясь ихъ испуганному взору, змѣи кидаются имъ на грудь, язвятъ и лишаютъ ихъ послѣдняго достоянія — человѣческаго образа. Въ этомъ рвѣ вѣчная обмѣна достояній: человѣческіе образы превращаются въ змѣиные, а эти въ человѣческіе. [4]) Змѣи, связывающія и наказующія татей, заступаютъ здѣсь мѣсто демоновъ въ другихъ кругахъ; а Какусъ, знаменитый похититель геркулесова стада, являющійся здѣсь въ видѣ Кентавра, покрытый змѣями, съ огнедышущимъ дракономъ, распростертымъ на спинѣ его, преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, кои, изъ сопротивленія высшей силѣ, не хотятъ бѣжать. [5])

8) *Злые совѣтодатели* облечены въ пламя, ихъ пожирающее, а потому незримы, точно какъ, такъ и сами дѣйствовали на землѣ

---

[1]) Ада XXIII, 58—72.

[2]) Ада XXIII, 109—12. [3]) Ibid. XII, 28—45 и XXI, 106—114. [4]) Ibid. XXIV, 65—105. [5]) Ibid. XXV, 16—24

невидимо въ тѣхъ преступныхъ дѣлахъ, къ коимъ побуждали другихъ злыми совѣтами. Подавая злые совѣты, они тѣмъ самымъ во зло употребляли высокій свой даръ свѣтъ духовный, а потому, опозоривъ его назначеніе, такъ сказать, стали его похитителями. [1]) Во главѣ злыхъ совѣтниковъ стоятъ два полумиѳическія лица, Улиссъ и Діомедъ. Похитители Палладіума изъ храма Минервы, нанесшіе тѣмъ самымъ оскорбленіе богинѣ мудрости, они представляютъ цѣлый классъ людей, употребляющихъ во зло высокіе дары своего разума. [2])

9) *Сектанты* и *сѣятели расколовъ и несогласій* видятъ грѣхъ свой въ образѣ демона, отдѣляющаго мечемъ члены отъ ихъ тѣла, подобно тому, какъ и они въ мірѣ нарушали всякое единство. Раны, наносимыя демономъ, заживаютъ, какъ скоро грѣшники совершатъ круговидный путь свой; но демонъ снова наноситъ раны: такимъ образомъ скорбь грѣшниковъ о своемъ прегрѣшеніи возобновляется вѣчно. По степени важности ихъ преступленія, и раны у нихъ болѣе или менѣе жестоки. У великаго сектатора Магомета, причинившаго расколъ въ великой церковной общинѣ, тѣло разсѣчено во всю длину отъ головы до ногъ. Напротивъ у Али, нарушившаго единство Магометанства, разрублена только голова. Возбуждавшіе дѣтей противъ отцевъ носятъ голову, отдѣленную отъ спиннаго мозга; у людей, сѣявшихъ крамолы словомъ или дѣломъ, вырѣзаны языки, или отсѣчены руки. [3])

10) *Поддѣльщики* всякаго рода (falsitori) поражены всевозможными болѣзнями; безумные демоны, рыская между ними, влекутъ ихъ съ мѣста на мѣсто по темному рву. Обманщики этого рва дѣлятся на поддѣльщиковъ металловъ — алхимиковъ, на поддѣльщиковъ рѣчи — лгуновъ и наконецъ на поддѣльщиковъ личности. Должно сознаться, что нравственное значеніе этой и слѣдующей пѣсень очень темно. Алхимики старались между прочимъ получить золото химическимъ искусствомъ, стало быть путемъ болѣе легкимъ, нежели металлургія. Однакожъ непонятно, почему алхимія большій грѣхъ, чѣмъ напримѣръ святокупство или лихоимство; почему тотъ, который былъ только «ловкой обезъяной природы», помѣщенъ глубже въ аду, нежели тотъ, который продалъ

[1]) Ада XXVI, 40—42.
[2]) Ада XXVI, 55—62. [3]) Ibid XXVIII.

сестру свою, или тотъ, который злоупотребленіями высшихъ даровъ духовныхъ нанесъ оскорбленіе церкви. Такой взглядъ на алхимиковъ не истекаетъ ни изъ Библіи, ни изъ Аристотеля, ни изъ ученія средневѣковыхъ схоластиковъ, коимъ вообще слѣдуетъ Данте. Скорѣе онъ есть слѣдствіе всей его философской системы. Алхимики устремили всю свою дѣятельность и искусство на приготовленіе золота. Но золото есть цѣль скупости и любостяжанія, а потому и корень большей части золъ, наказуемыхъ въ аду. Если теперь обозримъ весь осьмой кругъ съ его десятью рвами, увидимъ, что ruffiani, большая часть льстецовъ, святокупцы, продажные взяточники, тати грѣшатъ изъ любостяжанія; даже Каіафа между лицемѣрами вовлеченъ золотомъ въ величайшій грѣхъ измѣны. И такъ алхимики стараются умножить неестественнымъ путемъ то, что̀ составляетъ корень большей части золъ и грѣховъ на землѣ: потому-то алхимики и помѣщены въ самомъ низу осьмаго круга въ силу того, что корень вездѣ занимаетъ низшее мѣсто. Что они находятся въ тѣсной связи съ бѣдами, истекающими изъ золота, тому доказательствомъ служитъ то, что въ концѣ слѣдующей пѣсни упомянается о клубѣ мотовъ, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не имѣетъ ничего общаго съ алхимиками. Въ этой пѣснѣ мы встрѣчаемъ еще нѣсколько обманщиковъ, оплакивающихъ свою алчность къ золоту: скупость вмѣстѣ съ гордостію и завистію составляютъ три коренные порока, произведшіе, по Данту, все зло въ мірѣ. Тоже и по Аристотелеву ученію, грѣхи, отъ золота происходящіе, суть многочисленнѣйшіе и разнороднѣйшіе, и всегда у Данта помѣщены ниже прочихъ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ его ада. Такъ, въ первомъ отдѣлѣ, между невоздержными, скупые и расточители помѣщены ниже другихъ; во второмъ, между насилователями, ростовщики опять ниже другихъ; далѣе, между обманщиками (большая часть изъ нихъ согрѣшила вслѣдствіе любви къ золоту), тѣ, которые хотѣли похитить у самой природы золото, какъ корень всѣхъ прочихъ пороковъ, помѣщены ниже всѣхъ. Наконецъ, на самомъ днѣ ада, между измѣнниками, погруженъ ниже всѣхъ Іуда Искаріотскій, величайшій изъ грѣшниковъ вслѣдствіе сребролюбія.

Изъ двухъ безумныхъ тѣней, терзающихъ поддѣльщиковъ, и безъ того уже одержимыхъ всѣми родами болѣзней, одна—древняя Мирра, извѣстная своею дикою страстью къ отцу; другая—тѣнь современника Дантова Джіанни Скикки, употребившаго свое искусство подра-

жать чертамъ другаго лица для составленія подложнаго духовнаго завѣщанія. Эти двѣ тѣни блуждаютъ здѣсь въ самомъ нижнемъ рвѣ поддѣльщиковъ какъ бы для того, чтобъ напомнить, что большая часть обмановъ совершается на землѣ вслѣдствіе или сластолюбія или любостяжанія, на что указываетъ и фальшивый монетчикъ Мастеръ Адамъ съ женою Пентефрія. [1])

Наконецъ, въ самомъ нижнемъ третьемъ отдѣленіи ада, погружены гнуснѣйшіе изъ обманщиковъ, тѣ именно, кои обманули довѣріе другихъ, измѣнники. Мѣсто, гдѣ они гнѣздятся, черный колодязь адской бездны, окружаютъ на подобіе вѣнца по-поясъ погруженные въ колодязь великаны, коихъ верхняя половина тѣла воздымается въ темномъ воздухѣ жилища обыкновенныхъ обманщиковъ. Ихъ громадность обозначаетъ чудовищность наказуемаго здѣсь преступленія, и вся ихъ природа и прежняя исторія — страшную мощь измѣны, отъ которой не защищаетъ никакая сила. При видѣ ихъ, Данте благодаритъ природу за то, что она болѣе не создаетъ уже существъ, въ которыхъ злая воля и разумъ соединены съ необоримою силою. [2])

Обиталищемъ для измѣны служитъ область Коцита. Эта последняя часть адскаго потока медленно вытекаетъ изъ-подъ круга обманщиковъ и, замерзая на днѣ ада, образуетъ огромное ледяное болото, въ которомъ замерзли грѣшники. Тутъ уже нѣтъ ни малѣйшаго дѣйствія божественнаго свѣта и теплоты; воздухъ здѣсь сумраченъ и мертвъ; здѣсь самое тѣсное мѣсто во вселенной, гдѣ заключены тѣ, которые въ узкости своего темнаго сердца и холодномъ эгоисмѣ остались навсегда недоступными ни для какого лучшаго чувства. Они раздѣлены: 1) на измѣнившихъ своимъ родственникамъ, сидящихъ въ Каинѣ, такъ названной по Каину; 2) на измѣнившихъ отечеству, заключенныхъ въ Антенорѣ; 3) на измѣнившихъ друзьямъ своимъ, въ Птоломеѣ и 4) на измѣнившихъ благодѣтелямъ, заключеннымъ въ Джіудеккѣ. Согласно съ этимъ дѣленіемъ, а также по важности ихъ грѣха, всѣ они погружены болѣе или менѣе глубоко въ ледъ: первые погружены только по грудь; у измѣнниковъ отечеству осталась свободною одна только голова; послѣдніе же совершенно затерты льдомъ, сквозь который желкаютъ какъ пузырьки въ

---

[1]) Ада XXIX и XXX. [2]) Ibid. XXXI, 31 и 57.

стеклѣ. [1]) Души измѣнниковъ друзьямъ своимъ, по совершеніи измѣны, тотчасъ упадаютъ въ Птоломею, а между тѣмъ діаволъ управляетъ ихъ тѣломъ до тѣхъ поръ, пока не совершатъ они опредѣленнаго на землѣ имъ срока. [2])

Въ самой срединѣ Джіудекки, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ средоточіи земли и вселенной, помѣщенъ свергнутый тотчасъ по своемъ возмущеніи Люциферъ или Дисъ, нѣкогда прекраснѣйшій изъ Ангеловъ, теперь же своимъ гнуснымъ исполинскимъ образомъ олицетворяющій всю отвратительность грѣха. [3]) Его образъ можно раздѣлить на четыре части. Та часть его тѣла, гдѣ головка бедренной кости вращается въ вертлугѣ, есть средина его тѣла и помѣщена въ самомъ центрѣ земли и всего міра. Все, что выше этой части, обращено къ нашему полушарію, и притомъ такъ, что тѣло его погружено до средины груди во льды Коцита; все же остальное до темени воздымается свободно въ пространствѣ ада, въ которомъ крылья его страшно размахиваютъ надъ ледянымъ полемъ. Наконецъ нижняя часть его тѣла, отъ средины туловища до колѣнъ, незыблимо утверждена въ каменной массѣ Джіудекки; ноги же до самыхъ подошвъ опять возвышаются въ свободномъ пространствѣ, по-ту сторону центра земли, будучи обращены къ противоположному полушарію. [4])

Люциферъ былъ нѣкогда прекраснѣйшимъ, свѣтозарнѣйшимъ изъ Ангеловъ. Но, увлеченный злобою къ высокомѣрію и мятежу, за величайшее благодѣяніе, поставившее его превыше всѣхъ созданій, онъ заплатилъ своему Создателю величайшею неблагодарностію: потому Данте не удивляется, что отъ него произошло всякое зло на землѣ. [5]) Три лица его соединяются на вершинѣ головы въ одинъ гребень. Гребень есть символъ высокомѣрія, почему уже Римляне говорили: cristas tollere (Ювеналъ), а Италіанцы: levare la cresta, bassare la cresta. Тройственность его лица имѣетъ двоякое значеніе. Съ одной стороны, три лица Люциферовы указуютъ на три великія отдѣленія ада: одно изъ этихъ лицъ красное, другое желтое, а третье черное или цвѣта народовъ, обитающихъ тамъ, гдѣ Нилъ выходитъ изъ горъ для орашенія Египта. Черное лице

---

[1]) Ада XXXII. [2]) Ibid. XXXIII, 129—133. [3]) Ibid. XXXIV, 16—54.
[4]) Ада XXXIII, 28—33. [5]) Ibid. 34—36.

есть представитель верхняго отдѣла ада, гдѣ мутная мгла тяготѣетъ надъ грѣшниками, попустившими бурѣ страстей своихъ затмить свѣтъ разума. Лице красное обозначаетъ холерическихъ насилователей, которыхъ вспыльчивость и гнѣвъ наказуются въ ихъ собственномъ сознаніи жаромъ и кровью. Наконецъ блѣдное, лишенное жизненной теплоты лице Люцифера есть символъ самаго низкаго отдѣла грѣховъ—обмана и измѣны. Испытывая на себѣ всѣ муки своею тройственнаго царства: тьму, жаръ и холодъ, Люциферъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть сущая противоположность абсолютнаго Блага. Божественная мудрость уже не свѣтитъ ему: на это намѣкаетъ его черное лице; мысль о божественномъ всемогуществѣ, противъ котораго такъ безумно возмутился онъ, является въ немъ, какъ и въ сознаніи возмутителей втораго отдѣленія, только для того, чтобы сжигать его вѣчною мукою: она-то и придаетъ красно-огненный цвѣтъ другому лицу его; отъ теплоты же божественной любви онъ уклонился вслѣдствіе измѣны, потому и оплакиваетъ обманъ и измѣну очами своего желтаго лица. Тремъ лицамъ Люцифера соотвѣтствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и три грѣховныя свойства человѣка, а именно: потемняющая разумъ алчность, пламенная гордость и блѣдноликая зависть, однимъ словомъ: тѣ три грѣха, которые Данте такъ часто приводитъ какъ причины всѣхъ безпорядковъ въ міроправленіи.

Съ другой стороны, три лица Люцеферовы означаютъ три части тогда извѣстнаго свѣта: Европу, Азію и Африку; ибо Европейцы имѣютъ красный, Азіатцы желтый, а Африканцы черный цвѣтъ лица. Люциферъ помѣщенъ въ аду въ точкѣ, находящейся почти въ самой срединѣ между тремя частями стараго свѣта. Подобно древнему богу времени на ос. Критѣ, Люциферъ помѣщенъ во льдахъ Коцита такъ, что среднимъ лицемъ обращенъ къ Европѣ, которое потому и красно; на право отъ него Азія, къ которой обращено его желтое лице, а на лѣво Африка, на которую онъ смотритъ глазами чернаго лица. Такимъ образомъ онъ воспремлетъ дань злобы человѣческой со всего стараго свѣта, т. е. всего міра.

Люциферъ снабженъ тремя парами крыльевъ, но крыльевъ безперыхъ какъ у летучихъ мышей. Изъ-подъ крыльевъ его дуютъ въ различныхъ направленіяхъ три бури, соотвѣтствующія тремъ его

свойствамъ: безумію, насилію и обману. Бури эти такъ сильны, что Данте чувствуетъ ихъ дуновеніе уже издали, не смотря на то, что его тѣло отвердѣло какъ мозоль; онѣ такъ холодны, что весь Коцитъ замерзаетъ отъ ихъ стужи до самаго дна. Чѣмъ болѣе силится Люциферъ подняться на своихъ крыльяхъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ себя скованнымъ въ движеніяхъ: ибо потокъ грѣховъ, имъ возбужденныхъ, къ нему же и возвращается и, замороженный вѣтромъ крылъ его, съ каждымъ взмахомъ ихъ увеличиваетъ массу льдовъ, въ которую онъ погруженъ на вѣки.

VI.

РАЗМѢРЫ АДА; ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗАМОГИЛЬНАГО СТРАНСТВОВАНІЯ ДАНТА.

И такъ форма, дѣленіе и вся архитектурная постройка Дантова ада вполнѣ соотвѣтствуютъ нравственному значенію различнаго рода грѣховъ, распредѣленныхъ по различнымъ его кругамъ и отдѣламъ. Можно сказать, что Данте, приступая къ изображенію своего странствованія по аду, имѣлъ передъ глазами напередъ составленный архитектурный планъ адскаго зданія: съ такой ясностію онъ рисуетъ всѣ малѣйшія подробности относительно его мѣстности. Это обстоятельство заставило многихъ ученыхъ, преимущественно математиковъ, предполагать, что Данте, составивъ планъ своему аду, вмѣстѣ съ тѣмъ не упустилъ изъ виду и математическихъ размѣровъ какъ всей адской бездны, такъ и каждой ея части въ отдѣльности. Такое предположеніе казалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что въ Дантовомъ Аду, именно въ концѣ поэмы (въ пѣсняхъ XXIX, 9 и XXX, 86), [1]) дѣйствительно опредѣлены размѣры двухъ рвовъ осьмаго круга; а такъ какъ въ Divina Commedia, при всей ея лаконической краткости, ничто не сказано безъ особеннаго значенія, то вышеупомянутые ученые сочли себя въ правѣ понимать эти два замѣчательныя мѣста Дантовой поэмы за указанія на размѣръ всего ада. Въ этомъ предположеніи сдѣлано было множество попытокъ вычислить величину ада какъ въ общемъ его объемѣ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Правда, многіе другіе писатели, между прочимъ Шлегель, считаютъ всѣ подобнаго рода попытки «за безполезную, утомительную, почти смѣшную аккуратность, даже въ томъ случаѣ, если бы поэтъ дѣйствительно имѣлъ въ головѣ своей всѣ эти геометрическія подробности» [2]); однакожъ, го-

---

[1]) Къ сожалѣнія, въ моемъ переводѣ я не могъ вполнѣ передать эти замѣчательныя мѣста, а потому предлагаю ихъ здѣсь въ подлинникѣ. Вотъ они:

Pensa, se tu annoverar le credi,
Che miglia ventiduo la valle volge. Inf. XXIX, 9—10.

Con tutto ch'ella volge undici miglia,
E più d'un mezzo di traverso non ci ha. Inf. XXX, 86—87.

[2]) Horen, I. Iahrg. 3. Stück.

воря словами Абекена, толкователь глубокомысленнѣйшаго изъ поэтовъ не долженъ считать за маловажное то, на что поэтъ указалъ въ поэмѣ своей очевидно не безъ намѣренія. «Эти указанія размѣровъ ада, продолжаетъ онъ, находятся именно въ концѣ первой части поэмы, какъ бы для того, чтобы читатель обратилъ на нихъ особенное вниманіе; да и почему же поэтъ, съ такой математической вѣрностію опредѣляющій всѣ малѣйшіе періоды времени своего замогильнаго странствованія, не долженъ быть столько же точенъ и въ указаніяхъ относительно мѣстности? Положимъ, что отъ точнаго измѣренія мѣста дѣйствія Divina Commedia мы мало выиграемъ относительно поэтическаго наслажденія; однакожъ чрезъ это намъ представится особенность поэта совсѣмъ съ иной стороны, именно съ стороны чрезвычайной точности и опредѣлительности, съ которыми, при всей своей краткости, онъ чертитъ и доканчиваетъ каждое свое изображеніе.» [1])

Что до насъ касается, то хотя мы, вмѣстѣ съ Шлегелемъ, дѣйствительно мало видимъ полезнаго, а того менѣе поэтичнаго въ этихъ попыткахъ опредѣлить пространство Дантова ада, тѣмъ болѣе, что два выше приведенныя мѣста Ада, по новѣйшему толкованію Россетти, имѣютъ совсѣмъ иное, болѣе важное значеніе; однакожъ, не желая выпустить изъ виду чего-либо могущаго служить къ объясненію высокаго созданія, скажемъ нѣсколько словъ о размѣрахъ Дантова ада, вычисленныхъ толкователями, преимущественно математиками.

Первыя попытки, впрочемъ весьма неудачныя, къ опредѣленію размѣровъ ада сдѣланы древнимъ комментаторомъ Данта Ландино. Послѣ него Антоніо Манетти (въ XV столѣтіи), архитекторъ и математикъ, много трудился надъ этимъ предметомъ; однакожъ умеръ прежде чѣмъ успѣлъ окончить свою работу. Джироламо Бенивіени издалъ впослѣдствіи его изслѣдованія. [2]) Манетти, а также и другіе его послѣдователи, всѣ за масштабъ глубины ада принимали радіусъ земли, а потому всѣмъ отдѣламъ и кругамъ ада придавали огромные размѣры, такъ, что казалось непонятнымъ, какимъ образомъ Данте могъ пройдти адъ въ столь короткое вре-

[1]) Abeken, Beiträge für das Studium der G. K. Dante Allighieri's. St. 357.
[2]) Girolamo Benivieni, Discorso di Antonio Manetti circa il sito, la forma e le mesure del Inferno di Dante. Firenze. 1544.

ля будетъ 84,^{78} мили, что не согласно съ незначительною высотою утесистой стѣны между центральнымъ колодцемъ ада и Злыми-Рвами, которая, по вычисленію Филалетеса, равняется, только 15 браччіамъ. [1]) По этому Филалетесъ начинаетъ построеніе этихъ двухъ круговъ снизу и то пространство ада, которое не вошло въ размѣры этихъ круговъ, отдаетъ отвѣстной стѣнѣ, лежащей между седьмымъ кругомъ и Злыми-Рвами.

При помощи весьма остроумнаго вычисленія (см. Philaletes, die Hölle, Tab. III, fig. 3), онъ доказалъ, что все дно девятаго круга или центральнаго колодца опускается въ видѣ ложбины къ центру земли и что вся глубина колодца равна 1530 браччіамъ или нѣсколько болѣе половинѣ Итал. мили. Равномѣрно и Злые-Рвы образуютъ плоскость, углубленную въ видѣ ложбины къ центру, или, другими словами, идутъ наклономъ къ колодцу, [2]) съ тою только разницею, что наклонъ Злыхъ-Рвовъ не такъ крутъ, какъ наклонъ дна колодца къ его центру. Если допустить, что наклонъ первыхъ въ половину менѣе крутъ, чѣмъ наклонъ послѣдняго, то глубина осьмаго рва будетъ равняться 4⅝ мили. За вычисленіемъ этихъ размѣровъ, для каменной стѣны между седьмымъ и восьмымъ кругами остается еще 569⅝ мили; а такъ какъ эта стѣна, по плану, составленному для ада Филалетесомъ, несравненно круче всѣхъ прочихъ уступовъ между верхними кругами, то эта крутизна, при ужасающей воображеніе высотѣ каменной ограды восьмаго круга, вполнѣ объясняетъ, почему Данте принужденъ спуститься на дно пропасти на плечахъ Геріона. Наконецъ, основываясь на XXXII пѣснѣ Ада, Филалетесъ принимаетъ нѣкотораго рода уступы между четырьмя отдѣленіями девятаго круга, такимъ образомъ, что каждое отдѣленіе представляетъ родъ ложбины, отдѣленной отъ слѣдующей нижележащей своимъ уступомъ: чрезъ это дно Коцита можно представить себѣ въ видѣ огромныхъ замерзшихъ волнъ адскаго ледника.

Несравненно болѣе опредѣленности господствуетъ въ Divina Commedia въ указаніяхъ времени странствованія поэта, хотя и въ этомъ отношеніи не всѣ комментаторы согласны между собою.

---

1) Philaletes, Die Hölle, Anmerk. 2 z. XXXII Gesang. О браччія см. Ада XXXI, 59 и прим.

2) Ада XXIV, 37—40 и прим.

Поэтъ начинаетъ свое странствованіе на половинѣ пути своей жизни, т. е. на 35 году, [1]) въ 1300, въ годъ юбилея, объявленнаго папою Бонифаціемъ VIII, въ Великую Пятницу на страстной недѣлѣ. Странствованіе началось рано утромъ, въ началѣ весны, когда солнце находится въ созвѣздіи Овна, [2]) стало быть около весенняго равноденствія, въ періодъ, считавшійся благопріятнѣйшимъ для начала предпріятій. Что странствованіе Данта началось въ 1300, узнаемъ изъ XXI Пѣс. Ада, ст. 112 и д., гдѣ говорится о землетрясеніи, бывшемъ въ минуту кончины Спасителя:

Ужь тысяча и двѣсти шестьдесятъ
Шесть лѣтъ, позднѣй сего двумя часами,
Вчера свершилось, какъ здѣсь рухнулъ скатъ.

Кончина Спасителя, по общему мнѣнію тогдашнихъ богослововъ и самаго Данта, послѣдовала на 34 г. Его земной жизни. Сложивъ 34 съ 1266, получимъ 1300, годъ замогильнаго странствованія поэта.

Но котораго именно числа началось оно? По мнѣнію большей части комментаторовъ, оно началось 25 Марта: день этотъ отцами церкви принимаемъ былъ за дѣйствительный день кончины Спасителя, а равно и за день, въ который Богъ сотворилъ звѣзды; сверхъ того, въ этотъ день солнце, по мнѣнію Брунетто Латини, вступаетъ въ созвѣздіе Овна. [3]) Другіе за начало странствованія принимаютъ то число, когда приходилась Великая Пятница въ 1300, именно 8 Апрѣля. Наконецъ третье мнѣніе то, что Данте ведетъ счетъ свой по Іудейской Пасхѣ, которая въ 1300 совпадала съ 5 Апрѣля. Всѣ три мнѣнія имѣютъ своихъ защитниковъ и опровергателей, о чемъ подробнѣе можно читать у Филалетеса. [4])

Все странствованіе продолжается восемь дней; но должно замѣтить, что день принимается у Данта частію въ обыкновенномъ значеніи въ 12 часовъ и въ такомъ случаѣ считается отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, такъ, что полдень совпадаетъ съ 6 часомъ, т. е. съ окончаніемъ 6 часа дня; частію же въ астрономическомъ зна-

---

[1]) Данте въ своемъ Convito 35 годъ называетъ вершиною нашей жизненной дуги.

[2]) Ада I, 37—40 и прим.

[3]) Tesoro, Libr. II, Cap. 48.

[4]) Die Hölle, p. 161. Anmerk. 12 z. XXI Gesang.

ченія въ 24 часа. Замѣтимъ также, что для астрономическихъ указаній времени въ аду всегда служитъ луна и созвѣздія зодіака и ни разу солнце: это потому, что грѣшники навсегда утратили свѣтъ истины (солнце); мѣсяцъ же, согласно съ Ада, I, 14 и пр., означаетъ слабый свѣтъ человѣческой мудрости. О солнцѣ упоминается только при вступленіи въ адъ и тотчасъ послѣ того, какъ Данте покинулъ Люцифера, начало всякаго зла на землѣ. [1])

Относительно хронологическихъ указаній собственно для Ада, прилагаемъ здѣсь таблицу, составленную Филалетесомъ и примѣненную къ тремъ различнымъ мнѣніямъ касательно перваго дня странствованія.

Въ темномъ лѣсу Пѣс. I, 1.	Ночь съ 24 на 25 Марта.	Ночь съ 4 на 5 Апрѣля.	Ночь съ 7 на 8 Апрѣля.
Восходъ солнца Пѣс. I, 38.	5 часовъ 54′	5 часовъ 26′	5 часовъ 20′
Сошествіе въ адъ	Около 6 часовъ вечера.	Около $^1/_2$ 7 часа вечера.	
Четвертый кругъ Пѣсн. VII, 91.	Полночь съ 25—26 Марта.	Полночь съ 5—6 Апрѣля.	Полночь съ 8—9 Апрѣля.
Спускъ изъ 6 въ 7-й кругъ.	26 Марта 5 часовъ 54′	5 часовъ 6 или 9 Апрѣля.	
4-тый ровъ.	Не даетъ никакихъ результатовъ.	5 часовъ 55′	7 часовъ 31′
5-тый ровъ.	10 часовъ до полудня.		
9-тый ровъ.	Не даетъ результатовъ.	$^1/_2$ 2 часа по полудни.	
Центръ земли.	Между 5 и 6 часовъ вечера.		
Подземный ходъ	$^1/_2$ 10 часа вечера. $^1/_2$ 9 часа утра на другомъ полушаріи.	10 часовъ вечера (или 8 часовъ утра на другомъ полушаріи.)	
Выходъ изъ ада.	27 Марта вечеромъ (утромъ).	7 Апрѣля вечеромъ (утромъ).	10 Апрѣля вечеромъ (утромъ).

[1]) Ада XXIX, 10 и прим.

Для лучшаго пониманія астрономическихъ опредѣленій времени, встрѣчающихся въ Дантовой поэмѣ, прилагаемъ въ концѣ книги три чертежа, заимствованные изъ новѣйшаго сочиненія Пр. Бера о Дантѣ. [1])

На таб. II, фиг. II представляетъ земной шаръ, если смотрѣть на него съ боку, при чемъ на чертежѣ обозначена эклиптика или кругъ, описываемый солнцемъ на небѣ въ теченіе года (c), относительно экватора (d). По представленію поэта, Чистилище (a) находится на противоположномъ нашему полушаріи, діаметрально-противоположно Іерусалиму (b): стало быть, оно лежитъ на западномъ полушаріи, къ югу отъ экватора. Если теперь солнце стоитъ напр. на экваторѣ, какъ во время равноденствій, то понятно, что съ горы Чистилища, если обратимся лицемъ къ востоку, солнце мы увидимъ влѣво отъ себя, а если смотримъ на востокъ въ Іерусалимѣ, то справа.

Другой чертежъ нашей планеты (фиг. III) представляетъ какъ бы астрономическіе часы, съ которыми легко опредѣлить большую часть встрѣчающихся въ поэмѣ указаній времени. Представьте себѣ, что вы смотрите на земной шаръ съ сѣвернаго полюса и видите на ней на одномъ и томъ же горизонтѣ четыре точки: гору Чистилища, Гангесъ, Іерусалимъ и Кадиксъ: точки эти, по мнѣнію Данта, находятся въ равныхъ одна отъ другой разстояніяхъ. Эти-то четыре точки могутъ служить намъ неподвижными стрѣлками часовъ, а созвѣздія зодіака, обозначенныя въ слѣдующемъ рисункѣ (фиг. IV), будутъ представлять числа часоваго циферблата. Далѣе, эти точки, дѣля кругъ на четыре равныя части, отстоятъ одна отъ другой на 90°: каждое такое пространство протекаетъ солнце съ созвѣздіями зодіака въ 6 часовъ. Такъ какъ въ эклиптикѣ 12 знаковъ, то одно соззвѣздіе переходитъ въ положеніе другаго въ теченіе 2 часовъ. Такимъ образомъ если напр. солнце находится надъ Гангесомъ въ меридіанѣ, то значитъ, что въ Іерусалимѣ теперь восходъ солнца, въ Кадиксѣ полночь, а на Чистилищѣ захожденіе солнца; если созвѣздія подвинутся на 6 часовъ впередъ, то въ Іерусалимѣ будетъ полдень, въ Испаніи утро, на горѣ Чистилища полночь, въ Индіи же вечеръ.

---

[1]) I. K. Bähr, Dante's Göttliche Comödie in ihrer Anordnung nach Raum und Zeit mit einer übersichtlichen Darstellung des Inhalts. Dresden. 1852.

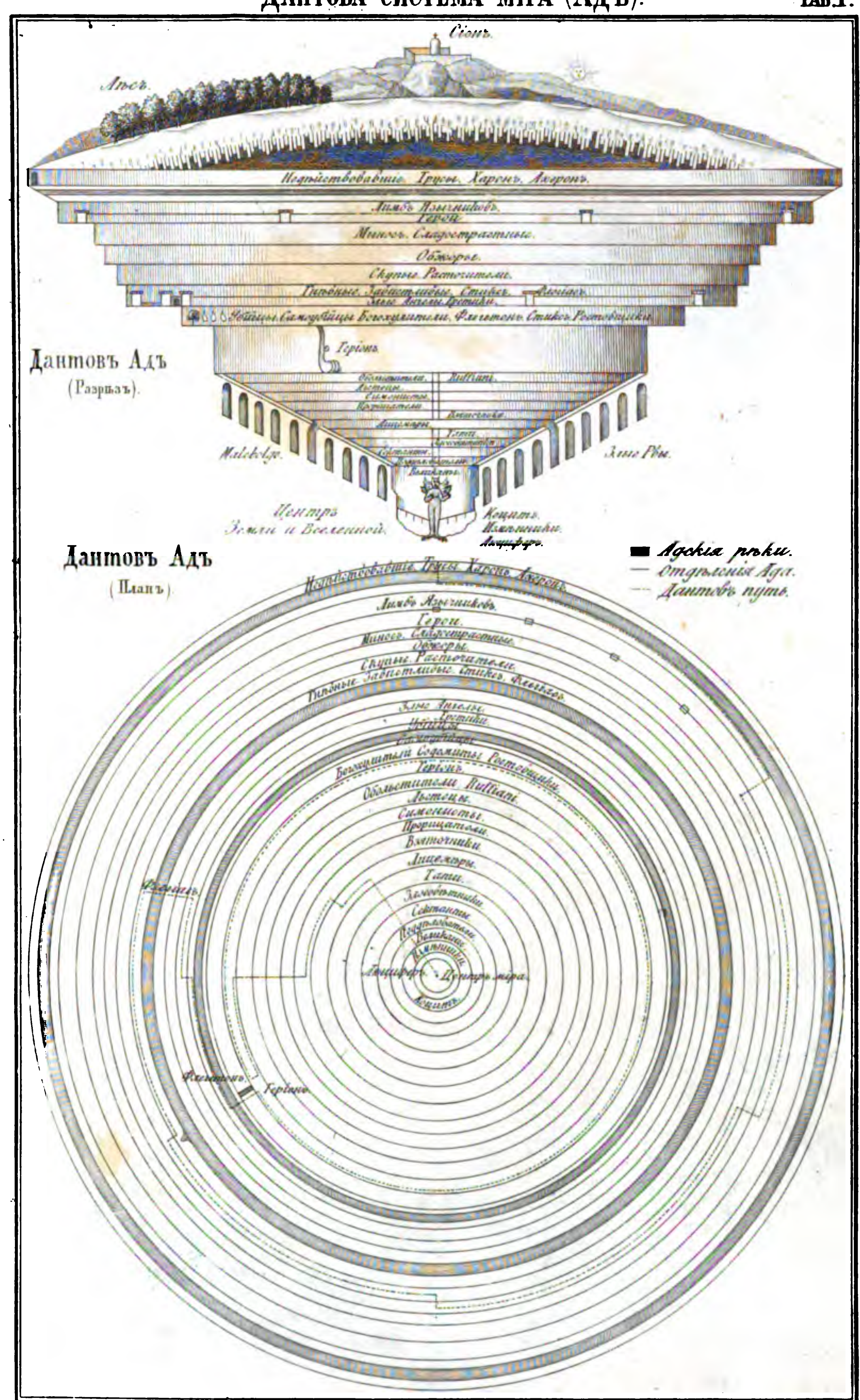
Считаемъ нужнымъ также представить здѣсь созвѣздія эклиптики въ ихъ послѣдовательности, или 12 имъ соотвѣтствующихъ небесныхъ знаковъ, которые солнце протекаетъ въ теченіе года, а луна въ теченіе мѣсяца. Вотъ эти знаки:

♈ Овенъ. 21 Мартъ.	♉ Телецъ. Апрѣль.	♊ Близнецы. Май.	Весна.
Весеннее равноденствіе.			
♋ Ракъ. Іюнь.	♌ Левъ. Іюль.	♍ Дѣва. Августъ.	Лѣто.
Должайшій день.			
♎ Вѣсы. Сентябрь.	♏ Скорпіонъ. Октябрь.	♐ Стрѣлецъ. Ноябрь.	Осень.
Осеннее равноденствіе.			
♑ Козерогъ. 21 Декабря.	♒ Водолей. Январь.	♓ Рыбы. Февраль.	Зима.
Кратчайшій день.			

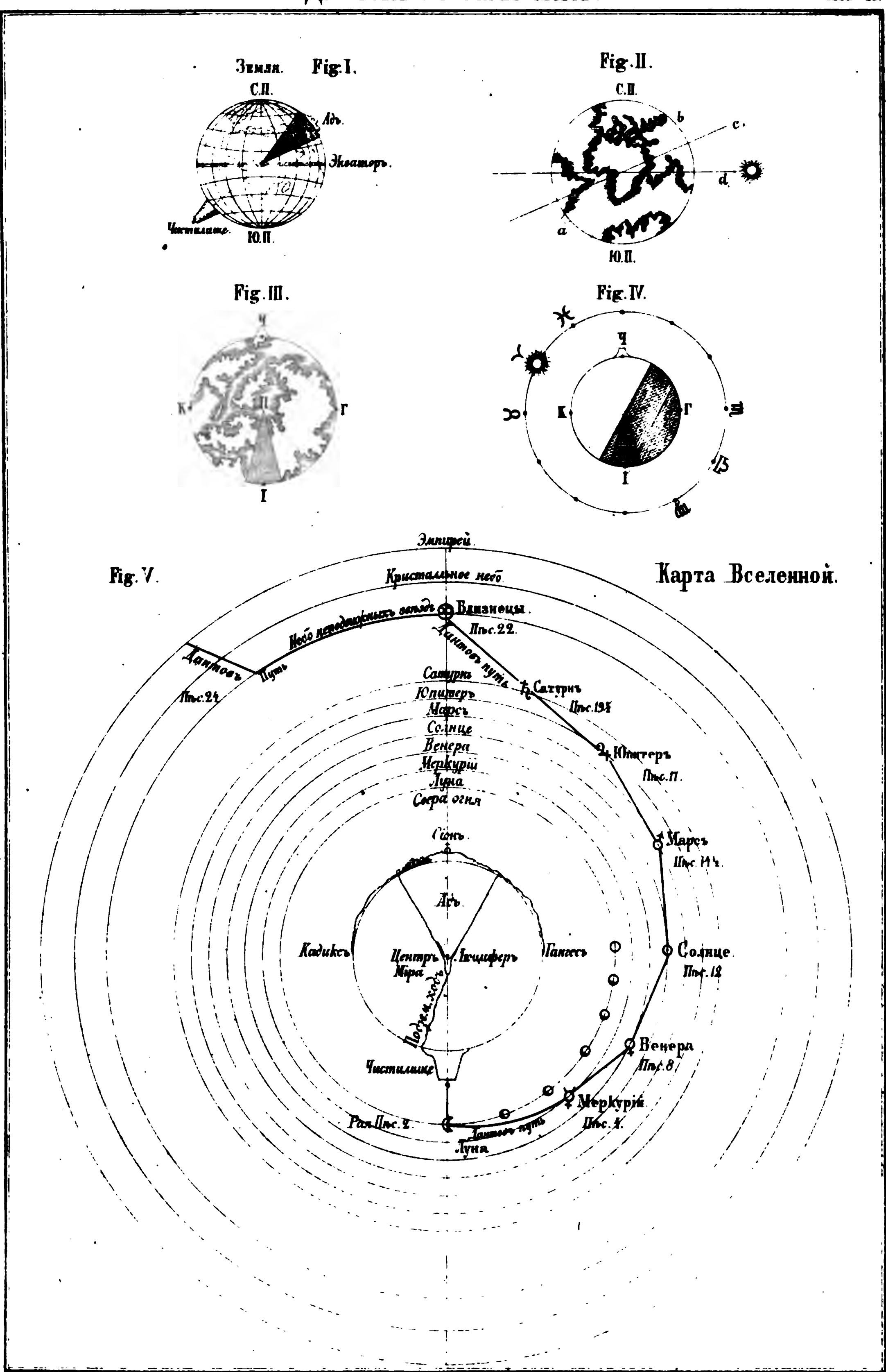
Какъ же по созвѣздіямъ можно опредѣлить время? приведемъ одинъ примѣръ. Луна въ полномъ свѣтѣ стоитъ всегда противъ солнца. Послѣ полнолунія, она приближается на востокъ къ солнцу въ 24 часа почти на 13°, въ два дня почти на одно созвѣздіе ближе къ солнцу и съ каждымъ днемъ восходитъ 50 минутами позже. Предположимъ, что спустя два дня послѣ равноденствія, когда солнце находится въ созвѣздіи Овна ♈, восходитъ для Іерусалима созвѣздіе Скорпіона ♏, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ Іерусалимѣ прошло два часа по захожденіи солнца и что луна тамъ восходитъ, какъ наглядно показываетъ чертежъ IV, таб. II. Луна во время равноденствія, когда солнце вступаетъ въ знакъ Овна ♈, находится въ созвѣздіи ♎: если теперь, въ теченіе двухъ дней она подвинется, направлясь на востокъ, на одно созвѣздіе ближе къ солнцу, то слѣдуетъ, что она должна восходитъ въ одно время съ созвѣздіемъ ♏; въ такомъ случаѣ опредѣлится время такъ: въ Іерусалимѣ будетъ два часа по захожденіи солнца, въ Испаніи (Кадиксѣ) около двухъ часовъ по полудни, на Чистилищѣ около 2 часовъ по захожденіи солнца, а на берегахъ Гангеса около двухъ часовъ по полуночи.

Этихъ примѣровъ достаточно для уразумѣнія астрономическихъ опредѣленій времени, столь просто и естественно приводимыхъ творцемъ Divina Commedia.

ДАНТОВА СИСТЕМА МІРА (АДЪ).

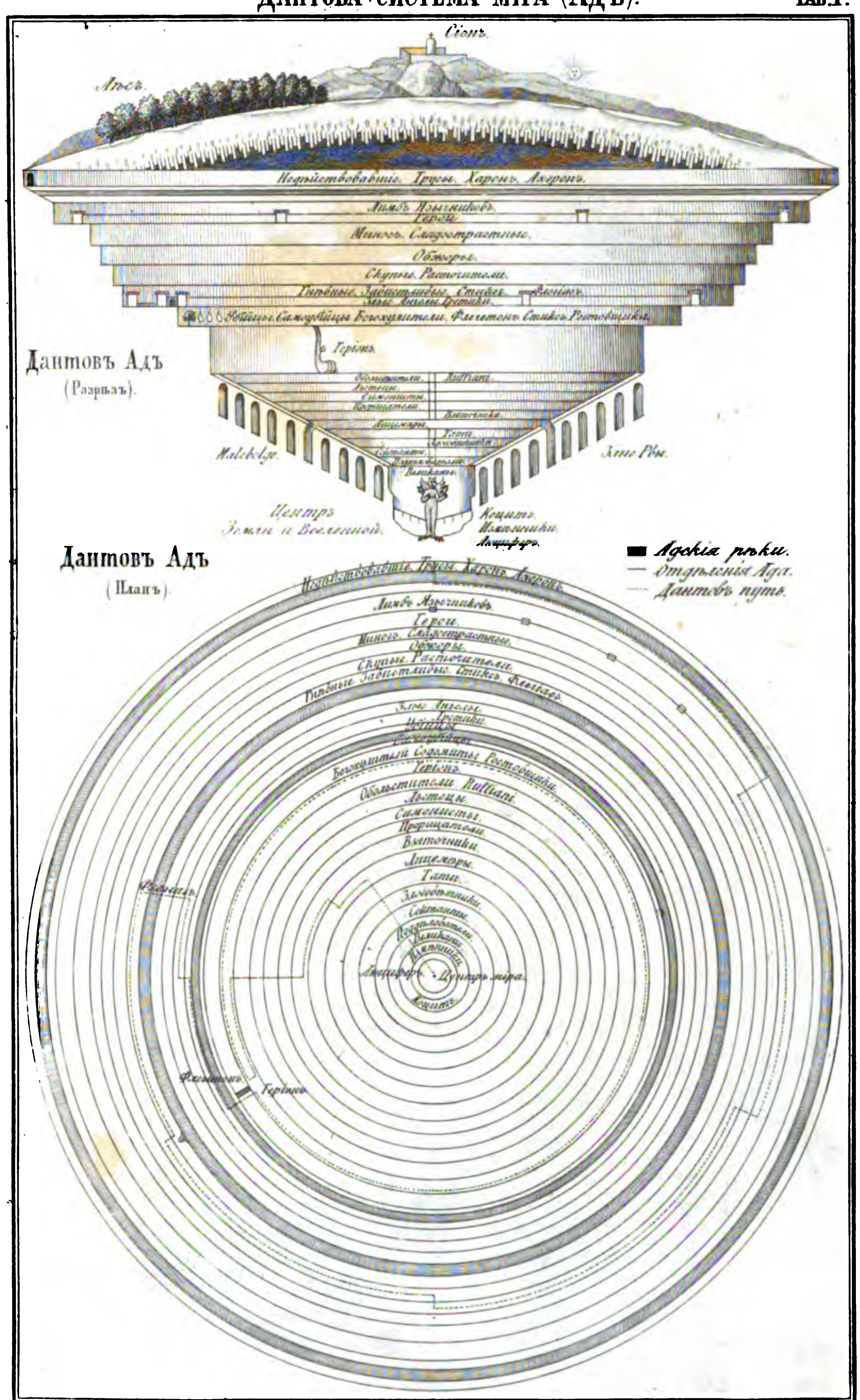

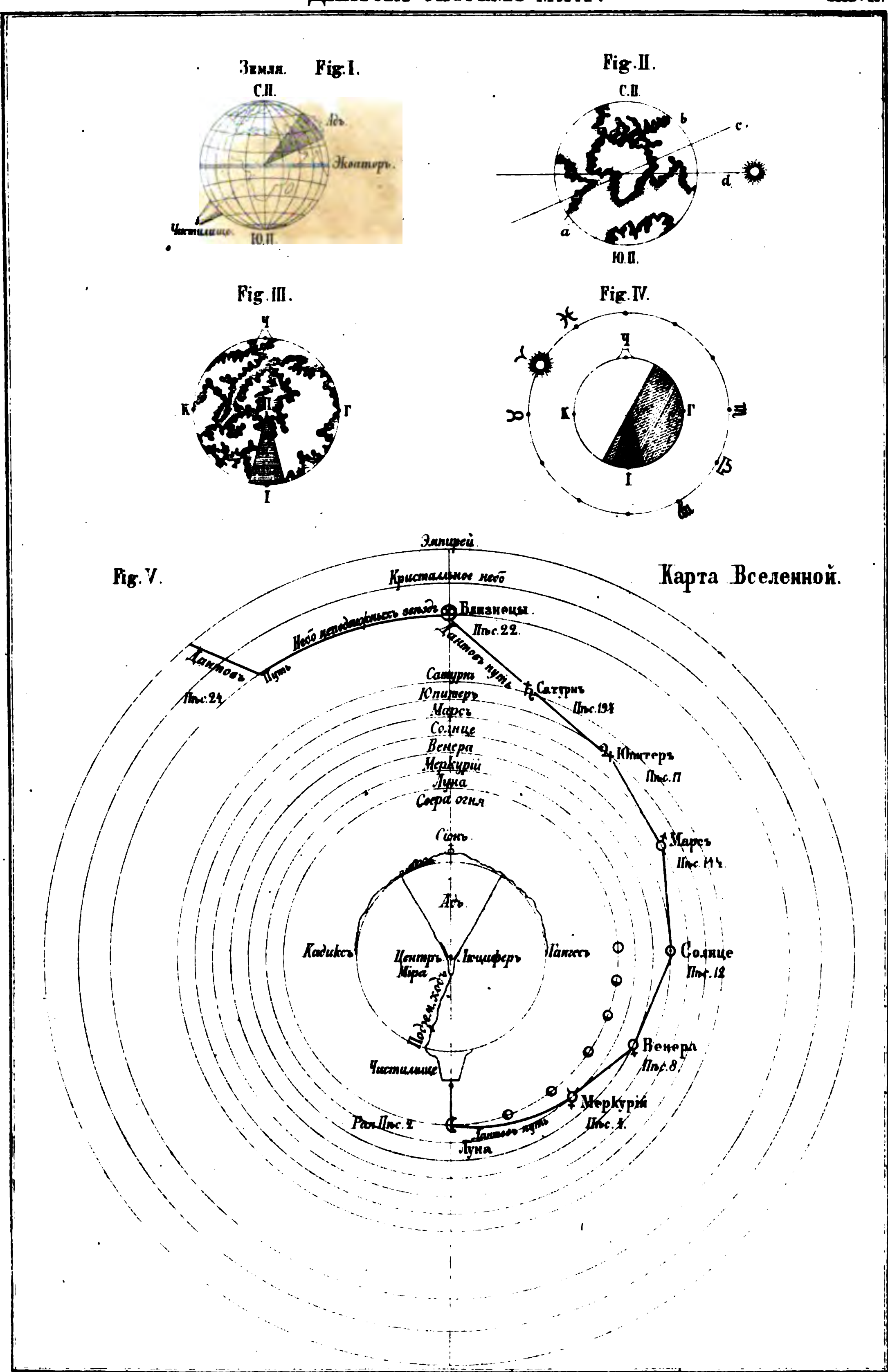
ДАНТОВА СИСТЕМА МІРА.

Лит. Шелковникова.

ДАНТОВА СИСТЕМА МІРА (АДЪ). ТАБ. I.

Лит. Шелковникова.